ТЕГЕРАН

ЯЛТА

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ

ПОТСДАМ

ОСНОВНОЙ ЭКЗЕМПЛЯР
на дом не выдается

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

		Л1		
		Т29 - Я		

Тип. им. Котлякова. 16—5 000 000. 4/I-66 г.

26(331

Проверено-63

55660

ТЕГЕРАН
ЯЛТА
ПОТСДАМ

СБОРНИК
ДОКУМЕНТОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ“ • МОСКВА 1967

В сборник включены документы трех конференций стран антигитлеровской коалиции — Тегеранской (28 ноября — 1 декабря 1943 г.), Крымской (4—11 февраля 1945 г.) и Потсдамской (17 июля — 2 августа 1945 г.). Эти конференции сыграли выдающуюся роль в укреплении боевого и политического сотрудничества СССР, США и Англии. Совещания руководителей трех держав имели большое значение не только во время совместной борьбы против германского фашизма и японского милитаризма, но и в выработке основ послевоенного устройства мира.

* * *

Ответственные за выпуск
Санакоев Ш. П., Цыбулевский Б. Л.

1—11—2
12—67

ВВЕДЕНИЕ

Тегеранская, Крымская (Ялтинская) и Потсдамская конференции руководителей Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании сыграли выдающуюся роль в сплочении антигитлеровской коалиции, сложившейся в годы второй мировой войны. Большое значение имели они и для создания фундамента послевоенного сотрудничества трех держав.

Вторая мировая война, конференции в Тегеране (28 ноября — 1 декабря 1943 г.), Ялте (4 — 11 февраля 1945 г.) и Потсдаме (17 июля — 2 августа 1945 г.) наглядно доказали возможность успешного сотрудничества стран с различным общественным и политическим строем в борьбе против общего врага, возможность взаимоприемлемого решения спорных вопросов. Таков один из важнейших уроков истории, которым пренебрегли правящие круги западных держав, порвав связи, объединявшие главных участников борьбы против фашизма, встав на опасный и скользкий путь «холодной войны».

В послевоенные годы на Западе было предпринято немало попыток фальсифицировать дух и содержание межсоюзнических конференций, смысл их решений, чему служили, в частности, разного рода «документальные публикации», многочисленные мемуары, книги, брошюры и статьи «очевидцев». Установление истины о позициях и намерениях ведущих стран антигитлеровской коалиции не только представляет большой исторический интерес, но и имеет непосредственное актуальное значение.

Предлагаемые вниманию читателей советские записи заседаний трех конференций говорят сами за себя (как известно, на конференциях не велось каких-либо согласованных записей или стенограмм; каждая делегация вела записи самостоятельно). Они свидетельствуют о неизменной верности Советского Союза идеям мира, демократии и прогресса, о его неустанной борьбе за справедливое урегулирование послевоенных проблем в интересах народов, за обеспечение европейской безопасности, создание условий, в которых было бы невозможным возрождение милитаристских сил Германии и повторение агрессии, за развитие международного сотрудничества и обеспечение права каждого народа самостоятельно определять свою судьбу.

Документы, вошедшие в сборник, публиковались в журнале «Международная жизнь» в 1961—1966 годах.

ТЕГЕРАНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

28 ноября — 1 декабря 1943 г.

Первое заседание конференции глав правительств СССР, США и Великобритании

Тегеран, 28 ноября 1943 г.

Начало заседания в 16 ч. **Конец заседания в 19 ч. 30 м.**

Рузвельт. Как самый молодой из присутствующих здесь глав правительств, я хотел бы позволить себе высказаться первым. Я хочу заверить членов новой семьи — собравшихся за этим столом членов настоящей конференции — в том, что мы все собрались здесь с одной целью, с целью выиграть войну как можно скорее.

Я хочу сказать еще несколько слов о ведении конференции. Мы не намерены опубликовывать ничего из того, что будет здесь говориться, но мы будем обращаться друг к другу, как друзья, открыто и откровенно. Я думаю, что это совещание будет успешным и что три нации, объединившиеся в процессе нынешней войны, укрепят связи между собой и создадут предпосылки для тесного сотрудничества будущих поколений. Наши штабы могут обсуждать военные вопросы, а делегации, хотя мы и не имеем установленной повестки дня, могли бы обсуждать и другие проблемы, как, например, проблемы послевоенного устройства. Если, однако, у вас нет желания обсуждать такие проблемы, то мы можем о них и не говорить.

Прежде чем перейти к работе, я хотел бы знать, не желает ли г-н Черчилль сказать несколько общих слов о важности этой встречи, о том, что означает эта встреча для человечества.

Черчилль. Это — величайшая концентрация мировых сил, которая когда-либо была в истории человечества. В наших руках решение вопроса о сокращении сроков

войны, о завоевании победы, о будущей судьбе человечества. Я молюсь за то, чтобы мы были достойны замечательной возможности, данной нам богом,— возможности служить человечеству.

Рузвельт. Может быть, маршал Сталин хочет что-либо сказать?

Сталин. Приветствуя конференцию представителей трех правительств, я хотел бы сделать несколько замечаний. Я думаю, что история нас балует. Она дала нам в руки очень большие силы и очень большие возможности. Я надеюсь, что мы примем все меры к тому, чтобы на этом совещании в должной мере, в рамках сотрудничества, использовать ту силу и власть, которые нам вручили наши народы. А теперь давайте приступим к работе.

Рузвельт. Может быть, мне начать с общего обзора войны и нужд войны в настоящее время. Я, конечно, буду говорить об этом с точки зрения США. Мы, так же как и Британская империя и Советский Союз, надеемся на скорую победу. Я хочу начать с обзора той части войны, которая больше касается Соединенных Штатов, чем Советского Союза и Великобритании. Я говорю о войне на Тихом океане, где Соединенные Штаты несут основное бремя войны, получая помощь от австралийских и новозеландских войск. <...>

Переходя к более важному и более интересующему Советский Союз вопросу — операции через Канал [1], я хочу сказать, что мы составляли наши планы в течение последних полутора лет, но из-за недостатка тоннажа мы не смогли определить срока этой операции. Мы не только хотим пересечь Канал, но и преследовать противника в глубь территории. Английский Канал — это такая неприятная полоска воды, которая исключает возможность начать экспедицию через Канал до 1 мая, поэтому план, который был составлен в Квебеке, исходил из того, чтобы экспедиция через Канал была осуществлена около 1 мая 1944 года. Во всех десантных операциях речь идет о специальных судах. Если мы будем проводить крупные десантные операции в Средиземном море, то экспедицию через Канал, возможно, придется отложить на 2 или 3 месяца. Поэтому мы хотели бы получить совет от наших советских коллег в этом вопросе, а также совет о том, как лучше использовать имеющиеся в районе Средизем-

[1] Имеется в виду пролив Ла-Манш. — *Прим. ред.*

ного моря войска, учитывая, что там в то же время имеется мало судов. Но мы не хотим откладывать дату вторжения через Канал дальше мая или июня месяцев. В то же время имеется много мест, где могли бы быть использованы англо-американские войска. Они могли бы быть использованы в Италии, в районе Адриатического моря, в районе Эгейского моря, наконец, для помощи Турции, если она вступит в войну. Все это мы должны здесь решить. Мы очень хотели бы помочь Советскому Союзу и оттянуть часть германских войск с советского фронта. Мы хотели бы получить от наших советских друзей совет о том, каким образом мы могли бы лучше всего облегчить их положение.

Может быть, г-н Черчилль хочет что-либо добавить?

Черчилль. Я хотел бы просить разрешения отложить мое выступление и высказаться после того, как выскажется маршал Сталин. В то же время я хочу сказать, что в принципе я согласен с тем, что было сказано президентом Рузвельтом.

Сталин. Что касается первой части речи г-на президента относительно войны в районе Тихого океана, то тут можно сказать следующее: мы, русские, приветствуем успехи, которые одерживались и одерживаются англо-американскими войсками на Тихом океане.

Что касается второй части речи г-на президента о войне в Европе, то здесь у меня также есть несколько замечаний.

Прежде всего, несколько слов отчетного характера о том, как мы вели и продолжаем вести операции со времени июльского наступления немцев. Может быть, я вдаюсь в подробности, тогда я мог бы сократить свое выступление.

Черчилль. Мы готовы выслушать все, что Вы намерены сказать.

Сталин. Я должен, между прочим, сказать, что мы сами в последнее время готовились к наступлению. Немцы опередили нас, но, поскольку мы готовились к наступлению и нами были стянуты большие силы, после того, как мы отбили немецкое наступление, нам удалось сравнительно быстро перейти в наступление самим. Я должен сказать, что хотя о нас говорят, что мы все планируем заранее, мы сами не ожидали успехов, каких мы достигли в августе и в сентябре. Против наших ожиданий, нем-

цы оказались слабее, чем мы предполагали. Теперь у немцев на нашем фронте, по данным нашей разведки, имеется 210 дивизий и еще 6 дивизий в процессе переброски на фронт. Кроме того, имеется 50 ненемецких дивизий, включая финнов. Таким образом, всего у немцев на нашем фронте имеется 260 дивизий, из них до 10 венгерских, до 20 финских, до 16 или 18 румынских.

Рузвельт. Какова численность германской дивизии?

Сталин. У немцев дивизия состоит примерно из 8—9 тысяч человек, не считая вспомогательных сил. Если же присоединить и вспомогательные силы, то дивизия составит 12—13 тысяч человек. В прошлом году на нашем фронте было 240 дивизий, из них 179 немецких. В этом году на нашем фронте 260 дивизий, из них 210 немецких дивизий, причем еще 6 немецких дивизий находятся в процессе переброски на фронт. Со стороны русских действуют от 300 до 330 дивизий. Таким образом, у нас больше дивизий, чем у немцев вместе с их сателлитами. Этот излишек сил используется для наступательных операций. Иначе не было бы никакого наступления. Но по мере того, как идет время, разница между численностью русских и германских дивизий становится все меньше. Большую трудность представляет также то, что немцы варварски все уничтожают при отступлении. Это затрудняет нам подвоз боеприпасов. В этом причина того, что наше наступление замедлилось. В последние три недели немцы развернули наступательные операции на Украине — южнее и западнее Киева. Они отбили у нас Житомир — важный железнодорожный узел. Об этом было объявлено. Должно быть, на днях они заберут у нас Коростень — также важный железнодорожный узел.

В этом районе у немцев имеется 5 новых танковых дивизий и 3 старые танковые дивизии, всего 8 танковых дивизий, а также 22—23 пехотные и моторизованные дивизии. Их задача — вновь овладеть Киевом. Таким образом, у нас впереди предстоят некоторые трудности.

Это — отчетная часть о наших операциях за лето.

Теперь несколько слов относительно того, в каком месте были бы желательны операции англо-американских сил в Европе для того, чтобы облегчить положение на нашем фронте. Может быть, я ошибаюсь, но мы, русские, считали, что Итальянский театр важен лишь в том отношении, чтобы обеспечить свободное плавание судов союз-

ников в Средиземном море. Только в этом смысле важен Итальянский театр военных действий. Мы так думали и продолжаем так думать. Что касается того, чтобы из Италии предпринять наступление непосредственно на Германию, то мы, русские, считаем, что для таких целей Итальянский театр не годится. Стало быть, дело обстоит так, что Итальянский театр важен для свободного плавания по Средиземному морю, но он не представляет какого-либо значения в смысле дальнейших операций против Германии, так как Альпы закрывают путь и мешают продвижению в сторону Германии. Мы, русские, считаем, что наилучший результат дал бы удар по врагу в Северной или в Северо-Западной Франции. Даже операции в Южной Франции были бы лучше, чем операции в Италии. Было бы хорошо, если бы Турция была готова открыть путь для союзников. С Балкан все-таки было бы ближе к сердцу Германии. Тут не преграждают путь ни Альпы, ни Канал. Но наиболее слабым местом Германии является Франция. Конечно, это трудная операция, и немцы во Франции будут бешено защищаться, но все же это самое лучшее решение. Вот все мои замечания.

Черчилль. Мы давно договорились с Соединенными Штатами о том, чтобы атаковать Германию через Северную или Северо-Западную Францию, для чего проводятся обширные приготовления. Потребовалось бы привести много цифр и фактов, чтобы показать, почему в 1943 году нам не удалось осуществить этих операций. Но мы решили атаковать Германию в 1944 году. Место нападения на Германию было выбрано в 1943 году. Перед нами сейчас стоит задача создать условия для возможности переброски армии во Францию через Канал в конце весны 1944 года. Силы, которые мы сможем накопить для этой цели в мае или в июне, будут состоять из 16 британских и 19 американских дивизий. Но эти дивизии имеют бóльшую численность, чем немецкие, о которых говорил маршал Сталин. За этими силами последовали бы главные силы, причем предполагается, что всего в операции «Оверлорд»[1] в течение мая, июня, июля мы перебросим через Канал около 1 миллиона человек. Вместе с армиями в Средиземном море и Индийском океане это все, что мы, англичане, можем дать, учитывая 46 миллионов

[1] «Оверлорд» — условное обозначение операции по форсированию пролива Ла-Манш. — *Прим. ред.*

человек нашего населения и численность наших военно-воздушных сил. Пополнение указанных дивизий зависит от Соединенных Штатов. Но упомянутый мною срок еще далек. Он наступит через 6 месяцев. В переговорах между мной и президентом мы спрашивали друг друга, как лучше использовать наши силы в Средиземном море, чтобы помочь русским, без ущерба для «Оверлорда», чтобы эта операция была осуществлена в свое время или, может быть, с некоторым опозданием. Мы уже отправили 7 испытанных дивизий из района Средиземного моря, а также часть десантных судов для «Оверлорда». Если принять это во внимание и, кроме того, плохую погоду в Италии, то необходимо сказать, что мы немного разочарованы тем, что до сих пор не взяли Рим. Наша первая задача состоит в том, чтобы взять Рим, и мы полагаем, что в январе произойдет решительное сражение и битва будет нами выиграна. Находящийся под руководством генерала Эйзенхауэра генерал Александер — командующий 15-й армейской группой — считает, что выиграть битву за Рим вполне возможно. При этом, возможно, удастся захватить и уничтожить более 11—12 дивизий врага. Мы не думаем продвигаться дальше в Ломбардию или же идти через Альпы в Германию. Мы предполагаем лишь продвинуться несколько севернее Рима до линии Пиза — Римини, после чего можно было бы произвести высадку в Южной Франции и через Канал.

Следующим важным вопросом является вопрос о том, чтобы убедить Турцию вступить в войну. Это дало бы возможность открыть коммуникации через Дарданеллы и Босфор, и мы могли бы направить снабжение в Россию через Черное море. Кроме того, мы могли бы использовать турецкие аэродромы для борьбы против врага. Потребовались бы лишь небольшие силы для того, чтобы занять Родос и другие острова. Мы могли бы тогда установить непосредственный контакт с русскими и непрерывно направлять им снабжение. До настоящего времени мы смогли отправить в северные порты России лишь 4 конвоя [1], так как не было достаточного количества эскортов, но в случае открытия пути через Черное море мы могли бы регулярно посылать снабжение в южные русские порты.

[1] К о н в о й — караван грузовых судов под охраной военных кораблей. — *Прим. ред.*

Сталин. Надо сказать, что эти конвои пришли без потерь, не встретив на своем пути врага.

Черчилль. Каким образом мы сможем заставить Турцию вступить в войну? Что она должна будет делать? Должна ли она будет напасть на Болгарию и объявить войну Германии? Должна ли она будет предпринять наступательные операции или же она не должна продвигаться во Фракию? Какова была бы позиция русских в отношении болгар, которые все еще помнят, что Россия освободила их от турок? Какое влияние оказало бы это на румын, которые уже сейчас ищут путей для выхода из войны? Как это повлияло бы на Венгрию? Не будет ли результатом этого то, что среди многих стран произойдут большие политические перемены? Все это — вопросы, по которым наши русские друзья имеют, конечно, свою точку зрения.

Представляют ли интерес для Советского правительства наши действия в восточной части Средиземного моря, которые, возможно, вызвали бы некоторую отсрочку операции через Канал? В этом вопросе мы пока еще не имеем определенного решения, и мы прибыли сюда для того, чтобы решить его.

Рузвельт. Имеется еще одна возможность. Может быть, было бы целесообразно произвести десант в районе северной части Адриатического моря, в то время как советские армии подошли бы к Одессе.

Черчилль. Если мы возьмем Рим и блокируем Германию с юга, то мы дальше можем перейти к операциям в Западной и Южной Франции, а также оказывать помощь партизанским армиям. Эти операции еще не выработаны в деталях. Можно было бы создать комиссию, которая смогла бы изучить этот вопрос и составить документ во всех деталях.

Сталин. У меня имеется несколько вопросов. Я так понял, что имеются 35 дивизий для операций по вторжению в Северную Францию.

Черчилль. Да, это правильно.

Сталин. До начала операций по вторжению в Северную Францию предполагается провести операцию на Итальянском театре для занятия Рима, после чего в Италии предполагается перейти к обороне.

Черчилль. Да. Мы уже сейчас отводим из Италии 7 дивизий.

Сталин. Я понял, что, кроме того, предполагается еще три операции, одна из которых будет заключаться в высадке в районе Адриатического моря.

Черчилль. Осуществление этих операций, может быть, будет полезно для русских. После того, как 7 дивизий будут отправлены из района Средиземного моря, мы будем иметь до 35 дивизий для вторжения в Северную Францию. Кроме того, мы будем иметь от 20 до 23 дивизий в Северной Италии.

Я хочу еще сказать, что наибольшую проблему представляет вопрос переброски необходимых сил. Как я уже указывал, операция «Оверлорд» будет начата 35 дивизиями. После этого количество войск будет увеличиваться за счет дивизий, которые будут перебрасываться из США, число их достигнет 50—60. Я хочу добавить, что британские и американские воздушные силы, находящиеся в Англии, будут в ближайшие 6 месяцев удвоены и утроены. Кроме того, беспрерывно проводится работа по накоплению сил в Англии.

Сталин. Еще один вопрос. Правильно ли я понял, что кроме операций по овладению Римом намечается провести еще одну операцию в районе Адриатического моря, а также операцию в южной части Франции.

Черчилль. В момент начала операции «Оверлорд» предполагается совершить атаку на Южную Францию. Для этого будут использованы войска, которые смогут быть высвобождены в Италии. Но эта операция еще не выработана в деталях.

Сталин. Еще один вопрос: если Турция вступит в войну, то что предполагается предпринять в этом случае?

Черчилль. Я могу сказать, что не более 2 или 3 дивизий потребовалось бы для того, чтобы занять острова вдоль западного побережья Турции с тем, чтобы суда со снабжением могли идти в Турцию, а также для того, чтобы открыть путь в Черное море. Но первое, что мы сделаем, — это отправка туркам 20 авиаэскадрилий и нескольких полков противовоздушной обороны, что можно сделать без ущерба для других операций.

Сталин. По-моему, было бы лучше, чтобы за базу всех операций в 1944 году была взята операция «Оверлорд». Если бы одновременно с этой операцией был предпринят десант в Южной Франции, то обе группы войск могли бы соединиться во Франции. Поэтому было бы хорошо, если

бы имели место две операции: операция «Оверлорд» и в качестве поддержки этой операции — высадка в Южной Франции. В то же время операция в районе Рима была бы отвлекающей операцией. Осуществляя высадку во Франции с севера и с юга, при соединении этих сил можно было бы добиться наращивания сил. Франция является слабым местом Германии. Что же касается Турции, то я сомневаюсь, что Турция вступит в войну. Она не вступит в войну, какое бы давление мы на нее ни оказывали. Это мое мнение.

Черчилль. Мы понимали так, что Советское правительство весьма заинтересовано в том, чтобы заставить Турцию вступить в войну. Конечно, нам, может быть, не удастся заставить Турцию вступить в войну, но мы должны постараться сделать все в этом отношении.

Сталин. Да, мы должны попытаться заставить Турцию вступить в войну.

Черчилль. Я согласен с соображениями маршала Сталина относительно нежелательности того, чтобы силы разбрасывались, но если мы имеем в районе Средиземного моря 25 дивизий, то 3—4 дивизии и 20 авиаэскадрилий все-таки можно уделить Турции, тем более, что они все равно сейчас заняты для охраны Египта и их можно будет оттуда передвинуть на север.

Сталин. Это большая сила — 20 авиаэскадрилий. Конечно, было бы хорошо, если бы Турция вступила в войну.

Черчилль. Я боюсь, что в этот 6-месячный промежуток, за время которого мы могли бы взять Рим и подготовиться к большим операциям в Европе, наша армия останется в бездействии и не будет оказывать давления на врага. Я опасаюсь, что в таком случае парламент упрекал бы меня в том, что я не оказываю никакой помощи русским.

Сталин. Я думаю, что «Оверлорд» — это большая операция. Она была бы значительно облегчена и дала бы наверняка эффект, если бы она имела поддержку с юга Франции. Я лично пошел бы на такую крайность. Я перешел бы к обороне в Италии, отказавшись от захвата Рима, и начал бы операцию в Южной Франции, оттянув силы немцев из Северной Франции. Месяца через 2—3 я начал бы операции на севере Франции. Этот план обеспечил бы успех операции «Оверлорд», причем обе армии могли бы встретиться и произошло бы наращивание сил.

Черчилль. Я мог бы привести еще больше аргументов, но я хочу только сказать, что мы были бы слабее, если бы не взяли Рима. Кроме того, для осуществления воздушного наступления на Германию необходимо дойти до линии Пиза — Римини. Я хотел бы, чтобы этот вопрос обсудили военные специалисты. Борьба за Рим уже идет, и мы полагаем, что в январе мы можем Рим взять. Отказ от взятия Рима означал бы наше поражение, и я не мог бы объяснить этого палате.

Рузвельт. Мы могли бы осуществить в срок «Оверлорд», если бы не было операций в Средиземном море. Если же в Средиземном море будут операции, то это оттянет срок начала операции «Оверлорд». Я не хотел бы оттягивать операцию «Оверлорд».

Сталин. По опыту наших операций мы знаем, что успех достигается тогда, когда удар наносится с двух сторон, и что операция, предпринятая с одной стороны, не дает достаточного эффекта. Поэтому мы стремимся нанести удар противнику с двух сторон, чтобы он должен был перебрасывать силы то в одном, то в другом направлении. Я думаю, что и в данном случае было бы хорошо осуществить операцию с юга и с севера Франции.

Черчилль. Я лично вполне согласен с этим, но я полагаю, что мы могли бы предпринять диверсионные акты в Югославии, а также заставить Турцию вступить в войну, независимо от вторжения в Южную и Северную Францию. Я лично считаю очень отрицательным фактом праздное пребывание нашей армии в районе Средиземного моря. Поэтому мы не можем гарантировать, что будет выдержана точно дата 1 мая. Установление этой даты было бы большой ошибкой. Я не могу пожертвовать операциями в Средиземном море только ради того, чтобы сохранить дату 1 мая. Конечно, мы должны прийти к определенному соглашению по этому поводу. Этот вопрос могли бы обсудить военные специалисты.

Сталин. Хорошо. Мы не думали, что будут обсуждаться чисто военные вопросы, поэтому мы не взяли с собой представителей Генерального штаба, но я полагаю, что маршал Ворошилов и я сможем это дело как-либо устроить.

Черчилль. Как быть с вопросом о Турции? Может быть, мы его также передадим на рассмотрение военных специалистов?

Сталин. Это и политический и военный вопрос. Турция является союзником Великобритании и находится в дружественных отношениях с СССР и США. Надо, чтобы Турция больше не играла между нами и Германией.

Черчилль. У меня, возможно, будут шесть или семь вопросов, касающихся Турции. Но я хотел бы их предварительно обдумать.

Сталин. Хорошо.

Рузвельт. Конечно, я за то, чтобы заставить Турцию вступить в войну, но, будь я на месте турецкого президента, я запросил бы за это такую цену, что ее можно было бы оплатить, лишь нанеся ущерб операции «Оверлорд».

Сталин. Надо попытаться заставить Турцию воевать. У нее много дивизий, которые бездействуют.

Черчилль. Мы все питаем чувства дружбы друг к другу, но естественно, что у нас имеются разногласия. Необходимо время и терпение.

Сталин. Правильно.

Рузвельт. Итак, завтра утром собираются военные эксперты, а в 4 часа состоится заседание конференции.

Совещание военных представителей

29 ноября 1943 г. в 10 час. 30 мин.

Адмирал Леги предлагает генералу Бруку сделать сообщение о Средиземноморском театре военных действий.

Ген. Брук говорит, что важнейшая задача англо-американцев заключается в том, чтобы оказывать давление на врага везде, где это возможно. В то же время желательно задержать поток германских дивизий, который мог бы быть направлен немцами в Северную Францию, где их увеличение было бы нежелательно. Операция «Оверлорд» отвлечет большое количество германских дивизий. Но эта операция не может иметь места до 1 мая, как наиболее подходящего для десанта срока. Поэтому до начала этой операции будет перерыв в 5—6 месяцев, во время которого необходимо что-либо сделать для отвлечения германских дивизий. Брук указывает, что англичане имеют крупные силы в Средиземном море, которые они желают использовать как можно лучше.

Обращаясь к генералу Маршаллу, Брук говорит, что

если он скажет что-либо, что не будет соответствовать мнению американцев, то он, Брук, просит его прервать.

Ген. Маршалл просит Брука продолжать обзор.

Брук говорит, что разработанные англо-американцами планы предусматривают активные действия на всех фронтах, в том числе и в районе Средиземного моря. В настоящее время в центральной части и на севере Италии находятся 23 германские дивизии. Англо-американцы имеют достаточно сил для того, чтобы передвинуть фронт в Северную Италию. Но, ввиду условий местности, англо-американские войска не могут оказать непосредственно достаточное давление на германские войска, и поэтому будет необходимо произвести фланговую операцию с моря. Этой операцией предполагается вовлечь в борьбу 11—12 дивизий, причем германское командование будет вынуждено пополнять эти дивизии. В результате этих операций в Италии будет задержано то же число германских дивизий, которое там в настоящее время находится, причем эти дивизии будут значительно ослаблены.

Переходя к вопросу о Турции, Брук говорит, что если отбросить в сторону чисто политические соображения, то с чисто военной точки зрения вступление Турции в войну было бы очень желательным и дало бы большие преимущества. Во-первых, это открыло бы морские коммуникации через Дарданеллы. Это имело бы большое значение в смысле возможного выхода из войны Румынии и Болгарии. Кроме того, можно было бы установить контакт с русскими через Черное море и доставлять этим путем снабжение в Россию. Наконец, создание в Турции авиабаз союзников дало бы возможность осуществлять налеты на важные объекты немцев, в частности на нефтяные источники Румынии, и т. д. Сокращение маршрута, которое дала бы перевозка грузов через Черное море, вместо обходного пути через Персию, высвободило бы тоннаж, который можно было бы использовать в другом месте. Для открытия пути в Черное море достаточно было бы захватить несколько островов вдоль турецкого побережья, начиная с острова Родос. Это не будет трудной операцией и не повлечет за собой использования больших сил. Брук говорит, что в Средиземном море англичане имеют специальные десантные баржи, которые можно было бы использовать для изложенных им, Бруком, операций. Нужно было бы только отложить операцию «Овер-

лорд» на срок, который потребовался бы для использования этих судов в Средиземном море. В то же время эти операции задержали бы германские войска, которые в противном случае могли бы быть использованы немцами при операции «Оверлорд». Брук говорит, что весьма важно обеспечить аэродромы в Италии с тем, чтобы начать налеты на промышленность Южной Германии. Такие воздушные операции, совместно с налетами, осуществляемыми из Англии, имели бы большое значение в деле ведения войны в 1944 году. Если принять предложение, которое было высказано вчера, о том, чтобы перейти к обороне в Италии до завершения там операции, то нужно было бы держать там большие силы для того, чтобы сдерживать германские войска. Поэтому для операций в Южной Франции могли бы быть выделены лишь ограниченные силы. Брук говорит, что он полностью согласен со стратегией, предложенной маршалом Сталиным, чтобы нанести удар противнику в двух местах. Но это легче сделать, если операции развиваются на суше, чем когда идет речь о десанте с моря. В таком случае подобные две операции не всегда могут поддерживать друг друга, так как нелегко успеть подбрасывать резервы то одной, то другой группировке. Если бы мы сейчас высадили на юге Франции 6 или 8 дивизий, то немцы могли бы легко с ними справиться. Поэтому необходимо, чтобы обе операции были предприняты по времени ближе друг к другу. Но для этого потребуется большое количество десантных средств. Брук говорит, что союзники предполагали осуществить во время операции «Оверлорд» небольшой десант в Средиземном море для того, чтобы оттянуть от «Оверлорда» часть германских войск. Но трудности заключаются в том, чтобы своевременно пополнять войсками такой вспомогательный десант. Дело в том, что сразу удастся высадить лишь 3—4 дивизии, которые впоследствии необходимо усилить до 35. Нужно, чтобы немцы не могли усиливать свои войска до тех пор, пока силы союзников будут еще незначительны. Брук говорит, что это все, что касается наземных операций, и предлагает маршалу авиации Порталу сделать обзор операций в воздухе.

Маршал Ворошилов говорит, что было бы лучше сначала заслушать доклад американцев о наземных операциях, а затем перейти к операциям в воздухе.

Маршалл говорит, что он хочет осветить военное положение так, как оно представляется с американской точки зрения. В настоящее время американцам приходится сражаться на двух театрах военных действий, а именно в Атлантическом и Тихом океанах. Главная проблема заключается в том, что операции американцев захватывают два таких огромных океана. В противоположность обычно существующим условиям, американцы не испытывают недостатка ни в войсках, ни в снабжении. Маршалл говорит, что в США, кроме тех дивизий, которые уже действуют, имеется больше 50 дивизий, которые американцы хотели бы использовать как можно скорее. Но проблема заключается в тоннаже и в десантных судах. Маршалл говорит, что тем не менее американцы могут сказать, что они достигли значительных успехов и сейчас они готовы еще более усилить нажим на врага. Желание американцев заключается в том, чтобы ввести в действие все наличные у них силы как можно скорее. Когда говорят о десантных судах, то речь идет прежде всего о судах для переброски танков и мотомехчастей. Именно таких судов недостает для успешного осуществления операций в Средиземном море, о которых говорил генерал Брук. Маршалл повторяет, что американцы не испытывают недостатка ни в войсках, ни в снабжении. Маршалл указывает, что американцы глубоко заинтересованы в сокращении сроков перевозок и пребывания судов в портах. Маршалл указывает, что преимущество операции «Оверлорд» заключается в том, что тут идет речь о самой короткой дистанции, которую необходимо будет преодолеть в первоначальный момент. В дальнейшем предполагается перебрасывать войска во Францию непосредственно из США. Предстоит перебросить во Францию около 60 американских дивизий. Маршалл говорит, что в отношении Средиземного моря еще не принято определенных решений, так как предполагалось этот вопрос обсудить в Тегеране. Сейчас вопрос заключается в том, что следует делать в ближайшие три, а в зависимости от этого — в ближайшие шесть месяцев. Маршалл говорит, что предпринимать операцию в Южной Франции за два месяца до операции «Оверлорд» очень опасно, но в то же время совершенно правильно то, что операция в Южной Франции способствовала бы успеху операции «Оверлорд». Маршалл полагает, что десант в Южной Франции следо-

вало бы осуществить за 2—3 недели до операции «Оверлорд». Необходимо иметь в виду, что серьезным препятствием при осуществлении этих операций будет то, что немцы разрушат все порты. В течение длительного времени будет необходимо снабжать армии через открытое побережье. Американские саперные части имеют большой опыт в деле восстановления портов, но все же Маршалл считает, что в течение определенного периода будет задержка. Он говорит, что во время десанта в Салерно в течение первых 18 дней удавалось переправлять лишь по 108 тонн снабжения. Всего через открытое побережье было переброшено 189 тысяч человек. Необходимо также иметь в виду, что при этом требуется сильное истребительное прикрытие с воздуха. Маршалл говорит, что над Салерно англо-американские самолеты имели всего от 15 до 20 минут времени для действий. В операции «Оверлорд» самолеты, возможно, будут иметь до 30 минут. Маршалл еще раз указывает на то, что проблема американцев не в недостатке войск и снабжения, а в недостатке десантных средств. Маршалл говорит, что он хочет, чтобы маршал Ворошилов понял, что сейчас в Тихом океане американцы осуществляют 5 десантных операций, сопровождающихся сильными воздушными боями. В течение января будут предприняты еще 4 десантные операции. Маршалл говорит, что это все, что он хотел сказать.

Леги предлагает маршалу авиации Порталу дополнить доклады Брука и Маршалла.

Маршал Портал заявляет, что он будет говорить только о воздушных операциях. До настоящего времени основные налеты на Германию производились из Англии. Теперь такие налеты начинают производиться и из районов Средиземного моря. В настоящее время англо-американцы сбрасывают на Германию от 15 до 30 тысяч тонн бомб в месяц, и их главная цель заключается в разрушении промышленности, коммуникаций и воздушных сил противника. Кроме того, значительное количество германской истребительной авиации уничтожается с воздуха. Предстоит еще тяжелая борьба, но можно с уверенностью сказать, что англо-американский план разрушения военно-воздушных сил немцев увенчается успехом. Успешное осуществление этого плана видно по дислокации сил противника. В настоящее время в Западной и Южной Германии имеется от 1650 до 1700 истребителей,

в то время как на всех остальных фронтах находится всего 750 германских истребителей. Насколько немцы чувствительны к налетам, видно из того, что всего один налет англо-американской авиации на Южную Германию, предпринятый из района Средиземного моря, заставил немцев перебросить из Средней Германии 300 истребителей. Портал говорит, что он понимает, что советская авиация почти полностью занята в наземных боях, но было бы хорошо, если бы советское командование имело возможность выделить некоторую часть авиации для бомбардировки Восточной Германии. Это оказало бы большое влияние на положение на всех остальных фронтах. Портал говорит, что это все, что он хотел сказать.

Леги говорит, что было бы хорошо услышать мнение маршала Ворошилова.

Ворошилов говорит, что, как он понял из сообщения генерала Маршалла, американцы имеют от 50 до 60 дивизий, которые они хотят использовать во Франции, и задержка только в транспортных и десантных средствах. Ворошилов спрашивает, что делается для того, чтобы разрешить проблему транспортных и десантных средств.

Ворошилов говорит, что из доклада генерала Маршалла он понял, что американцы считают операцию «Оверлорд» основной операцией, и спрашивает, считает ли генерал Брук, как глава Британского генерального штаба, эту операцию также главной операцией и не считает ли он, что эту операцию можно было бы заменить какой-либо другой операцией в районе Средиземного моря или где-либо в другом месте.

Маршалл говорит, что он хочет ответить на вопрос маршала Ворошилова о подготовке к операции «Оверлорд». Сейчас предпринимается все для того, чтобы осуществить операцию «Оверлорд», но вопрос упирается в транспортные и десантные средства. Маршалл добавляет, что если в августе в Англии имелась одна американская дивизия, то в настоящее время там имеется уже 9 американских дивизий и новые дивизии продолжают прибывать.

Ворошилов, ссылаясь на доклады, сделанные генералами Дином и Исмэем во время конференции в Москве, в которых указывалось, что в Англии и в США проводится крупное строительство десантных средств, а также ведется подготовка по строительству временных плавучих

портов, спрашивает, можно ли сейчас уже сказать, что в результате это строительство даст возможность обеспечить необходимое количество десантных судов к моменту начала операции «Оверлорд».

Маршалл отвечает, что о портах подробнее может сказать генерал Брук. Поскольку же речь идет о Соединенных Штатах, то делается все, чтобы все необходимые приготовления были закончены к моменту начала операции «Оверлорд». В частности, готовятся десантные баржи, каждая из которых сможет перевозить до 40 танков.

Брук говорит, что прежде всего он хочет ответить на первый вопрос маршала Ворошилова о том, как рассматривают англичане операцию «Оверлорд». Брук говорит, что англичане придают этой операции важное значение и рассматривают ее как существенную часть этой войны. Но для успеха этой операции должны существовать определенные предпосылки, которые не позволяли бы немцам, используя хорошие дороги, существующие в Северной Франции, подбрасывать резервы. Брук говорит, что, как полагают англичане, такие предпосылки будут существовать в 1944 году. Для предстоящих операций были реорганизованы все британские силы. Для этой цели обучаются специальные дивизии. В настоящее время уже переброшены 4 дивизии из Италии и Африки. Переброшена также часть десантных судов из Средиземного моря. Англичане делают все для осуществления этих операций, которые должны быть проведены в течение 1944 года. Но затруднение англо-американцев заключается в десантных судах. Для того чтобы быть готовым к 1 мая, необходимо уже сейчас перебросить основную массу десантных судов из Средиземного моря. Но это привело бы к приостановке операций в Италии. В то же время англичане хотят удерживать максимальное число германских дивизий в беспрерывной борьбе. Это необходимо не только для того, чтобы оттягивать германские силы с русского фронта, но и для успеха операции «Оверлорд». Что касается строительства временных плавучих портов, то Брук говорит, что сейчас проводятся опыты в этом отношении. Некоторые из этих опытов были не так удачны, как это предполагалось, но во всяком случае в этом деле имеется успех. Брук говорит, что успех или неуспех предстоящей операции в значительной степени будет зависеть от наличия этих портов.

Ворошилов говорит, что он еще раз хочет спросить генерала Брука, считают ли англичане операцию «Оверлорд» главной операцией.

Брук отвечает, что он ждал этого вопроса. Он, Брук, должен сказать, что он не желает видеть неудачу операции как в Северной, так и в Южной Франции. При некоторых же обстоятельствах эти операции обречены на неудачу.

Ворошилов говорит, что маршал Сталин и Советский Генеральный штаб рассматривают операции в районе Средиземного моря как операции второстепенного значения. Маршал Сталин считает, однако, что операция в Южной Франции, осуществленная за 2—3 месяца до операции в Северной Франции, могла бы иметь решающее значение для успехов «Оверлорда». Опыт войны и успехи англо-американских войск в Северной Африке и операции по высадке десантов в Италии, действия англо-американской авиации против Германии, степень организации войск США и Соединенного Королевства, могучая техника США, морская мощь союзников и в особенности их господство в Средиземном море показывают, что при желании «Оверлорд» может быть успешно осуществлен. Необходима лишь воля.

Ворошилов говорит, что военные должны планировать операции так, чтобы вспомогательные операции не только не мешали основной операции, но всячески содействовали последней. Далее Ворошилов говорит, что предложение маршала Сталина заключается в том, чтобы операция через Канал была поддержана действиями союзных войск с юга Франции. С этой целью он допускает возможность перейти в Италии к обороне и освободившимися силами произвести высадку в Южной Франции с тем, чтобы ударить по врагу с двух сторон. Если высадка в Южной Франции не может быть осуществлена за 2—3 месяца до операции «Оверлорд», маршал Сталин и не настаивает на этом. Эта высадка может быть осуществлена либо одновременно, либо даже немного позднее операции «Оверлорд». Но она обязательно должна состояться.

Что касается действий советской авиации, то, как известно, она занята боевыми действиями совместно с наземными войсками. В настоящее время на советско-германском фронте находится 210 только германских диви-

зий, а всего — 260 дивизий противника, как об этом доложил маршал Сталин. Поэтому напряженность боевых действий полностью приковывает нашу авиацию к фронту и тылам противника, и мы не имеем возможности использовать какие-либо воздушные силы для налетов на Восточную Германию, но, конечно, как только это станет возможным, наше Верховное командование примет соответствующее решение.

Ворошилов говорит, что мы рассматриваем операцию через Канал как операцию не легкую. Мы понимаем, что эта операция труднее форсирования рек, но все же на основании нашего опыта по форсированию крупных рек, таких, как Днепр, Десна, Сож, правый берег которых гористый и при этом хорошо укреплен немцами, мы можем сказать, что операция через Канал, если она по-серьезному будет проводиться, будет успешной. Немцы построили на правом берегу указанных рек современные сильные железобетонные укрепления, вооружили их мощной артиллерией и могли обстреливать левый низкий берег на большую глубину, не давая возможности нашим войскам приблизиться к реке, но все же после концентрированного артиллерийского, минометного огня, после мощных ударов авиации нашим войскам удалось форсировать эти реки, и враг был разгромлен.

Я уверен, говорит Ворошилов, что хорошо подготовленная, а главное, полностью обеспеченная сильной авиацией операция «Оверлорд» увенчается полным успехом. Союзная авиация должна обеспечить за собой, разумеется, полное господство в воздухе еще до начала действий наземных войск.

Брук говорит, что англо-американцы также рассматривают операции в Средиземном море как операции второстепенного значения. Но поскольку в районе Средиземного моря имеются крупные войска, эти операции могут и должны быть проведены для того, чтобы помочь основной операции. Эти операции тесно связаны со всем ведением войны и, в частности, с успехом операции в Северной Франции.

Брук говорит, что в связи с замечаниями маршала Ворошилова о трудности операции через Канал он хотел бы сказать, что англичане с большим интересом и восхищением следили за форсированием рек Красной Армией. Англичане считают, что русские достигли больших успе-

хов в десантных операциях. Но операция через Канал требует специальных средств и нуждается в детальной разработке. Англо-американцы изучают все необходимые детали, связанные с этой операцией, уже в течение нескольких лет. Значительные трудности заключаются также в том, что берег во Франции пологий и что там имеются большие отмели. Поэтому во многих местах трудно подойти судам к самому берегу. Ко всему этому необходимо подготовиться.

Ворошилов говорит, что англичане провели в августе или в сентябре маневры в районе Ла-Манша. Он, Ворошилов, хотел бы знать, как оценивают англичане результаты этих маневров.

Брук отвечает, что цель этих маневров заключалась в том, чтобы вызвать воздушный бой с немцами. Кроме того, эти маневры дали много для обучения войск. Это, конечно, не было учение по высадке десанта. Такие учения англичане проводят на побережье Англии.

Ворошилов спрашивает, как немцы реагировали на эти маневры.

Брук отвечает, что немцы не реагировали на эти маневры в такой степени, как это думали англичане.

Маршалл говорит, что он должен возразить маршалу Ворошилову по поводу его высказываний о десанте через Канал. Он, Маршалл, обучался наземным операциям, ему было также известно форсирование рек, но, когда он столкнулся с десантными операциями через океан, ему пришлось совершенно переучиваться. Если при форсировании реки поражение высадившихся войск может означать лишь неудачу, то поражение при десанте через океан означает катастрофу.

Ворошилов говорит, что он с этим не согласен. В такой серьезной операции, как «Оверлорд», главное заключается в организации, планировании и продуманной тактике. Если тактика будет соответствовать поставленной задаче, даже неудача передовых частей будет только неудачей, а не катастрофой. Авиация должна завоевать господство в воздухе и разгромить артиллерию противника, и после интенсивной артиллерийской подготовки посылаются лишь передовые части. После того, как эти части закрепятся и успех обозначится, начинают высаживаться основные силы.

Маршалл говорит, что тут нужно также учитывать то,

что артиллерийская поддержка с моря сложнее, чем с противоположного берега реки.

Ворошилов с этим соглашается и спрашивает, какое предполагается соотношение между германской и англо-американской авиацией к моменту вторжения.

Портал отвечает, что это соотношение будет равно 5 или 6 : 1.

Ворошилов говорит, что нужно прийти к соглашению о том, какое решение должно быть принято на этом совещании.

Брук говорит, что он считает, что еще не все вопросы были обсуждены на этом совещании, и предлагает поэтому перенести совещание на следующий день.

Условливаются перенести заседание на 30 ноября.

Беседа продолжалась 3 часа.

Второе заседание конференции глав правительств СССР, США и Великобритании

Тегеран, 29 ноября 1943 г.

Начало заседания в 16 ч. **Конец заседания в 19 ч. 40 м.**

Рузвельт. Я не знаю, что было сегодня утром на совещании военных. Поэтому я предлагаю, чтобы маршал Ворошилов, генерал Брук и генерал Маршалл сделали нам сообщение о своей работе.

Сталин. Я согласен, но, кажется, у военных дело не готово.

Черчилль. Я думаю, что было бы все-таки полезно заслушать военных.

Брук. Наше сегодняшнее совещание не было закончено. В первую очередь мы рассмотрели возможные военные операции и их связь между собой. Мы рассмотрели операцию «Оверлорд» и все вытекающие из нее последствия. Мы уделили внимание тому промежутку времени, который остается, считая от настоящего времени, до срока осуществления операции «Оверлорд»; мы приняли во внимание тот факт, что если мы не предпримем активных операций в Средиземном море в этот промежуток време-

ни до осуществления «Оверлорда», то мы дадим немцам возможность перебросить свои войска на советско-германский фронт или перебросить их на Запад, в целях противодействия «Оверлорду». Мы рассмотрели возможность продолжения наших операций в Италии, где мы удерживаем немецкие дивизии и где у нас сконцентрированы крупные силы. Мы затем обратили внимание на Восток и рассмотрели вопрос о желательности вступления Турции в войну и о том, какие последствия это может иметь, в смысле помощи нам в ведении войны и в смысле открытия Дарданелл, для снабжения Советского Союза, а также открытия пути на Балканы. Мы рассмотрели возможные операции в Южной Франции в комбинации с операцией «Оверлорд». Начальник Штаба британских военно-воздушных сил сделал обзор операции англо-американских военно-воздушных сил против Германии и показал воздействие этих операций на общий ход войны. Генерал Маршалл сообщил цифры, относящиеся к концентрации американских сил в Англии, и говорил о подготовке британских войск к переходу от обороны к наступлению. Был также изучен вопрос об операции «Оверлорд». Маршал Ворошилов задал несколько вопросов, на которые мы постарались дать ответы. При этом маршал Ворошилов изложил точку зрения, высказанную вчера маршалом Сталиным на совещании, в отношении операций, которые должны быть предприняты в будущем году. Вот приблизительно все, что мы успели рассмотреть в течение нашего заседания сегодня утром.

Может быть, генерал Маршалл имеет что-нибудь добавить к моему сообщению?

Маршалл. Мне остается немного добавить к тому, что было сказано генералом Бруком. Он сделал достаточно подробное сообщение. Для американцев проблемой являются не людские ресурсы, а тоннаж, специальные десантные средства, а также наличие авиабаз в районе, достаточно близко расположенном к району операций. Когда я говорю о десантных средствах, я имею в виду специальные десантные суда, на которых можно перевозить до 40 танков или автомобилей. Как раз именно количество этих судов является ограниченным. Переброска в Англию американских войск, снаряжения и боеприпасов происходит по плану. В Англию уже перевезен 1 миллион тонн всякого снаряжения. Однако лимитирую-

щим фактором по-прежнему являются десантные средства. Мы имеем план производства десантных средств, который был расширен как в Соединенных Штатах, так и в Англии. Ускорение производства десантных средств приведет к увеличению их количества для вторжения через Канал и для операций в Средиземном море. Говоря коротко, подготовка к операции «Оверлорд» происходит по плану, поскольку речь может идти о материалах и людских ресурсах. Проблемой является главным образом транспорт и распределение десантных средств. Как генерал Брук пояснял, из Италии уже было переброшено несколько дивизий.

Ворошилов. Сообщения генералов Брука и Маршалла соответствуют той беседе, которую мы имели сегодня утром. Мои вопросы касались уточнения технической подготовки к операции «Оверлорд», и на них были даны ответы так, как это было изложено сейчас генералом Маршаллом. Мы не пытались уточнять сроков «Оверлорда» и всех подробностей, связанных с этой операцией, полагая, что этим вопросам можно будет уделить внимание на следующем нашем совещании, если оно состоится.

Сталин. Если можно, то я хотел бы получить ответ на вопрос о том, кто будет назначен командующим операцией «Оверлорд».

Рузвельт. Этот вопрос еще не решен.

Сталин. Тогда ничего не выйдет из операции «Оверлорд». Кто несет моральную и военную ответственность за подготовку и выполнение операции «Оверлорд»? Если это неизвестно, тогда операция «Оверлорд» является лишь разговором.

Рузвельт. Английский генерал Морган несет ответственность за подготовку операции «Оверлорд».

Сталин. Кто несет ответственность за проведение операции «Оверлорд»?

Рузвельт. Нам известны все лица, которые будут участвовать в осуществлении операции «Оверлорд», за исключением главнокомандующего этой операцией.

Сталин. Может случиться так, что генерал Морган сочтет операцию подготовленной, но после назначения командующего, который будет отвечать за осуществление этой операции, может оказаться, что командующий сочтет операцию не подготовленной. Должно быть одно лицо,

которое отвечало бы как за подготовку, так и за проведение операции.

Черчилль. Генералу Моргану были поручены предварительные приготовления.

Сталин. Кто поручил это генералу Моргану?

Черчилль. Несколько месяцев тому назад это было поручено генералу Моргану Объединенным англо-американским штабом с согласия президента и с моего согласия. Генералу Моргану было поручено вести подготовку операции «Оверлорд» совместно с американским и британским штабами, однако главнокомандующий еще не назначен. Британское правительство выразило готовность поставить свои силы под командование американского главнокомандующего в операции «Оверлорд», так как Соединенные Штаты несут ответственность за концентрацию и пополнение войск и имеют численное превосходство в войсках. С другой стороны, британское правительство предложило назначить британского главнокомандующего операциями в Средиземном море, где англичане имеют численное превосходство в войсках. Вопрос о назначении главнокомандующего нельзя решить на таком обширном заседании, как сегодняшнее. Этот вопрос следует решить трем главам правительств между собой, в узком кругу. Как мне сейчас сказал президент, — и я это подтверждаю, — решение вопроса о назначении главнокомандующего будет зависеть от переговоров, которые мы ведем здесь.

Сталин. Я хочу, чтобы меня поняли, что русские не претендуют на участие в назначении главнокомандующего, но русские хотели бы знать, кто будет командующим. Русские хотели бы, чтобы он скорее был назначен и чтобы он отвечал как за подготовку, так и за проведение операции «Оверлорд».

Черчилль. Мы вполне согласны с тем, что сказал маршал Сталин, и я думаю, что президент согласится со мной в том, что через две недели мы назначим главнокомандующего и сообщим его фамилию. Одной из задач конференции и является назначение главнокомандующего.

Сталин. В связи с сообщением Брука и Маршалла у меня вопросов нет.

Черчилль. Я немного обеспокоен количеством и сложностью проблем, стоящих перед нами. Это совещание является единственным в своем роде. На это совещание

возлагают свои надежды и устремляют свои взоры миллионы людей, и я очень хочу, чтобы мы не разъехались до тех пор, пока мы не достигнем соглашения по политическим и военным вопросам, решение которых нам было вверено. Сегодня я намерен указать несколько пунктов, требующих того, чтобы они были изучены в подкомиссии. Я и британский штаб длительное время изучали положение в Средиземном море, где мы обладаем весьма значительной армией. Мы хотим, чтобы эта армия вела активную борьбу там в течение всего года и была бы независима от тех факторов, которые заставили бы ее пребывать в бездействии. В этой связи мы просим о том, чтобы наши русские союзники рассмотрели всю эту проблему и различные альтернативы, которые мы им предложим в отношении наилучшего использования наших наличных сил в районе Средиземного моря.

Имеются три вопроса, которые необходимо детально изучить.

Первым из этих вопросов является, конечно, вопрос о том, какую помощь можно будет оказать операции «Оверлорд», используя те силы, которые находятся в районе Средиземного моря. Речь идет о том, какой масштаб должны принять эти операции, которые должны быть предприняты в Южной Франции из Северной Италии. Об этом вчера говорили я и президент. Я не думаю, что этот вопрос достаточно изучен, чтобы принять окончательное решение. Я приветствовал бы изучение этого вопроса нашими штабами с точки зрения его срочности. В связи с этим маршал Сталин правильно подчеркнул важность обходной операции в Южной Франции. Срок имеет значение. Если в одном пункте будут начаты операции с меньшими силами, а во втором пункте — с более крупными, то первая операция потерпит крушение. Наши штабы должны обсудить операции в более широком плане. Я хотел бы иметь в Средиземном море достаточное количество десантных средств для переброски двух дивизий. При наличии этих сил в количестве двух дивизий мы имели бы возможность предпринять операцию с целью помощи продвижению англо-американских войск вдоль полуострова Италии для уничтожения находящихся там сил противника. Имеется другая возможность использования этих сил. Их было бы достаточно для захвата острова Родос в том случае, если бы Турция вступила в войну.

Третья возможность использования этих сил заключается в том, что они, за вычетом потерь, могли бы быть использованы через 6 месяцев для поддержки операции «Оверлорд» в Южной Франции. Ни одна из этих возможностей не исключена. Но значение имеет вопрос о сроке. Использование этих двух дивизий, независимо от того, для какой из трех перечисленных мною операций они будут использованы в районе Средиземного моря, не может быть осуществлено без того, чтобы это не привело к отсрочке операции «Оверлорд» или к отвлечению части десантных средств из района Индийского океана. В этом состоит наша дилемма. Чтобы решить, какой путь нам избрать, мы хотим услышать точку зрения маршала Сталина по поводу общего стратегического положения, так как военный опыт наших русских союзников приводит нас в восхищение и воодушевляет нас. Я предложил бы, чтобы изучение поставленного мною вопроса было продолжено завтра нашей военной комиссией.

Следующая проблема, о которой я хочу говорить, носит скорее политический, нежели военный характер, так как военные силы, которые мы намерены выделить для ее разрешения, незначительны. Речь идет о Балканах. На Балканах имеется 21 германская дивизия и, помимо этого, гарнизонные войска. Из этого количества, то есть из 21 дивизии, 54 тысячи германских войск сконцентрировано на Эгейских островах. Кроме того, на Балканах имеется также не менее 12 болгарских дивизий. Всего на Балканах насчитывается 42 дивизии противника. Если бы Турция вступила в войну, то болгары вынуждены были бы отвести свои войска на фронт во Фракии против Турции. Это приведет к тому, что опасность, угрожающая германским дивизиям, находящимся на Балканах, усилится. Я привел эти цифры для того, чтобы показать громадное значение этого фактора на Балканах, куда мы не предполагаем посылать наши регулярные дивизии и где мы предполагаем ограничиться лишь рейдами комбинированных отрядов. Мы не имеем ни интересов на Балканах, ни честолюбивых устремлений. Все, что мы хотим сделать, это сковать 21 германскую дивизию на Балканах и, по мере возможности, уничтожить их. Поэтому я предлагаю, чтобы сегодня состоялась встреча двух министров иностранных дел и представителя, назначенного президентом, для обсуждения политической стороны это-

го вопроса. Мы стремимся дружно работать с нашими русскими союзниками. Если будут трудности, то их можно будет выяснить в узком кругу. Военные вопросы можно будет обсудить позже.

Теперь я перехожу к следующему вопросу — к вопросу о Турции. Мы, англичане, являемся союзниками Турции, и мы приняли на себя ответственность постараться убедить или заставить Турцию вступить в войну до рождества. Если президент желает к нам присоединиться или пожелает взять на себя руководящую роль, то для нас это будет приемлемо, но мы будем нуждаться в полной помощи со стороны маршала Сталина в осуществлении решения, принятого на Московской конференции. От имени британского правительства я могу сказать, что оно готово предупредить Турцию о том, что если Турция не примет предложения о вступлении в войну, то это может иметь серьезные политические последствия для Турции и отразится на ее правах в отношении Босфора и Дарданелл. Сегодня утром военная комиссия, состоящая из наших генералов, обсуждала военную сторону турецкой проблемы, но проблема Турции — это скорее политическая, чем военная проблема. Мы думаем выделить не более 2—3 дивизий для операций в районе Турции в случае вступления ее в войну, не считая военно-воздушных сил, которые мы также выделяем при этом.

Я поставил несколько вопросов, которые, главным образом, являются политическими вопросами, например вопрос о том, что Советское правительство думает по поводу Болгарии, расположено ли оно в том случае, если Турция объявит войну Германии, а Болгария нападет на Турцию, заявить болгарам, что оно будет считать Болгарию своим врагом. Это окажет огромное воздействие на Болгарию. Имеются и другие политические вопросы. Я предлагаю, чтобы два министра иностранных дел и представитель, назначенный президентом, изучили этот вопрос и дали нам совет, как заставить Турцию вступить в войну и каковы будут результаты этого. Эти результаты представляются мне громадными, а возможности решающими. Если Турция объявит войну Германии, то это будет огромным ударом для немецкого народа. Если мы сумеем как следует воспользоваться этим фактом, то это должно нейтрализовать Болгарию. Что касается других стран на Балканах, то Румыния уже сейчас ищет ту стра-

ну, перед которой она может капитулировать. Венгрия также в смятении. Нам пора пожинать жатву. Сейчас настало время для того, чтобы уплатить цену за эту жатву, если мы считаем это целесообразным. Я предлагаю, чтобы эти вопросы были обсуждены нашими тремя представителями, которые могут в результате обсуждения нам сказать нам, что можно сделать для облегчения бремени, которое несет Россия, и для того, чтобы обеспечить успех операции «Оверлорд».

Сталин. Что касается двух дивизий, которые г-н Черчилль хочет выделить для помощи Турции и партизанам, то у нас нет разногласия в этом вопросе. Ассигнование двух дивизий и помощь партизанам мы считаем важным делом. Но если мы здесь призваны обсудить военные вопросы, то основным и решающим вопросом мы считаем операцию «Оверлорд».

Я хотел бы, чтобы военная комиссия имела определенную задачу. Я предлагаю дать этой комиссии определенную директиву, в рамках которой она могла бы работать. Конечно, русские нуждаются в помощи. Я хотел бы заявить, что если речь идет о помощи нам, то мы ожидаем помощи от тех, кто должен выполнять намеченные операции, и мы ожидаем действительной помощи.

Каковы должны быть директивы для военной комиссии? Они должны предусматривать условие, чтобы срок операции «Оверлорд» не был отложен, чтобы май был предельным сроком для осуществления этой операции. Вторая директива должна предусматривать, в соответствии с пожеланиями русских, поддержку операции «Оверлорд» десантом на юге Франции. Если невозможно высадить десант в Южной Франции за 2—3 месяца до начала операции «Оверлорд», то, может быть, это стоило бы сделать одновременно с операцией «Оверлорд». Если транспортные трудности не позволят осуществить десант в Южной Франции одновременно с операцией «Оверлорд», то эту операцию в Южной Франции можно было бы предпринять спустя некоторое время после начала операции «Оверлорд». Я считаю, что высадка десанта в Южной Франции представляла бы собой вспомогательную операцию в отношении «Оверлорда». Эта операция обеспечила бы успех операции «Оверлорд». В то же время операция по занятию Рима была бы отвлекающей операцией. Третья директива предписывала бы комиссии поторопиться

с назначением главнокомандующего операцией «Оверлорд». Лучше было бы решить эти вопросы во время нашего пребывания здесь, и я не вижу причин, почему это невозможно было бы сделать. Мы полагаем, что до тех пор, пока не будет назначен главнокомандующий, нельзя ожидать успеха от операции «Оверлорд». Назначение главнокомандующего — это задача англичан и американцев, но русские хотят знать, кто будет главнокомандующим. Вот три директивы для военной комиссии. Если бы комиссия поработала в рамках этих директив, ее работа могла бы быть успешной и могла бы быть скорее закончена. Я прошу конференцию считаться с этими высказанными мною соображениями.

Рузвельт. Мне было интересно слушать все, что говорилось, начиная с операции «Оверлорд» и кончая вопросом о Турции. Я придаю большое значение срокам. Если имеется согласие на операцию «Оверлорд», то нужно договориться о сроке этой операции.

Можно осуществить операцию «Оверлорд» в течение первой недели мая или несколько отложить ее. Отсрочка «Оверлорда» была бы вызвана тем, что мы провели бы одну-две операции в Средиземном море, которые потребовали бы десантных средств и самолетов. Если осуществить экспедицию в восточной части Средиземного моря и если при этом не иметь успеха, то придется перебросить туда дополнительно материалы и войска. Тогда «Оверлорд» не будет осуществлен в срок.

Сталин. Против Югославии немцы держат 8 дивизий, из которых 5 находятся в Греции. В Болгарии имеются 3—4 немецкие дивизии, в Италии — 9.

Черчилль. Наши цифры отличаются от этих цифр.

Сталин. Ваши цифры неправильны. Во Франции у немцев имеется 25 дивизий.

Рузвельт. Наши штабы должны разработать планы для того, чтобы сковать немецкие дивизии на Балканах. Эти планы должны быть разработаны так, чтобы операции, которые мы предпримем с этой целью, не нанесли ущерба «Оверлорду».

Сталин. Правильно.

Черчилль. Говоря о мероприятиях в отношении Балкан, я не имел в виду использование крупных сил для этих целей.

Сталин. Если возможно, то хорошо было бы осущест-

вить операцию «Оверлорд» в пределах мая, скажем 10—15—20 мая.

Черчилль. Я не могу дать такого обязательства.

Сталин. Если осуществить «Оверлорд» в августе, как об этом говорил Черчилль вчера, то из-за неблагоприятной погоды в этот период ничего из этой операции не выйдет. Апрель и май являются наиболее подходящими месяцами для «Оверлорда».

Черчилль. Мне кажется, что мы не расходимся во взглядах настолько, насколько это может показаться. Я готов сделать все, что в силах британского правительства, для того, чтобы осуществить операцию «Оверлорд» в возможно ближайший срок. Но я не думаю, что те многие возможности, которые имеются в Средиземном море, должны быть немилосердно отвергнуты, как не имеющие значения, из-за того, что использование их задержит осуществление операции «Оверлорд» на 2—3 месяца.

Сталин. Операции в районе Средиземного моря, о которых говорит Черчилль, это только диверсии. Я не отрицаю значения этих диверсий.

Черчилль. По нашему мнению, многочисленные британские войска не должны находиться в бездействии в течение 6 месяцев. Они должны вести бои против врага, и с помощью американских союзников мы надеемся уничтожить немецкие дивизии в Италии. Мы не можем оставаться пассивными в Италии, ибо это испортит всю нашу кампанию там. Мы должны оказывать помощь нашим русским друзьям.

Сталин. По Черчиллю, выходит, что русские требуют от англичан того, чтобы англичане бездействовали.

Черчилль. Если суда будут отправлены из района Средиземного моря, то в результате значительно сократится масштаб операций в этом районе. Маршал Сталин помнит о том, что на Московской конференции были указаны условия, при которых операция «Оверлорд» может быть успешной. Эти условия предусматривают, что во Франции будет находиться к моменту вторжения не более 12 германских мобильных дивизий и что в течение 60 дней немцы не смогут перебросить во Францию для пополнения своих войск более 15 дивизий. Тут нет никакой ошибки, так как эти условия являются основанием, на котором базируется «Оверлорд». Мы должны сковать возможно большее количество германских дивизий в Ита-

лии, на Балканах и в районе Турции, если она вступит в войну. На фронте в Италии против нас сражаются германские дивизии, переброшенные из Франции. Если мы будем пассивны на фронте в Италии, то немцы могут снова перебросить свои дивизии во Францию в ущерб «Оверлорду». Поэтому нам необходимо связать противника боями и поддерживать наш фронт в Италии в активном состоянии с тем, чтобы можно было там сковать достаточное количество германских дивизий.

Что касается Турции, то я согласен настаивать на вступлении ее в войну. Если она не согласится это сделать, то ничего не поделаешь. Если она согласится, то нужно будет воспользоваться турецкими авиабазами в Анатолии и захватить Родос. Для этой операции будет достаточно одной штурмовой дивизии. Впоследствии остров может удерживать гарнизон, находящийся на нем. Получив Родос и турецкие базы, мы сможем изгнать германские гарнизоны с других островов Эгейского моря и открыть Дарданеллы. Это не такая операция, которая потребует большого количества войск. Это операция ограниченного характера. Если Турция вступит в войну и мы захватим Родос, то за нами будет обеспечено превосходство в этом районе и наступит время, когда все острова в Эгейском море будут нашими. Если Турция не вступит в войну, то мы не будем горевать по этому поводу и я не буду просить о выделении войск для захвата Родоса и островов Эгейского моря. Но в этом случае не будет горевать и Германия, так как она будет по-прежнему господствовать в этом районе. Если Турция вступит в войну, то наши войска, находящиеся в Египте для целей обороны, и наши находящиеся там военно-воздушные силы, также обороняющие Египет, смогут быть двинуты вперед. Захватив Эгейские острова, можно было бы использовать указанные силы в районах севернее Египта. Я предлагаю основательно обсудить этот вопрос. Мы потерпим большое несчастье, если Турция не вступит в войну, с точки зрения того, что Германия будет господствовать в этом районе. Я хочу, чтобы войска и самолеты, бездействующие в Египте, были бы как можно быстрее использованы в случае вступления Турции в войну. Все зависит от десантных средств. Трудности заключаются в транспортировке войск через море. Я всегда готов обсудить все подробности с союзниками. Но все зависит от количества

десантных средств. Если эти десантные средства будут оставлены в районе Средиземного моря или в Индийском океане в ущерб «Оверлорду», тогда не может быть гарантирован успех «Оверлорда» и успех операции в Южной Франции. Для операции в Южной Франции потребуется большое количество десантных средств. Я прошу это учесть.

Наконец, я считаю приемлемыми и от имени британского правительства даю согласие на то, чтобы были выработаны директивы для военной комиссии. Я предлагаю, чтобы мы совместно с американцами разработали свои предложения о директивах комиссии. Я думаю, что наши взгляды более или менее сходятся.

Сталин. Сколько времени мы намерены оставаться в Тегеране?

Черчилль. Я готов не есть, пока эти директивы не будут разработаны.

Сталин. Речь идет о том, когда мы намерены закончить нашу конференцию.

Рузвельт. Я готов находиться в Тегеране до тех пор, пока в Тегеране будет находиться маршал Сталин.

Черчилль. Если будет необходимо, то я готов навсегда остаться в Тегеране.

Сталин. Я хотел бы спросить, сколько имеется в настоящее время французских дивизий?

Рузвельт. Предполагается вооружить 11 французских дивизий. Но из этого числа готовы в настоящее время лишь 5 дивизий и в ближайшее время будут оснащены еще 4 дивизии.

Сталин. Находятся ли эти французские дивизии в действии или они ничего не делают?

Рузвельт. Одна дивизия сражается в Италии, одна или две дивизии находятся на Корсике и Сардинии.

Сталин. Как командование предполагает использовать эти французские дивизии?

Маршалл. Предполагается влить французский корпус в состав 5-й армии, действующей на левом фланге в Италии. Одна дивизия в настоящее время находится в процессе переброски на фронт в Италию, где она пройдет боевое испытание. После этого будет решен вопрос о наиболее целесообразном использовании французских дивизий. Время, которое потребуется для оснащения еще четырех французских дивизий, зависит от времени, кото-

рое потребуется для обучения личного состава этих дивизий.

Сталин. Являются ли эти дивизии дивизиями французского типа?

Маршалл. Эти дивизии американского типа и состоят из 15 000 человек каждая. Большинство солдат не являются французами. В бронетанковых дивизиях $^3/_4$ личного состава являются французами, остальные — африканцы.

Рузвельт. Я хочу сказать несколько слов. По-моему, если мы втроем дадим директивы нашей военной комиссии, то она сможет обсудить все вопросы.

Сталин. Не нужно никакой военной комиссии. Мы можем решить все вопросы здесь, на совещании. Мы должны решить вопрос о дате, о главнокомандующем и вопрос о необходимости вспомогательной операции в Южной Франции. Мы, русские, ограничены сроком пребывания в Тегеране. Мы могли бы пробыть здесь в течение 1 декабря, но 2-го мы должны уехать. Президент помнит о том, что мы с ним условились о 3—4 днях.

Рузвельт. Я думаю, что мое предложение упростит работу штаба. Военная комиссия должна принять за основу операцию «Оверлорд». Комиссия должна представить свои предложения в отношении вспомогательных операций в районе Средиземного моря. Она должна иметь также в виду, что эти операции могут задержать осуществление «Оверлорда».

Сталин. Русские хотят знать дату начала операции «Оверлорд», чтобы подготовить свой удар по немцам.

Рузвельт. Срок операции «Оверлорд» был определен в Квебеке. Только самые серьезные изменения в обстановке могут оправдать изменение намеченного срока этой операции.

Черчилль. Я сейчас выслушал директиву, которую президент предлагает дать комиссии. Я хотел бы иметь возможность обдумать то, что предложил президент. Я не вижу принципиальных разногласий в этом вопросе, но я хотел бы иметь время для рассмотрения предложений президента. Я очень рад провести в Тегеране 1 декабря и выехать 2 декабря. Мне не ясно, предлагает ли президент создать военную комиссию или она не должна существовать, ибо маршал Сталин предлагает обойтись без комиссии. Лично я за такую комиссию.

Что касается определения срока операции «Овер-

лорд», то если будет решено провести расследование стратегических вопросов в военной комиссии...

Сталин. Мы не требуем никакого расследования.

Рузвельт. Нам всем известно, что разногласия между нами и англичанами небольшие. Я возражаю против отсрочки операции «Оверлорд», в то время как г-н Черчилль больше подчеркивает важность операций в Средиземном море. Военная комиссия могла бы разобраться в этих вопросах.

Сталин. Мы можем решить эти вопросы сами, ибо мы больше имеем прав, чем военная комиссия. Если можно задать неосторожный вопрос, то я хотел бы узнать у англичан, верят ли они в операцию «Оверлорд» или они просто говорят о ней для того, чтобы успокоить русских.

Черчилль. Если будут налицо условия, которые были указаны на Московской конференции, то я твердо убежден в том, что мы будем обязаны перебросить все наши возможные силы против немцев, когда начнется осуществление операции «Оверлорд».

Рузвельт. Мы очень голодны сейчас. Поэтому я предложил бы прервать наше заседание, чтобы присутствовать на том обеде, которым нас сегодня угощает маршал Сталин. Я предлагаю, чтобы завтра утром наша военная комиссия продолжила свое совещание.

Сталин. Совещания военной комиссии не требуется. Это лишнее. Совещание военных не ускорит нашей работы. Мы можем ускорить нашу работу только сами.

Черчилль. Может быть, лучше мне и президенту согласовать свои точки зрения и затем доложить Вам о нашей общей точке зрения?

Сталин. Это ускорит нашу работу.

Черчилль. А как насчет комиссии в составе Гопкинса и двух министров иностранных дел?

Сталин. И этой комиссии не нужно, но если г-н Черчилль настаивает, то мы не возражаем против ее создания.

Рузвельт. Завтра Гопкинс, Молотов и Иден могли бы иметь беседу друг с другом за завтраком.

Сталин. Что мы будем делать завтра? Готовы ли будут предложения Черчилля и Рузвельта?

Рузвельт. Предложения будут готовы, и я предлагаю завтра мне, Черчиллю и маршалу Сталину позавтракать в половине второго и обсудить все вопросы.

Черчилль. Это будет нашей программой на завтрашний день.

Сталин. Согласен.

Третье заседание конференции глав правительств СССР, США и Великобритании

Тегеран, 30 ноября 1943 г.

Начало в 16 ч. 30 м. **Конец в 17 ч. 20 м.**

Рузвельт. Решение британского и американского штабов было сообщено маршалу Сталину и удовлетворило его. Было бы желательно, если бы генерал Брук доложил конференции об этом решении, если маршал Сталин не возражает против этого.

Сталин. Согласен.

Черчилль. Это заявление генерал Брук сделает как от имени американцев, так и от имени англичан.

Брук. Начальники объединенных штабов рекомендовали президенту и премьер-министру сообщить маршалу Сталину о том, что начало операции «Оверлорд» состоится в течение мая месяца. Эта операция будет поддержана операцией против Южной Франции, причем масштаб этой операции будет зависеть от количества десантных судов, которые будут иметься в наличии к этому времени.

Черчилль. Подразумевается, конечно, что объединенные британский и американский штабы будут находиться в тесном контакте с маршалом Сталиным с тем, чтобы операции всех союзников могли координироваться и чтобы по врагу был нанесен одновременно удар с обеих сторон.

Сталин. Я понимаю важность решений, принятых штабами наших союзников, и трудности проведения этих решений. Возможно, будет существовать опасность не в начале «Оверлорда», а во время развертывания этой операции, когда немцы попытаются перебросить часть войск с Восточного фронта на Западный и затруднить дело «Оверлорда». Чтобы не дать немцам возможности манев-

рировать своими резервами и перебрасывать сколько-нибудь значительные силы с Восточного фронта на Запад, русские обязуются к маю организовать большое наступление против немцев в нескольких местах, с тем чтобы приковать немецкие дивизии на Восточном фронте и не дать возможности немцам создать какие-либо затруднения для «Оверлорда». Об этом я заявил сегодня президенту Рузвельту и премьер-министру Черчиллю, но я хотел повторить мое заявление перед конференцией.

Рузвельт. Я очень удовлетворен заявлением маршала Сталина о том, что будут приняты меры для координации ударов по врагу. Я надеюсь, что наши нации теперь поняли необходимость совместных действий, и предстоящие операции наших трех стран покажут, что мы научились действовать совместно.

Соединенные Штаты еще не назначили главнокомандующего операцией «Оверлорд», но я уверен, что главнокомандующий будет назначен в ближайшие 3 или 4 дня, как только мы вернемся в Каир.

У меня есть лишь одно предложение — о том, чтобы наши штабы без задержки приступили к разработке тех предложений, которые были приняты здесь. Поэтому я полагаю, что они могут завтра же возвратиться в Каир, если против этого нет возражений у маршала Сталина.

Сталин. Я с этим согласен.

Черчилль. Я хочу сказать, что мы приняли сегодня серьезное решение. Теперь президент и я и наши штабы должны тщательно разработать этот впорос и решить, где найти необходимые десантные суда. У нас впереди 5 месяцев, и я считаю, что мы сможем достать необходимое количество десантных судов. Я уже дал задание изучить этот вопрос, и подробный доклад будет представлен, как только наши штабы вернутся домой. Для успеха операции «Оверлорд» мы должны иметь значительное превосходство сил, и я надеюсь, что наши штабы сумеют это обеспечить. К июню мы будем уже находиться в тяжелой и активной борьбе с противником. Я думаю, что мы закончили обсуждение военных вопросов. Теперь мы могли бы обсудить политические вопросы. Для этого мы могли бы использовать 1 и 2 декабря и выехать 3 декабря. Мы достигли большого успеха, и было бы хорошо, если бы мы разъехались, разрешив все вопросы, и если бы мы могли сообщить общественному мнению, что мы достиг-

ли полного соглашения. Я надеюсь, что президент сможет остаться до 3 декабря, так же как и я, если маршал Сталин согласен остаться.

Сталин. Согласен.

Рузвельт. Я очень рад слышать, что маршал Сталин согласился остаться еще на один день. Я еще хотел сказать относительно коммюнике: может быть, наши штабы могли бы представить нам проект этого коммюнике.

Сталин. В той части, которая касается военных вопросов.

Черчилль. Да, конечно. Нужно, чтобы коммюнике было кратким и таинственным.

Сталин. Но без мистики.

Черчилль. Я уверен, что в скором времени противнику должно стать известно о наших приготовлениях, поскольку он это сможет обнаружить по большому скоплению железнодорожных составов, по активности в наших портах и т. д.

Сталин. Большую операцию в мешке не спрячешь.

Черчилль. Нужно было бы, чтобы наши штабы подумали о том, чтобы замаскировать эти приготовления и ввести неприятеля в заблуждение.

Сталин. Мы в таких случаях обманываем противника, строя макеты танков, самолетов, создавая ложные аэродромы. Затем мы при помощи тракторов приводим эти макеты танков и самолетов в движение. Разведка доносит противнику об этих передвижениях, причем немцы думают, что именно в этом месте готовится удар. В то же время там, где действительно готовится наступление, царит полное спокойствие. Все перевозки производятся ночью. Мы создаем в ряде мест до 5—8 тысяч макетов танков, до 2 тысяч макетов самолетов, большое число ложных аэродромов. Кроме того, мы обманываем противника при помощи радио. В тех районах, где не предполагается наступление, производится перекличка между радиостанциями. Эти станции засекаются противником, и у него создается впечатление, что здесь находятся большие части. Самолеты противника иногда день и ночь бомбардируют эти местности, которые в действительности совершенно пусты.

Черчилль. Правду приходится охранять путем неправды. Во всяком случае, будут приняты меры для того, чтобы ввести врага в заблуждение.

Четвертое заседание конференции глав правительств СССР, США и Великобритании

Тегеран, 1 декабря 1943 г.

I. ЗАСЕДАНИЕ ВО ВРЕМЯ ЗАВТРАКА

Начало в 13 ч. **Конец в 15 ч.**

Гопкинс. Вопрос о приглашении Турции вступить в войну связан с вопросом о том, какую поддержку Турция может получить от Великобритании и Соединенных Штатов. Кроме того, необходимо координировать вступление Турции в войну с общей стратегией.

Рузвельт. Другими словами, Иненю спросит нас, поддержим ли мы Турцию. Я думаю, что этот вопрос необходимо еще разработать.

Сталин. Черчилль сказал, что британское правительство предоставляет для помощи Турции 20—30 эскадрилий и 2—3 дивизии.

Черчилль. Мы не давали согласия в отношении 2—3 дивизий. У нас в Египте имеется 17 эскадрилий, которые не используются в настоящее время англо-американским командованием. Эти эскадрильи, в случае вступления Турции в войну, послужили бы целям ее обороны. Кроме того, Англия дала согласие на предоставление Турции трех полков ПВО. Вот все, что было обещано англичанами Турции. Англичане не обещали Турции войск. У турок имеется 50 дивизий. Турки хорошие бойцы, но у них нет современного вооружения. Что касается 2—3 дивизий, о которых говорит маршал Сталин, то британское правительство выделило эти дивизии для овладения Эгейскими островами в случае вступления Турции в войну, а не для помощи Турции.

Рузвельт (обращаясь к Черчиллю). Не правда ли, что операция против Родоса потребует большого количества десантных средств?

Черчилль. Эта операция потребует десантных средств не больше того количества, которое находится в Средиземном море.

Рузвельт. Мое затруднение состоит в том, что американский штаб еще не изучил вопроса о количестве десантных судов, необходимых для операций в Италии, подготовки «Оверлорда» в Англии и для Индийского океана. Поэтому я должен быть осторожен в отношении обещаний Турции. Я боюсь, как бы эти обещания не помешали выполнению нашего вчерашнего соглашения.

Сталин. Помимо вступления в войну Турция предоставит также свою территорию для авиации союзников.

Черчилль. Конечно.

Сталин. Я думаю, что с этим вопросом покончено.

Черчилль. Мы не предлагали ничего того, чего мы не можем дать. Мы предложили туркам 3 новые эскадрильи истребителей, чтобы довести общее количество эскадрилий, включая находящиеся в Египте, до 20. Может быть, американцы добавят что-либо к этому количеству? Мы обещали предоставить туркам части ПВО, но мы не обещали туркам никаких войск, так как у нас их нет. Что касается десантных средств, то они потребуются в марте месяце, но я полагаю, что мы можем их найти в период между занятием Рима и началом «Оверлорда».

Рузвельт. Я хочу посоветоваться с военными. Я надеюсь, что Черчилль прав, но мои советники говорят, что возможны трудности в использовании десантных судов в период между занятием Рима и началом «Оверлорда». Они полагают, что совершенно необходимо иметь к 1 апреля десантные суда, которые будут использованы в операции «Оверлорд».

Черчилль. Я не вижу затруднений. Мы никаких предложений Турции не делали, и я не знаю, примет ли их Иненю. Он будет в Каире и познакомится с положением дел. Я могу предоставить туркам 20 эскадрилий. Никаких войск я туркам не дам. Кроме того, я думаю, что войска им и не требуются. Однако все дело в том, что я не знаю, приедет ли Иненю в Каир или нет.

Сталин. Не захворает ли Иненю?

Черчилль. Легко может захворать. Если Иненю не согласится поехать в Каир для встречи со мной и президентом, то я готов поехать к нему на крейсере в Адану. Иненю приедет туда, и я нарисую ему неприятную картину, которая предстанет перед турками в том случае, если они не согласятся вступить в войну, и приятную картину в

противоположном случае. Я сообщу Вам тогда о результатах своих бесед с Иненю.

Гопкинс. Вопрос о поддержке Турции в войне не обсуждался американскими военными, и я поэтому сомневаюсь в целесообразности приглашения Иненю в Каир, пока военные не изучили этого вопроса.

Сталин. Следовательно, Гопкинс предлагает не приглашать Иненю.

Гопкинс. Я не предлагаю не приглашать Иненю, но подчеркиваю, что предварительно было бы полезно получить сведения о той помощи, которую мы можем оказать туркам.

Черчилль. Я согласен с Гопкинсом. Мы должны договориться по вопросу о возможной помощи туркам.

Сталин. Без военных этого не сделать?

Черчилль. Мы должны совместно с военными изучить вопрос о десантных средствах. Возможно, их удастся получить больше, чем мы думаем, взяв их с Индийского или Тихого океана или построив их. Если это невозможно, то нужно от чего-то отказаться. Однако, во всяком случае, решено, что «Оверлорд» не должен пострадать.

Рузвельт. Я думаю, что было бы полезно, если бы я коротко изложил положение на Тихом океане в связи с вопросом о возможном изъятии оттуда десантных средств, как это предлагает Черчилль. Я должен подчеркнуть, что, во-первых, расстояние от Тихого океана до Средиземного моря огромно. Во-вторых, мы двигаемся в Тихом океане на север для того, чтобы перерезать коммуникации японцев, и нам нужны десантные средства в этом районе.

Гопкинс. Верно ли, что Черчилль и Иден не говорили с турками о захвате Эгейских островов?

Иден. Нет, я об этом не говорил. Я просил турок лишь о предоставлении авиабаз и не затрагивал с ними вопроса о десантных средствах.

Рузвельт. Если я увижусь с турецким президентом, то я сделаю ему предложение о том, чтобы мы взяли Крит и Додеканезские острова, так как они весьма близко расположены к Турции.

Черчилль. Я хочу получить от турок авиабазы в районе Смирны, которые англичане помогли построить туркам. Получив от турок эти авиабазы, мы изгоним германские

военно-воздушные силы с островов. Мы готовы для этой цели платить одним своим самолетом за один уничтоженный германский самолет. Задача изгнания немецких гарнизонов с островов будет возможна, если мы обеспечим себе превосходство в воздухе в этом районе. Нет надобности брать приступом остров Родос, где находится 8 тысяч итальянцев и 5 тысяч немцев. Их можно уморить голодом. Если мы получим базы в Турции, то наши корабли, при поддержке авиации, смогут отрезать коммуникации немцев, и цель будет достигнута.

Сталин. Это правильно. По-моему, 20 эскадрилий в Каире сейчас ничего не делают. Но если они вступят в действие, то от немецких военно-воздушных сил ничего не останется. Но надо было бы добавить к эскадрильям истребителей некоторое количество бомбардировщиков.

Рузвельт. Я согласен с предложением Черчилля о предоставлении для целей обороны Турции 20 эскадрилий и некоторого количества бомбардировщиков.

Черчилль. Мы предлагаем Турции ограниченное прикрытие с воздуха и ПВО. Сейчас зима, и вторжение в Турцию невероятно. Мы предполагаем продолжить снабжение Турции вооружением. Турция получает большей частью американское вооружение. В настоящее время мы предлагаем Турции неоценимую возможность принять приглашение Советского правительства участвовать в мирной конференции.

Сталин. Какого вооружения не хватает Турции?

Черчилль. У турок имеются винтовки, неплохая артиллерия, но у них нет противотанковой артиллерии, нет авиации и нет танков. Мы организовали в Турции военные школы, но турки их плохо посещают. У турок нет опыта в обращении с радиоаппаратурой. Но турки являются хорошими бойцами.

Сталин. Вполне возможно, что если турки дадут аэродромы союзникам, то Болгария не нападет на Турцию, а немцы будут ждать нападения Турции. Турция не нападет на немцев, а будет с ними находиться просто в состоянии войны. Но зато союзники получают от Турции аэродромы и порты. Если бы события приняли такой оборот, то это было бы также неплохо.

Иден. Я говорил туркам, что они могут предоставить авиабазы союзникам не воюя, ибо Германия не нападет на Турцию.

Рузвельт. В этом отношении Турции могла бы служить примером Португалия.

Иден. Нуман не хотел согласиться с моей точкой зрения. Он сказал, что Германия будет реагировать и что Турция предпочла бы вступить в войну по своей доброй воле, чем быть в нее втянутой.

Черчилль. Это правильно. Но я должен сказать следующее. Когда вы просите Турцию растянуть свой нейтралитет путем предоставления нам авиабаз, то турки нам отвечают, что они предпочитают серьезную войну; когда же вы говорите туркам о вступлении в серьезную войну, то они отвечают нам, что у них нет для этого вооружения. Если турки ответят нам на наше предложение отрицательно, то мы должны изложить им серьезные соображения. Мы должны им сказать, что они не будут в этом случае участвовать в мирной конференции. Что касается Англии, то мы скажем со своей стороны, что нас не интересуют дела турок. Кроме того, мы прекратим снабжение Турции вооружением.

Иден. Я хочу уточнить, какие требования мы должны будем предъявить Турции в Каире. Я понимаю, что мы должны требовать от турок вступления в войну против Германии.

Сталин. Именно против Германии.<...>

II. ЗАСЕДАНИЕ ЗА КРУГЛЫМ СТОЛОМ

Начало в 16 ч. **Конец в 19 ч. 40 м.**

Рузвельт. Я хотел бы, чтобы мы на этом заседании обсудили вопросы о Польше и о Германии.

Сталин. А также вопрос о коммюнике.

Рузвельт. Коммюнике уже готовится.

Молотов. Можем ли мы получить сейчас ответ на вопрос относительно передачи нам части итальянского торгового и военно-морского флота?

Рузвельт. Ответ на этот вопрос очень прост. Мы получили большое количество итальянских кораблей. Они должны, по моему мнению, находиться во временном пользовании Объединенных Наций и должны использо-

ваться наилучшим образом. После войны они должны быть распределены между Объединенными Нациями.

Молотов. Если эти корабли невозможно передать нам в собственность, то мы просим о передаче их нам во временное пользование. Мы их употребим в интересах сеюзников и всех Объединенных Наций.

Сталин. Если Турция не вступит в войну, то переданные нам итальянские корабли не удастся провести в Черное море, и тогда мы желали бы их иметь в Северном море. Мы знаем, что Великобритании и Соединенным Штатам нужны корабли, но мы просим немного.

Черчилль. Я за это.

Рузвельт. Я также за.

Черчилль. Я хотел бы, чтобы эти корабли находились в Черном море.

Сталин. Мы также предпочитаем их иметь в Черном море.

Черчилль. Может быть, было бы хорошо ввести переданные Советскому Союзу итальянские корабли в Черное море вместе с британскими кораблями для помощи советскому военно-морскому флоту.

Сталин. Хорошо, пожалуйста.

Черчилль. Нам нужно урегулировать вопрос о передаче кораблей с итальянцами, так как они помогают нам своим флотом. Некоторые итальянские корабли воюют, другие несут патрульную службу. Подводные лодки используются для снабжения. Конечно, желательно получить от итальянского флота возможно большую пользу, чем иметь его против себя. Поэтому я прошу дать нам два месяца для урегулирования вопроса о передаче итальянских кораблей Советскому Союзу с итальянцами. Вопрос этот деликатный, и тут нужно действовать так, как кошка ведет себя в отношении мыши.

Сталин. Можем ли мы, следовательно, получить эти корабли к концу января будущего года?

Рузвельт. Согласен.

Черчилль. Согласен.

Сталин. На этих кораблях будут наши команды.

Черчилль. Мы хотели бы помочь русскому флоту в Черном море нашими кораблями. Кроме того, мы были бы рады помочь в ремонте советских военно-морских баз в Черном море, например Севастополя. Мы были бы также рады, если Советское правительство сочтет это по-

лезным, ввести в Черное море 4—5 британских подводных лодок для того, чтобы топить там румын и немцев. Я должен сказать, что мы не имеем в Черном море ни притязаний, ни интересов.

Сталин. Хорошо, за всякую помощь, оказанную нам, мы будем благодарить.

Черчилль. Есть один момент, который мы могли бы использовать в случае вступления Турции в войну. Если Турция побоится вступить в войну, но согласится растянуть свой нейтралитет, то, может быть, Турция позволит пропустить несколько подводных лодок через Босфор и Дарданеллы в Черное море и корабли со снабжением для них. Американские подводные лодки топят много японских судов на Тихом океане; наши подводные лодки топили большое количество немецких и итальянских кораблей в Средиземном море; теперь наши подводные лодки могли бы помочь в Черном море.

Сталин. Вопрос исчерпан?

Черчилль. Да.

Рузвельт. Я хотел бы переговорить о Польше. Я хочу выразить надежду, что Советское правительство сможет начать переговоры и восстановить свои отношения с польским правительством.

Сталин. Агенты польского правительства, находящиеся в Польше, связаны с немцами. Они убивают партизан. Вы не можете себе представить, что они там делают.

Черчилль. Это большой вопрос. Мы объявили войну Германии из-за того, что Германия напала на Польшу. В свое время меня удивило, что Чемберлен не стал вести борьбу за чехов в Мюнхене, но внезапно в апреле 1939 года дал гарантию Польше. Я был удивлен, когда он отверг более благоприятные возможности и вернулся к политике войны. Но одновременно я был также и обрадован этим обстоятельством. Ради Польши и во исполнение нашего обещания мы, хотя и были не подготовлены, за исключением наших военно-морских сил, объявили войну Германии и сыграли большую роль в том, чтобы побудить Францию вступить в войну. Франция потерпела крах. Но мы благодаря нашему островному положению оказались активными бойцами. Мы придаем большое значение причине, по которой мы вступили в войну. Я понимаю историческую разницу между нашей и русской точками зрения в отношении Польши. Но у нас

Польше уделяется большое внимание, так как нападение на Польшу послужило тем, что заставило нас предпринять нынешние усилия. Я также очень хорошо понимал положение России в начале войны, и, принимая во внимание нашу слабость в начале войны и тот факт, что Франция изменила данным ею гарантиям в Мюнхене, я понимаю, что Советское правительство не могло рисковать тогда своей жизнью в этой борьбе. Но теперь другое положение, и я надеюсь, что, если нас спросят, почему мы вступили в войну, мы ответим, что это случилось потому, что мы дали гарантию Польше. Я хочу напомнить приведенный мною пример о трех спичках, одна из которых представляет Германию, другая — Польшу и третья — Советский Союз. Все эти три спички должны быть передвинуты на запад, чтобы разрешить одну из главных задач, стоящих перед союзниками,— обеспечение западных границ Советского Союза.

Сталин. Вчера не было разговора о переговорах с польским правительством. Вчера разговаривали о том, что нужно предписать польскому правительству то-то и то-то. Я должен сказать, что Россия не меньше других, а больше других держав заинтересована в хороших отношениях с Польшей, так как Польша является соседом России. Мы — за восстановление, за усиление Польши. Но мы отделяем Польшу от эмигрантского польского правительства в Лондоне. Мы порвали отношения с этим правительством не из-за каких-либо наших капризов, а потому, что польское правительство присоединилось к Гитлеру в его клевете на Советский Союз. Все это было опубликовано в печати. Какие у нас могут быть гарантии в том, что эмигрантское польское правительство в Лондоне снова не сделает то же самое? Мы хотели бы иметь гарантию в том, что агенты польского правительства не будут убивать партизан, что эмигрантское польское правительство будет действительно призывать к борьбе против немцев, а не заниматься устройством каких-либо махинаций. Мы будем поддерживать хорошие отношения с правительством, которое призывает к активной борьбе против немцев. Однако я не уверен, что нынешнее эмигрантское польское правительство в Лондоне является таким, каким оно должно быть. Если оно солидаризируется с партизанами и если мы будем иметь гарантию, что его агенты не будут иметь связей с немцами в Поль-

ше, тогда мы будем готовы начать с ним переговоры.

Черчилль говорит о трех спичках. Я хотел бы спросить, что это означает.

Черчилль. Было бы хорошо здесь, за круглым столом, ознакомиться с мыслями русских относительно границ Польши. Мне кажется, что тогда Иден или я могли бы их изложить полякам. Мы полагаем, что Польшу следует удовлетворить, несомненно, за счет Германии. Мы были бы готовы сказать полякам, что это хороший план и что лучшего плана они не могут ожидать. После этого мы могли бы поставить вопрос о восстановлении отношений. Но я хотел бы подчеркнуть, что мы хотим существования сильной, независимой Польши, дружественной по отношению к России.

Сталин. Речь идет о том, что украинские земли должны отойти к Украине, а белорусские — к Белоруссии, то есть между нами и Польшей должна существовать граница 1939 года, установленная советской Конституцией. Советское правительство стоит на точке зрения этой границы и считает это правильным.

Какие еще вопросы имеются для обсуждения?

Рузвельт. Вопрос о Германии.

Сталин. Какие предложения имеются по этому поводу?

Рузвельт. Расчленение Германии.

Черчилль. Я за расчленение Германии. Но я хотел бы обдумать вопрос относительно расчленения Пруссии. Я за отделение Баварии и других провинций от Германии.

Рузвельт. Чтобы стимулировать нашу дискуссию по этому вопросу, я хотел бы изложить составленный мною лично 2 месяца тому назад план расчленения Германии на пять государств.

Черчилль. Я хотел бы подчеркнуть, что корень зла Германии — Пруссия.

Рузвельт. Я хотел бы, чтобы мы сначала имели перед собой картину в целом и потом говорили об отдельных компонентах. По моему мнению, Пруссия должна быть возможно ослаблена и уменьшена в своих размерах. Пруссия должна составлять первую самостоятельную часть Германии. Во вторую часть Германии должны быть включены Ганновер и северо-западные районы Германии. Третья часть — Саксония и район Лейпцига. Чет-

вертая часть — Гессенская провинция, Дармштадт, Кассель и районы, расположенные к югу от Рейна, а также старые города Вестфалии. Пятая часть — Бавария, Баден, Вюртемберг. Каждая из этих пяти частей будет представлять собой независимое государство. Кроме того, из состава Германии должны быть выделены районы Кильского канала и Гамбурга. Этими районами должны будут управлять Объединенные Нации или четыре державы. Рурская и Саарская области должны быть поставлены под контроль либо Объединенных Наций, либо попечителей всей Европы. Вот мое предложение. Я должен предупредить, что оно является лишь пробным.

Черчилль. Вы изложили «полный рот» всего. Я считаю, что существуют два вопроса: один — разрушительный, а другой — конструктивный. У меня две мысли: первая — это изоляция Пруссии от остальной Германии; вторая — это отделение южных провинций Германии — Баварии, Бадена, Вюртемберга, Палатината от Саара до Саксонии включительно. Я держал бы Пруссию в жестких условиях. Я считаю, что южные провинции легко оторвать от Пруссии и включить в дунайскую федерацию. Люди, живущие в Дунайском бассейне, не являются причиной войны. Во всяком случае, с пруссаками я поступил бы гораздо более сурово, чем с остальными немцами. Южные немцы не начнут новой войны.

Сталин. Мне не нравится план новых объединений государств. Если будет решено разделить Германию, то не надо создавать новых объединений. Будь то пять или шесть государств и два района, на которые Рузвельт предлагает расчленить Германию, этот план Рузвельта об ослаблении Германии может быть рассмотрен. Черчиллю скоро придется иметь дело с большими массами немцев, как и нам. Черчилль увидит тогда, что в германской армии сражаются не только пруссаки, но и немцы из остальных провинций Германии. Лишь австрийцы, сдаваясь в плен, кричат: я австриец,— и наши солдаты их принимают. Что касается немцев из отдельных провинций Германии, то они дерутся с одинаковым ожесточением. Как бы мы ни подходили к вопросу о расчленении Германии, не нужно создавать какого-то нового нежизнеспособного объединения дунайских государств. Венгрия и Австрия должны существовать отдельно

друг от друга. Австрия существовала как самостоятельное государство до тех пор, пока она не была затронута.

Рузвельт. Я согласен с маршалом Сталиным, в частности, в том, что между немцами, происходящими из различных германских провинций, не существует разницы. 50 лет тому назад эта разница существовала, но сейчас все немецкие солдаты одинаковы. Правда, это не относится к прусскому офицерству.

Черчилль. Я не хочу, чтобы меня истолковывали так, как будто бы я не за расчленение Германии. Но я хотел бы сказать, что если раздробить Германию на несколько частей и не создать комбинации из этих частей, тогда, как это говорил маршал Сталин, наступит время, когда немцы объединятся.

Сталин. Нет никаких мер, которые могли бы исключить возможность объединения Германии.

Черчилль. Маршал Сталин предпочитает раздробленную Европу?

Сталин. Причем здесь Европа? Я не знаю, нужно ли создавать 4, 5 или 6 самостоятельных германских государств. Этот вопрос нужно обсудить.

Рузвельт. Следует ли создать для изучения вопроса о Германии специальный комитет или, может быть, следует передать его в Лондонскую комиссию?

Сталин. Можно передать этот вопрос в Лондонскую комиссию, в которой имеются представители трех наших государств.

Черчилль. Теперь я хотел бы снова вернуться к польскому вопросу, который мне кажется более срочным, ибо поляки могут наделать много шуму. Я хотел бы зачитать следующее свое предложение по польскому вопросу. При этом я не прошу соглашаться с ним в том виде, как оно мною составлено, так как я сам еще не принял окончательного решения.

Мое предложение гласит:

«В принципе было принято, что очаг польского государства и народа должен быть расположен между так называемой линией Керзона и линией реки Одер, с включением в состав Польши Восточной Пруссии и Оппельнской провинции. Но окончательное проведение границы требует тщательного изучения и возможного расселения населения в некоторых пунктах».

Сталин. Русские не имеют незамерзающих портов на Балтийском море. Поэтому русским нужны были бы незамерзающие порты Кёнигсберг и Мемель и соответствующая часть территории Восточной Пруссии. Тем более, что исторически — это исконно славянские земли. Если англичане согласны на передачу нам указанной территории, то мы будем согласны с формулой, предложенной Черчиллем.

Черчилль. Это очень интересное предложение, которое я обязательно изучу.

СООБЩЕНИЕ О КОНФЕРЕНЦИИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ТРЕХ СОЮЗНЫХ ДЕРЖАВ—СОВЕТСКОГО СОЮЗА, СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ТЕГЕРАНЕ

С 28 ноября по 1 декабря в Тегеране состоялась Конференция руководителей трех союзных Держав — Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР тов. И. В. Сталина, Президента Соединенных Штатов Америки г-на Ф. Д. Рузвельта, Премьер-Министра Великобритании г-на У. Черчилля.

. . . . . .

Конференция приняла Декларацию о совместных действиях в войне против Германии и о послевоенном сотрудничестве трех Держав, а также Декларацию об Иране. Тексты деклараций публикуются.

ДЕКЛАРАЦИЯ ТРЕХ ДЕРЖАВ

Мы, Президент Соединенных Штатов, Премьер-Министр Великобритании и Премьер Советского Союза, встречались в течение последних четырех дней в столице нашего союзника — Ирана и сформулировали и подтвердили нашу общую политику.

Мы выражаем нашу решимость в том, что наши страны будут работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время.

Что касается войны, представители наших военных штабов участвовали в наших переговорах за круглым столом, и мы согласовали наши планы уничтожения германских вооруженных сил. Мы пришли к полному соглашению относительно масштаба и сроков операций, которые будут предприняты с востока, запада и юга.

Взаимопонимание, достигнутое нами здесь, гарантирует нам победу.

Что касается мирного времени, то мы уверены, что существующее между нами согласие обеспечит прочный мир. Мы полностью признаем высокую ответственность, лежащую на нас и на всех Объединенных Нациях, за осуществление такого мира, который получит одобрение подавляющей массы народов земного шара и который устранит бедствия и ужасы войны на многие поколения.

Совместно с нашими дипломатическими советниками мы рассмотрели проблемы будущего. Мы будем стремиться к сотрудничеству и активному участию всех стран, больших и малых, народы которых сердцем и разумом посвятили себя, подобно нашим народам, задаче устранения тирании, рабства, угнетения и нетерпимости. Мы будем приветствовать их вступление в мировую семью демократических стран, когда они пожелают это сделать.

Никакая сила в мире не сможет помешать нам уничтожать германские армии на суше, их подводные лодки на море и разрушать их военные заводы с воздуха.

Наше наступление будет беспощадным и нарастающим.

Закончив наши дружественные совещания, мы уверенно ждем того дня, когда все народы мира будут жить свободно, не подвергаясь действию тирании, и в соответствии со своими различными стремлениями и своей совестью.

Мы прибыли сюда с надеждой и решимостью. Мы уезжаем отсюда действительными друзьями по духу и цели.

Подписано в Тегеране 1 декабря 1943 года.

РУЗВЕЛЬТ

СТАЛИН

ЧЕРЧИЛЛЬ

ДЕКЛАРАЦИЯ ТРЕХ ДЕРЖАВ ОБ ИРАНЕ

Президент Соединенных Штатов, Премьер СССР и Премьер-Министр Соединенного Королевства, посоветовавшись друг с другом и с Премьер-Министром Ирана, желают заявить об общем согласии их трех Правительств относительно их взаимоотношений с Ираном.

Правительства Соединенных Штатов, СССР и Соединенного Королевства признают помощь, которую оказал Иран в деле ведения войны против общего врага, в особенности облегчая транспортировку грузов из-за границы в Советский Союз.

Эти три Правительства сознают, что война вызвала специфические экономические трудности для Ирана, и они согласились, что они будут по-прежнему предоставлять Правительству Ирана такую экономическую помощь, какую возможно будет оказать, имея в виду те большие требования, которые налагают на них их военные операции по всему миру и существующий во всем мире недостаток транспортных средств, сырья и снабжения для гражданского потребления.

Имея в виду послевоенный период, Правительства Соединенных Штатов, СССР и Соединенного Королевства согласны с Правительством Ирана в том, что любые экономические проблемы, которые встанут перед Ираном после окончания военных действий, должны быть полностью рассмотрены наряду с экономическими проблемами, которые встанут перед другими членами Объединенных Наций,— конференциями или международными организациями, созванными или созданными для обсуждения международных экономических вопросов.

Правительства Соединенных Штатов, СССР и Соединенного Королевства едины с Правительством Ирана в своем желании сохранить полную независимость, суверенитет и территориальную неприкосновенность Ирана. Они рассчитывают на участие Ирана совместно с другими миролюбивыми нациями в установлении международного мира, безопасности и прогресса после войны, в соответствии с принципами Атлантической хартии, которую подписали все четыре Правительства.

ЧЕРЧИЛЛЬ
СТАЛИН
РУЗВЕЛЬТ

1 декабря 1943 г.

КРЫМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

4—11 февраля 1945 г.

Первое заседание в Ливадийском дворце

4 февраля 1945 г.

Сталин просит Рузвельта открыть заседание.

Рузвельт заявляет, что ни в законе, ни в истории не предусмотрено, что он должен открывать совещания. Лишь случайно он открывал совещания также в Тегеране. Он, Рузвельт, считает для себя большой честью открыть нынешнее совещание. Прежде всего, он хотел бы выразить благодарность за оказанное ему гостеприимство.

Руководители трех держав, говорит Рузвельт, уже хорошо понимают друг друга, и взаимопонимание между ними растет. Все они хотят скорейшего окончания войны и прочного мира. Поэтому участники совещания могут приступить к своим неофициальным беседам. Он, Рузвельт, считает, что нужно беседовать откровенно. Опыт показывает, что откровенность в переговорах позволяет быстрее достичь хороших решений. Перед участниками совещания будут карты Европы, Азии и Африки. Но сегодняшнее заседание посвящено положению на Восточном фронте, где войска Красной Армии столь успешно продвигаются вперед. Он, Рузвельт, просит кого-либо доложить о положении на советско-германском фронте.

Сталин отвечает, что он может предложить, чтобы доклад сделал заместитель начальника Генерального штаба Красной Армии генерал армии Антонов.

Антонов: «1. Советские войска с 12—15 января перешли в наступление на фронте от р. Неман до Карпат протяжением 700 километров.

Войска генерала Черняховского наступали на Кёнигсберг.

Войска маршала Рокоссовского — по северному берегу р. Вислы, отрезая Восточную Пруссию от центральных районов Германии.

Войска маршала Жукова — южнее р. Вислы, на Познань.

Войска маршала Конева — на Ченстохов, Бреслау.

Войска генерала Петрова — в полосе Карпат, на Нов. Тарг.

Главный удар наносился группой войск Рокоссовского, Жукова и Конева на фронте Остроленка — Краков шириной 300 километров.

2. Вследствие неблагоприятных погодных условий предполагалось эту операцию начать в конце января, когда ожидалось улучшение погоды.

Поскольку операция эта рассматривалась и подготавливалась, как операция с решающими целями, то хотелось провести ее в более благоприятных условиях.

Однако, ввиду тревожного положения, создавшегося на Западном фронте в связи с наступлением немцев в Арденнах, Верховное командование советских войск дало приказ начать наступление не позже середины января, не ожидая улучшения погоды.

3. Группировка противника после выхода советских войск на реки Нарев и Вислу была наиболее плотной на центральном участке фронта, ибо удар с этого участка выводил наши войска по кратчайшему направлению к жизненным центрам Германии.

Чтобы создать себе более выгодные условия для наступления, Советское верховное командование решило растянуть эту центральную группировку противника.

С этой целью была проведена вспомогательная операция против Восточной Пруссии и продолжалось наступление в Венгрии на Будапештском направлении.

Оба эти направления для немцев были очень чувствительны, и они быстро реагировали на наше наступление переброской сил на фланги за счет центрального участка фронта; так, из 24 танковых дивизий, имевшихся на нашем фронте и представлявших собой основную ударную силу немцев, 11 танковых дивизий были притянуты на Будапештское направление, 6 танковых дивизий — в Восточную Пруссию (3 танковые дивизии находились в Курляндии), и, таким образом, на центральном участке фронта осталось только 4 танковые дивизии.

Цель, намеченная Верховным командованием, была достигнута.

4. Соотношение сил на направлении главного удара:

На фронте от Остроленка до Кракова, то есть на направлении нашего главного удара, противник имел до 80 дивизий; мы создали группировку из расчета получить превосходство над противником:

в пехоте — более чем двойное (до 180 сд),

в артиллерии, танках и авиации — подавляющее.

На участках прорыва была создана плотность, насыщенность артиллерией в 220—230 стволов (от 76 м/м и выше) на один километр фронта.

5. Наступление было начато в крайне неблагоприятных погодных условиях (низкая облачность, туман), что совершенно исключало работу авиации и ограничивало артиллерийское наблюдение сотней метров.

Благодаря хорошо проведенной предварительной разведке и мощному артиллерийскому наступлению огневая система противника была подавлена и его укрепления разрушены. Это обстоятельство позволило нашим войскам в первый день наступления продвинуться на 10—15 километров, то есть полностью прорвать всю оборону противника на всей ее тактической глубине.

6. Результаты наступления:

а) К 1 февраля, то есть за 18 дней наступления, советские войска на направлении главного удара продвинулись до 500 километров. Таким образом, средний темп продвижения был 25—30 километров в сутки.

б) Советские войска вышли на р. Одер на участке от Кюстрин (севернее Франкфурта) и южнее и овладели Силезским промышленным районом.

в) Перерезаны основные пути, связывающие восточнопрусскую группировку противника с центральными районами Германии.

Таким образом, кроме Курляндской группировки (26 дивизий) изолирована группировка противника в Восточной Пруссии (до 27 дивизий); окружены и уничтожаются ряд отдельных группировок немцев (в районе Лодзи, Торна, Познани, Шнейдемюля и других, общей численностью до 15 дивизий).

г) Прорваны сильные долговременного типа оборонительные позиции немцев в Восточной Пруссии — на Кёнигсбергском и Летценском направлениях.

д) Разгромлено 45 дивизий немцев, причем противник понес потери:

пленными — около 100 000 человек
убитыми — около 300 000 человек

Всего до 400 000 человек

7. Вероятные действия противника:

а) Немцы будут защищать Берлин, для чего постараются задержать продвижение советских войск на рубеже р. Одер, организуя здесь оборону за счет отходящих войск и резервов, перебрасываемых из Германии, Западной Европы и Италии.

Для обороны Померании противник постарается использовать свою Курляндскую группировку, перебрасывая ее морем за Вислу.

б) Немцы будут возможно прочнее прикрывать венское направление, усиливая его за счет войск, действующих в Италии.

8. Переброска войск противника:

а) На нашем фронте уже появились:

из центральных районов Германии — 9 дивизий,
с Западноевропейского фронта — 6 дивизий,
из Италии — 1 дивизия

16 дивизий

б) Находятся в переброске:

4 танковые дивизии,
1 моторизованная дивизия

5 дивизий

в) Вероятно, будет еще переброшено до 30—35 дивизий (за счет Западноевропейского фронта, Норвегии, Италии и резервов, находящихся в Германии).

Таким образом, на нашем фронте может дополнительно появиться 35—40 дивизий.

9. Наши пожелания:

а) Ускорить переход союзных войск в наступление на Западном фронте, чему сейчас обстановка очень благоприятствует:

1) поражение немцев на Восточном фронте;

2) поражение группировки немцев, наступавшей в Арденнах;

3) ослабление немецких сил на Западе в связи с переброской их резервов на Восток.

Желательно начать наступление в первой половине февраля.

б) Ударами авиации по коммуникациям препятствовать противнику производить переброски своих войск на восток с Западного фронта, из Норвегии и из Италии; в частности, парализовать узлы Берлин и Лейпциг.

в) Не позволять противнику снимать свои силы из Италии».

(Текст сообщения Антонова был вручен в письменном виде Рузвельту и Черчиллю).

Сталин спрашивает, нет ли вопросов.

Рузвельт говорит, что он хотел бы узнать, как Советское правительство предполагает поступить с немецкими паровозами, вагонами и железными дорогами. Предполагает ли Советское правительство перешивать германские железные дороги на более широкую колею?

Антонов отвечает, что ввиду того, что подвижной состав и паровозы, оставляемые немцами, малопригодны для использования, германские железные дороги придется на ряде главных направлений перешить.

Рузвельт заявляет, что, по его мнению, хорошо бы штабам союзников совместно обсудить этот вопрос, так как сейчас войска союзников быстро сближаются друг с другом.

Антонов говорит, что Советское командование перешивает только самое минимальное количество направлений в целях обеспечения снабжения советских войск.

Сталин говорит, что большая часть железных дорог остается неперешитой. Перешивку железных дорог Советское командование делает без большой охоты.

Черчилль заявляет, что у него есть несколько вопросов. Он, Черчилль, считает, что имеется ряд вопросов, которые целесообразно обсудить трем штабам. Например, вопрос о времени. Следовало бы выяснить, сколько времени потребуется немцам для того, чтобы перебросить из Италии 8 дивизий на советский фронт. Что следовало бы предпринять для того, чтобы предотвратить такую переброску? Не следует ли перебросить часть войск союзников через Люблянский проход на соединение с Красной Армией? Тут нужно будет решить также, сколько времени для этого потребуется и не будет ли слишком поздно это предпринимать.

Он, Черчилль, указал лишь на один из вопросов, который может быть обсужден нашими штабами. Сейчас он, Черчилль, предложил бы, чтобы генерал Маршалл сделал доклад об операциях на Западном фронте, осуществление которых будет помощью советским армиям.

Рузвельт говорит, что он согласен с премьер-министром. Раньше союзники воевали на больших расстояниях друг от друга. Сейчас Германия стала мала, и потому особое значение имеет более тесный контакт между штабами трех стран.

Сталин говорит, что это правильно.

Генерал Маршалл заявляет, что на Западном фронте последствия немецкого наступления в Арденнах ликвидированы. В последние недели генерал Эйзенхауэр перегруппировал свои дивизии. В то же самое время генерал Эйзенхауэр продолжал оказывать давление на противника в районе германского контрнаступления. В результате проведенных им операций генерал Эйзенхауэр узнал, что в Арденнах у немцев имеются весьма большие силы. Поэтому генерал Эйзенхауэр начал концентрировать свои силы на севере.

В южной части фронта, то есть к северу от Швейцарии, задача намечаемой операции состоит в том, чтобы отбросить немцев в район Мюльхаузена и Кольмара. Задача операций, ведущихся к северу от Страсбурга, состоит в том, чтобы ликвидировать плацдарм на левом берегу Рейна. В настоящее время 25-я армейская группа и 9-я американская армия, находящиеся под командованием Монтгомери, готовятся к наступлению на северном участке. 9-я американская армия будет наступать в северо-восточном направлении.

Командование союзников надеется, что первая из этих операций начнется 8 февраля. Вторая операция начнется через неделю, а может быть, несколько раньше. Союзники рассчитывают, что немцы отступят к Дюссельдорфу и что союзные войска двинутся затем на Берлин. В это наступление будет введено столько сил, сколько окажется возможным ввести с точки зрения снабжения. Будут применяться парашютные войска. Переход Рейна на севере считается возможным в начале марта. На севере имеются три пригодных места для форсирования Рейна.

В течение некоторого времени операции на Западном фронте развивались медленно из-за отсутствия тоннажа. Сейчас, после открытия Антверпена, дела идут лучше, и союзники могут ввозить от 70 до 80 тысяч тонн сухих грузов в день и 12 тысяч тонн жидкого горючего. Немцы стараются помешать снабжению союзников и продолжают бомбардировать Антверпен летающими бомбами. Сегодня получены сведения, что в районе Антверпена в течение суток упало 60 летающих бомб и 6 ракет.

Сталин говорит, что бомбы и ракеты редко попадают в цель.

Маршалл отвечает, что всегда возможно попадание бомб в суда, находящиеся в порту.

Он заявляет, что авиация союзников активно действовала всегда, когда позволяла погода. Большие разрушения были произведены истребителями, легкими и тяжелыми бомбардировщиками. Сегодня получены сведения, что были произведены налеты на железнодорожные составы с войсками, следовавшие на советско-германский фронт. Большие разрушения произведены на железных дорогах к северу от Страсбурга. Тяжелые бомбардировщики действовали главным образом по заводам, производящим горючее, чтобы лишить Германию возможности снабжать горючим свои танки. Производство горючего в Германии сократилось на 60%. Авиация совершает также налеты на пути сообщения. Были произведены сильные налеты на танкостроительные заводы.

Что касается положения в Италии и к югу от Швейцарии, то он, Маршалл, может сообщить следующее. К югу от Швейцарии у Германии имеются одна-две дивизии, в Италии 27 дивизий. У союзников в Италии имеется такое количество сил, которое уравновешивает немецкие силы. Кроме того, в Италии союзники располагают авиацией, уничтожающей подвижной состав немцев и разрушающей железные дороги и мосты.

Вскоре немцы, заявляет Маршалл, вероятно, возобновят подводное наступление, так как они создали улучшенный тип подводной лодки. Сейчас немцы имеют в своем распоряжении около 30 подводных лодок. Несмотря на малое количество подводных лодок, они могут представлять собой серьезную угрозу для судоходства союзников вследствие того, что созданные союзниками приборы не могут обнаруживать улучшенные конструк-

ции этих подводных лодок. Поэтому действия тяжелых бомбардировщиков были направлены против верфей, на которых строятся подводные лодки. При этом эти операции бомбардировщиков не шли в ущерб ударам авиации по промышленности Германии, в частности по заводам, производящим горючее.

Черчилль заявляет, что он хотел бы, чтобы высказались фельдмаршал Брук и адмирал Каннингхэм. Сейчас очень важна скорость продвижения советских войск, поскольку Данциг является одним из мест, в которых сконцентрировано много подводных лодок.

Сталин спрашивает, какие еще имеются места концентрации подводных лодок.

Черчилль отвечает, что такими местами являются Киль и Гамбург.

Брук заявляет, что, по его мнению, планы и операции союзников на Западном фронте были изложены полностью.

Черчилль заявляет, что прежде, чем участники совещания перейдут к другим, невоенным вопросам, он хотел бы остановиться на одном вопросе, связанном с форсированием рек. У союзников есть специальный центр по изучению форсирования рек. Офицер, который является начальником этого центра, находится сейчас в Ялте. Мы, говорит Черчилль, были бы благодарны, если бы этот офицер мог войти в контакт с советскими военными в целях получения информации о форсировании рек. Как известно, русские обладают большим опытом, в особенности что касается форсирования рек по льду.

Сталин говорит, что у него есть несколько вопросов. Он хотел бы знать, какова длина фронта, на котором предполагается осуществить прорыв.

Маршалл отвечает, что предполагается осуществить прорыв на фронте от 50 до 60 миль.

Сталин спрашивает, есть ли у немцев укрепления на том фронте, где предполагается прорыв.

Маршалл отвечает, что немцы создали укрепления тяжелого типа на этом участке фронта.

Сталин спрашивает, будут ли у союзников резервы для развития успеха.

Маршалл отвечает утвердительно.

Сталин говорит, что он задает этот вопрос, так как Советскому командованию известно, какое большое зна-

чение имеют резервы. Особенно это стало ясным в зимнюю кампанию. Он хотел бы спросить, какое количество танковых дивизий сосредоточили союзники на участке предполагаемого прорыва. Советское командование во время зимнего прорыва сосредоточило в центральной части фронта около 9 тысяч танков.

Маршалл отвечает, что он этого не знает, но приблизительно на три пехотные дивизии будет одна танковая, то есть на 35 дивизий будет около 10—12 танковых дивизий.

Сталин спрашивает, сколько танков в дивизии у союзников.

Маршалл отвечает — 300 танков.

Черчилль говорит, что на всем западноевропейском театре союзники имеют 10 тысяч танков.

Сталин говорит, что это немало. На фронте главного удара Советское командование сосредоточило от 8 до 9 тысяч самолетов. Сколько самолетов у союзников?

Портал отвечает, что у союзников почти столько же самолетов, в том числе 4 тысячи бомбардировщиков, каждый из которых в состоянии принять бомбовую нагрузку от 3 до 5 тонн.

Сталин спрашивает, каково превосходство союзников в пехоте. У Советского командования на фронте главного удара было превосходство в пехоте на 100 дивизий, у немцев было 80 дивизий.

Черчилль заявляет, что в пехоте у союзников никогда не было и нет большого превосходства, но у союзников было иногда очень большое превосходство в авиации.

Сталин говорит, что у Советского командования имеется большое превосходство в артиллерии. Может быть, союзникам будет интересно узнать о том, как действует советская артиллерия? Мы, говорит Сталин, как боевые товарищи, можем обменяться опытом с союзниками. Год тому назад Советское командование создало специальную артиллерию прорыва. Это дало хорошие результаты. В артиллерийской дивизии имеется от 300 до 400 пушек. Например, у маршала Конева на фронте в 35—40 километров было установлено шесть артиллерийских дивизий прорыва. К этим дивизиям присоединена была еще корпусная артиллерия. В результате на каждый километр прорыва приходилось около 230 пушек. После артиллерийской бомбардировки много немцев

было убито, другие были оглушены и не могли долгое время прийти в себя. Тем самым перед Красной Армией были открыты ворота. Дальнейшее продвижение было уже нетрудно.

Он, Сталин, извиняется, что отнял время, рассказывая сейчас об этом. Мы, говорит Сталин, высказали свои пожелания в отношении того, как союзные армии могут помочь советским войскам. Он хотел бы знать, какие пожелания у союзников имеются в отношении советских войск.

Черчилль заявляет, что он хотел бы воспользоваться этим случаем, чтобы выразить глубокое восхищение той мощью, которая была продемонстрирована Красной Армией в ее наступлении.

Сталин говорит, что это не пожелание.

Черчилль заявляет, что союзники осознают трудность своей задачи и не преуменьшают ее. Но союзники уверены в том, что они решат поставленную задачу. Этой уверенностью исполнены все командующие союзников. Хотя удар предполагается нанести по самому сильному месту обороны немцев, союзники уверены, что этот удар будет успешным и принесет пользу операциям советских войск. Что касается пожеланий, то союзники хотят, чтобы наступление советских армий продолжалось столь же успешно.

Рузвельт заявляет, что он согласен с Черчиллем.

Сталин говорит, что зимнее наступление Красной Армии, за которое Черчилль выразил благодарность, было выполнением товарищеского долга. Согласно решениям, принятым на Тегеранской конференции, Советское правительство не было обязано предпринимать зимнее наступление.

Президент спрашивал его, может ли он, Сталин, принять представителя генерала Эйзенхауэра. Он, Сталин, конечно, дал свое согласие. Черчилль прислал ему послание, в котором спрашивал, не думает ли он, Сталин, в течение января перейти в наступление. Он, Сталин, понял, что ни Черчилль, ни Рузвельт не просят его прямо о наступлении, он ценит эту деликатность союзников, однако он увидел, что для союзников такое наступление необходимо. Советское командование начало наступление, и даже раньше намеченного срока. Советское правительство считало это своим долгом, долгом союзника,

хотя у него не было формальных обязательств на этот счет. Он, Сталин, хочет, чтобы деятели союзных держав учли, что советские деятели не только выполняют свои обязательства, но и готовы выполнить свой моральный долг по мере возможности.

Что касается пожеланий, то он спрашивал об этом потому, что Теддер высказал пожелание о том, чтобы советские войска не прекращали наступления до конца марта. Он, Сталин, понял так, что это, возможно, желание не только Теддера, но и других военных деятелей союзников. Мы, говорит Сталин, будем продолжать свое наступление, если позволит погода и если дороги будут проходимыми.

Рузвельт заявляет, что он полностью согласен с мнением маршала Сталина. На конференции в Тегеране невозможно было составить общий план операций. Он, Рузвельт, понимает так, что каждый союзник был морально обязан продвигаться с возможно большей скоростью. Когда происходила Тегеранская конференция, между войсками союзников, двигавшимися с востока и с запада, было большое расстояние. Но сейчас наступило время, когда нужно более тщательно координировать операции союзных войск.

Черчилль заявляет, что он приветствует слова маршала Сталина. Ему, Черчиллю, кажется, что он может сказать от себя и от Президента следующее. Причиной того, почему союзники в Тегеране не заключили с Советским Союзом соглашения о будущих операциях, была их уверенность в советском народе и его военных.

Рузвельт отвечает, что Тегеранская конференция происходила перед его переизбранием. Было еще неизвестно, будет ли американский народ на его, Рузвельта, стороне. Поэтому было трудно составить общие военные планы.

Черчилль заявляет, что вопрос, поднятый Теддером в его разговоре с маршалом Сталиным, может быть обсужден впоследствии штабами союзников. Конечно, говорит Черчилль, нас могут критиковать за то, что наступления союзников не были координированы. Если погода будет мешать операциям советских войск, то, может быть, союзники будут тогда наступать на своем фронте? Но этот вопрос должны решить наши штабы.

Сталин говорит, что получился разнобой. Советские войска прекратили свое наступление осенью. В это время

начали наступление союзники. Теперь получилось наоборот. В будущем этого нужно избежать. Может быть, нашим военным целесообразно обсудить планы летних операций?

Черчилль говорит, что это, может быть, необходимо сделать. Наши военные, говорит он, могли бы заняться военными вопросами, пока главы будут заниматься политическими.

Сталин отвечает, что это верно.

Каннингхэм говорит, что он хотел бы дополнить сообщение генерала Маршалла. Угроза новой подводной войны со стороны немцев является скорее потенциальной, нежели актуальной. Немцы достигли больших успехов в деле усовершенствования подводных лодок. Однако это не так важно. Важно то, что немцы уже строят новые типы подводных лодок. Эти подводные лодки будут снабжены самыми последними техническими приспособлениями и будут обладать большой скоростью под водой. Поэтому морским силам будет трудно с ними бороться. Подводные лодки немцы строят в Бремене, Гамбурге и Данциге. Если ему, Каннингхэму, будет разрешено выразить одно пожелание, то он, как представитель морского ведомства, хотел бы просить о том, чтобы советские войска скорее взяли Данциг, так как там сосредоточено 30% производства подводных лодок.

Рузвельт спрашивает, не находится ли Данциг под огнем советской артиллерии.

Сталин отвечает, что Данциг еще не находится под огнем советской артиллерии. Советское командование надеется скоро подойти к Данцигу на расстояние артиллерийского огня.

Черчилль говорит, что военные могли бы встретиться завтра утром.

Сталин говорит, что он с этим согласен. Встречу он предлагает назначить на 12 часов дня.

Черчилль заявляет, что во время этой встречи военные должны обсудить положение не только на Восточном и Западном фронтах, но и на Итальянском фронте, а также вопрос о том, как лучше всего использовать наличные силы. На завтра он, Черчилль, предлагает назначить заседание по политическим вопросам, а именно о будущем Германии, если у нее будет какое-либо будущее.

Сталин отвечает, что Германия будет иметь будущее.

Второе заседание в Ливадийском дворце

5 февраля 1945 г.

Рузвельт заявляет, что сегодня заседание будет посвящено политическим делам. Нам следовало бы избрать вопросы, относящиеся к Германии. Вопросы же мирового характера — такие, как вопрос о Дакаре, Индокитае,— могут быть отложены. Один из вопросов, который уже и раньше стоял перед нашими правительствами,— это вопрос о зонах оккупации. Речь идет не о постоянной, а о временной оккупации. Вопрос этот становится все более и более актуальным.

Сталин заявляет, что он хотел бы, чтобы сегодня на совещании были обсуждены следующие вопросы. Во-первых, предложения о расчленении Германии[1]. По этому поводу имел место обмен мнениями в Тегеране и затем между ним, Сталиным, и Черчиллем в Москве в октябре 1944 года. Ни в Тегеране, ни в Москве никаких решений не было принято. Сейчас следует прийти к какому-то мнению по этому вопросу.

Есть и еще один вопрос, относящийся к Германии. Допустим ли мы образование в Германии какого-либо центрального правительства или ограничимся тем, что в Германии будет создана администрация, или, если будет решено все же расчленить Германию, то там будет создано несколько правительств по числу кусков, на которые будет разбита Германия? Надо выяснить эти моменты.

Третий вопрос касается безоговорочной капитуляции. Все мы стоим на базе безоговорочной капитуляции Германии. Но он, Сталин, хотел бы знать: оставят союзники или нет правительство Гитлера, если оно безоговорочно капитулирует? Одно исключает другое. Но если это так, то так и надо сказать. Союзники имеют опыт капитуляции Италии, но там были конкретные требования, составляющие содержание безоговорочной капитуляции. Не думаем ли мы выявить конкретное содержание безоговорочной капитуляции Германии? Нужно выяснить и этот вопрос.

---

[1] Впервые на совещаниях руководителей трех держав предложения о расчленении Германии были выдвинуты США и Англией на Тегеранской конференции. — *Прим. ред.*

Наконец, вопрос о репарациях, о возмещении Германией убытков, вопрос о размерах этого возмещения.

Он, Сталин, ставит все перечисленные вопросы дополнительно к вопросам, поставленным Президентом.

Рузвельт заявляет, что, насколько он понимает, вопросы, поставленные маршалом Сталиным, касаются перманентного состояния. Однако они вытекают из вопроса о зонах оккупации Германии. Может быть, эти зоны будут первым шагом к расчленению Германии.

Сталин заявляет, что если союзники предполагают расчленить Германию, то так и надо сказать. Дважды имел место обмен мнениями между союзниками о расчленении Германии после ее военного поражения. Первый раз это было в Тегеране, когда Президент предложил разделить Германию на пять частей. Премьер-министр также стоял в Тегеране за расчленение Германии, хотя и колебался. Но это был лишь обмен мнениями.

Второй раз вопрос о расчленении Германии обсуждался между ним, Сталиным, и Премьер-министром в октябре прошлого года в Москве. Речь шла об английском плане расчленения Германии на два государства — Пруссию с провинциями и Баварию, причем предполагалось, что Рур и Вестфалия будут находиться под международным контролем. Но решения в Москве не было принято, да и невозможно было его принять, так как в Москве не было Президента.

Черчилль заявляет, что в принципе он согласен с расчленением Германии, но самый метод проведения границ отдельных частей Германии слишком сложен для того, чтобы этот вопрос можно было решить здесь в течение пяти-шести дней. Потребуется весьма тщательное изучение исторических, этнографических и экономических фактов и длительное обсуждение этого вопроса в течение недель в подкомитете или в комитете, которые будут созданы для детальной разработки предложений и представления рекомендаций в отношении образа действий. Те переговоры, которые в Тегеране главы трех правительств вели по этому вопросу, а затем те неофициальные беседы, которые он, Черчилль, имел с маршалом Сталиным в Москве, представляют собой подход к вопросу в самых общих чертах, без точного плана.

Он, Черчилль, не ответил бы сразу на вопрос — как разделить Германию? Он только смог бы лишь намек-

нуть на то, как ему казалось бы целесообразным сделать это. Но он, Черчилль, должен был бы сохранить за собой право изменить свое мнение, когда он получил бы рекомендации комиссий, изучающих этот вопрос. Он, Черчилль, имеет в виду мощь Пруссии — главную причину всех зол. Вполне понятно, что если Пруссия будет отделена от Германии, то ее способность начать новую войну будет сильно ограничена. Ему лично кажется, что создание еще одного большого германского государства на юге, столица которого могла бы находиться в Вене, обеспечило бы линию водораздела между Пруссией и остальной Германией. Население Германии было бы поровну поделено между этими двумя государствами.

Имеются другие вопросы, которые должны быть рассмотрены. Прежде всего, мы согласны в том, что Германия должна потерять часть территории, которая сейчас уже в значительной степени завоевана русскими войсками и которая должна быть отдана полякам. Имеются также вопросы, связанные с Рейнской долиной, границей между Францией и Германией, и вопрос о владении промышленным районом Рура и Саара, которые обладают военным потенциалом (в смысле возможного производства там вооружения). Следует ли эти районы передать странам, подобным Франции, или следует их оставить в ведении немецкой администрации, или установить над ними контроль мировой организации в форме кондоминиума на длительный, но ограниченный по времени период — все это требует рассмотрения. Он, Черчилль, должен сказать, что не может от имени своего правительства высказать определенные мысли по этому вопросу. Британское правительство должно согласовать свои планы с планами союзников.

Наконец, имеется вопрос о том, будет ли Пруссия подвергнута внутреннему раздроблению после того, как она будет изолирована от остальной Германии. В Тегеране проводились беседы по этому поводу. Кажется, может быть решен очень быстро один вопрос, а именно о создании аппарата для рассмотрения всех этих вопросов. Такой аппарат должен будет подготовить доклады правительствам, прежде чем правительства примут окончательные решения.

Он, Черчилль, хотел бы сказать, что союзники неплохо подготовлены к принятию немедленной капитуляции Германии. Все детали этой капитуляции разработаны и известны трем правительствам. Остается вопрос о том, чтобы официально достичь соглашения о зонах оккупации и о самом аппарате контроля в Германии. Если предположить, что Германия капитулирует через месяц или через 6 недель, или через 6 месяцев, то союзникам останется лишь занять Германию по зонам.

Сталин говорит, что это неясно. Какая-нибудь группа в Германии может сказать, что она низложила правительство, как Бадольо в Италии. Согласны ли будут союзники иметь дело с таким правительством?

Иден говорит, что этой группе будут предъявлены те условия капитуляции, которые уже согласованы в Европейской консультативной комиссии.

Черчилль заявляет, что он хотел бы изложить возможный ход событий. Германия не может больше вести войну. Предположим, что с предложением о капитуляции выступят Гитлер или Гиммлер. Ясно, что союзники ответят им, что они не будут вести с ними переговоры, как с военными преступниками. Если эти люди будут единственными в Германии, то союзники будут продолжать вести войну. Более вероятно, что Гитлер постарается скрыться или будет убит в результате переворота в Германии и там будет создано другое правительство, которое предложит капитуляцию. В таком случае мы немедленно должны проконсультироваться друг с другом о том, можем ли мы говорить с этими людьми в Германии. Если мы решим, что можем, то им нужно будет предъявить условия капитуляции. Если же мы сочтем, что эта группа людей недостойна того, чтобы с ней вести переговоры, то мы будем продолжать войну и оккупируем всю страну. Если эти новые люди появятся и подпишут безоговорочную капитуляцию на условиях, которые им будут продиктованы, то не будет необходимости говорить им об их будущем. Безоговорочная капитуляция дает союзникам возможность предъявить немцам дополнительное требование о расчленении Германии.

Сталин заявляет, что требование о расчленении — это не дополнительное, а очень существенное требование.

Черчилль заявляет, что, конечно, это — важное тре-

бование. Но он, Черчилль, не думает, что нужно предъявлять его немцам на первом этапе. Союзники должны точно договориться об этом.

Сталин заявляет, что потому-то он и поставил этот вопрос.

Черчилль говорит, что, хотя мы можем изучить вопрос о расчленении, он не думает, что было бы возможно сейчас по нему точно договориться. Этот вопрос потребует изучения. По его, Черчилля, мнению, подобный вопрос больше подходит для рассмотрения на мирной конференции.

Рузвельт заявляет, что, как ему кажется, маршал Сталин не получил ответа на свой вопрос, будем мы расчленять Германию или нет. Он, Рузвельт, считает, что сейчас надо решить вопрос в принципе, а детали можно будет отложить на будущее.

Сталин замечает, что это правильно.

Рузвельт продолжает: Премьер-министр говорит о невозможности в настоящий момент определить границы отдельных частей Германии, о том, что весь этот вопрос требует изучения. Правильно. Но самое важное все-таки решить на конференции основное, а именно: согласны ли мы расчленять Германию или нет? Рузвельт думает, что хорошо было бы предъявить немцам условия капитуляции и, кроме того, заявить им, что Германия будет расчленена. В Тегеране Рузвельт высказывался за децентрализацию управления в Германии. Когда 40 лет тому назад он жил в Германии, децентрализация управления была еще фактом: в Баварии или в Гессене были баварское или гессенское правительства. Это были настоящие правительства. Слова «рейх» еще не существовало. Однако в течение последних 20 лет децентрализация управления была постепенно ликвидирована. Все администрирование сосредоточилось в Берлине. Говорить в наши дни о планах децентрализации Германии — значит увлекаться утопиями. Поэтому в нынешних условиях Рузвельт не видит иного выхода, кроме расчленения. На какое количество частей? На 6—7 или меньше? Рузвельт не решился бы сейчас сказать по этому поводу что-либо определенное. Данный вопрос нужно изучить. Однако уже здесь, в Крыму, следует договориться о том, скажем ли мы немцам, что Германия будет расчленена.

Черчилль заявляет, что, по его мнению, нет необходи-

мости информировать немцев о той будущей политике, которая будет проводиться по отношению к их стране. Немцам нужно заявить, что они должны ожидать от союзников дальнейших требований после того, как Германия капитулирует. Эти дальнейшие требования будут предъявлены немцам по взаимному согласию союзников. Что касается расчленения, то он, Черчилль, считает, что такое решение нельзя принять в течение нескольких дней. Союзники имеют дело с 80-миллионным народом, и для решения вопроса о его участи, конечно, требуется более длительное время, чем 30 минут. Комиссии потребуется, наверное, месяц для разработки вопроса в деталях.

Рузвельт заявляет, что Премьер вносит в этот вопрос элемент времени. Если бы вопрос о расчленении стал обсуждаться публично, то были бы предложены сотни планов. Поэтому он, Рузвельт, предлагает, чтобы в течение 24 часов три министра иностранных дел подготовили план процедуры изучения расчленения Германии, и тогда можно было бы составить подробный план расчленения Германии в течение тридцати дней.

Черчилль заявляет, что британское правительство готово принять принцип расчленения Германии и учредить комиссию для изучения процедуры расчленения.

Сталин говорит, что он поставил этот вопрос для того, чтобы было ясно, чего мы хотим. События будут развиваться в сторону катастрофы Германии. Германия терпит поражение, и это поражение ускорится в результате скорого наступления союзников. Кроме военной катастрофы Германия может потерпеть внутреннюю катастрофу в результате того, что у нее не будет ни угля, ни хлеба. Германия уже потеряла Домбровский угольный бассейн, а Рурский скоро будет под огнем артиллерии союзников. При таком быстром развитии событий он, Сталин, не хотел бы, чтобы союзники были застигнуты врасплох событиями. Он поставил этот вопрос для того, чтобы союзники были готовы к событиям. Он вполне понимает соображения Черчилля, что сейчас трудно составить план расчленения Германии. Это правильно. Он и не предлагает, чтобы сейчас был составлен конкретный план. Однако вопрос должен быть решен в принципе и зафиксирован в условиях безоговорочной капитуляции.

Черчилль заявляет, что безоговорочная капитуляция исключает соглашение о перемирии. Безоговорочная капитуляция является условием прекращения военных действий. Тот, кто подписывает условия безоговорочной капитуляции, подчиняет себя воле победителей.

Сталин говорит, что условия капитуляции все же подписываются.

Черчилль отвечает утвердительно и просит обратить внимание на статью 12 условий безоговорочной капитуляции Германии, разработанных в Европейской консультативной комиссии.

Рузвельт заявляет, что в статье ничего не сказано о расчленении Германии.

Сталин говорит, что это правильно.

Черчилль спрашивает: предполагается ли опубликовать условия перемирия?

Сталин отвечает, что, пока эти условия не будут опубликованы, они существуют для союзников и будут предъявлены в свое время германскому правительству. Союзники определят, когда они их опубликуют. Союзники точно так же поступают в настоящее время с Италией, условия капитуляции которой будут опубликованы тогда, когда они сочтут это необходимым.

Рузвельт спрашивает: получат ли немцы от союзников правительства или администрацию? Если Германия будет расчленена, то в каждой части ее будет существовать администрация, подчиненная соответствующему командованию союзников.

Черчилль говорит, что он этого не знает. Ему, Черчиллю, трудно идти дальше сделанного заявления о том, что британское правительство готово согласиться с принципом расчленения Германии и учреждением комиссии для разработки плана расчленения.

Рузвельт спрашивает: согласен ли Черчилль добавить к статье 12 слова о расчленении Германии?

Черчилль отвечает, что он готов к тому, чтобы три министра иностранных дел рассмотрели статью 12 в целях выяснения возможности включить слова «расчленение Германии» или другую формулировку в эту статью.

(Было решено поручить министрам иностранных дел рассмотреть этот вопрос.)

<...> **Черчилль** говорит, что теперь можно обсудить вопрос о правительстве в Германии.

Сталин заявляет, что он предпочитает обсудить вопрос о репарациях.

Рузвельт соглашается и заявляет, что вопрос о репарациях имеет две стороны. Во-первых, малые страны, такие, как Дания, Норвегия, Голландия, также пожелают получить репарации от Германии. Во-вторых, возникает вопрос об использовании германской рабочей силы. Он, Рузвельт, хотел бы спросить, какое количество германской рабочей силы хотел бы получить Советский Союз. Что касается Соединенных Штатов Америки, то им не нужны ни германские машины, ни германская рабочая сила.

Сталин отвечает, что у Советского правительства имеется план материальных репараций. К обсуждению же вопроса об использовании германской рабочей силы Советское правительство пока еще не готово.

Черчилль спрашивает: нельзя ли кое-что узнать о советских репарационных планах?

Сталин говорит, что по этому вопросу он предоставит слово Майскому.

Майский заявляет, что план материальных репараций построен на нескольких основных положениях.

Первое положение сводится к тому, что репарации должны взиматься с Германии не деньгами, как это было после прошлой мировой войны, а натурой.

Второе положение сводится к тому, что Германия должна производить натуральные платежи в двух формах, а именно: а) единовременные изъятия из национального богатства Германии, находящегося как на территории самой Германии, так и вне ее, по окончании войны (фабрики, заводы, станки, суда, подвижной состав железных дорог, вклады в иностранные предприятия и т. п.) и б) ежегодные товарные поставки после окончания войны.

Третье положение сводится к тому, что в порядке уплаты репараций Германия должна быть также экономически разоружена, так как иначе невозможно обеспечение безопасности в Европе. Конкретно это означает изъятие 80% оборудования тяжелой промышленности Германии (металлургия, машиностроение, металлообработка, электротехника, химия и т. д.). Авиастроение и производство синтетического топлива должно быть изъято на 100%. Равным образом изъятию в размере 100%

подлежат все специализированные военные предприятия (оружейные заводы, заводы боеприпасов и пр.), существовавшие до войны или построенные во время войны. Советское правительство считает, что остающихся в Германии 20% ее довоенной тяжелой индустрии будет вполне достаточно для покрытия внутренних действительно экономических нужд страны.

Четвертое положение сводится к тому, что срок репараций устанавливается на 10 лет, причем изъятия из национального богатства должны быть произведены в течение двух лет после окончания войны.

Пятое положение сводится к тому, что в целях точного выполнения Германией репарационных обязательств, а также в интересах обеспечения безопасности в Европе должен быть установлен строгий англо-советско-американский контроль над экономикой Германии. Формы этого контроля будут разработаны позднее. Однако при любых условиях должно быть предусмотрено, что те из остающихся в Германии промышленных, транспортных и других предприятий, которые представляют наибольшую опасность с точки зрения возможности возрождения военного потенциала Германии, должны быть интернационализированы с участием в их управлении СССР, США и Великобритании. Контроль за германской экономикой сохраняется и по истечении срока платежа репараций, т. е. после первых 10 лет по окончании войны.

Шестое положение сводится к тому, что ввиду небывалой грандиозности нанесенного германской агрессией ущерба невозможно будет полностью его покрыть даже при самом строгом взыскании репараций с Германии. Советское правительство пробовало приблизительно подсчитать размеры этого ущерба — цифры получаются совершенно астрономические. Поэтому Советское правительство пришло к выводу, что если мы хотим быть реалистичными, то из всех видов ущерба оплате должен подлежать только тот вид, который может быть охарактеризован как прямые материальные потери (разрушения или повреждения домов, заводов, железных дорог, научных учреждений, конфискация скота, хлеба, частного имущества граждан и т. д.). Но так как, по нашим предварительным подсчетам, общая сумма ущерба даже только по рубрике прямых материальных потерь превышает сумму возможных репараций в порядке изъятий и

ежегодных послевоенных поставок, то придется, очевидно, установить известную **очередность** в получении возмещения теми странами, которые имеют на него право. В основу этой очередности должны быть положены два показателя: а) размеры вклада данной страны в дело победы над врагом и б) размеры прямых материальных потерь данной страны. Страны, имеющие высшие показатели по обеим рубрикам, должны получить репарации в первую очередь, все остальные страны — во вторую очередь.

Седьмое положение сводится к тому, что СССР считает справедливым в возмещение своих прямых материальных потерь получить в порядке изъятий и ежегодных поставок не менее 10 миллиардов долларов. Это, конечно, лишь очень незначительная часть всей суммы прямых материальных потерь Советского Союза, но в сложившихся обстоятельствах Советское правительство готово удовлетвориться названной цифрой.

Наконец, восьмое положение сводится к тому, что для подробной разработки репарационного плана союзников на базе вышеизложенных принципов должна быть создана особая Репарационная комиссия из представителей СССР, США и Великобритании с местопребыванием в Москве.

Таков в кратких чертах тот план материальных репараций, который Советское правительство представляет на обсуждение и одобрение конференции.

Черчилль заявляет, что он хорошо помнит конец прошлой войны. Хотя он, Черчилль, не принимал непосредственного участия в разработке мирных условий, он имел доступ ко всем совещаниям. Репарации доставили тогда большое разочарование. От Германии удалось получить с большим трудом всего лишь 1 миллиард фунтов. Но даже и этой суммы нельзя было бы получить от Германии, если бы США и Англия не инвестировали денег в Германии. Англия взяла у Германии несколько старых океанских пароходов, а на те деньги, которые Германия получила от Англии, она построила себе новый флот. Он, Черчилль, надеется, что на этот раз Англия не столкнется с такими же трудностями.

Черчилль безусловно считает, что жертвы России больше, чем жертвы любой другой страны. Он всегда полагал, что вывоз заводов из Германии явился бы правильным шагом. Но он совершенно уверен также, что из

разбитой и разрушенной Германии невозможно будет получить такие количества ценностей, которые компенсировали бы убытки даже только одной России. Он сомневается в том, чтобы с Германии удалось брать по 250 миллионов фунтов в год. Англичане в конце прошлой войны тоже мечтали об астрономических цифрах, а что получилось?

Великобритания очень сильно пострадала в нынешней войне. Большая часть ее домов разрушена или повреждена. Англия продала все свои заграничные инвестиции. Англия должна экспортировать товары, чтобы импортировать продовольствие, она вынуждена закупать за границей половину потребного ей продовольствия. Сражаясь за общее дело, Англия задолжала большие суммы помимо ленд-лиза. Общий долг Англии составляет 3 миллиарда фунтов. Никакая другая страна из числа победителей не окажется в конце войны в столь тяжелом экономическом и финансовом положении, как Великобритания. Если бы он, Черчилль, видел возможность поддержать английскую экономику путем взимания репараций с Германии, он решительно пошел бы по этому пути. Но он сомневается в успехе.

Другие страны тоже имеют большие разрушения. Голландия затоплена. Норвегия сильно пострадала. Правда, население их невелико.

Кроме того, что будет с Германией? Призрак голодающей Германии, с ее 80 миллионами человек, встает перед глазами Черчилля. Кто будет ее кормить? И кто будет за это платить? Не выйдет ли, в конце концов, так, что союзникам придется хотя бы частично покрывать репарации из своего кармана?

Сталин замечает, что все эти вопросы, конечно, рано или поздно встанут.

Черчилль говорит, что если хочешь ездить на лошади, то ее надо кормить сеном и овсом.

Сталин отвечает, что лошадь не должна бросаться на нас.

Черчилль признает неудачность своей метафоры и говорит, что если вместо лошади для сравнения поставить автомобиль, то все-таки окажется, что для его использования нужен бензин.

Сталин отвечает, что аналогии нет. Немцы не машины, а люди.

Черчилль и с этим соглашается. Возвращаясь к репарациям, Черчилль высказывается за создание Репарационной комиссии, которая вела бы свою работу в секретном порядке.

Рузвельт заявляет, что он тоже хорошо помнит прошлую войну и помнит, что Соединенные Штаты потеряли огромное количество денег. Они ссудили Германии более 10 миллиардов долларов, но на этот раз они не повторят своих прежних ошибок. Соединенные Штаты не намерены использовать германскую рабочую силу. Соединенные Штаты не хотят германских станков. По окончании прошлой войны в Соединенных Штатах было много германских активов и германской собственности. Все это было возвращено немцам.

Он, Рузвельт, думает, что после нынешней войны будет иначе. Вероятно, придется издать специальный закон, согласно которому все немецкое имущество в Соединенных Штатах останется в руках американцев. Рузвельт согласен с Черчиллем, что нужно немного подумать о будущем Германии. Но, несмотря на великодушие Соединенных Штатов, которые оказывают помощь другим странам, Соединенные Штаты не могут гарантировать будущее Германии. Соединенные Штаты не хотят, чтобы в Германии жизненный уровень населения был выше, чем в СССР. Соединенные Штаты желают помочь Советскому Союзу получить из Германии все необходимое. Американцы хотят помочь англичанам увеличить их экспорт и найти взамен Германии новые рынки сбыта.

Рузвельт думает, что наступило время для создания Репарационной комиссии по изучению нужд СССР и других европейских стран. Он согласен с тем, чтобы эта комиссия работала в Москве. Рузвельт очень надеется, что будет возможно восстановить все разрушенное в Советском Союзе. Но он вместе с тем уверен, что будет невозможно покрыть все за счет репараций. В Германии нужно будет оставить столько промышленности, сколько нужно, чтобы немцы не умирали с голоду.

Черчилль заявляет, что не имеет возражений против того, чтобы Репарационная комиссия была в Москве.

Майский говорит, что он хотел бы в нескольких словах ответить Черчиллю и Рузвельту. В своих замечаниях он коснется трех основных моментов.

Во-первых, вопроса, на котором особенно останавливался Черчилль, — о неудаче с репарациями после прошлой войны. Да, тогдашний опыт оказался крайне неудовлетворительным. Но почему? Причина крылась не в том, что общая сумма репараций с Германии была слишком велика. На самом деле сумма была очень скромна: 30 миллиардов долларов с рассрочкой на 58 лет. Разве это много? Германия без труда могла бы заплатить такую сумму по состоянию своего национального богатства и национального дохода. Беда, однако, была в том, что союзники требовали с Германии репарации не в натуре, а главным образом в деньгах. Германия должна была изыскивать способы для получения необходимого количества иностранной валюты. Это по целому ряду причин оказалось весьма трудным делом. Если бы союзники были готовы получать репарации в натуре, никаких осложнений не вышло бы. Но союзники этого не хотели. В результате создалась неразрешимая проблема трансфера, т. е. превращения германских марок в фунты, доллары и франки, и эта проблема убила репарации после прошлой войны.

Было еще одно обстоятельство, которое сильно способствовало неудаче с репарациями после 1914—1918 годов, — это политика США, Англии и Франции. Они инвестировали в Германии большие капиталы и тем самым поощряли немцев к невыполнению своих репарационных обязательств. В конечном счете Германия в виде репараций вернула союзникам лишь около одной четверти той суммы, которую англичане, американцы и французы ссудили Германии в первые годы после войны 1914—1918 годов.

Вот где корень неудачи с прошлыми репарациями. Чтобы избежать трудностей трансфера, теперь предлагается взимать все репарации в натуре. Будем надеяться также, что США и Англия на этот раз не станут финансировать Германию после окончания войны. (Рузвельт и Черчилль жестами и возгласами дают понять, что ничего подобного они не собираются делать.) При таких условиях нет оснований из неудачного опыта прошлых репараций делать пессимистические выводы для репараций нынешних.

Во-вторых, Черчилль давал понять, что цифра репараций, на которую претендует СССР, будет непосильна для

Германии. Это едва ли справедливо. В самом деле, что означает цифра 10 миллиардов долларов? Она составляет всего лишь 10% государственного бюджета Соединенных Штатов за 1944/45 г. (Стеттиниус: «Совершенно правильно!»). Она равняется также $1^1/_4$ государственного бюджета США в мирное время (например, в период 1936—1938 гг.). Если обратиться к Англии, то окажется, что та же цифра 10 миллиардов долларов равняется всего лишь 6-месячным расходам Великобритании на войну, или $2^1/_2$ ее государственного бюджета мирного времени (1936—1938 гг.).

Можно ли в таком случае говорить о чрезвычайности выдвигаемых Советским Союзом требований? Ни в коем случае. Скорее можно говорить об их излишней скромности. Эта скромность, однако, вытекает из стремления Советского правительства, не увлекаясь фантазиями, стоять на твердой почве возможного.

В-третьих, Рузвельт и Черчилль подчеркивали необходимость предотвратить голод в Германии. Советское правительство отнюдь не задается целью превратить Германию в голодную, раздетую и разутую страну. Наоборот, при выработке своего репарационного плана Советское правительство все время имело в виду создать условия, при которых германский народ в послевоенные годы мог бы существовать на базе среднеевропейского уровня жизни, и советский репарационный план обеспечивает такую возможность. Германия имеет все шансы построить свою послевоенную экономику на основе расширения сельского хозяйства и легкой индустрии. Для этого имеются все необходимые условия. Никаких специальных ограничений в отношении двух только что названных отраслей германской экономики советским репарационным планом не предусмотрено.

Далее, нужно иметь в виду, что послевоенная Германия будет совершенно свободна от расходов на вооружения, ибо она будет полностью разоружена. Это даст большую экономию: ведь в предвоенные годы Германия в разных формах затрачивала на вооружения до 6 миллиардов долларов в год (Черчилль восклицает: «Да, это — очень важное соображение!»). Вот почему Советское правительство убеждено, что даже при полном осуществлении его репарационного плана немецкому народу будет обеспечено приличное существование.

Как Черчилль, так и Рузвельт могут видеть из всего вышеизложенного, что советский репарационный план обстоятельно продуман и построен на базе вполне трезвых и реалистических расчетов.

Черчилль заявляет, что, по его мнению, все эти вопросы должны быть рассмотрены в комиссии.

Сталин спрашивает: где?

Черчилль говорит, что нужно создать секретную комиссию и не публиковать ничего о ее работе.

Сталин отвечает, что о работе комиссии ничего не будет публиковаться. Но надо знать: где Черчилль желает создать эту комиссию? Здесь, на конференции?

Черчилль отвечает, что в этом сейчас нет необходимости. На конференции нужно лишь принять решение, что должна быть создана Репарационная комиссия, которая в дальнейшем рассмотрит претензии и те активы, которые будут в наличии у Германии, а также установит приоритеты при их распределении. Было бы желательно при фиксации очередности учитывать не только вклад нации в дело победы, но также и пережитые ею страдания. По любому из этих признаков СССР занимает первое место. Всякого рода разногласия, которые возникнут в комиссии, должны быть улажены правительствами. Что касается русского плана репараций, то для его рассмотрения требуется время. Он не может быть принят немедленно.

Рузвельт заявляет, что Репарационная комиссия должна состоять из представителей трех держав.

Черчилль поддерживает это предложение Рузвельта.

Сталин заявляет, что учреждение Репарационной комиссии в Москве, с чем согласны все присутствующие, — дело очень хорошее. Однако этого мало. Даже самая лучшая комиссия не сможет дать многого, если она не будет иметь надлежащих руководящих линий для своей работы. Необходимо теперь же, на этой конференции, наметить такие руководящие линии.

Он, Сталин, думает, что основным принципом при распределении репараций должен быть следующий: репарации в первую очередь получают те государства, которые вынесли на своих плечах основную тяжесть войны и организовали победу над врагом. Эти государства — СССР, США и Великобритания. Возмещение должны получить не только русские, но также американцы и англичане, и

притом в максимально возможном размере. Если Соединенные Штаты, как говорил Рузвельт, не заинтересованы в получении из Германии машин или рабочей силы, то могут найтись другие формы репараций, более подходящие для них, например сырье и т. п. Во всяком случае должно быть твердо установлено, что право на репарации прежде всего имеют те, кто сделал наибольший вклад в разгром врага. Согласны ли Рузвельт и Черчилль с этим?

Рузвельт заявляет, что он согласен.

Черчилль также не возражает.

Сталин, далее, говорит, что при подсчете активов, которыми Германия будет располагать для уплаты репараций, надо исходить не из нынешнего положения, а принимать во внимание те ресурсы, которыми Германия будет располагать по окончании войны, когда все ее население вернется в страну, а фабрики и заводы начнут работать. Тогда активов у Германии будет больше, чем сейчас, и государства, о которых он говорил, смогут рассчитывать на довольно значительное возмещение своего ущерба. Хорошо было бы, чтобы обо всем этом поговорили между собой три министра иностранных дел и затем доложили конференции.

Черчилль соглашается с тем, что конференция должна наметить главные пункты директив для комиссии.

Сталин отвечает, что он считает это правильным.

Черчилль полушутя замечает, что если при обсуждении вопроса о репарациях он кажется несговорчивым, то это лишь потому, что дома у него есть парламент, есть кабинет. Если они не согласятся с тем, что Черчилль одобрил на Крымской конференции, то могут, пожалуй, выгнать его.

Сталин в тон Черчиллю отвечает, что это не так-то просто: победителей не выгоняют.

Черчилль замечает, что три министра иностранных дел могли бы завтра обсудить вопрос о репарациях и позднее сделать доклад конференции. Ему, Черчиллю, нравится принцип: каждому по потребностям, а от Германии по ее силам. Этот принцип следовало бы положить в основу репарационного плана.

Сталин отвечает, что он предпочитает другой принцип: каждому по заслугам.

Третье заседание в Ливадийском дворце

6 февраля 1945 г.

<...> **Рузвельт** заявляет, что сегодня можно было бы приступить к обсуждению вопроса о международной организации безопасности. Рузвельт считает, что нашей задачей является обеспечение мира по крайней мере на 50 лет. Ввиду того, что ни он, Рузвельт, ни маршал Сталин, ни Черчилль не были в Думбартон-Оксе, было бы целесообразно, чтобы Стеттиниус сделал доклад по этому вопросу.

Стеттиниус заявляет, что, как было согласовано в Думбартон-Оксе, определенные вопросы должны были быть оставлены для дальнейшего рассмотрения и разрешения в будущем. Из числа этих вопросов основным является вопрос о том, какая процедура голосования должна применяться в Совете Безопасности. В Думбартон-Оксе три делегации тщательно обсудили данный вопрос. С того времени он подвергался непрерывному интенсивному изучению со стороны каждого из трех правительств.

5 декабря 1944 года Президент послал маршалу Сталину и премьер-министру Черчиллю предложение о том, чтобы этот вопрос был разрешен путем изложения раздела С главы VI предложений, принятых в Думбартон-Оксе, следующим образом:

«С. Голосование.

1. Каждый член Совета Безопасности имеет один голос.

2. Решения Совета Безопасности по вопросам процедуры принимаются большинством в семь голосов членов.

3. Решения Совета Безопасности по всем другим вопросам принимаются большинством в семь голосов членов, включая совпадающие голоса постоянных членов, причем сторона, участвующая в споре, воздерживается от голосования при принятии решений согласно разделу А главы VIII и согласно второй фразе первого абзаца раздела С главы VIII».

Текст, который он, Стеттиниус, только что огласил, содержит незначительные редакционные изменения, сделанные в соответствии с советскими и британскими заме-

чаниями на первоначальный текст, предложенный Президентом.

Американское предложение находится в полном соответствии с особой ответственностью великих держав за сохранение всеобщего мира. Действительно, американское предложение требует безусловного единогласия постоянных членов Совета по всем важнейшим решениям, относящимся к сохранению мира, включая все экономические и военные принудительные меры.

В то же время американское предложение признает желательность прямого заявления со стороны постоянных членов о том, что мирное урегулирование любого могущего возникнуть спора есть дело, представляющее общий интерес, — дело, в котором суверенные государства, не являющиеся постоянными членами, имеют право изложить свою точку зрения без всяких ограничений. Если такая свобода обсуждения в Совете не будет обеспечена, то создание всемирной организации, которой мы все желаем, может быть серьезно затруднено или даже сделано совершенно невозможным. Без права полного и свободного обсуждения подобных вопросов в Совете международная организация безопасности, даже если бы ее удалось создать, сильно отличалась бы от того, что мы имеем в виду.

Документ, который представила американская делегация двум другим делегациям, излагает текст положений, которые он, Стеттиниус, зачитал, и специальный перечень тех решений Совета, которые, согласно американскому предложению, потребуют безусловного единогласия, и отдельно перечень тех вопросов (в области споров и их мирного урегулирования), по которым любой участник спора должен воздерживаться от голосования.

С точки зрения правительства Соединенных Штатов в вопросе о процедуре голосования есть два важных элемента.

Первый заключается в том, что для сохранения всеобщего мира, о котором он, Стеттиниус, упоминал, необходимо единогласие среди постоянных членов.

Второй состоит в том, что для народа Соединенных Штатов исключительно важно, чтобы была предусмотрена справедливость для всех членов организации.

Задача сводится к тому, чтобы примирить эти два главных элемента. Предложения, представленные Президентом 5 декабря 1944 года маршалу Сталину и премьер-

министру Черчиллю, дают разумное и справедливое решение и удовлетворительно комбинируют оба эти элемента.

Рузвельт заявляет, что, как он думает, было бы полезно, если бы Стеттиниус перечислил типы решений, которые принимаются в Совете Безопасности при условии единогласия.

Стеттиниус говорит, что, согласно формуле, предложенной Президентом, следующие решения потребуют большинства в семь голосов членов Совета Безопасности, включая голоса всех постоянных членов:

I) Рекомендации Генеральной Ассамблее по вопросам:

1. О принятии новых членов;
2. О временном исключении члена;
3. Об исключении члена;
4. Об избрании Генерального секретаря.

II) Восстановление прав и привилегий временно исключенного члена.

III) Устранение угрозы миру и подавление нарушений мира, включая следующие вопросы:

1. Представляет ли угрозу миру неурегулирование спора между сторонами средствами по их собственному выбору или в соответствии с рекомендациями Совета Безопасности?

2. Представляет ли угрозу миру или нарушение мира какое-либо другое действие со стороны той или иной страны?

3. Какие меры должны быть приняты Советом для поддержания или восстановления мира и каким образом эти меры должны быть осуществлены?

4. Не следует ли поручить осуществление принудительных мер региональному органу?

IV) Утверждение специального соглашения или соглашений о представлении вооруженных сил и средств.

V) Формулировка планов общей системы регулирования вооружения и предоставление таких планов государствам-членам.

VI) Разрешение вопроса о том, совместимы ли характер и деятельность какого-либо регионального органа или региональных мероприятий по поддержанию мира и безопасности с целями и принципами всеобщей организации.

Большинства в семь голосов членов Совета Безопасности, включая голоса всех постоянных членов, с тем, однако, что член Совета воздержится от голосования по всякому решению, касающемуся спора, в котором он является стороной, потребуют следующие решения, относящиеся к мирному урегулированию спора:

I) Носит ли спор или ситуация, доведенные до сведения Совета, такой характер, что если они будут продолжаться, то возможно возникновение угрозы миру?

II) Должен ли Совет призвать стороны к урегулированию или улаживанию спора или ситуации теми средствами, которые они сами изберут?

III) Должен ли Совет давать рекомендации сторонам в отношении методов и процедуры урегулирования?

IV) Должны ли быть юридические аспекты вопроса, находящегося на рассмотрении Совета, переданы им для получения консультации в Международный суд?

V) Следует ли в том случае, если будет существовать региональный орган для мирного урегулирования местных споров, просить этот орган заняться спорами?

Рузвельт заявляет, что, как он уверен, можно будет обсудить и разрешить этот вопрос. Цель больших и малых наций одна и та же — сохранить мир, и вопросы процедуры не должны мешать достижению такой цели.

Сталин спрашивает, что нового в предложениях, изложенных Стеттиниусом, по сравнению с тем, о чем Президент сообщил в послании от 5 декабря.

Рузвельт отвечает, что в этих предложениях изложено то же самое, лишь с небольшими редакционными изменениями.

Сталин спрашивает, какие редакционные изменения были внесены.

Стеттиниус излагает эти редакционные изменения.

Молотов заявляет, что советская делегация также придает большое значение поставленным вопросам и хотела бы изучить предложение Стеттиниуса. Поэтому он предлагает отложить обсуждение вопроса до завтрашнего заседания.

Черчилль заявляет, что он с этим согласен. Не должно быть излишней поспешности в изучении столь важного вопроса. Обсуждение его можно отложить до завтрашнего дня. Он, Черчилль, был не вполне удовлетворен первоначальными предложениями, разработанными в

Думбартон-Оксе, так как не был уверен, что в этих предложениях было вполне учтено реальное положение трех великих держав. После изучения новых предложений Президента сомнения Черчилля исчезли — во всяком случае, поскольку дело касается Британского Содружества Наций и Британской империи. Это также относится к независимым доминионам Британской короны.

Черчилль признает, что вопрос о том, будет ли мир построен на прочных основах, зависит от дружбы и сотрудничества трех великих держав, однако мы поставили бы себя в ложное положение и не были бы справедливы по отношению к своим намерениям, если бы мы не предусмотрели возможности свободного высказывания по своим претензиям со стороны малых государств. Без этого дело выглядело бы так, как будто три главные державы претендуют на управление всем миром. Между тем на самом деле они хотят служить миру и спасти мир от ужасов, которые постигли большинство народов в нынешней войне. Вот почему три великие державы должны проявить известную готовность к подчинению интересам общего дела.

Он, Черчилль, естественно, прежде всего думает о том, как новое положение отразится на судьбах Британского Содружества Наций. Он хотел бы привести конкретный пример — пример, трудный для Англии: Гонконг. Если будет принято предложение Президента и Китай попросит возвратить ему Гонконг, то Великобритания будет иметь право высказать свою точку зрения и защищать ее, однако Великобритания не сможет принять участия в голосовании по тем пяти вопросам, которые изложены в конце американского документа. Со своей стороны Китай имел бы право полностью изложить свой взгляд по вопросу о Гонконге, и Совет Безопасности должен был бы решить вопрос без участия британского правительства в голосовании.

Сталин спрашивает, будет ли Египет членом Ассамблеи.

Черчилль отвечает, что Египет будет членом Ассамблеи, но не Совета.

Сталин заявляет, что он хотел бы взять другой пример — пример Суэцкого канала, который расположен на территории Египта.

Черчилль просит сначала рассмотреть его пример,

Предположим, что британское правительство не могло бы согласиться на рассмотрение одного из вопросов, затронутых в § 3, так как оно считало бы, что этот вопрос затрагивает суверенитет Британской империи. В таком случае британскому правительству была бы обеспечена победа, ибо в соответствии с § 3 у каждого постоянного члена будет право накладывать вето на действия со стороны Совета Безопасности. С другой стороны, было бы несправедливо, если бы Китай не имел возможности по предмету спора высказать свое мнение.

То же самое относится к Египту. В том случае, если бы Египет поднял вопрос против англичан, касающийся Суэцкого канала, он, Черчилль, допустил бы обсуждение этого вопроса без всякого опасения, так как британские интересы обеспечены § 3, где предусмотрено право вето. Он полагает также, что если Аргентина предъявит претензию в отношении Соединенных Штатов, то Соединенные Штаты подчинятся установленной процедуре рассмотрения, но Соединенные Штаты будут иметь право возражать и наложить вето на решение Совета Безопасности. Они могут применить доктрину Монро.

Рузвельт говорит, что в Тегеранской декларации три державы заявили о своей готовности принять на себя ответственность по созданию такого мира, который получит одобрение народов всего мира.

Черчилль заявляет, что по причинам, которые он изложил, британское правительство не возражает против принятия предложений Соединенных Штатов. Черчилль считает, что было бы нежелательно создавать впечатление, будто бы три державы хотят властвовать над всем миром, не давая другим странам высказывать свое мнение.

Сталин заявляет, что прежде всего он просил бы передать советской делегации документ, зачитанный Стеттиниусом, так как на слух трудно изучить содержащиеся в нем предложения. Ему, Сталину, кажется, что данный документ представляет собой комментарий к предложениям Президента.

Касаясь толкования американских предложений, сделанных на заседании, Сталин говорит, что, как ему кажется, решения, принятые в Думбартон-Оксе, имеют своей целью обеспечить различным странам не только право высказывать свое мнение. Такое право дешево стоит. Его

никто не отрицает. Дело гораздо серьезнее. Если какая-либо нация подымет вопрос, представляющий для нее большую важность, она сделает это не для того, чтобы только иметь возможность изложить свое мнение, а для того, чтобы добиться решения по нему. Среди присутствующих нет ни одного человека, который оспаривал бы право наций высказываться в Ассамблее. Однако не в этом суть дела. Черчилль, по-видимому, считает, что если Китай подымет вопрос о Гонконге, то он пожелает только высказаться. Неверно. Китай потребует решения. Точно так же, если Египет подымет вопрос о возврате Суэцкого канала, то он не удовлетворится тем, что выскажет свое мнение по этому поводу. Египет потребует решения вопроса. Вот почему сейчас речь идет не просто об обеспечении возможности излагать свои мнения, а о гораздо более важных вещах.

Черчилль высказывал опасение, как бы не подумали о том, что три великие державы хотят господствовать над миром. Но кто замышляет такое господство? Соединенные Штаты? Нет, они об этом не думают. (Смех и красноречивый жест Президента.) Англия? Тоже нет. (Смех и красноречивый жест Черчилля.) Итак, две великие державы выходят из сферы подозрений. Остается третья... СССР. Значит, СССР стремится к мировому господству? (Общий смех.) Или, может быть, Китай стремится к мировому господству? (Общий смех.) Ясно, что разговоры о стремлении к мировому господству ни к чему. Его друг Черчилль не сможет назвать ни одной державы, которая хотела бы властвовать над миром.

Черчилль вставляет, что сам он не верит, конечно, в стремление к мировому господству со стороны кого-либо из трех союзников. Однако положение этих союзников столь могущественно, что другие могут так подумать, если не будут приняты соответственные предупредительные меры.

Сталин, продолжая свою речь, заявляет, что пока две великие державы приняли устав международной организации безопасности, который, по мнению Черчилля, защитит их от обвинений в желании властвовать над миром. Третья держава еще не дала своего согласия на этот устав. Однако он изучит предложения, сформулированные Стеттиниусом, и, возможно, тогда ему станет яснее,

в чем тут дело. Он думает, однако, что перед союзниками стоят сейчас гораздо более серьезные проблемы, чем вопрос о праве наций на высказывание своего мнения или вопрос о стремлении трех главных держав к мировому господству.

Черчилль говорил, что нет оснований опасаться чего-нибудь нежелательного даже в случае принятия американских предложений. Да, конечно, пока все мы живы, бояться нечего. Мы не допустим опасных расхождений между нами. Мы не позволим, чтобы имела место новая агрессия против какой-либо из наших стран. Но пройдет 10 лет или, может быть, меньше, и мы исчезнем. Придет новое поколение, которое не прошло через все то, что мы пережили, которое на многие вопросы, вероятно, будет смотреть иначе, чем мы. Что будет тогда? Мы как будто бы задаемся целью обеспечить мир по крайней мере на 50 лет вперед. Или, может быть, он, Сталин, думает так по своей наивности?

Самое же важное условие для сохранения длительного мира — это единство трех держав. Если такое единство сохранится, германская опасность не страшна. Поэтому надо подумать о том, как лучше обеспечить единый фронт между тремя державами, к которым следует прибавить Францию и Китай. Вот почему вопрос о будущем уставе международной организации безопасности приобретает такую важность. Надо создать возможно больше преград для расхождения между тремя главными державами в будущем. Надо выработать такой устав, который максимально затруднял бы возникновение конфликтов между ними. Это — главная задача.

Переходя более конкретно к вопросу о голосовании в Совете Безопасности, Сталин просит конференцию извинить его за то, что он не успел изучить во всех деталях документы, относящиеся к Думбартон-Оксу. Он был очень занят кое-какими другими делами и потому надеется на снисхождение со стороны британской и американской делегаций.

Рузвельт и **Черчилль** жестами и возгласами дают понять, что им хорошо известно, чем был так занят Сталин.

Сталин, продолжая, говорит, что, насколько он понимает, все конфликты, которые могут поступить на рассмотрение Совета Безопасности, подразделяются на две категории. К первой категории относятся те споры, для

разрешения которых требуется применение экономических, политических, военных или каких-либо других санкций. Ко второй категории относятся те споры, которые могут быть урегулированы мирными средствами, без применения санкций. Правильно ли его понимание?

Рузвельт и **Черчилль** отвечают, что правильно.

Сталин далее заявляет, что, насколько он понял, при обсуждении конфликтов первой категории предполагается свобода дискуссий, но требуется единогласие постоянных членов Совета при принятии решения. В этом случае все постоянные члены Совета участвуют в голосовании, т. е. держава, участвующая в споре, не будет выведена за дверь. Что же касается конфликтов второй категории, которые разрешаются мирными средствами, то тут предполагается иная процедура: держава, участвующая в споре (в том числе и постоянные члены Совета), не принимает участия в голосовании. Сталин спрашивает, правильно ли он понимает положение.

Рузвельт и **Черчилль** вновь подтверждают, что Сталин вполне правильно понимает положение.

Сталин, заканчивая, говорит, что Советский Союз обвиняют в излишнем заострении вопроса о голосовании в Совете Безопасности. Советский Союз упрекают в том, что он подымает слишком большой шум по этому поводу. Да, Советский Союз действительно обращает большое внимание на процедуру голосования, ибо Советский Союз больше всего заинтересован в решениях, которые будет принимать Совет Безопасности. А ведь все решения принимаются с помощью голосования. Дискутировать можно сто лет и при этом ничего не решить. Для нас же важны решения. Да и не только для нас.

Вернемся на момент к приводившимся сегодня примерам. Если Китай потребует возвращения Гонконга или Египет потребует возвращения Суэцкого канала, то вопрос об этом будет голосоваться в Ассамблее и в Совете Безопасности. Сталин может заверить своего друга Черчилля в том, что Китай и Египет при этом окажутся не одинокими. В международной организации у них найдутся друзья. Это имеет прямое отношение к вопросу о голосовании.

Черчилль заявляет, что если бы названные страны потребовали удовлетворения своих претензий, то Великобритания сказала бы «нет». Власть международной орга-

низации не может быть использована против трех великих держав.

Сталин спрашивает, действительно ли это так.

Иден отвечает, что страны могут говорить, спорить, но решение не может быть принято без согласия трех главных держав.

Сталин еще раз спрашивает, действительно ли это так.

Черчилль и **Рузвельт** отвечают утвердительно.

Стеттиниус заявляет, что без единогласия постоянных членов Совет Безопасности не может предпринять никаких экономических санкций.

Молотов спрашивает, относится ли то же самое к рекомендациям.

Черчилль отвечает, что это относится только к тем рекомендациям, которые упомянуты в пяти пунктах, сформулированных в конце американского документа. Международная организация безопасности не ликвидирует дипломатических отношений между великими и малыми странами. Дипломатическая процедура будет продолжать свое существование. Будет неправильно преувеличивать власть или злоупотреблять ею или возбуждать такие вопросы, которые могут разъединить три главные державы.

Сталин говорит, что имеется другая опасность. Его коллеги не могут забыть того, что во время русско-финской войны англичане и французы подняли Лигу наций против русских, изолировали Советский Союз и исключили его из Лиги наций, мобилизовав всех против СССР. Надо создать преграду против повторения подобных вещей в будущем.

Иден заявляет, что этого не сможет случиться, если будут приняты американские предложения.

Черчилль подтверждает, что в указанном случае подобная опасность будет исключена.

Молотов говорит, что мы впервые это слышим.

Рузвельт заявляет, что случай, подобный упомянутому маршалом Сталиным, не может повториться, так как для исключения члена требуется согласие всех постоянных членов.

Сталин говорит, что если при принятии американских предложений даже невозможно исключение члена, то все-таки остается возможность мобилизации общественного мнения против какого-либо одного члена.

Черчилль отвечает, что он может допустить случай, когда против кого-либо из членов начнется широкая агитация, но ведь одновременно будет действовать и дипломатия. Черчилль не думает, чтобы Президент захотел выступить против Англии или поддержать какое-либо выступление против нее. Он уверен, что Рузвельт пожелал бы прекратить подобные выступления. Черчилль уверен также, что маршал Сталин не захотел бы выступить против Англии, не поговорив предварительно с Англией. Он, Черчилль, уверен, что всегда можно найти путь к разрешению споров. За себя он, во всяком случае, ручается.

Сталин заявляет, что за себя он также ручается (полушутя), вот, может быть, Майский станет нападать на Англию?

Рузвельт заявляет, что единство великих держав — одна из наших целей. Он, Рузвельт, думает, что американские предложения содействуют достижению этой цели. Если между великими державами возникнут, к несчастью, какие-либо разногласия, то они будут известны всему миру, несмотря ни на какие процедуры голосования. Во всяком случае, невозможно устранить обсуждение разногласий в Ассамблее. Американское правительство думает, что, разрешая свободу дискуссий в Совете, великие державы будут демонстрировать всему миру то доверие, которое они питают друг к другу.

Сталин отвечает, что это правильно, и предлагает продолжить обсуждение вопроса завтра.

Черчилль спрашивает: нельзя ли сейчас обсудить польский вопрос?

Сталин и **Рузвельт** соглашаются с предложением Черчилля.

Рузвельт заявляет, что Соединенные Штаты находятся далеко от Польши, и он, Рузвельт, попросит двух других участников совещания изложить свои соображения. В Соединенных Штатах Америки проживают 5—6 миллионов лиц польского происхождения. Его, Рузвельта, позиция, как и позиция основной массы поляков, проживающих в Соединенных Штатах, совпадает с той позицией, которую он изложил в Тегеране. Он, Рузвельт, за линию Керзона. С этим, в сущности, согласно большинство поляков, но поляки, как и китайцы, всегда очень озабочены тем, чтобы «не потерять лицо».

Сталин спрашивает, о каких поляках идет речь: о настоящих или об эмигрантах? Настоящие поляки проживают в Польше.

Рузвельт отвечает, что все поляки хотят получить кое-что, чтобы спасти «свое лицо». Его положение, как Президента, было бы облегчено, если бы Советское правительство дало полякам возможность сохранить «лицо». Было бы хорошо рассмотреть вопрос об уступках полякам на южном участке линии Керзона. Он, Рузвельт, не настаивает на своем предложении, но хочет, чтобы Советское правительство приняло это во внимание.

Наиболее существенной частью польского вопроса является вопрос о создании постоянного правительства в Польше. Рузвельт думает, что общественное мнение Соединенных Штатов настроено против того, чтобы Америка признала люблинское правительство, так как народу Соединенных Штатов кажется, что люблинское правительство представляет лишь небольшую часть польского народа. Насколько ему известно, американский народ хочет видеть в Польше правительство национального единства, в которое вошли бы представители всех польских партий: рабочей или коммунистической партии, крестьянской партии, социалистической партии, национал-демократической партии и других. Он, Рузвельт, лично не знаком ни с одним членом люблинского правительства, ни с одним членом польского правительства в Лондоне. Он знает лично только Миколайчика. Во время своего пребывания в Вашингтоне Миколайчик произвел на Рузвельта впечатление приличного человека.

Он, Рузвельт, думает, что важно создать правительство в Польше, которое будет представлять народные массы страны и получит их поддержку. Возможно, что это будет только временное правительство. Существует много методов создания такого правительства, и неважно, какой метод будет избран. У него, Рузвельта, имеется предложение о том, чтобы создать Президентский совет в составе небольшого количества выдающихся поляков. На этот Президентский совет будет возложена задача создания временного правительства Польши. Вот единственное предложение, которое он привез с собой из Соединенных Штатов за три тысячи миль. Мы, конечно, добавляет Рузвельт, надеемся, что Польша будет в самых дружественных отношениях с Советским Союзом.

Сталин говорит, что Польша будет находиться в дружественных отношениях не только с Советским Союзом, но и со всеми союзниками.

Рузвельт заявляет, что он хотел бы слышать от маршала Сталина и Черчилля их мнение о его предложении. Разрешение польского вопроса очень помогло бы делу союзников.

Черчилль говорит, что он уполномочен заявить о положительном отношении британского правительства к предложению Президента. Черчилль постоянно публично заявлял в парламенте и других местах о намерении британского правительства признать линию Керзона в том виде, как она толкуется Советским правительством, т. е. с оставлением Львова у Советского Союза. Его, Черчилля, и Идена много критиковали за это как в парламенте, так и в консервативной партии, но он всегда считал, что после той трагедии, которую перенесла Россия, защищая себя от германской агрессии, и после тех усилий, которые Россия приложила для освобождения Польши, претензии русских на Львов и на линию Керзона базируются не на силе, а на праве. Черчилль продолжает и сейчас придерживаться этой точки зрения.

Однако Черчилль больше интересуется вопросом польского суверенитета, свободой и независимостью Польши, чем уточнением линии ее границ. Он хотел бы, чтобы у поляков была родина, где они могли бы жить так, как им кажется лучшим. Он несколько раз слышал, как маршал Сталин с величайшей твердостью провозглашал ту же самую цель. Так как Черчилль всегда питал доверие к заявлениям маршала Сталина о суверенитете и независимости Польши, он не считает вопрос о границе очень важным.

У Великобритании нет никаких материальных интересов в Польше. Великобритания вступила в войну, чтобы защитить Польшу от германской агрессии[1]. Великобри-

---

[1] Здесь Черчилль явно грешит против истины. Когда гитлеровская Германия 1 сентября 1939 года напала на Польшу, Англия, формально объявив войну Германии, ничего не сделала для того, чтобы выполнить данные ею ранее Польше гарантии. Сам Черчилль писал позже в своих мемуарах: «Весь мир был поражен, когда за сокрушительным натиском Гитлера на Польшу и объявлением Англией и Францией войны Германии последовала длительная гнетущая пауза... Мы ограничивались тем, что разбрасывали листовки, взывающие

тания интересуется Польшей потому, что это — дело чести Великобритании. Великобритания никогда не сможет удовлетвориться решением, которое не обеспечило бы Польше такое положение, при котором она была бы хозяином в своем доме. Однако Черчилль делает одну оговорку: свобода Польши не должна означать допущение с ее стороны враждебных намерений или интриг против Советского Союза. Мы, говорит Черчилль, не просили бы о том, чтобы Польша была свободной, если бы у нее были враждебные намерения в отношении Советского Союза.

Черчилль надеется, что участники совещания не разъедутся, не предприняв практических мер по польскому вопросу. Сейчас существуют два польских правительства, в отношении которых союзники придерживаются разных мнений. Он, Черчилль, не имел непосредственного контакта с членами нынешнего польского правительства в Лондоне. Несмотря на то, что британское правительство признает лондонское польское правительство, оно не считает нужным встречаться с членами этого правительства. Но Миколайчик, Ромер и Грабский — умные и честные люди, и с ними британское правительство находится в дружеских отношениях.

Он, Черчилль, спрашивает, нельзя ли будет здесь создать такое польское правительство, как то, о котором говорил Президент, — впредь до того момента, когда польский народ сможет свободно избрать такое правительство, которое будет признано Советским Союзом, Великобританией, Соединенными Штатами, а также другими Объединенными Нациями, ныне признающими польское правительство в Лондоне? Черчилль думает, что создание органа, о котором говорил Президент, подготовит путь к определению польским народом своей конституции и выборам своей администрации. Если бы это удалось осуществить, то был бы сделан большой шаг вперед по пути к миру и благосостоянию в Центральной Европе. Черчилль поддерживает предложение Президента. Но, конечно, добавляет Черчилль, при всех условиях должны

к нравственности немцев. Этот странный этап войны на земле и в воздухе поражал всех. Франция и Англия бездействовали в течение тех нескольких недель, когда немецкая военная машина всей своей мощью уничтожала и покоряла Польшу. У Гитлера не было оснований жаловаться на это» (W. Churchill, The Second World War, The Gathering Storm, Boston, 1948, pp. 422—423).— *Прим. ред.*

быть обеспечены линии коммуникаций Красной Армии.

Сталин говорит, что, как только что заявил Черчилль, вопрос о Польше для британского правительства является вопросом чести. Сталину это понятно. Со своей стороны, однако, он должен сказать, что для русских вопрос о Польше является не только вопросом чести, но также и вопросом безопасности. Вопросом чести потому, что у русских в прошлом было много грехов перед Польшей. Советское правительство стремится загладить эти грехи. Вопросом безопасности потому, что с Польшей связаны важнейшие стратегические проблемы Советского государства.

Дело не только в том, что Польша — пограничная с нами страна. Это, конечно, имеет значение, но суть проблемы гораздо глубже. На протяжении истории Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападающий на Россию. Достаточно вспомнить хотя бы последние тридцать лет: в течение этого периода немцы два раза прошли через Польшу, чтобы атаковать нашу страну. Почему враги до сих пор так легко проходили через Польшу? Прежде всего потому, что Польша была слаба. Польский коридор не может быть закрыт механически извне только русскими силами. Он может быть надежно закрыт только изнутри собственными силами Польши. Для этого нужно, чтобы Польша была сильна. Вот почему Советский Союз заинтересован в создании мощной, свободной и независимой Польши. Вопрос о Польше — это вопрос жизни и смерти для Советского государства.

Отсюда крутой поворот, который мы сделали в отношении Польши от политики царизма. Известно, что царское правительство стремилось ассимилировать Польшу. Советское правительство совершенно изменило эту бесчеловечную политику и пошло по пути дружбы с Польшей и обеспечения ее независимости. Именно здесь коренятся причины того, почему русские стоят за сильную, независимую и свободную Польшу.

Теперь о некоторых более частных вопросах, которые были затронуты в дискуссии и по которым имеются разногласия.

Прежде всего, о линии Керзона. Он, Сталин, должен заметить, что линия Керзона придумана не русскими. Авторами линии Керзона являются Керзон, Клемансо и

американцы, участвовавшие в Парижской конференции 1919 года. Русских не было на этой конференции. Линия Керзона была принята на базе этнографических данных вопреки воле русских. Ленин не был согласен с этой линией. Он не хотел отдавать Польше Белосток и Белостокскую область, которые в соответствии с линией Керзона должны были отойти к Польше.

Советское правительство уже отступило от позиции Ленина. Что же вы хотите, чтобы мы были менее русскими, чем Керзон и Клемансо? Этак вы доведете нас до позора. Что скажут украинцы, если мы примем ваше предложение? Они, пожалуй, скажут, что Сталин и Молотов оказались менее надежными защитниками русских и украинцев, чем Керзон и Клемансо. С каким лицом он, Сталин, вернулся бы тогда в Москву? Нет, пусть уж лучше война с немцами продолжится еще немного дольше, но мы должны оказаться в состоянии компенсировать Польшу за счет Германии на западе.

Во время пребывания Миколайчика в Москве он спрашивал Сталина, какую границу Польши на западе признает Советское правительство. Миколайчик был очень обрадован, когда услышал, что западной границей Польши мы признаем линию по реке Нейсе. В порядке разъяснения нужно сказать, что существуют две реки Нейсе: одна из них протекает более к востоку, около Бреславля, а другая — более к западу. Сталин считает, что западная граница Польши должна идти по Западной Нейсе, и он просит Рузвельта и Черчилля поддержать его в этом.

Другой вопрос, по которому Сталин хотел бы сказать несколько слов, — это вопрос о создании польского правительства. Черчилль предлагает создать польское правительство здесь, на конференции. Сталин думает, что Черчилль оговорился: как можно создать польское правительство без участия поляков? Многие называют его, Сталина, диктатором, считают его не демократом, однако у него достаточно демократического чувства для того, чтобы не пытаться создавать польское правительство без поляков. Польское правительство может быть создано только при участии поляков и с их согласия.

Подходящий момент для этого был прошлой осенью, когда Черчилль приезжал в Москву и привез с собой Миколайчика, Грабского и Ромера. В Москву тогда были приглашены и представители люблинского правительст-

ва. Между лондонскими и люблинскими поляками была устроена встреча. Наметились даже некоторые пункты соглашения. Черчилль об этом должен помнить. Затем Миколайчик уехал в Лондон с тем, чтобы очень скоро вернуться в Москву для завершения шагов по организации польского правительства. Вместо этого, однако, Миколайчик был изгнан из польского правительства в Лондоне за то, что он отстаивал соглашение с люблинским правительством. Нынешнее польское правительство в Лондоне, возглавляемое Арцишевским и руководимое Рачкевичем, против соглашения с люблинским правительством. Больше того: оно относится враждебно к такому соглашению. Лондонские поляки называют люблинское правительство собранием преступников и бандитов. Разумеется, бывшее люблинское, а теперь варшавское правительство не остается в долгу и квалифицирует лондонских поляков как предателей и изменников. При таких условиях как их объединить? Он, Сталин, этого не знает.

Руководящие лица варшавского правительства — Берут, Осубка-Моравский и Роля-Жимерский — не хотят и слышать о каком-либо объединении с польским правительством в Лондоне. Сталин спрашивал варшавских поляков: на какие уступки они могли бы пойти? Ответ был следующий: варшавские поляки могли бы терпеть в своей среде таких лиц из числа лондонских поляков, как Грабский и Желиговский, но они и слышать не хотят о том, чтобы Миколайчик был премьер-министром. Сталин готов предпринять любую попытку для объединения поляков, но только в том случае, если эта попытка будет иметь шансы на успех. Что же делать? Может быть, пригласить сюда варшавских поляков? Или, может быть, пригласить их в Москву и там с ними поговорить?

В заключение Сталин хотел бы коснуться еще одного вопроса, очень важного вопроса, по которому он будет говорить уже в качестве военного. Чего он, как военный, требует от правительства страны, освобожденной Красной Армией? Он требует только одного: чтобы это правительство обеспечивало порядок и спокойствие в тылу Красной Армии, чтобы оно предотвращало возникновение гражданской войны позади нашей линии фронта. В конце концов, для военных довольно безразлично, какое это будет правительство; важно лишь, чтобы им не стреляли

в спину. В Польше имеется варшавское правительство. В Польше имеются также агенты лондонского правительства, которые связаны с подпольными кругами, именующимися «силами внутреннего сопротивления». Как военный, Сталин сравнивает деятельность тех и других и при этом неизбежно приходит к выводу: варшавское правительство неплохо справляется со своими задачами по обеспечению порядка и спокойствия в тылу Красной Армии, а от «сил внутреннего сопротивления» мы не имеем ничего, кроме вреда. Эти «силы» уже успели убить 212 военнослужащих Красной Армии. Они нападают на наши склады, чтобы захватить оружие. Они нарушают наши приказы о регистрации радиостанций на освобожденной Красной Армией территории. «Силы внутреннего сопротивления» нарушают все законы войны. Они жалуются, что мы их арестовываем. Сталин должен прямо заявить, что если эти «силы» будут продолжать свои нападения на наших солдат, то мы будем их расстреливать.

В конечном итоге, с чисто военной точки зрения варшавское правительство оказывается полезным, а лондонское правительство и его агенты в Польше — вредными. Конечно, военные люди всегда будут поддерживать то правительство, которое обеспечивает порядок и спокойствие в тылу, без чего невозможны успехи Красной Армии. Покой и порядок в тылу — одно из условий наших успехов. Это понимают не только военные, но даже и невоенные. Так обстоит дело.

Рузвельт предлагает отложить обсуждение польского вопроса до завтра.

Черчилль говорит, что у Советского правительства и британского правительства различные источники информации. Британское правительство не считает, что люблинское правительство представляет хотя бы $^1/_3$ польского народа. Таково мнение британского правительства. Конечно, тут возможна ошибка. Нельзя, разумеется, верить каждому рассказу людей, приезжающих из Польши. Британское правительство хочет соглашения, так как опасается, что столкновения польской подпольной армии с люблинским правительством могут привести к кровопролитию и многочисленным арестам. Британское правительство признает, что нападения на Красную Армию в тылу недопустимы. Однако британское правительство не может считать, что у люблинского правительства имеются

какие-либо основания рассматривать себя как опирающееся на широкую базу, поскольку, по крайней мере, можно судить по имеющейся у британского правительства информации, которая, конечно, может быть и небезупречна.

Рузвельт заявляет, что польский вопрос в течение пяти веков причинял миру головную боль.

Черчилль говорит, что надо постараться, чтобы польский вопрос больше не причинял головной боли человечеству.

Сталин отвечает, что это обязательно нужно сделать.

Четвертое заседание в Ливадийском дворце

7 февраля 1945 г.

Рузвельт заявляет, что вчера было заслушано заявление маршала Сталина по польскому вопросу. Он, Рузвельт, больше всего интересуется вопросом о польском правительстве. Для него не столь важна та или иная граница Польши. Его не интересует законность или постоянство польского правительства, так как известно, что в Польше в течение нескольких лет не было вообще никакого правительства. Он полагает, однако, что Соединенные Штаты Америки, Советский Союз и Соединенное Королевство могли бы помогать полякам в создании временного правительства до тех пор, пока для них не окажется возможным провести свободные выборы в стране. Надо сделать в этой области что-нибудь новое, что-то такое, что было бы похоже на струю свежего воздуха в этом мрачном вопросе. <...>

Сталин говорит, что часа полтора назад он получил от Рузвельта послание, в котором изложены следующие предложения: вызвать из Польши двух человек от люблинского правительства и двух представителей общественных сил другого лагеря (из числа пяти названных в письме президента) и в присутствии этих четырех поляков решить вопрос о новом польском правительстве. В случае успеха такого шага новое правительство должно будет провести свободные выборы в Польше.

Кроме того, в послании Рузвельта выражено пожелание включить в польское правительство и представителей некоторых других кругов. В послании названы Миколайчик и Грабский. Он хотел бы знать, где можно найти тех лиц, которые названы в послании Рузвельта и которые, по его сведениям, находятся в Польше? Если эти лица будут обнаружены, то можно будет выяснить, как скоро они приедут. Если бы прибыли Винцентос Витос или Сапега, то их приезд облегчил бы дело. Но он не знает их адресов и боится, что участники настоящего совещания не смогут дождаться приезда поляков в Крым. В советской делегации разработан проект, который идет навстречу предложениям Рузвельта. Проект этот еще не отпечатан. Поэтому он предлагает пока перейти к какому-либо другому вопросу — может быть, к вопросу о Думбартон-Оксе.

Рузвельт и **Черчилль** дают на это свое согласие.

(Затем советская делегация выразила удовлетворение докладом Стеттиниуса и разъяснениями Черчилля по вопросу создания международной организации безопасности. Советская делегация высказала мнение, что единство трех держав в обеспечении безопасности после войны может быть достигнуто и что предложения, разработанные в Думбартон-Оксе, а также дополнительные предложения, сделанные Рузвельтом, могут служить основой будущего сотрудничества великих и малых держав в вопросах международной безопасности.

Считая эти предложения приемлемыми, советская делегация вернулась затем к вопросу, который был поднят в Думбартон-Оксе, но не был там разрешен, — к вопросу об участии советских республик в международной организации безопасности в качестве членов-учредителей. Советская делегация поставила этот вопрос не в той форме, в какой это было сделано в Думбартон-Оксе, но предложила, чтобы три или, по крайней мере, две из советских республик находились в числе инициаторов международной организации (речь шла об Украине, Белоруссии и Литве). Советская делегация считала, что эти три советские республики или, во всяком случае, две должны быть признаны в качестве членов-учредителей.)

Рузвельт заявляет, что он счастлив слышать о согласии Советского правительства с его предложениями. Следовательно, достигнут большой прогресс.

Следующий вопрос, который нужно будет решить, касается того, какие страны из числа участвовавших в войне с Германией должны быть приглашены на конференцию по учреждению международной организации. Все в Соединенных Штатах хотят, чтобы эта конференция состоялась возможно скорее. Говорят о желательности созыва ее в конце марта. Физически возможно, чтобы представители Объединенных Наций встретились через месяц. Лично он, Рузвельт, думает, что чем скорее будет принято решение о созыве конференции, тем скорее можно будет приступить к рассмотрению поднятых советской стороной вопросов, которые представляют большой интерес. После создания организации можно будет заняться вопросом о ее первоначальных членах.

Сейчас имеется один важный практический вопрос: следует ли приглашать на конференцию наряду с воюющими против Германии странами также «присоединившиеся страны», например Парагвай, Перу, Уругвай, Чили, Египет, Исландию, которые порвали отношения с Германией, но не объявили ей войны?

Вопрос об Украине, Белоруссии и Литве очень интересен. У нас могут быть на него различные точки зрения, ибо государственное устройство и традиции наших стран различны. Британская империя, например, состоит из доминионов — Канады, Австралии и т. д. В СССР имеется много республик. Соединенные Штаты, напротив, представляют собой однородную страну, не имеющую колоний. В этой стране господствует один язык. Конституцией Соединенных Штатов предусматривается наличие лишь одного министра иностранных дел. Поэтому вопрос, поднятый советской стороной, требует изучения. Он тесно связан с другим вопросом: будут ли крупные державы иметь в международной организации больше чем один голос? Если дадим какой-либо стране больше одного голоса, то нарушим правило, что каждый член организации должен иметь только один голос.

Рузвельт предлагает поручить министрам иностранных дел обсудить вопрос о первоначальных членах организации, а также о месте и времени созыва конференции.

Черчилль заявляет, что он хотел бы выразить горячую благодарность Советскому правительству за тот огромный шаг, который был им сделан навстречу общим взглядам, выработанным в Думбартон-Оксе. Черчилль уверен,

что соглашение трех великих держав по этому важнейшему вопросу вызовет радость среди всех мыслящих людей.

Вопрос о числе членов в Ассамблее поднят нашим русским союзником в новой форме. Каждый почувствует, что в этом отношении сделан крупный шаг на пути к договоренности. Черчилль согласен с тем, что положение Соединенных Штатов и Британской империи различно. В Британской империи существуют самоуправляющиеся доминионы, которые в течение четверти века играли заметную роль в международной организации безопасности, потерпевшей крах перед началом нынешней войны. Все доминионы работали на пользу дела мира и демократического прогресса. Все доминионы без колебаний вступили в войну против Германии, несмотря на то, что они знали о слабости Англии. У Англии не было средств к тому, чтобы принудить доминионы следовать за собой, и не было права призвать их к этому, однако все доминионы по собственной воле вступили в войну.

Он, Черчилль, выслушал предложение Советского правительства с чувством глубокой симпатии. Его сердце тронуто и обращено к великой России, истекающей кровью, но поражающей тирана на своем пути. Черчилль думает, что столь великая нация, как Россия, с ее 180-миллионным населением, пожалуй, имела бы основания косо смотреть на Британское содружество наций, если бы она имела только один голос, хотя население России намного превышает белое население Британской империи.

Черчилль был бы очень рад, если бы Президент на предложение советской делегации дал ответ, который нельзя было бы считать отрицательным. Сам Черчилль не может выйти за пределы своих полномочий. Он хотел бы иметь время для того, чтобы обменяться мнениями о советском предложении с министром иностранных дел и военным кабинетом в Лондоне. Поэтому Черчилль просил бы извинить его за то, что он не сможет дать сразу ответ от имени британского правительства на предложение советской делегации.

Рузвельт повторяет свое предложение о том, чтобы министры иностранных дел обсудили вопрос о советских республиках, а также о месте и времени конференции и о тех странах, которые будут приглашены в ней участвовать. В Думбартон-Оксе было решено созвать конферен-

цию как можно скорее. Скорейший созыв конференции был бы важен для Рузвельта и с внутриполитической точки зрения.

Черчилль заявляет, что он будет рад, если три министра иностранных дел рассмотрят три пункта, предложенные Президентом. Что касается конференции, то Черчилль сомневается в возможности созвать ее в марте. Март будет разгаром боев на всех фронтах. В этих боях будет участвовать больше сил, чем до сих пор. Внутренние проблемы в различных странах очень сложны. В частности, Англия испытывает недостаток в жилье и ей нужно поддерживать снабжение фронтов. В Англии имеется, кроме того, парламент, который ведет весьма активную жизнь и отнимает много времени и внимания у министров, в частности у министра иностранных дел. Четверть февраля уже прошла. Черчилль поэтому задается вопросом: позволит ли состояние мира и Европы созвать конференцию в марте? И если конференция все-таки будет созвана в марте, будут ли делегации различных стран возглавляться действительно руководящими людьми? Не лучше ли несколько отложить созыв Ассамблеи?

Рузвельт разъясняет, что речь сейчас идет не о созыве Ассамблеи, а о созыве конференции для учреждения международной организации безопасности. Первая Ассамблея будет созвана, вероятно, лишь через 3—6 месяцев.

Черчилль заявляет, что некоторые из стран, которые должны быть представлены на конференции, к моменту ее созыва будут находиться еще под немецким ярмом. Неизвестно, в какой мере представители от таких стран будут действительно представлять свои народы. Другие страны в это время будут голодать и страдать от последствий войны. Черчилль в данной связи называет Голландию и Францию. Наряду с этими несчастными странами на конференции окажутся и такие нации, которые совсем не пострадали от войны и не участвовали в ней. Черчилль считает, что в подобных условиях конференция легко может стать хаотичной. Одни народы будут переживать муки агонии, в то время как другие будут спокойно обсуждать проблемы будущего. По всем указанным соображениям Черчилль предвидит затруднения при созыве конференции, во всяком случае поскольку речь идет о Великобритании.

Рузвельт говорит, что в Думбартон-Оксе было реше-

но создать международную организацию возможно скорее. У Рузвельта, как и у премьер-министра, тоже имеются внутриполитические затруднения. Однако ему легче будет добиться двух третей голосов в сенате, если план создания организации международной безопасности будет осуществлен во время войны.

Черчилль заявляет, что на позицию Великобритании оказывает влияние ее конституция. Возможно, в Англии скоро будут парламентские выборы, и если нынешнее британское правительство останется у власти, то оно должно будет повести за собой новый парламент. Это приходится принимать во внимание. Конечно, Великобритания сделает все возможное для того, чтобы удовлетворить желание Рузвельта. Однако Черчилль все-таки считал необходимым откровенно заявить о тех практических затруднениях, которые, как он предвидит, возникнут при осуществлении намерения Президента. Лично Черчилль сожалел бы, если бы урегулирование вопроса о первоначальных членах организации было отложено до созыва конференции Объединенных Наций.

Рузвельт говорит, что он хотел бы повторить свое прежнее предложение, а именно, чтобы министры иностранных дел занялись вопросом о членах, месте и дате созыва конференции и затем доложили бы главам трех правительств о результатах своей работы.

Сталин выражает с этим согласие.

Черчилль не возражает против того, чтобы три министра иностранных дел обсудили затронутый вопрос, но при этом подчеркивает, что данный вопрос отнюдь не является вопросом технического характера. Черчилль не уверен в успехе такого рассмотрения, однако ввиду просьбы Президента он готов принять его предложение.

Сталин заявляет, что три министра иностранных дел соберутся и доложат затем главам правительств о результатах своей работы. <...>

(Затем советская делегация вносит следующие предложения по польскому вопросу:

«1. Считать, что границей Польши на востоке должна быть линия Керзона с отклонением от нее в некоторых районах на 5—6 километров в пользу Польши.

2. Считать, что западная граница Польши должна идти от гор. Штеттин (для поляков), далее на юг по р. Одер, а дальше по р. Нейсе (Западной).

3. Признать желательным пополнить временное польское правительство некоторыми демократическими деятелями из эмигрантских польских кругов.

4. Считать желательным признание пополненного временного польского правительства союзными правительствами.

5. Признать желательным, чтобы временное польское правительство, пополненное указанным в п. 3 способом, в возможно короткий срок призвало население Польши к всеобщим выборам для организации постоянных органов государственного управления Польши.

6. Поручить В. М. Молотову, г-ну Гарриману и г-ну Керру обсудить вопрос о пополнении временного польского правительства совместно с представителями временного польского правительства и представить свои предложения на рассмотрение трех правительств»).

Рузвельт заявляет, что советские предложения представляют определенный прогресс. Он хотел бы иметь возможность изучить их вместе со Стеттиниусом. Пока же он может лишь заметить, что в советских предложениях ему не нравится выражение «эмигрантские польские круги». Как Рузвельт заявил вчера, он не знаком ни с кем из эмигрантов, кроме Миколайчика. Далее он полагает, что вовсе не обязательно привлекать к участию в польском правительстве непременно лиц из эмиграции. Можно будет найти подходящих людей и в самой Польше.

Сталин замечает, что это, конечно, правильно.

Черчилль говорит, что он разделяет сомнения Рузвельта в отношении слова «эмигранты». Дело в том, что впервые это слово было употреблено во время Французской революции, когда оно являлось обозначением людей, изгнанных из Франции французским народом. Поляки же, находящиеся сейчас за границей, не были изгнаны польским народом, они были изгнаны Гитлером. Черчилль предлагает заменить слово «эмигранты» словами «поляки, находящиеся за границей».

Сталин соглашается с предложением Черчилля.

Черчилль, продолжая, указывает на то, что во втором пункте предложений говорится о р. Нейсе. По вопросу о перемещении границы Польши на запад британское правительство хотело бы сделать такую оговорку: Польша должна иметь право взять себе такую территорию, которую она пожелает и которой она сможет управлять. Ед-

ва ли было бы целесообразно, чтобы польский гусь был в такой степени начинен немецкими яствами, чтобы он скончался от несварения желудка. Кроме того, в Англии имеются круги, которых пугает мысль о выселении большого количества немцев. Самого Черчилля такая перспектива отнюдь не страшит. Результаты переселения греков и турок после прошлой мировой войны были вполне удовлетворительны.

Сталин говорит, что в тех частях Германии, которые занимает Красная Армия, немецкого населения почти нет.

Черчилль замечает, что это, конечно, облегчает задачу. Кроме того, 6—7 миллионов немцев уже убито, и до конца войны будет еще убито, вероятно, не менее 1—1½ миллионов.

Сталин отвечает, что цифры Черчилля в общем правильны.

Черчилль заявляет, что он отнюдь не предлагает прекратить уничтожение немцев.

Черчилль предлагает, чтобы в п. 3 советского проекта были добавлены слова: «и из самой Польши».

Сталин отвечает, что это приемлемо.

Черчилль говорит, что следует обдумать советские предложения и затем обсудить их на следующем заседании. Он считает, что эти предложения являются шагом вперед.

Пятое заседание в Ливадийском дворце

8 февраля 1945 г.

Рузвельт заявляет, что, как он думает, министры иностранных дел успешно закончили порученную им работу, и предлагает Идену доложить о достигнутых результатах.

Иден сообщает, что министры иностранных дел рассмотрели вопрос о дате созыва конференции, о членстве в международной организации, о предоставлении двум-трем советским республикам прав членов-инициаторов, а также вопрос о том, какие страны должны быть приглашены на учредительную конференцию. Было решено ре-

комендовать созвать конференцию 25 апреля 1945 г. в США. Принято неокончательное решение о том, чтобы пригласить на конференцию членов Объединенных Наций, т. е. те страны, которые подписали декларацию Объединенных Наций на такое-то февраля 1945 г. Конференция должна будет установить список первоначальных членов международной организации. При этом делегаты Великобритании и Соединенных Штатов поддержат СССР в том, чтобы в числе первоначальных членов организации были две советские республики. Рассмотрение всех деталей приглашения поручено специальной подкомиссии.

Сталин заявляет, что у него есть список государств, которые объявили войну Германии. Означает ли, что все они будут включены в число членов Ассамблеи? Десять из названных стран не имеют дипломатических отношений с Советским Союзом.

Рузвельт отвечает, что есть несколько стран, которые стремятся к установлению отношений с Советским Союзом, но пока еще не сделали этого. Есть и такие страны, которые отношений с СССР не устанавливают, т. к. в них сильно влияние католической церкви. Нужно, однако, иметь в виду, что государства, не установившие отношений с Советским Союзом, участвовали вместе с Советским Союзом в конференциях в Бреттон-Вудсе и Атлантик-Сити.

Сталин говорит, что трудно строить безопасность с теми государствами, у которых нет отношений с Советским Союзом.

Рузвельт заявляет, что самым лучшим способом заставить эти страны установить отношения с СССР будет приглашение их на конференцию.

Далее Рузвельт касается одного вопроса, который, как он говорит, имеет свою историю. Три года тому назад Самнер Уэллес, исполнявший тогда обязанности государственного секретаря, посоветовал некоторым южноамериканским республикам не объявлять войны Германии, а только порвать отношения с ней. Республики последовали американскому совету. В дальнейшем они много помогали Соединенным Штатам (например, давали им сырье). Репутация их хорошая. Месяц тому назад Рузвельт послал письмо шести президентам южноамериканских республик, в котором писал, что если они хотят

быть приглашены на конференцию, то должны объявить войну Германии. Эквадор уже сделал это, но не успел еще подписать Декларацию Объединенных Наций. Парагвай объявит войну Германии через 10 дней, и в недалеком будущем так же поступят Перу и Венесуэла. Американскому правительству будет неудобно не пригласить все названные страны на конференцию после того, как они выполнили совет американского правительства, хотя, говоря по совести, этот совет был ошибкой.

Сталин спрашивает: как обстоит дело с Аргентиной?

Рузвельт отвечает, что Аргентины нет в том списке, который был передан делегацией США.

Сталин говорит, что ведь Аргентина также порвала отношения с Германией.

Рузвельт заявляет, что Аргентина не признана в качестве одной из Объединенных Наций.

Сталин отвечает, что он хотел бы обратить внимание на то, что если на конференцию будут приглашены не только страны, объявившие войну, но и «присоединившиеся», то странам, действительно воевавшим с Германией, будет обидно сидеть рядом с теми, которые колебались и жульничали в течение войны.

Черчилль говорит, что, как он думает, страны указанной категории до получения приглашения на конференцию должны объявить войну Германии. Он согласен с тем, что некоторые из этих стран играли довольно плачевную роль, выжидая, кто окажется победителем. Однако мы все-таки не должны упускать из виду, что на Германию произведет удручающее впечатление, если еще одна группа держав объявит ей войну. Другие вражеские страны также увидят, что весь мир воюет против них, и это может оказать на них сильное влияние.

Рузвельт заявляет, что он хотел бы добавить к списку приглашаемых Исландию.

Черчилль замечает, что в отношении Египта правительство его величества чувствует особую ответственность, так как Египет два раза выражал желание объявить войну Германии и Италии. Однако британское правительство посоветовало Египту не делать этого, так как сохранение Египтом нейтралитета позволило предотвратить воздушные бомбардировки Каира. Кроме того, англичанам с разных точек зрения был выгоден нейтралитет Египта. Когда враг находился в 30 милях от Александ-

рии, египетская армия помогала союзникам, охраняя мосты, линии связи. Египет был более полезен при сохранении нейтралитета, чем если бы он объявил войну Германии и Италии. Конечно, если сейчас Египет захочет объявить войну, британское правительство не будет возражать.

Исландия также сыграла полезную роль в то время, когда еще Соединенные Штаты не вступили в войну. Исландия допустила американские войска в свою страну, тем самым нарушив свой нейтралитет. Исландия обеспечивала линию коммуникаций союзников.

Черчилль думает, что у обеих названных стран имеются основания для участия в конференции, если они объявят войну. Союзники должны дать им такую возможность. Черчилль хотел бы знать: существует ли намерение допустить на конференцию все те державы, которые объявят войну до 1 марта?

Сталин отвечает на вопрос Черчилля положительно.

Черчилль говорит, что в числе приглашенных не будет также Эйре, поскольку там имелись германская и японская миссии. С другой стороны, он, Черчилль, должен высказаться за приглашение Турции, хотя, может быть, это предложение и не встретит всеобщего одобрения. Турция заключила с Англией союз еще до начала войны, в очень опасное время. Когда началась война, турки считали, что их армия недостаточно хорошо вооружена для современного типа войны. Тем не менее позиция Турции была дружественной и полезной во многих отношениях. Турки даже предлагали англичанам помощь, хотя англичане не воспользовались этим предложением. Черчилль задается вопросом: не следует ли туркам дать возможность раскаяться на смертном одре?

Сталин отвечает, что Турцию следует пригласить, если она объявит войну Германии до конца февраля.

Рузвельт и **Черчилль** выражают с этим согласие.

Рузвельт говорит, что Дания была оккупирована немцами в течение суток, король был взят в плен, парламент был ликвидирован. Дания сейчас находится под властью Германии. Только один человек, претендовавший на то, что он представляет Данию, не признал нового датского правительства. Это был датский посланник в Вашингтоне. Он не мог объявить войны Германии, но он дезавуировал действия созданного немцами правительства. Как

быть с Данией? Нет сомнения в том, что если бы датчане были свободны, они были бы на стороне союзников.

Черчилль спрашивает, признали ли датчане независимость Исландии?

Сталин отвечает отрицательно.

Черчилль не думает, что между Исландией и Данией будут затруднения. Он согласен с маршалом Сталиным и Президентом в том, что на конференцию должны быть допущены все те, кто объявит войну до конца февраля. Дания будет участвовать в организации безопасности, когда получит возможность говорить от своего собственного имени.

Рузвельт предлагает утвердить доклад министров иностранных дел целиком с поправкой в том смысле, что на конференцию приглашаются Объединенные Нации, которые объявили войну против общего врага до 1 марта. Рузвельт говорит, что можно добавить к этому списку еще Турцию, если она объявит войну общему врагу до 1 марта.

Сталин спрашивает, каково мнение конференции о подписании Белоруссией и Украиной Декларации Объединенных Наций до 1 марта?

Рузвельт заявляет, что уже принят тот пункт решения министров иностранных дел, в котором говорится, что на конференции Объединенных Наций три державы будут рекомендовать включение советских республик в число членов-инициаторов.

Черчилль замечает, что ему кажется не совсем логичным приглашать на конференцию все малые страны, которые почти ничего не сделали для победы и только теперь, в последний момент, объявили войну, и в то же время откладывать приглашение двух советских республик. Жертвы, принесенные Белоруссией и Украиной, известны. Он, Черчилль, думает, что если эти две республики подпишут Декларацию Объединенных Наций, то их следует пригласить.

Сталин говорит, что может случиться так: соберется конференция, на ней будет сделана рекомендация пригласить советские республики, но кто-нибудь встанет и скажет, что они не подписали Декларацию Объединенных Наций. Поэтому было бы лучше, если бы советские республики подписали Декларацию теперь. Иначе, как же их можно рекомендовать? Он не хотел бы затруднять

Президента, но он все-таки просил бы его объяснить, в чем тут дело?

Рузвельт отвечает, что это технический вопрос, но тем не менее важный. Речь идет о том, чтобы согласиться на предоставление трех голосов Советскому Союзу.

Сталин спрашивает: не помешает ли приглашению Украины и Белоруссии тот факт, что они не подпишут Декларацию Объединенных Наций до 1 марта?

Рузвельт отвечает отрицательно.

Сталин заявляет, что в таком случае он снимает свое предложение. Он лишь хотел бы вставить названия республик — Украина и Белоруссия — в текст решений министров иностранных дел.

Рузвельт и **Черчилль** дают на это свое согласие.

Вопрос о Думбартон-Оксе считается исчерпанным, и **Рузвельт** переходит к польскому вопросу.

Черчилль говорит, что если ему будет разрешено, то он хотел бы предварительно заявить, что изучил результаты вчерашнего совещания министров иностранных дел и одобряет их.

Рузвельт заявляет, что в вопросе польских границ у делегации США не имеется возражений против первого пункта советских предложений. Делегация США согласна также с предоставлением Польше компенсации за счет Германии, а именно Восточной Пруссии к югу от Кёнигсберга и Верхней Силезии вплоть до Одера. Однако Рузвельту кажется, что перенесение польской границы на Западную Нейсе мало оправдано.

Что касается вопроса о польском правительстве, то Рузвельт хотел бы предложить, чтобы советский министр иностранных дел и послы США и Англии в СССР были уполномочены вести в Москве переговоры с Берутом, Осубка-Моравским, Сапегой, Витосом, Миколайчиком и Грабским о создании нового правительства на следующей основе: сначала должен быть создан Президентский совет в составе трех лиц, возможно Берута, Грабского и Сапеги. Президентский совет будет представлять власть президента в Польше.

Этот Президентский совет займется созданием правительства из людей, имеющихся в варшавском правительстве, из демократических элементов внутри Польши и за границей. Созданное таким образом временное правительство даст обещание провести выборы в учредитель-

ное собрание, которое изберет постоянное правительство Польши. Когда будет создано временное польское правительство национального единства, то наши три правительства его признают.

Сталин спрашивает: предполагается ли, что в указанном случае будет ликвидировано лондонское правительство?

Черчилль и **Рузвельт** отвечают утвердительно.

Черчилль говорит, что, когда будет создано временное польское правительство национального единства, британское правительство откажется от признания польского правительства в Лондоне и аккредитует своего посла при новом правительстве.

Сталин спрашивает: останется ли после того национальная собственность Польши, которой сейчас распоряжается польское правительство в Лондоне, в руках Арцишевского или она будет передана новому польскому правительству?

Рузвельт отвечает, что собственность Польши, находящаяся за границей, автоматически перейдет к новому польскому правительству.

Черчилль замечает, что он не знаком с юридической стороной дела, но думает, что Президент прав.

Далее Черчилль заявляет, что британская делегация подготовила альтернативный документ по польскому вопросу, который был передан русским друзьям. Но так как дискуссия началась по предложению Президента, то Черчилль готов продолжать ее в том же плане.

Черчилль говорит, что у него есть поправки к предложениям Рузвельта. Он считает, что конференция в своей работе достигла решающего момента. Речь идет о вопросе, урегулирования которого ожидает весь мир. Если мы разъедемся, продолжая признавать разные польские правительства, то все поймут, что между Великобританией и США, с одной стороны, и Советским Союзом — с другой, существуют коренные разногласия. Это имело бы весьма плачевные последствия во всем мире, и это наложило бы на нашу конференцию печать банкротства. Вместе с тем необходимо констатировать, что мы придерживаемся различных взглядов на основные факты или, по крайней мере, на некоторые из основных фактов.

Согласно информации, имеющейся в распоряжении британского правительства, люблинское, а теперь вар-

шавское правительство не является таким, которое могло бы быть признано подавляющим большинством польского народа. Если бы мы отказались от польского правительства в Лондоне и оказали бы поддержку люблинскому правительству, то, насколько можно судить, это вызвало бы протест всего мира, это вызвало бы протест всех без исключения поляков, находящихся за границей.

У нас имеется польская армия, состоящая из поляков, находящихся вне Польши. Она храбро сражалась. Черчилль не верит, чтобы эта польская армия примирилась с люблинским правительством. Эта польская армия рассматривала бы как измену признание британским правительством люблинского правительства и отказ от дальнейшего признания польского правительства в Лондоне.

Как Советскому правительству хорошо известно, он, Черчилль, не согласен с взглядами польского правительства в Лондоне и считает его действия неразумными. Однако формальное признание нового польского правительства, созданного год назад, вызвало бы очень большую критику действий британского правительства. Люди стали бы утверждать, что британское правительство уже раньше полностью уступило Советскому Союзу по вопросу о восточной границе Польши и теперь капитулировало перед ним по вопросу о характере польского правительства. В результате британское правительство подверглось бы в парламенте обвинениям. Дебаты, которые в этой связи развернулись бы, были бы весьма достойны сожаления и отрицательно отразились бы на единстве союзников.

По мнению Черчилля, советские предложения идут недостаточно далеко. Прежде чем правительство его величества могло бы отказаться от своей нынешней позиции, а именно от признания польского правительства в Лондоне, и признать новое польское правительство, оно должно убедиться в том, что новое польское правительство достаточно полно представляет польский народ. Конечно, у британского правительства исчезли бы все трудности, если бы в Польше произошли свободные выборы на основе всеобщего голосования. Британское правительство приветствовало бы всякое польское правительство, которое появилось бы в результате этих выборов, и отвернулось бы от лондонского правительства. Британское правительство, однако, с большим беспокойством относится

к тому, что будет происходить в промежуточный период до того, как станет возможным организовать выборы.

Рузвельт заявляет, что, как гость с другого полушария, он констатирует наличие у всех участников совещания единого мнения: в Польше возможно скорее должны быть проведены всеобщие выборы. Рузвельта, однако, интересует вопрос, как будет Польша управляться в промежуточный период, до устройства свободных выборов?

Сталин говорит, что Черчилль жалуется на отсутствие у него информации о Польше и на невозможность получить ее оттуда.

Черчилль отвечает, что некоторую информацию он имеет.

Сталин констатирует, что, хотя Черчилль и имеет некоторую информацию, она не совпадает с информацией Советского правительства.

Черчилль отвечает утвердительно.

Сталин заявляет, что, как он думает, Великобритания и Соединенные Штаты могут иметь информаторов в Польше. Переходя далее к руководителям варшавского правительства, он говорит, что популярность Берута, Осубка-Моравского и Роля-Жимерского в польском народе действительно громадна. Что является основой этой популярности? Прежде всего то, что они не покидали своей страны во время оккупации. Они находились в занятой немцами Варшаве, работали в подполье и вышли из подполья. Это импонирует польскому народу, который, естественно, сочувствует людям, не покинувшим его в трудную минуту. Польский народ не любит людей Арцишевского, так как он не видел их в своей среде в тяжелые годы оккупации. Надо считаться с психологией народа.

Второй важный факт, создающий популярность руководителям варшавского правительства, вытекает из побед Красной Армии. Советские войска двигаются вперед и освобождают Польшу. Это производит большой переворот в сознании польского народа. Известно, что поляки не любили русских, так как русские три раза участвовали в разделе Польши. Однако наступление Красной Армии и освобождение ею польского народа от гитлеровской оккупации совершенно перевернули настроение поляков. Их неприязнь к русским исчезла, вместо неприязни пришло чувство совсем иного порядка: поляки рады тому, что русские гонят немцев, что польское население

освобождается, и у них появляется доброе отношение к русским.

Поляки считают, что сейчас они переживают великий национальный праздник своей истории. И вот поляки удивлены, что люди из польского правительства в Лондоне не принимают участия в этом торжестве. Поляки спрашивают себя, почему они видят на празднике членов временного польского правительства и почему не видят лондонских поляков? Это, конечно, подрывает авторитет польского правительства в Лондоне.

Вот те два обстоятельства, которые лежат в основе огромной популярности членов временного польского правительства. Можем ли мы не считаться с таким фактом? Конечно, не можем, если хотим учитывать волю народа. Таковы те соображения, которые он хотел высказать в связи с вопросом об авторитетности людей из варшавского правительства.

Теперь об опасениях Черчилля, что участники конференции могут разъехаться, не достигнув соглашения по польскому вопросу. Как тут быть? У нас разная информация и разные выводы. Может быть, вызвать сюда поляков разных лагерей и выслушать их? Может быть, это увеличит нашу информацию? Черчилль недоволен тем, что временное польское правительство не избрано. Конечно, лучше иметь выбранное правительство, но до сих пор этому мешала война. Он думает, что недалек уже день, когда выборы в Польше смогут состояться.

Но вот ведь во Франции правительство де Голля тоже не избрано и в состав его входят разные элементы. Однако, несмотря на это, мы охотно ведем дела с де Голлем и заключаем с ним соглашения. Почему нельзя также поступить с временным польским правительством после того, как оно будет пополнено? Почему от Польши требовать большего, чем от Франции? Он уверен, что если подойти к польскому вопросу без предубеждения, то его можно успешно разрешить.

Положение не так трагично, как его рисует Черчилль. Если не придавать излишнего значения второстепенным вещам и сконцентрировать внимание на главном, то можно найти выход. Легче реконструировать существующее временное польское правительство, чем создавать совсем новое. Что касается вопроса о Президентском совете, то на эту тему нужно было бы поговорить с самими поляками.

Рузвельт спрашивает, когда будет возможно проведение свободных выборов в Польше?

Сталин отвечает, что выборы могут состояться через месяц, если не произойдет какой-либо катастрофы на фронте, если немцы не побьют союзников, а он надеется, что немцы не побьют союзников.

Черчилль заявляет, что, разумеется, свободные выборы успокоили бы умы в Англии. Британское правительство поддержало бы новое правительство, и все остальные вопросы отпали бы. Конечно, мы не можем просить ни о чем, что мешало бы военным операциям советских войск. Эти операции должны стоять на первом месте. Но если бы оказалось возможным через два месяца провести выборы, то создалась бы совершенно новая ситуация и никто не мог бы этого оспаривать.

Рузвельт рекомендует передать обсуждаемый вопрос на рассмотрение министров иностранных дел.

Черчилль с этим соглашается и добавляет, что он хотел бы поставить один небольшой вопрос. Было бы весьма полезно, если бы можно было договориться о регулярных встречах трех министров иностранных дел с целью консультации через каждые три-четыре месяца, поочередно в каждой из столиц.

Сталин говорит, что это было бы правильно.

Рузвельт заявляет, что это — хорошее предложение. Однако Стеттиниус должен также заниматься делами Южной Америки. Поэтому Рузвельт считает, что встречи министров иностранных дел могли бы происходить по мере необходимости, без фиксации точно определенных сроков.

Черчилль предлагает, чтобы первая встреча состоялась в Лондоне.

Сталин отвечает согласием. <...>

Шестое заседание в Ливадийском дворце

9 февраля 1945 г.

Рузвельт предлагает, чтобы Стеттиниус доложил о совещании трех министров иностранных дел.

Стеттиниус заявляет, что от имени министров иностранных дел он хотел бы сделать следующее краткое сообще-

ние о результатах их работы. Министры иностранных дел подробно обсуждали польский вопрос на основе меморандума американской делегации. В этом меморандуме в соответствии с предложением советской делегации был опущен вопрос о Президентском совете. Что касается формулы о создании польского правительства, то было решено продолжить обсуждение этого вопроса и доложить, что три министра иностранных дел пока не достигли соглашения. На совещании министров обсуждался также вопрос о репарациях.

Черчилль говорит, что, может быть, сначала обсудить польский вопрос.

Рузвельт отвечает согласием.

(Излагая свое мнение в отношении меморандума делегации США по вопросу о польском правительстве, советская делегация заявила, что, желая без дальнейших оттяжек выработать общее мнение, она принимает за основу американское предложение, но вносит к нему некоторые поправки. Советская делегация предложила следующую редакцию первой фразы американской формулы о создании польского правительства: «Теперешнее временное польское правительство должно быть реорганизовано на базе более широкого демократизма за счет включения в него демократических деятелей, находящихся в Польше и за границей. Это правительство будет называться национальным временным правительством».

В конце абзаца советская делегация предложила добавить слова: «нефашистские и антифашистские партии», с тем чтобы вся фраза звучала следующим образом: «В этих выборах все нефашистские и антифашистские демократические партии должны иметь право принимать участие и выставлять кандидатов».

Советская делегация считала также необходимым добавить следующую фразу: «Когда польское правительство национального единства будет создано указанным образом, три правительства признают его». Наконец, советская делегация предложила исключить последнюю фразу американского предложения — об обязанности послов трех держав в Варшаве наблюдать и сообщать о выполнении обязательства о проведении свободных выборов — на том основании, что послы трех держав, аккредитованные при польском правительстве, имеют полную возможность наблюдать за тем, что делается в Польше,

и что это их прямая обязанность. Советская делегация указала, что с этими поправками она считает американское предложение приемлемым).

Черчилль заявляет, что он рад, что сделан большой шаг к соглашению по польскому вопросу. Но он хотел бы высказать несколько замечаний общего характера, прежде чем продолжится его обсуждение. Черчилль считает, что не следует решать этот вопрос впопыхах. Возможность соглашения уже носится в воздухе, но опасно было бы испортить все излишней торопливостью. Лучше еще немного подумать над предложением советской делегации. Правда, для наших совещаний остается только 48 часов. Черчилль, однако, не хочет погубить дело из-за того, что конференции не хватило 24 часов. Если для достижения решения нужны эти 24 часа, то их необходимо найти. Нельзя забывать одного: если участники совещания разъедутся, не достигнув соглашения по польскому вопросу, то вся конференция будет расцениваться как неудача.

Рузвельт предлагает, чтобы Стеттиниус закончил свой доклад, после чего будет объявлен перерыв на полчаса для изучения предложений советской делегации.

Черчилль еще раз подчеркивает, что участники конференции почти держат в своих руках большой ценности приз. Нельзя допускать, чтобы этот приз разбился из-за излишней торопливости. Надо иметь немножко времени для размышления. Черчилль, однако, не возражает против предложения Рузвельта.

Сталин также принимает предложение Рузвельта.

Стеттиниус, продолжая свой доклад, говорит, что теперь он перейдет к вопросу о репарациях. Американская делегация представила свой проект принципов взимания репараций с Германии. По пунктам 1 и 2 американского проекта имеется единогласие между делегациями[1]. По

---

[1] Пункты 1 и 2 американского проекта гласили:

«1. Репарации должны получаться в первую очередь теми странами, которые вынесли главную тяжесть войны, понесли наибольшие потери и организовали победу над врагом.

2. Оставляя пока в стороне вопрос об использовании в виде репараций германской рабочей силы, вопрос, который должен быть рассмотрен позднее, репарации натурой должны быть взысканы с Германии в двух следующих формах:

а) единовременное изъятие в конце войны из национального богатства Германии, находящегося как на территории самой Германии,

пункту 3 между ними достигнут компромисс, а именно: московская репарационная комиссия положит в основу своей работы общую сумму репараций в порядке единовременных изъятий и ежегодных товарных поставок 20 миллиардов долларов, из которых 50 процентов предназначаются Советскому Союзу.

Иден сделал по этому вопросу оговорку, что он еще не получил указаний из Лондона. Советская делегация заявила, что расчеты по репарациям будут производиться по ценам 1938 г. с увеличением этих цен от 10 до 15 процентов в зависимости от характера объекта.

Далее Стеттиниус касается предстоящей конференции Объединенных Наций. Американская делегация, говорит он, предлагает, чтобы до конференции будущие постоянные члены Совета в дипломатическом порядке произвели между собой консультацию об опеке над колониальными и зависимыми народами.

Черчилль (в сильном возбуждении) решительно возражает против обсуждения этого вопроса. Великобритания в течение стольких лет ведет тяжелую борьбу за сохранение в целости Британского содружества наций и Британской империи. Он уверен, что эта борьба закончится полным успехом, и, пока британский флаг развевается над территориями британской короны, он не допустит, чтобы хоть какой-либо кусок британской земли попал на аукцион с участием 40 государств. Никогда Британская империя не будет посажена на скамью подсудимых в международном суде по вопросу об «опеке» над несовершеннолетними нациями.

Стеттиниус успокаивает Черчилля, говоря, что речь не идет о Британской империи. Американская делегация желает, чтобы мировая организация в случае необходимости учредила опеку над территориями, которые будут отняты у врага.

так и вне ее (оборудование, станки, суда, подвижной состав, германские вложения за границей, акции промышленных, транспортных, судоходных и других предприятий в Германии и т. д.), причем эти изъятия должны быть проведены главным образом с целью военного и экономического разоружения Германии.

Эти изъятия должны быть закончены в течение двух лет со времени окончания войны.

б) ежегодные товарные поставки в течение 10 лет после окончания войны».

Черчилль заявляет, что если речь идет о вражеских территориях, то у него нет возражений. Возможно, что над этими территориями целесообразно учредить опеку.

Стеттиниус добавляет, что на совещании трех министров было признано желательным обсудить вопрос об опеке на конференции Объединенных Наций.

Черчилль настаивает на внесении в текст решения оговорки, что обсуждение вопроса об опеке ни в коем случае не затрагивает территории Британской империи. Обращаясь к Сталину, Черчилль спрашивает: каковы были бы его чувства, если бы международная организация выступила с предложением передать Крым под международный контроль в качестве международного курорта?

Сталин отвечает, что он охотно предоставил бы Крым для конференций трех держав.

Стеттиниус заявляет, что подкомиссия, созданная для разработки вопроса о приглашении на конференцию Объединенных Наций, продолжает работу и сегодня доложит о результатах министрам иностранных дел.

(Далее по предложению Стеттиниуса было решено, чтобы лица, назначенные английской и советской сторонами, подготовили доклад по югославскому вопросу).

Черчилль замечает, что по югославскому вопросу нет значительных разногласий.

Стеттиниус заявляет, что было принято решение ввести в действие соглашение Тито — Шубашич до окончания Крымской конференции, невзирая ни на какие «фантазии короля Петра».

Черчилль говорит, что у британской делегации имеются две весьма ценные поправки к соглашению Тито — Шубашич. Эти поправки переданы русским друзьям. Если участники конференции сочтут поправки целесообразными, то можно будет рекомендовать Шубашичу и Тито их принять.

Сталин замечает, что советская сторона также может сделать свои поправки. Потом британская делегация предложит еще что-нибудь. Вопрос затягивается, а положение в Югославии остается неустойчивым.

Черчилль заявляет, что Тито — диктатор в своей стране. Мы можем обратиться к нему с просьбой принять поправки.

Сталин отвечает, что Тито вовсе не диктатор. Положение в Югославии остается неопределенным.

Иден заявляет, что речь идет не об изменении соглашения Тито — Шубашич. Речь идет лишь о тех двух заверениях, которые Шубашич все равно будет просить у Тито.

Сталин говорит, что поправки, внесенные англичанами, сводятся к тому, чтобы депутаты Скупщины, которые не скомпрометировали себя сотрудничеством с немцами, были включены в Антифашистское вече. Вторая поправка заключается в предложении, чтобы законодательные акты, принятые Антифашистским вече, в дальнейшем получили утверждение Учредительного собрания. По существу советская делегация согласна с этими поправками. Они правильны. Он считает, однако, что из-за них не следует задерживать создание нового правительства.

Иден заявляет, что британское правительство хочет немедленного осуществления соглашения Тито — Шубашич. Потом можно будет предложить Тито принять поправки, о которых идет речь.

Сталин отвечает согласием.

Черчилль также выражает свое согласие.

Иден говорит, что Шубашич должен был выехать из Лондона в Югославию 7 февраля.

Черчилль отмечает, что завтра будут получены сведения, выехал он или нет. Во всяком случае, Шубашич выедет, как только позволит погода.

Сталин заявляет, что до отъезда из Крыма три державы должны рекомендовать немедленно ввести в действие соглашение Тито — Шубашич и создать на основании этого соглашения единое югославское правительство, независимо от тех фантазий, которые имеются в голове у Петра.

Черчилль предлагает внести соответствующий пункт в коммюнике. В данной связи Черчилль спрашивает, имеется ли согласие на то, чтобы предложить Тито вышеупомянутые поправки впоследствии.

Сталин отвечает, что он не делает пустых заявлений. Он всегда держит свое слово.

(После перерыва).

Рузвельт заявляет, что он ближе ознакомился с предложениями советской делегации по польскому вопросу и

обменялся мнениями с английской стороной. Ему кажется, что теперь дело сводится лишь к некоторой разнице в словах. Участники конференции близки к соглашению. В этом вопросе действительно достигнут большой прогресс. Однако фраза: «Теперешнее временное польское правительство должно быть реорганизовано на базе более широкого демократизма» — затруднит положение тех правительств, которые признают польское правительство в Лондоне. Рузвельт хотел бы заменить выражение «теперешнее временное польское правительство» словами «польское правительство, действующее в настоящее время в Польше».

Далее, говорит Рузвельт, советская делегация предлагает исключить последнюю фразу относительно обязанности послов наших трех государств следить за свободными выборами в Польше. Лучше этого не делать. В данной связи Рузвельт хотел бы напомнить, что в США имеется шесть миллионов поляков. По отношению к ним нужно сделать какой-то жест, укрепляющий в них уверенность в том, что выборы в Польше будут справедливыми и свободными. Рузвельт считает, что, поскольку участники конференции так близки к соглашению, было бы целесообразно, чтобы министры иностранных дел сегодня вечером немного поработали и завтра доложили о результатах своей работы конференции.

Черчилль соглашается с Президентом, что сегодня сделан большой прогресс на пути к объединенной декларации союзных держав по польскому вопросу. У Черчилля нет возражений против того, чтобы это дело было окончательно разработано тремя министрами иностранных дел. Однако он хотел бы сейчас остановиться на двух небольших пунктах, которые вытекают из того, что было сказано маршалом Сталиным вчера. Маршал Сталин рассказал, как освобождалась Польша и как враг был изгнан из страны Красной Армией. Это новый факт очень большого значения. Поэтому Черчилль считает, что было бы целесообразно подчеркнуть данный факт перед всем миром и начать декларацию о Польше примерно такими словами: «Красная Армия освободила Польшу. Это делает необходимым создание вполне представительного польского правительства, которое теперь может быть построено на более широкой основе, чем то было возможно до освобождения Западной Польши».

Второй пункт, на который Черчилль хотел бы обратить внимание, — это последняя фраза американского проекта. Британское правительство находится в невыгодном положении при переговорах о польских делах, так как оно мало знает, что происходит в самой Польше. В то же время британскому правительству приходится принимать важные, касающиеся Польши решения. Черчиллю известно, что между различными группами поляков отношения очень обострены. Осубка-Моравский, например, недавно употребил весьма угрожающий язык в отношении лондонского правительства: люблинское правительство намерено привлечь к судебной ответственности как изменников всех солдат польской армии и участников подпольного движения. Это сильно беспокоит британское правительство.

Конечно, прежде всего необходимо устранить все препятствия, мешающие операциям Красной Армии. Тем не менее Черчилль хотел бы просить маршала Сталина о том, чтобы было принято во внимание трудное положение британского правительства. Британское правительство действительно ничего не знает о том, что происходит внутри Польши, так как единственный имеющийся у него способ получения информации — это время от времени сбрасывать в Польше парашютистов или беседовать с людьми — участниками подпольного движения, прибывшими из Польши. Такое положение крайне неудовлетворительно.

Каким образом его можно изменить, не создавая в то же время затруднений для операций Красной Армии? Черчилль еще раз повторяет, что интересы операций советских войск он ставит превыше всего. И все-таки: не могут ли быть англичанам предоставлены соответствующие возможности, которыми, как думает Черчилль, охотно воспользовались бы также американцы, чтобы видеть собственными глазами, как улаживаются в Польше существующие раздоры? Вот почему последняя фраза в американском проекте кажется британской делегации столь важной.

Когда в Югославии будут происходить выборы, то, как он понял, маршал Тито не будет возражать против присутствия советского, американского и британского наблюдателей с тем, чтобы эти наблюдатели могли заверить весь мир в правильном проведении выборов. Что

касается Греции, то англичане приветствовали бы присутствие советских, американских и британских наблюдателей, когда там будут происходить выборы. То же самое относится к Италии. Когда будет освобождена Северная Италия, произойдет резкое изменение во внутреннем положении Италии и должны состояться выборы в учредительное собрание или парламент. Британское правительство считает, что советский, американский и британский наблюдатели должны иметь возможность присутствовать на выборах в Италии, чтобы заверить великие державы в их нормальном проведении.

Соображения, высказанные Черчиллем, имеют под собой реальное основание. В Египте, например, любое правительство, проводящее выборы, всегда побеждает. Нахас-Паша поссорился с королем и хотел устроить выборы. Король сказал, что, пока Нахас-Паша является членом правительства, никаких выборов не будет. И разумеется, когда Нахас-Паша был изгнан из правительства, люди короля победили на выборах и заняли его место.

Сталин замечает, что в Египте не могло быть настоящих выборов. Там до сего времени широко распространен подкуп. Сталин спрашивает, каков процент грамотности в Египте. (Никто из членов английской делегации не может ответить на этот вопрос). В Польше грамотность достигает 70—75 процентов. Это люди, которые читают газеты и могут высказать свое мнение. Не может быть сравнения между Египтом и Польшей.

Черчилль отвечает, что он не имел в виду сравнивать Польшу с Египтом. Он хотел только сказать, что выборы должны быть свободными и справедливыми. Его, например, интересует вопрос: будет ли допущен к участию в выборах Миколайчик?

Сталин отвечает, что этот вопрос нужно обсудить с поляками.

Черчилль спрашивает: должны ли этот вопрос обсудить послы во время переговоров с поляками в Москве?

Сталин отвечает, что это должно быть сделано согласно тому решению, которое имеется в виду принять.

Черчилль отвечает, что он не хочет дальше продолжать дискуссию на данную тему, но он хочет иметь возможность доложить парламенту, что выборы будут свободными и что гарантирована справедливость их проведения.

Сталин говорит, что Миколайчик является представителем крестьянской партии. Это не фашистская партия. Она, конечно, будет допущена к участию в выборах. Кто-нибудь из кандидатов крестьянской партии войдет в правительство. Однако он думает, что решение данного вопроса следует оставить до обсуждения его с поляками. Они приедут, и их можно будет заслушать. Среди поляков имеются люди различных взглядов.

Черчилль заявляет, что он стремится лишь к тому, чтобы, вернувшись в Англию, провести через парламент вопрос о восточной границе Польши. Черчилль считает это возможным, если сами поляки между собой смогут решить вопрос о правительстве. Он, Черчилль, не особенно высокого мнения о поляках.

Сталин замечает, что среди поляков имеются очень хорошие люди. Поляки — храбрые бойцы. Польский народ дал выдающихся представителей науки и искусства.

Черчилль говорит, что он стремится лишь к тому, чтобы все стороны имели равные возможности.

Сталин замечает, что все нефашистские и антифашистские стороны будут иметь равные возможности.

Черчилль говорит, что он считает не совсем правильным проводить водораздел по линии: фашистский и нефашистский. Он предпочитает термин «демократы».

Сталин говорит, что перед ним лежит проект декларации об освобожденной Европе, предложенный американской делегацией. В этом проекте имеется фраза: «Установление порядка в Европе и переустройство национальной экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы фашизма и нацизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору». Хорошие слова! Здесь различие между фашизмом и антифашизмом проводится очень четко. Эти слова показывают, что между демократией и фашизмом не может быть единства.

Черчилль подтверждает, что такого единства не должно быть и не будет.

Рузвельт говорит, что, как он думает, пример Польши будет примером осуществления на практике принципов декларации об освобожденной Европе. Фраза, которую зачитал маршал Сталин, имеет важное значение, ибо она дает нам возможность уничтожить всякие следы фашиз-

ма. В следующем абзаце этой декларации сказано, что народы смогут учредить временные правительственные власти, представляющие все демократические слои населения, а затем создать постоянные с помощью свободных и справедливых выборов. Рузвельту хотелось бы, чтобы польские выборы, подобно жене Цезаря, были выше подозрений.

Сталин замечает, что о жене Цезаря так только говорили. На самом деле у нее были кое-какие грешки.

Рузвельт говорит, что выборы в Польше должны быть совершенно «чисты», так чисты, чтобы они никем не могли быть взяты под сомнение и чтобы сами поляки — люди очень горячие — могли принять выборы без всяких оговорок. Рузвельт резюмирует, что министры иностранных дел хорошо знают мнения глав правительств о польских выборах. Пусть они сегодня вечером займутся этим вопросом и завтра доложат о результатах своей работы.

Сталин говорит, что он согласен с поправкой Рузвельта: заменить слова «теперешнее временное правительство» словами «временное правительство, действующее в Польше».

Рузвельт переходит к следующему вопросу — к декларации об освобожденной Европе.

Черчилль говорит, что Иден хочет сделать одно замечание по поводу проекта этой декларации. Сам Черчилль согласен с декларацией, он считает необходимым отметить в протоколе, что Великобритания следует принципам Атлантической хартии в том толковании, которое Черчилль дал ей в парламенте после своего возвращения из Ньюфаундленда. Текст своего парламентского заявления Черчилль представит на следующем заседании. <...>

Рузвельт предлагает закрыть заседание.

Черчилль говорит, что он хотел бы обсудить вопрос о военных преступниках. Имеются в виду те военные преступники, преступления которых не связаны с определенным географическим местом.

Рузвельт заявляет, что вопрос о военных преступниках сложный. Его невозможно рассмотреть во время нынешней конференции. Не лучше ли передать этот вопрос на рассмотрение трех министров иностранных дел? Пусть они дадут отчет через три-четыре недели.

Черчилль говорит, что он составлял проект декларации о военных преступниках для Московской конференции

1943 года. Черчилль сделал тогда предложение, которое было принято, о выдаче преступников тем странам, где они совершили свои преступления. В названной декларации имеется также упоминание о главных преступниках, преступления которых не связаны с определенным географическим местом. Как быть с этими главными преступниками? По мнению Черчилля, прежде всего следует составить список таких лиц с правом пополнения его в дальнейшем. Это изолировало бы их от их народов. Черчилль считает, что лучше всего было бы расстрелять главных преступников, как только они будут пойманы.

Сталин спрашивает: а как быть с теми преступниками, которые уже пойманы, например с Гессом? Будет ли он включен в список, который предлагает составить Черчилль? Могут ли в число преступников попасть военнопленные? До сих пор существовало мнение, что военнопленных нельзя судить.

Черчилль отвечает, что военнопленных, нарушивших законы, конечно, можно привлекать к суду. Иначе преступники войны начнут сдаваться в плен для того, чтобы избежать наказания. Однако Черчилль понял маршала Сталина так, что перед расстрелом главные преступники должны быть судимы.

Сталин отвечает утвердительно.

Черчилль спрашивает, какова должна быть процедура суда: юридическая или политическая?

Рузвельт заявляет, что процедура не должна быть слишком юридической. При всяких условиях на суд не должны быть допущены корреспонденты и фотографы.

Черчилль говорит, что, по его мнению, суд над главными преступниками должен быть политическим, а не юридическим актом. Черчилль хотел бы, чтобы между тремя державами была ясность во взглядах по этому вопросу. Однако ничего на данную тему не должно публиковаться, чтобы главные преступники не стали заранее мстить союзным военнопленным.

Рузвельт предлагает передать вопрос о преступниках войны на изучение министрам иностранных дел трех держав.

(Это принимается).

Сталин спрашивает: началось ли наступление на Западном фронте?

Черчилль отвечает, что вчера в 10 часов утра 100-тысячная британская армия начала наступление в районе Неймегена. Войска продвинулись вперед на три тысячи ярдов на фронте шириной в пять миль. Они достигли линии Зигфрида. Оборона не была особенно сильной за исключением двух деревень. Взято несколько сот пленных. Завтра начнется вторая волна наступления. 9-я американская армия расширяет фронт наступления. Это наступление будет безостановочным и будет непрерывно разрастаться.

Седьмое заседание в Ливадийском дворце

10 февраля 1945 г.

Иден зачитывает текст заявления о Польше, согласованный на совещаниях министров иностранных дел вечером 9 февраля и утром 10 февраля.

Рузвельт заявляет, что он согласен с текстом заявления о Польше, оглашенным Иденом.

Черчилль говорит, что сейчас достигнуто соглашение о восточной границе Польши и имеется договоренность о том, чтобы поляки получили Восточную Пруссию и территорию до Одера. Однако у Черчилля есть сомнения, должны ли поляки иметь границу по реке Нейсе (Западной). Черчилль прибавляет, что он получил телеграмму от военного кабинета, в которой изложены опасения относительно трудностей переселения большого количества людей в Германию.

Рузвельт замечает, что желательно было бы узнать мнение нового польского правительства по поводу западной границы.

Сталин говорит, что в заявлении следовало бы сказать что-либо определенное о границе.

Черчилль считает важным опубликовать сообщение о достигнутом соглашении по вопросу о восточной границе (линия Керзона). Но если при этом ничего не будет сказано о западной границе, то народ сразу же спросит: а какова граница Польши на западе? Черчилль полагает,

что необходимо учесть мнение самих поляков по вопросу о западной границе и этот вопрос должен быть решен на мирной конференции.

Рузвельт думает, что лучше было бы ничего не говорить о границах Польши, так как этот вопрос еще должен обсуждаться в сенате и он, Рузвельт, не имеет сейчас полномочий принимать по нему какие-либо решения.

Черчилль заявляет, что что-то все-таки должно быть сказано о западной границе. Он думает, что можно найти какую-либо подходящую формулу, поскольку три правительства согласны, что Польша должна получить прирост территории к западу и северу и что при решении этого вопроса мнение польского правительства будет учтено.

Сталин тоже считает необходимым коснуться в решении вопроса о границах Польши.

Рузвельт в принципе соглашается с этим и предлагает поручить трем министрам рассмотреть вопрос и добавить новый абзац о границах к тексту заявления о Польше.

(Конференция принимает это предложение и переходит к декларации об освобожденной Европе.

Советская делегация предлагает добавить к третьему абзацу от конца фразу следующего содержания:

«Они будут немедленно консультироваться между собой о необходимых мерах по осуществлению совместной ответственности, установленной в настоящей декларации».

Это предложение советской делегации принимается).

Иден заявляет, что имеется еще дополнение относительно французов. Текст этого дополнения следующий:

«Издавая настоящую декларацию, три державы выражают надежду, что Временное правительство Французской республики может присоединиться к ним в предложенной процедуре».

Рузвельт заявляет, что в результате обдумывания он пришел к выводу, что де Голль мог бы присоединиться к декларации, если французы будут участвовать в контрольном механизме союзников в Германии. Раньше он, Рузвельт, был против участия Франции в Контрольном совете в Германии, но сейчас он стоит за участие Франции в нем.

Сталин заявляет, что он не возражает против участия французов в Контрольном совете и что он за присоединение их к декларации.

Черчилль говорит, что это должно быть опубликовано в коммюнике.

Сталин и **Рузвельт** соглашаются с предложением Черчилля.

(Конференция переходит к вопросу о Югославии).

Иден предлагает послать телеграмму Тито и Шубашичу.

Сталин предлагает в тексте телеграммы сказать о немедленном введении в действие соглашения Тито — Шубашич, о включении членов Скупщины в состав Вече и об утверждении законов, принятых Вече, новым парламентом. Пункт 3 телеграммы — о том, что правительство является лишь временным впредь до свободного выражения воли народа, — он предлагает опустить и весь текст отосланной телеграммы полностью включить в коммюнике.

Рузвельт и **Черчилль** соглашаются с предложением Сталина.

(Далее конференция принимает решение о том, чтобы выработку проекта коммюнике поручить трем министрам иностранных дел).

Иден сообщает, что по вопросу о международной организации безопасности все согласовано.

(Конференция переходит к вопросу о репарациях).

Черчилль говорит, что в настоящее время не следует указывать никакой суммы репараций.

Рузвельт соглашается с тем, что сейчас, пожалуй, не следует говорить о денежных суммах. Лучше поручить репарационной комиссии изучить вопрос и затем определить суммы репараций.

Сталин заявляет, что неправильно создавать впечатление, будто бы мы намерены брать репарации деньгами. Речь идет не о деньгах, а о товарах на сумму в 20 миллиардов американских долларов. Сейчас уже имеется три соглашения — с Венгрией, Финляндией и Румынией, в которых записаны суммы репараций, взимаемых в натуре, и до настоящего времени у нас не было никаких недоразумений по этому поводу. Или, может быть, конференция желает, чтобы русские совсем не получали репараций?

Черчилль говорит: совсем нет, напротив. Я хочу предложить, чтобы комиссия изучила вопрос о репарациях и составила доклад о получении репараций.

Сталин ставит вопрос: согласны ли с тем, чтобы взять товары с Германии для возмещения убытков? У нас еще

нет решения по вопросу о репарациях и даже принципы взимания репараций не приняты. Он предлагает принять следующее решение: «Три державы согласны в том, что Германия должна оплатить товарами (или в натуре) наиболее существенные убытки, причиненные ею в ходе войны союзным нациям. Поручить репарационной комиссии обсудить вопрос о размерах возмещения убытков, предложив взять за основу советско-американскую формулу, и о результатах доложить правительствам».

Сталин указывает далее, что американская сторона согласилась принять сумму в 20 миллиардов долларов как базу для дискуссии, имея, конечно, в виду, что возмещение убытков будет в натуре. Советская сторона не предлагает сейчас опубликования данного решения. Это можно будет сделать тогда, когда все три державы сочтут такой шаг необходимым.

Рузвельт заявляет, что он согласен с предложениями Сталина.

Черчилль еще раз повторяет, что конференция не может связывать себя никакими цифрами до того, как репарационная комиссия исследует вопрос и придет к определенным заключениям.

Сталин отвечает, что мы не обязываем конференцию принимать цифры, а лишь предлагаем комиссии взять названную цифру как материал для обсуждения.

Черчилль сообщает, что он получил телеграмму военного кабинета и желал бы зачитать выдержку из нее. Далее Черчилль заявляет, что англичане считают совершенно невозможным называть сейчас какую-либо сумму репараций. Черчилль указывает, что англичане придают особое значение способности немцев платить за свой импорт. Иначе мы окажемся в таком положении, говорит Черчилль, когда должны будем платить Германии, а другие будут получать репарации.

Сталин просит Черчилля назвать свою цифру репараций. Советская сторона не считает выдвинутую ею сумму неизменной и предлагает ее лишь для обсуждения. Он предлагает принять решение о репарациях в следующей форме:

1) Главы трех правительств согласились, что Германия должна возместить в натуре убытки, причиненные ею в ходе войны союзным странам.

2) Поручить московской репарационной комиссии обсудить вопрос о размерах убытков, подлежащих возмещению, и о своих выводах доложить правительствам.

Рузвельт и **Черчилль** заявляют, что они согласны с предложением Сталина.

Сталин иронически спрашивает: «А завтра вы не откажетесь от этого?» <...>

(Конференция переходит к вопросу о границах Польши).

Иден зачитывает английский проект добавления к заявлению о Польше относительно ее границ.

Рузвельт говорит, что по вопросу о польских границах у него имеется поправка к тексту: вместо слов «три правительства» поставить «главы трех правительств». Рузвельт поясняет, что если будет сказано «три правительства», то он, как президент, должен будет поставить этот вопрос на обсуждение в конгрессе, чего желательно избежать. Во второй фразе надо вычеркнуть слова «три правительства» и вместо них поставить «признано». В последней фразе вместо слов «они соглашаются» поставить «они считают». Рузвельт принимает текст добавления к заявлению о Польше с указанными поправками.

(Текст добавления о границах Польши принимается с поправками Рузвельта).

Восьмое заседание в Ливадийском дворце

11 февраля 1945 г.

Рузвельт открывает совещание и предлагает начать с обсуждения проекта коммюнике.

Сталин предлагает взять за основу обсуждения американский проект коммюнике.

Черчилль с этим соглашается.

(Конференция принимает за основу американский проект и переходит к обсуждению раздела I коммюнике — «Разгром Германии»).

Черчилль предлагает исключить во второй фразе слово «совместно».

(Предложение Черчилля принимается).

Сталин замечает, что первый раздел коммюнике хорошо составлен, и предлагает перейти к обсуждению второго раздела.

(Предложение Сталина принимается).

Иден предлагает добавить относительно французской зоны следующие слова: «Размер французской зоны будет определен четырьмя заинтересованными правительствами через их представителей в ЕКК».

(Дополнение Идена принимается. Конференция переходит к обсуждению раздела III о репарациях с Германии).

Черчилль просит показать ему проект особого протокола о репарациях с Германии, предложенный сегодня утром советской делегацией.

После ознакомления с текстом протокола Черчилль замечает, что по-английски звучит гораздо лучше и внушительнее выражение «репарация» (возмещение), а не «репарации».

Черчилль согласен оставить в разделе III коммюнике указание в общей форме о возмещении Германией убытков, причиненных ею союзным странам.

Рузвельт согласен с текстом раздела III и замечаниями Черчилля по поводу этого раздела.

Иден не возражает против текста советского протокола о репарациях, но предлагает отложить окончательное обсуждение его до просмотра всего текста коммюнике.

(Конференция переходит к обсуждению раздела IV — о конференции Объединенных Наций.

Советская делегация предлагает после первых двух абзацев добавить новый абзац следующего содержания: «Было также решено рекомендовать конференции пригласить в качестве первоначальных членов международной организации безопасности Украину и Белоруссию»).

Рузвельт заявляет, что оглашение этого решения в настоящее время создало бы для него политические затруднения внутри США, и предлагает удовлетвориться достигнутым на конференции соглашением о том, что американцы поддержат предложение о приглашении двух советских республик в качестве первоначальных членов организации.

Черчилль также считает, что в случае опубликования решения о советских республиках могут возникнуть большие трудности и споры. Британские доминионы могут за-

явить протест против того, чтобы одно государство имело больше одного голоса. Черчиллю необходимо снестись с доминионами и подготовить их по вопросу об участии Украины и Белоруссии в качестве первоначальных членов в международной организации безопасности. Поэтому он предлагает соглашение об Украине и Белоруссии записать в решениях конференции.

Сталин говорит, что в таком случае советская делегация может снять свое предложение, и предлагает пойти дальше.

Рузвельт заявляет, что согласие Сталина снять советское дополнение помогает ему, Рузвельту, избежать войны с ирландцами в США.

(Конференция переходит к обсуждению раздела V — о декларации об освобожденной Европе).

Черчилль заявляет, что он не имеет каких-либо замечаний и поправок.

Рузвельт и **Сталин** заявляют, что они также не имеют поправок.

(Текст раздела V принимается. Конференция переходит к обсуждению раздела VI — о Польше. Декларация о Польше принимается без изменений).

Черчилль в связи с данным разделом замечает, что он предвидит большую критику английского правительства, в особенности со стороны лондонских поляков, и обвинение его в том, что оно сдало свои позиции СССР.

Рузвельт заявляет, что у него в Соединенных Штатах в десять раз больше поляков, чем у Черчилля в Англии, но он тем не менее будет всемерно защищать декларацию о Польше.

(Конференция переходит к обсуждению раздела VII — о Югославии. Текст раздела VII принимается. Конференция переходит к обсуждению раздела VIII — о совещаниях министров иностранных дел).

Сталин предлагает принять английский текст.

(Все соглашаются. Конференция переходит к обсуждению того раздела английского проекта, который говорит о военнопленных).

Сталин предлагает не включать в коммюнике раздел о военнопленных, а принять его текст как особое решение.

Черчилль спрашивает: можем ли мы опубликовать соглашение о военнопленных, которое должно быть подписано сегодня после дневного совещания?

Сталин отвечает, что соглашение может быть опубликовано.

(Конференция переходит к обсуждению раздела IX — о единстве в организации мира, как и в ведении войны. Текст англо-американского проекта этого раздела принимается всеми без каких-либо возражений и замечаний. Конференция переходит к обсуждению последнего раздела американского проекта коммюнике — «Итоги»).

Сталин вносит предложение: не лучше ли исключить «Итоги», так как они слабее содержания самого коммюнике?

Рузвельт и **Черчилль** с этим соглашаются.

(Обсуждение коммюнике заканчивается).

Рузвельт говорит, что коммюнике следует подписать главам правительств, и он, Рузвельт, предлагает поставить первой подпись Сталина.

Сталин возражает, указав, что в Соединенных Штатах имеется зубастая пресса, которая может изобразить дело так, что Сталин повел за собою Президента и Премьер-Министра. Поэтому он предлагает подписать коммюнике в алфавитном порядке, т. е. первая подпись будет Рузвельта, вторая — Сталина, третья — Черчилля.

Черчилль заявляет, что если руководствоваться английским алфавитом, то его подпись будет первой.

Сталин отвечает, что он готов принять предложение Черчилля.

(Главы правительств условились подписать коммюнике после завтрака, когда министрами иностранных дел будут внесены исправления в соответствии с результатами обсуждения текста коммюнике на сегодняшнем заседании).

Возвращаясь к вопросу о протоколе о репарациях с Германии, **Рузвельт** говорит, что проект протокола, предложенный советской делегацией, для него приемлем.

Черчилль заявляет, что он желает еще раз прочесть текст проекта протокола, который, как ему кажется, потребует некоторых стилистических поправок, однако без изменения содержания протокола. Прочитав, Черчилль заявляет, что, за исключением некоторых стилистических изменений, он согласен с проектом протокола.

Черчилль предлагает обсудить вопрос о времени опубликования коммюнике.

Эрли предлагает опубликовать коммюнике 13 февраля в 8 часов утра по вашингтонскому времени.

(В результате обсуждения этого вопроса главы правительств согласились передать текст коммюнике по радио в понедельник 12 февраля в 23 часа 30 минут по московскому времени в Москве, в Лондоне и в Вашингтоне одновременно).

КОММЮНИКЕ О КОНФЕРЕНЦИИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ТРЕХ СОЮЗНЫХ ДЕРЖАВ—СОВЕТСКОГО СОЮЗА, СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ В КРЫМУ

За последние 8 дней в Крыму состоялась Конференция руководителей трех союзных держав — Премьер-Министра Великобритании г-на У. Черчилля, Президента Соединенных Штатов Америки г-на Ф. Д. Рузвельта и Председателя Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталина при участии Министров Иностранных Дел, Начальников штабов и других советников.

. . . . . .

О результатах работы Крымской Конференции Президент США, Председатель Совета Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик и Премьер-Министр Великобритании сделали следующее заявление:

I

РАЗГРОМ ГЕРМАНИИ

Мы рассмотрели и определили военные планы трех союзных держав в целях окончательного разгрома общего врага. Военные штабы трех союзных наций в продолжение всей Конференции ежедневно встречались на совещаниях. Эти совещания были в высшей степени удовлетворительны со всех точек зрения и привели к более тесной координации военных усилий трех союзников, чем это

было когда-либо раньше. Был произведен взаимный обмен самой полной информацией. Были полностью согласованы и детально спланированы сроки, размеры и координация новых и еще более мощных ударов, которые будут нанесены в сердце Германии нашими армиями и военно-воздушными силами с востока, запада, севера и юга.

Наши совместные военные планы станут известны только тогда, когда мы их осуществим, но мы уверены, что очень тесное рабочее сотрудничество между тремя нашими штабами, достигнутое на настоящей Конференции, поведет к ускорению конца войны. Совещания трех наших штабов будут продолжаться всякий раз, как в этом возникнет надобность.

Нацистская Германия обречена. Германский народ, пытаясь продолжать свое безнадежное сопротивление, лишь делает для себя тяжелее цену своего поражения.

II

ОККУПАЦИЯ ГЕРМАНИИ И КОНТРОЛЬ НАД НЕЙ

Мы договорились об общей политике и планах принудительного осуществления условий безоговорочной капитуляции, которые мы совместно предпишем нацистской Германии после того, как германское вооруженное сопротивление будет окончательно сокрушено. Эти условия не будут опубликованы, пока не будет достигнут полный разгром Германии. В соответствии с согласованным планом вооруженные силы трех держав будут занимать в Германии особые зоны. Планом предусмотрены координированная администрация и контроль, осуществляемые через Центральную Контрольную Комиссию, состоящую из Главнокомандующих трех держав, с местом пребывания в Берлине. Было решено, что Франция будет приглашена тремя державами, если она этого пожелает, взять на себя зону оккупации и участвовать в качестве четвертого члена в Контрольной Комиссии. Размеры французской зоны будут согласованы между четырьмя заинтересованными Правительствами через их представителей в Европейской Консультативной Комиссии.

Нашей непреклонной целью является уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантии

в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушать мир всего мира. Мы полны решимости разоружить и распустить все германские вооруженные силы, раз и навсегда уничтожить германский генеральный штаб, который неоднократно содействовал возрождению германского милитаризма, изъять или уничтожить все германское военное оборудование, ликвидировать или взять под контроль всю германскую промышленность, которая могла бы быть использована для военного производства; подвергнуть всех преступников войны справедливому и быстрому наказанию и взыскать в натуре возмещение убытков за разрушения, причиненные немцами; стереть с лица земли нацистскую партию, нацистские законы, организации и учреждения; устранить всякое нацистское и милитаристское влияние из общественных учреждений, из культурной и экономической жизни германского народа и принять совместно такие другие меры к Германии, которые могут оказаться необходимыми для будущего мира и безопасности всего мира. В наши цели не входит уничтожение германского народа. Только тогда, когда нацизм и милитаризм будут искоренены, будет надежда на достойное существование для германского народа и место для него в сообществе наций.

III

РЕПАРАЦИИ С ГЕРМАНИИ

Мы обсудили вопрос об ущербе, причиненном в этой войне Германией союзным странам, и признали справедливым обязать Германию возместить этот ущерб в натуре в максимально возможной мере.

Будет создана Комиссия по возмещению убытков, которой поручается также рассмотреть вопрос о размерах и способах возмещения ущерба, причиненного Германией союзным странам. Комиссия будет работать в Москве.

IV

КОНФЕРЕНЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Мы решили в ближайшее время учредить совместно с нашими союзниками всеобщую международную организацию для поддержания мира и безопасности. Мы считаем, что это существенно как для предупреждения аг-

рессии, так и для устранения политических, экономических и социальных причин войны путем тесного и постоянного сотрудничества всех миролюбивых народов.

Основы были заложены в Думбартон-Оксе. Однако по важному вопросу о процедуре голосования там не было достигнуто соглашения. На настоящей Конференции удалось разрешить это затруднение. Мы согласились на том, что 25 апреля 1945 года в Сан-Франциско в Соединенных Штатах будет созвана Конференция Объединенных Наций для того, чтобы подготовить Устав такой организации соответственно положениям, выработанным во время неофициальных переговоров в Думбартон-Оксе.

С Правительством Китая и Временным Правительством Франции будут немедленно проведены консультации, и к ним будет направлено обращение принять участие совместно с Правительствами Соединенных Штатов, Великобритании и Союза Советских Социалистических Республик в приглашении других стран на конференцию.

Как только консультации с Китаем и Францией будут закончены, текст предложений о процедуре голосования будет опубликован.

V

ДЕКЛАРАЦИЯ ОБ ОСВОБОЖДЕННОЙ ЕВРОПЕ

Мы составили и подписали Декларацию об освобожденной Европе. Эта Декларация предусматривает согласование политики трех держав и совместные их действия в разрешении политических и экономических проблем освобожденной Европы в соответствии с демократическими принципами. Ниже приводится текст Декларации:

«Премьер Союза Советских Социалистических Республик, Премьер-Министр Соединенного Королевства и Президент Соединенных Штатов Америки консультировались между собой в общих интересах народов своих стран и народов освобожденной Европы. Они совместно заявляют о том, что они договорились между собой согласовывать в течение периода временной неустойчивости в освобожденной Европе политику своих трех Правительств в деле помощи народам, освобожденным от господства нацистской Германии, и народам бывших государств-сателлитов оси в Европе при разрешении ими демократичес-

кими способами их насущных политических и экономических проблем.

Установление порядка в Европе и переустройство национально-экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору. В соответствии с принципом Атлантической хартии о праве всех народов избирать форму правительства, при котором они будут жить, должно быть обеспечено восстановление суверенных прав и самоуправления для тех народов, которые были лишены этого агрессивными нациями путем насилия.

Для улучшения условий, при которых освобожденные народы могли бы осуществлять эти права, три Правительства будут совместно помогать народам в любом освобожденном европейском государстве или в бывшем государстве-сателлите оси в Европе, где, по их мнению, обстоятельства этого потребуют: a) создавать условия внутреннего мира; b) проводить неотложные мероприятия по оказанию помощи нуждающимся народам; c) создавать временные правительственные власти, широко представляющие все демократические элементы населения и обязанные возможно скорее установить путем свободных выборов правительства, отвечающие воле народа, и d) способствовать, где это окажется необходимым, проведению таких выборов.

Три Правительства будут консультироваться с другими Объединенными Нациями и с временными властями или с другими правительствами в Европе, когда будут рассматриваться вопросы, в которых они прямо заинтересованы.

Когда, по мнению трех Правительств, условия в любом европейском освобожденном государстве или в любом из бывших государств-сателлитов оси в Европе сделают такие действия необходимыми, они будут немедленно консультироваться между собой о необходимых мерах по осуществлению совместной ответственности, установленной в настоящей Декларации.

Этой Декларацией мы снова подтверждаем нашу веру в принципы Атлантической хартии, нашу верность Декларации Объединенных Наций и нашу решимость создать, в сотрудничестве с другими миролюбивыми нация-

ми, построенный на принципах права международный порядок, посвященный миру, безопасности, свободе и всеобщему благосостоянию человечества.

Издавая настоящую Декларацию, три державы выражают надежду, что Временное Правительство Французской Республики может присоединиться к ним в предложенной процедуре».

VI

О ПОЛЬШЕ

Мы собрались на Крымскую Конференцию разрешить наши разногласия по польскому вопросу. Мы полностью обсудили все аспекты польского вопроса. Мы вновь подтвердили наше общее желание видеть установленной сильную, свободную, независимую и демократическую Польшу, и в результате наших переговоров мы согласились об условиях, на которых новое Временное Польское Правительство Национального Единства будет сформировано таким путем, чтобы получить признание со стороны трех главных держав.

Достигнуто следующее соглашение:

«Новое положение создалось в Польше в результате полного освобождения ее Красной Армией. Это требует создания Временного Польского Правительства, которое имело бы более широкую базу, чем это было возможно раньше, до недавнего освобождения западной части Польши. Действующее ныне в Польше Временное Правительство должно быть поэтому реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы. Это новое Правительство должно затем называться Польским Временным Правительством Национального Единства.

В. М. Молотов, г-н В. А. Гарриман и сэр Арчибальд К. Керр уполномочиваются, как Комиссия, проконсультироваться в Москве в первую очередь с членами теперешнего Временного Правительства и с другими польскими демократическими лидерами как из самой Польши, так и из-за границы, имея в виду реорганизацию теперешнего Правительства на указанных выше основах. Это Польское Временное Правительство Национального Единства должно принять обязательство провести сво-

бодные и ничем не воспрепятствованные выборы, как можно скорее, на основе всеобщего избирательного права при тайном голосовании. В этих выборах все антинацистские и демократические партии должны иметь право принимать участие и выставлять кандидатов.

Когда Польское Временное Правительство Национального Единства будет сформировано должным образом в соответствии с вышеуказанным, Правительство СССР, которое поддерживает в настоящее время дипломатические отношения с нынешним Временным Правительством Польши, Правительство Соединенного Королевства и Правительство США установят дипломатические отношения с новым Польским Временным Правительством Национального Единства и обменяются послами, по докладам которых соответствующие Правительства будут осведомлены о положении в Польше.

Главы трех Правительств считают, что восточная граница Польши должна идти вдоль линии Керзона с отступлениями от нее в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши. Главы трех Правительств признают, что Польша должна получить существенное приращение территории на севере и на западе. Они считают, что по вопросу о размере этих приращений в надлежащее время будет спрошено мнение нового Польского Правительства Национального Единства и что, вслед за тем, окончательное определение западной границы Польши будет отложено до мирной конференции».

VII

О ЮГОСЛАВИИ

Мы признали необходимым рекомендовать маршалу Тито и д-ру Шубашичу немедленно ввести в действие заключенное между ними Соглашение и образовать Временное Объединенное Правительство на основе этого Соглашения.

Было решено также рекомендовать, чтобы новое Югославское Правительство, как только оно будет создано, заявило:

1. что Антифашистское Вече Национального Освобождения Югославии будет расширено за счет включения членов последней югославской Скупщины, которые не

скомпрометировали себя сотрудничеством с врагом, и, таким образом, будет создан орган, именуемый Временным Парламентом;

2. что законодательные акты, принятые Антифашистским Вече Национальноro Освобождения, будут подлежать последующему утверждению Учредительным Собранием.

Был также сделан общий обзор других балканских вопросов.

VIII

СОВЕЩАНИЯ МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

В течение всей Конференции, кроме ежедневных совещаний Глав Правительств и Министров Иностранных Дел, каждый день имели место отдельные совещания трех Министров Иностранных Дел с участием их советников.

Эти совещания оказались чрезвычайно полезными, и на Конференции было достигнуто соглашение о том, что должен быть создан постоянный механизм для регулярной консультации между тремя Министрами Иностранных Дел. Поэтому Министры Иностранных Дел будут встречаться так часто, как это потребуется, вероятно, каждые 3 или 4 месяца. Эти совещания будут происходить поочередно в трех столицах, причем первое совещание должно состояться в Лондоне после Конференции Объединенных Наций по созданию международной организации безопасности.

IX

ЕДИНСТВО В ОРГАНИЗАЦИИ МИРА, КАК И В ВЕДЕНИИ ВОЙНЫ

Наше совещание в Крыму вновь подтвердило нашу общую решимость сохранить и усилить в предстоящий мирный период то единство целей и действий, которое сделало в современной войне победу возможной и несомненной для Объединенных Наций. Мы верим, что это является священным обязательством наших Правительств перед своими народами, а также перед народами мира.

Только при продолжающемся и растущем сотрудничестве и взаимопонимании между нашими тремя странами и между всеми миролюбивыми народами может быть реализовано высшее стремление человечества — прочный и длительный мир, который должен, как говорится в Атлантической хартии, — «обеспечить такое положение, при котором все люди во всех странах могли бы жить всю свою жизнь, не зная ни страха, ни нужды».

Победа в этой войне и образование предполагаемой международной организации представляет самую большую возможность во всей истории человечества для создания в ближайшие годы важнейших условий такого мира.

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ
ФРАНКЛИН Д. РУЗВЕЛЬТ
И. СТАЛИН

11 февраля 1945 г.

Протокол работы Крымской конференции

Происходившая 4—11 февраля в Крыму конференция Глав Правительств Соединенных Штатов Америки, Великобритании и СССР пришла к следующим заключениям:

ВСЕМИРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Было решено:

1) что конференция Объединенных Наций по вопросу о предполагаемой всемирной организации должна быть созвана в среду 25 апреля 1945 года и должна быть проведена в Соединенных Штатах Америки;

2) что на эту конференцию должны быть приглашены следующие государства:

a) Объединенные Нации по составу на 8 февраля 1945 г.,

b) те из присоединившихся наций, которые объявили войну общему врагу к 1 марта 1945 г. (В данном случае под термином «присоединившиеся нации» имеется в виду восемь присоединившихся наций и Турция). Когда будет происходить конференция о всемирной организации, делегаты Соединенного Королевства и Соединенных Шта-

тов Америки поддержат предложение о допуске к первоначальному членству двух Советских Социалистических Республик, а именно Украины и Белоруссии;

3) что правительство Соединенных Штатов от имени трех держав проконсультируется с правительством Китая и с французским временным правительством по решениям, принятым на настоящей конференции, относительно предполагаемой всемирной организации;

4) что текст приглашений, которые будут разосланы всем государствам, принимающим участие в конференции, должен быть следующий:

Приглашение

Правительство Соединенных Штатов Америки от своего имени и от имени правительств Соединенного Королевства, Союза Советских Социалистических Республик и республики Китая, а также от имени временного правительства Французской республики приглашает правительство . . . . направить представителей на конференцию Объединенных Наций, которая должна состояться 25 апреля 1945 года или вскоре после этой даты в Сан-Франциско, в Соединенных Штатах Америки, для подготовки устава всеобщей международной организации для поддержания международного мира и безопасности.

Вышепоименованные правительства предлагают, чтобы конференция рассмотрела как базу для такого устава предложения по учреждению всеобщей международной организации, которые были опубликованы в октябре прошлого года в результате конференции в Думбартон-Оксе и которые были дополнены следующими условиями для раздела С главы VI:

«С. Голосование

1. Каждый член Совета Безопасности имеет один голос.

2. Решения Совета Безопасности по вопросам процедуры принимаются большинством в семь голосов членов.

3. Решения Совета Безопасности по всем другим вопросам принимаются большинством в семь голосов членов, включая совпадающие голоса постоянных членов, причем сторона, участвующая в споре, воздерживается от голосования при принятии решений согласно разделу А главы VIII и согласно второй фразе абзаца I раздела С главы VIII».

Дополнительная информация о соответствующих мероприятиях будет сообщена в дальнейшем.

В случае, если правительство ..... желает заранее до конференции высказать мнения и замечания, касающиеся предложений, то правительство Соединенных Штатов Америки будет радо передать такие мнения и замечания другим участвующим правительствам.

Территориальная опека

Было решено, что пять государств, которые будут иметь постоянные места в Совете Безопасности, должны проконсультироваться между собой до конференции Объединенных Наций по вопросу о территориальной опеке.

Эта рекомендация была принята при условии, что территориальная опека будет применяться только: a) к существующим мандатам Лиги наций; b) к территориям, отторгнутым от вражеских государств в результате настоящей войны; c) к любой другой территории, которая может быть добровольно поставлена под опеку, и d) никаких дискуссий о конкретных территориях на предстоящей конференции Объединенных Наций или во время предварительных консультаций не предполагается, и решение вопроса о том, какие территории, относящиеся к указанным выше категориям, будут поставлены под попечительство, явится предметом позднейшего соглашения.

. . . . . .

ЗОНА ОККУПАЦИИ ДЛЯ ФРАНЦУЗОВ И КОНТРОЛЬНЫЙ СОВЕТ ДЛЯ ГЕРМАНИИ

Было решено, что Франции должна быть предоставлена в Германии зона, подлежащая оккупации французскими войсками. Эта зона будет образована из британской и американской зон, и ее размеры будут установлены англичанами и американцами в консультации с французским временным правительством.

Было также решено, что французское временное правительство должно быть приглашено войти в качестве члена в Контрольный Совет по Германии.

Был подписан следующий протокол:

Протокол
о переговорах между главами трех правительств на Крымской конференции по вопросу о репарациях натурой с Германии

Главы трех правительств условились о следующем:

1. Германия обязана возместить в натуре ущерб, причиненный ею в ходе войны союзным нациям.

Репарации должны получаться в первую очередь теми странами, которые вынесли главную тяжесть войны, понесли наибольшие потери и организовали победу над врагом.

2. Репарации должны взиматься с Германии в трех формах:

а) единовременные изъятия в течение двух лет по капитуляции Германии или прекращении организованного сопротивления из национального богатства Германии, находящегося как на территории самой Германии, так и вне ее (оборудование, станки, суда, подвижной состав, германские вложения за границей, акции промышленных, транспортных, судоходных и других предприятий Германии и т. д.), причем эти изъятия должны быть проведены главным образом с целью уничтожения военного потенциала Германии;

б) ежегодные товарные поставки из текущей продукции в течение периода, длительность которого должна быть установлена;

в) использование германского труда.

3. Для выработки на основе вышеизложенных принципов подробного репарационного плана в Москве учреждается межсоюзная комиссия по репарациям в составе представителей от СССР, США и Великобритании.

4. В отношении определения общей суммы репараций, а также ее распределения между пострадавшими после германской агрессии странами советская и американская делегации согласились о следующем: «Московская комиссия по репарациям в первоначальной стадии своей рабо-

ты примет в качестве базы для обсуждения предложение Советского правительства о том, что общая сумма репараций в соответствии с пунктами «а» и «б» параграфа 2-го должна составлять 20 миллиардов долларов и что 50% это суммы идет Советскому Союзу». Британская делегация считала, что впредь до рассмотрения вопроса о репарациях Московской комиссией по репарациям не могут быть названы никакие цифры репараций.

Вышеприведенное советско-американское предложение передано Московской комиссии по репарациям в качестве одного из предложений, подлежащих ее рассмотрению.

ГЛАВНЫЕ ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПНИКИ

Конференция решила, что вопрос о главных преступниках войны должен после закрытия конференции подлежать рассмотрению тремя министрами иностранных дел для доклада в надлежащее время.

. . . . . .

СОГЛАШЕНИЯ МЕЖДУ СОЮЗНЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ГРАЖДАНСКИХ ЛИЦ ЭТИХ ГОСУДАРСТВ

На Крымской конференции имели место переговоры между британской, американской и советской делегациями для заключения исчерпывающего соглашения относительно мероприятий для защиты, содержания и репатриации военнопленных и гражданских лиц Великобритании, Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, освобожденных союзными вооруженными силами, вступающими сейчас в Германию. Тексты подписанных 11 февраля Соглашений между СССР и Великобританией и между СССР и Соединенными Штатами Америки тождественны. Соглашение между Советским Союзом и Великобританией было подписано В. М. Молотовым и г-ном Иденом. Соглашение между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки подписали генерал-лейтенант Грызлов и генерал Дин.

В соответствии с этими Соглашениями, до тех пор, пока не будут выделены транспортные средства для репатриации граждан союзников, каждый союзник будет

предоставлять питание, одежду, медицинское обслуживание и удовлетворять другие нужды граждан других союзников. Советские офицеры будут помогать британским и американским властям в их задаче обслуживания советских граждан, освобожденных британскими и американскими вооруженными силами в течение периода времени, когда они будут находиться на континенте Европы или в Соединенном Королевстве, ожидая транспорта для перевозки их домой.

В обслуживании британских подданных и американских граждан Советскому Правительству будут помогать британские и американские офицеры.

Поскольку теперь достигнуто соглашение, три Правительства обязуются оказывать всяческую помощь, совместимую с требованиями ведения военных операций в целях обеспечения быстрой репатриации всех этих военнопленных и гражданских лиц.

СОГЛАШЕНИЕ ТРЕХ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ ПО ВОПРОСАМ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Руководители Трех Великих Держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании — согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне Союзников при условии:

1. Сохранения status quo Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики);

2. Восстановления принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно:

a) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов;

b) интернационализации торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур, как на военно-морскую базу СССР;

c) совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Манчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-Китайского Общества с обеспечением

преимущественных интересов Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Манчжурии полный суверенитет.

3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов.

Предполагается, что соглашение относительно Внешней Монголии и вышеупомянутых портов и железных дорог потребует согласия генералиссимуса Чан Кай-ши. По совету Маршала И. В. Сталина Президент примет меры к тому, чтобы было получено такое согласие.

Главы Правительств Трех Великих Держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией.

Со своей стороны Советский Союз выражает готовность заключить с Национальным Китайским Правительством пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига.

11 февраля 1945 г.

И. СТАЛИН
ФРАНКЛИН РУЗВЕЛЬТ
УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ

ПОТСДАМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

17 июля—2 августа 1945 г.

Первое заседание

17 июля 1945 г.

Черчилль. Кому быть председателем на нашей конференции?

Сталин. Предлагаю президента США Трумэна.

Черчилль. Английская делегация поддерживает это предложение.

Трумэн. Принимаю на себя председательствование на этой конференции.

Я позволю себе поставить перед вами некоторые из вопросов, накопившихся к моменту нашей встречи и требующих неотложного рассмотрения. А затем мы обсудим сам порядок работы конференции.

Черчилль. Мы будем иметь право сделать добавления к порядку дня.

Трумэн. Одной из самых острых проблем в настоящее время является установление какого-то механизма для урегулирования вопроса о мирных переговорах. Без этого экономическое развитие Европы будет продолжаться в ущерб делу союзников и всего мира.

Опыт Версальской конференции, происходившей после первой мировой войны, показал, что без предварительной подготовки мирной конференции державами-победительницами конференция может иметь очень много недостатков. Мирная конференция без предварительной ее подготовки происходит в напряженной атмосфере спорящих сторон, что неизбежно затягивает выработку решений этой конференции.

Поэтому я предлагаю, учитывая опыт Версальской конференции, уже теперь создать специальный Совет министров иностранных дел, состоящий из министров Вели-

кобритании, СССР, США, Франции и Китая, т. е. постоянных членов Совета Безопасности Объединенных Наций, созданного на конференции в Сан-Франциско. Этот Совет министров по подготовке мирной конференции должен собраться как можно скорее после нашей встречи. В этом духе и по этой линии и составлен мною проект создания Совета министров иностранных дел по подготовке мирной конференции, который я и представляю на ваше рассмотрение.

Черчилль. Я предлагаю передать этот вопрос на обсуждение наших министров иностранных дел для доклада на следующем нашем заседании.

Сталин. Согласен. Мне неясно только относительно участия министра иностранных дел Китая в этом Совете. Ведь имеются в виду европейские проблемы? Насколько подходяще тут участие представителя Китая?

Трумэн. Этот вопрос мы сможем обсудить после доклада нам министров иностранных дел.

Сталин. Хорошо.

Трумэн. О Контрольном Совете для Германии. Этот совет должен начать свою работу как можно скорее, в соответствии с уже достигнутым соглашением. С этой целью я ставлю на ваше обсуждение проект, содержащий принципы, которые, по нашему мнению, должны быть руководящими в работе этого Контрольного Совета.

Черчилль. Я не имел возможности прочитать этот документ, но я прочту его с полным вниманием и уважением, и тогда можно будет обсудить этот документ. Этот вопрос так обширен, что не следует его передавать на обсуждение министров иностранных дел, а мы сами должны изучить и обсудить его и потом, в крайнем случае, передать министрам.

Трумэн. Мы могли бы завтра обсудить этот вопрос.

Сталин. Мы можем обсудить этот вопрос и завтра. Министры могли бы познакомиться с ним предварительно, это не мешает, так как параллельно мы сами будем знакомиться с этим вопросом.

Черчилль. Наши министры имеют уже достаточно задач по первому документу. Может быть, завтра можно было бы передать им и этот второй вопрос?

Сталин. Хорошо, давайте передадим завтра.

Трумэн оглашает содержание меморандума, в котором говорится, что решениями Ялтинской декларации

об освобожденной Европе три державы приняли на себя некоторые обязательства в отношении освобожденных народов Европы и бывших сателлитов Германии. Эти решения предусматривали согласованную политику трех держав и совместные их действия в разрешении политических и экономических проблем освобожденной Европы в соответствии с демократическими принципами.

Со времени Ялтинской конференции обязательства, взятые нами в декларации об освобожденной Европе, остаются невыполненными. По мнению правительства США, продолжающееся невыполнение этих обязательств будет считаться во всем мире как показатель отсутствия единства между тремя великими державами и будет подрывать доверие к искренности и единству целей среди Объединенных Наций. Поэтому правительство США предлагает, чтобы выполнение обязательств этой декларации было бы полностью согласовано на этой конференции.

Три великих союзных государства должны согласиться с необходимостью немедленной реорганизации теперешних правительств Румынии и Болгарии в точном соответствии с пунктом «с» параграфа 3 декларации об освобожденной Европе. Должны быть немедленно проведены консультации для выработки необходимой процедуры, которая потребуется для реорганизации этих правительств, чтобы включить в их состав представителей всех значительных демократических групп. После того как будет проведена реорганизация этих правительств, может последовать дипломатическое признание их со стороны союзных держав и заключение соответствующих договоров.

В соответствии с обязательствами трех держав, изложенными в пункте «d» параграфа 3 декларации об освобожденной Европе, правительства трех держав должны обсудить, как лучше помочь работе временных правительств по проведению свободных и беспристрастных выборов. Такая помощь будет требоваться в Румынии, Болгарии и, возможно, в других странах.

Одна из самых важных задач, стоящих перед нами, это определение нашего отношения к Италии. Ввиду того, что Италия недавно объявила войну Японии, я надеюсь, что конференция сочтет возможным согласиться оказать Италии поддержку по вопросу вступления ее в Организацию Объединенных Наций. Министры иностранных дел мог-

ли бы выработать подходящее заявление по этому поводу от имени правительств Объединенных Наций.

Надо ли читать весь этот документ полностью? Есть ли у вас время?

Черчилль. Господин президент, это очень важные вопросы, и мы должны иметь время для их обсуждения. Дело в том, что наши позиции в этих вопросах не одинаковы. На нас Италия напала в самый тяжелый момент, когда она нанесла удар в спину Франции. Мы бились против Италии в Африке в течение двух лет, прежде чем Америка вступила в войну, и у нас были большие потери. Мы должны были даже рисковать силами Соединенного Королевства, уменьшить нашу оборону в Соединенном Королевстве для того, чтобы послать войска в Африку. У нас были большие морские сражения в Средиземном море. Мы имеем наилучшие намерения в отношении Италии, и мы это доказали тем, что оставили им корабли.

Сталин. Это очень хорошо, но мы сегодня должны ограничиться составлением порядка дня вместе с дополнительными пунктами. Когда порядок дня будет установлен, после этого можно будет перейти к обсуждению любого вопроса по существу.

Трумэн. Я совершенно согласен.

Черчилль. Я очень благодарен президенту за то, что он открыл эту дискуссию и этим сделал большой вклад в нашу работу, но я думаю, что мы должны иметь время для обсуждения этих вопросов. Я вижу их в первый раз. Я не хочу сказать, что не могу согласиться с этими предложениями, но надо иметь время для того, чтобы обсудить их. Я предлагаю, чтобы президент закончил свои предложения, если они у него имеются, чтобы затем составить порядок дня.

Сталин. Хорошо.

Трумэн. Целью трех правительств в отношении Италии является развитие ее политической самостоятельности, экономического восстановления и обеспечение для итальянского народа права избирать свою форму правления.

Настоящее положение Италии, как совоюющей стороны и как безоговорочно капитулировавшей державы, является аномальным и мешает каждой попытке как со стороны союзников, так и со стороны самой Италии улучшить ее экономическое и политическое положение. Эта

аномалия может быть окончательно ликвидирована только путем заключения мирного договора с Италией. Подготовка проекта такого договора должна быть одной из первых задач, возлагаемых на Совет министров иностранных дел.

В то же время улучшение внутреннего положения Италии может быть достигнуто путем создания такой обстановки, при которой за Италией будет признан ее вклад в дело поражения Германии. Поэтому рекомендуется, чтобы краткие условия капитуляции Италии и исчерпывающие условия капитуляции Италии были прекращены и заменены обязательствами итальянского правительства, вытекающими из новой ситуации в Италии.

Эти обязательства должны предусматривать: итальянское правительство воздерживается от враждебных действий против любого из членов Объединенных Наций; итальянское правительство не должно иметь никаких военно-морских и военно-воздушных сил и оборудования, кроме тех, которые будут установлены союзниками, и будет соблюдать все инструкции союзников; до заключения мирного соглашения контроль над Италией должен осуществляться по мере необходимости; одновременно должен быть решен вопрос о том, как долго на территории Италии останутся военные силы союзников; наконец, должно быть обеспечено справедливое разрешение территориальных споров.

Так как меня неожиданно избрали председателем этой конференции, то я не мог сразу же выразить своих чувств. Я очень рад познакомиться с Вами, генералиссимус, и с Вами, господин премьер-министр. Я отлично знаю, что здесь я заменяю человека, которого невозможно заменить, — бывшего президента Рузвельта. Я рад служить хотя бы частично той памяти, которая сохранилась у вас о президенте Рузвельте. Я хочу закрепить дружбу, которая существовала между ним и вами.

Вопросы, которые я поставил перед вами, являются, конечно, очень важными. Но это не исключает того, чтобы были поставлены дополнительные вопросы на повестке дня.

Черчилль. Вы имеете что-либо сказать, генералиссимус, в ответ господину президенту или предоставите это сделать мне?

Сталин. Предоставляю вам.

Черчилль. Я хотел бы выразить от имени британской делегации нашу искреннюю благодарность президенту США за то, что он принял на себя председательствование на этой конференции, и я ему благодарен за то, что он выразил взгляды великой республики, которую он представляет и главой которой он является, и сказать ему: я уверен, что генералиссимус со мной будет согласен, что мы приветствуем его весьма искренне и нашим желанием является, чтобы в этот важный момент сказать ему, что те теплые чувства, которые мы испытывали по отношению к президенту Рузвельту, мы будем питать и к нему. Он явился в исторический момент, и нашим желанием является, чтобы настоящие задачи и цели, за которые мы сражались, были бы теперь, в мирное время, достигнуты. Мы питаем уважение не только к американскому народу, но и к его президенту лично, я надеюсь, что это чувство уважения будет все время увеличиваться и послужит улучшению наших отношений.

Сталин. От имени русской делегации могу заявить, что чувства, выраженные г-ном Черчиллем, полностью нами разделяются.

Черчилль. Мне кажется, что нам следовало бы теперь перейти к простым вопросам порядка дня и составить некоторую программу нашей работы, чтобы посмотреть, сможем ли мы сами выполнить этот порядок дня, или же часть вопросов следует передать министрам иностранных дел. Мне кажется, нам не нужно устанавливать весь порядок дня сразу, мы можем ограничиваться порядком работы на каждый день. Мы, например, хотели бы добавить польский вопрос.

Сталин. Все-таки хорошо было бы всем трем делегациям изложить все вопросы, которые они считают нужным поставить на повестку дня. У русских есть вопросы о разделе германского флота и другие. По вопросу о флоте была переписка между мною и президентом и было достигнуто согласие.

Второй вопрос — это вопрос о репарациях.

Затем следует обсудить вопрос об опекаемых территориях.

Черчилль. Вы имеете в виду территории в Европе или во всем мире?

Сталин. Обсудим. Я не знаю еще точно, что это за тер-

ритории, но русские хотели бы принять участие в управлении опекаемыми территориями.

Отдельно мы хотели бы поставить вопрос о восстановлении дипломатических отношений с бывшими сателлитами Германии.

Необходимо рассмотреть также вопрос о режиме в Испании. Мы, русские, считаем, что нынешний режим Франко в Испании навязан испанскому народу Германией и Италией. Он таит глубокую опасность для свободолюбивых Объединенных Наций. Мы полагаем, что было бы хорошо создать условия для испанского народа установить такой режим, какой ему нравится.

Черчилль. Мы только еще обсуждаем, что поставить на повестку дня. Я согласен, что вопрос об Испании должен быть поставлен в порядок дня.

Сталин. Я только разъясняю мысль, что следует понимать под вопросом.

Затем следовало бы поставить вопрос о Танжере.

Черчилль. Г-н Иден говорил мне, что если мы дойдем до танжерского вопроса, то мы сможем достигнуть только временного соглашения из-за отсутствия французов.

Сталин. Все же интересно знать мнение трех великих держав по этому вопросу.

Затем следует обсудить вопрос о Сирии и Ливане. Необходимо обсудить и польский вопрос в аспекте решения тех вопросов, которые вытекают из факта установления в Польше правительства национального единства и необходимости, в связи с этим, ликвидации эмигрантского польского правительства.

Черчилль. Я считаю необходимым обсудить польский вопрос. Безусловно, что обсуждение этого вопроса, которое происходило после Крымской конференции, привело к удовлетворительному разрешению польского вопроса. Я вполне согласен, чтобы этот вопрос был обсужден и был бы обсужден, как вытекающий из него, вопрос о ликвидации польского правительства в Лондоне.

Сталин. Правильно, правильно.

Черчилль. Я надеюсь, что генералиссимус и президент поймут, что мы имеем у себя лондонское польское правительство, которое являлось базой для содержания польской армии, сражавшейся против Германии. Отсюда вытекает ряд второстепенных вопросов, связанных с ликвидацией польского правительства в Лондоне. Мне

кажется, что наши цели одинаковы, но мы, безусловно, имеем более трудную задачу, чем две другие державы. В связи с ликвидацией польского правительства мы не можем не обеспечить солдат. Но мы должны решить эти вопросы в духе и свете Ялтинской конференции. В связи с польским вопросом мы придаем очень важное значение для Польши вопросу о выборах, чтобы эти выборы явились выражением искреннего желания польского народа.

Сталин. У русской делегации пока нет больше вопросов на повестку дня.

Черчилль. Мы уже представили вам наш порядок дня. Если вы разрешите, господин президент, я хотел бы сделать одно предложение относительно процедуры работы этой конференции. Я предлагаю, чтобы три министра иностранных дел собрались бы сегодня или завтра утром и выбрали бы те вопросы, которые наилучшим образом могли бы быть здесь нами завтра обсуждены. Такую же процедуру мы сможем применять и в следующие дни заседаний. Министры могут лучше составлять порядок дня, выбрав три, четыре, пять вопросов. Они могут собраться завтра утром и составить нам порядок дня.

Сталин. Не возражаю.

Трумэн. Согласен.

Черчилль. Я считаю, что в общих чертах мы уже представляем себе нашу задачу и нам ясен объем нашей работы. Мне кажется, теперь министры иностранных дел должны сделать свой выбор и представить его нам, и тогда мы можем приступить к работе.

Сталин. Согласен. Чем мы займемся сегодня? Будем ли мы продолжать заседание до того, как министры представят нам пять-шесть вопросов? Я думаю, что мы могли бы обсудить вопрос о создании Совета министров как подготовительного учреждения будущей мирной конференции.

Трумэн. Согласен.

Черчилль. Согласен.

Сталин. Следует обсудить вопрос относительно участия представителя Китая в Совете министров, если имеется в виду, что Совет будет заниматься европейскими вопросами.

Трумэн. Китай будет одним из постоянных членов Совета Безопасности, созданного в Сан-Франциско.

Сталин. Отпадает ли решение Крымской конференции, по которому министры иностранных дел должны периодически встречаться для совещаний по разным вопросам?

Трумэн. Мы предлагаем создать Совет министров для определенной цели — для выработки условий мирного договора и подготовки мирной конференции.

Сталин. На Крымской конференции было установлено, что министры иностранных дел через 3—4 месяца собираются и обсуждают отдельные вопросы. Видимо, это сейчас отпадает? Тогда отпадает, по-видимому, и Европейская консультативная комиссия? Я так понимаю и прошу разъяснить: правильно ли я понимаю или неправильно?

Трумэн. Совет министров создается только для определенной цели — для разработки условий мирного договора.

Сталин. Я не возражаю, чтобы Совет министров был создан, но тогда совещания министров, установленные решением Крымской конференции, очевидно, отменяются и надо считать, что отпадает и Европейская консультативная комиссия. Оба эти института будут заменены Советом министров иностранных дел.

Черчилль. Три министра иностранных дел, как было условлено на Крымской конференции, должны были встречаться каждые 3—4 месяца для того, чтобы давать нам советы по целому ряду важных вопросов, касающихся Европы. Я думаю, что если мы к Совету министров трех великих держав прибавим еще представителя Китая, то это только осложнит дело, так как Совет министров будет обсуждать вопросы, касающиеся европейских стран. Когда мы будем обсуждать мирный договор, касающийся всего света, а не только Европы, тогда можно будет пригласить представителя Китая. Наши три министра гораздо легче и плодотворнее смогут выполнить свою работу. Участие представителя Китая в повседневной работе Совета министров лишь осложнит работу. Очень легко создавать организации на бумаге, но если они ничего не дают на деле, то, по-моему, они являются излишними. Разве, например, вопрос о будущей администрации Германии не может быть разрешен нами без участия Китая? Ограничимся в Совете министров тремя министрами.

Трумэн. Я предлагаю, чтобы обсуждение вопроса о прекращении периодических встреч министров, установленных решением Ялтинской конференции, было отложено. Сейчас мы обсуждаем вопрос о создании Совета министров для подготовки проекта мирного договора, а это совсем другой вопрос. Я хотел бы предложить вашему вниманию проект США о Совете министров, где излагаются принципы организации этого Совета.

По нашему проекту устанавливается Совет министров иностранных дел, состоящий из министров иностранных дел СССР, США, Великобритании, Китая и Франции. Совет собирается периодически на свои совещания, и его первая встреча состоится такого-то числа.

Каждого из министров иностранных дел должен сопровождать высокопоставленный заместитель, должным образом уполномоченный и способный проводить работу самостоятельно в отсутствие министра иностранных дел. Он должен также сопровождаться ограниченным составом технических советников. Предусматривается организация совместного секретариата.

Совет министров будет уполномочен составлять, с целью передачи для правительств Объединенных Наций, мирные договоры с Италией, Румынией, Болгарией и Венгрией. Совет министров также предлагает пути для разрешения территориальных вопросов, которые остались открытыми по окончании войны в Европе. Совет должен подготовить исчерпывающие условия мирного соглашения с Германией, которые будут приняты будущим правительством Германии, когда будет организовано подходящее для этой цели германское правительство.

Когда Совет министров будет заниматься обсуждением вопроса, имеющего прямое отношение к государству, не представленному в Совете, то это государство будет приглашаться на заседания Совета для участия в обсуждении данного вопроса. Это не означает, что устанавливаются неменяющиеся правила работы Совета. Совет устанавливает процедуру в соответствии с данной проблемой. В некоторых случаях Совет может созываться для предварительного обсуждения с участием других заинтересованных государств, в других случаях Совет желательно созывать до приглашения заинтересованных сторон.

Сталин. Это будет Совет, подготавливающий вопросы будущей международной мирной конференции?

Трумэн. Да.

Черчилль. Мирная конференция, которая закончит войну.

Сталин. В Европе война окончилась. Совет определит и подскажет срок созыва мирной конференции.

Трумэн. Мы думаем, что конференция не должна созываться до тех пор, пока мы не подготовимся к ней должным образом.

Черчилль. Мне кажется, что нет затруднений, чтобы согласовать цель, к которой мы стремимся. Мы должны создать Совет министров для подготовки проекта мирного договора. Но этот Совет не должен заменить собой те организации, которые уже существуют и которые занимаются повседневными вопросами, — периодические совещания трех министров и Европейскую консультативную комиссию, в которой участвует и Франция. Совет министров — это более широкая организация. Тут люди могут установить, в какой степени Европейская консультативная комиссия и периодические совещания министров могут заниматься вопросами мирного договора.

Сталин. Кто же кому будет подчинен?

Черчилль. Совет министров существует параллельно Совету Безопасности, где участвует и Китай, и параллельно периодическим совещаниям министров и Европейской консультативной комиссии. До победы над Японией Китаю трудно участвовать в обсуждении европейских вопросов. Для нас нет никакой выгоды, если Китай теперь будет участвовать в обсуждении европейских вопросов. Европа всегда являлась большим вулканом, и ее проблемы должны рассматриваться как весьма важные. Возможно, что в то время, когда мирная конференция будет созываться, у нас будут лучшие известия с Дальнего Востока, тогда можно будет пригласить и Китай.

Я предлагаю в принципе, чтобы мирный договор был подготовлен пятью главными державами, но что касается Европы, то европейские проблемы должны быть обсуждены только четырьмя державами, которые непосредственно заинтересованы в этих проблемах. Тем самым мы не будем нарушать работу Европейской консультативной комиссии и периодических совещаний министров. Обе эти организации могут продолжать свою работу одновременно.

Сталин. Может быть, передать этот вопрос на обсуждение министров?

Трумэн. Я согласен и не возражаю против исключения из Совета министров Китая.

Черчилль. Я считаю, что можно было бы организовать дело так, чтобы некоторые члены не всегда участвовали в заседаниях, хотя они и пользовались бы полными правами, как и все другие члены, но чтобы они участвовали в заседаниях лишь тогда, когда рассматриваются интересующие их вопросы.

Трумэн. Я понимаю дело так, что этот вопрос надо передать на обсуждение министров иностранных дел.

Сталин. Да, правильно.

Трумэн. Можем ли мы сегодня еще что-либо обсудить?

Сталин. Так как все вопросы будут обсуждаться министрами, нам сегодня нечего делать.

Черчилль. Я предлагаю, чтобы министры иностранных дел рассмотрели вопрос, иметь ли четыре или пять членов. Но чтобы этот Совет министров занимался исключительно подготовкой мирного договора сначала для Европы, а потом и для всего мира.

Сталин. Мирного договора или мирной конференции?

Черчилль. Совет министров подготовит план, который представит главам правительств для рассмотрения.

Сталин. Пусть министры иностранных дел обсудят вопрос о том, насколько необходимо сохранить жизнь Европейской консультативной комиссии в Европе и насколько необходимо, чтобы периодические совещания трех министров, установленные в соответствии с Ялтинским решением, продолжали бы свои функции. Пусть и эти вопросы обсудят министры.

Черчилль. Это зависит от обстановки в Европе и от того, насколько будет продвигаться работа этих организаций. Я предлагаю, чтобы три министра продолжили свои периодические совещания и чтобы Европейская консультативная комиссия также продолжала бы свою работу.

Трумэн. На завтрашнее заседание нам надо наметить конкретные вопросы для обсуждения.

Черчилль. Мы хотели бы, чтобы каждый вечер, когда мы возвращаемся домой, у нас в сумке было бы что-либо конкретное.

Трумэн. Я хочу, чтобы министры иностранных дел

представляли нам на каждый день что-то конкретное для обсуждения.

Сталин. Я согласен.

Трумэн. Я предлагаю также начинать наши заседания в четыре часа вместо пяти.

Сталин. Четыре? Ну, хорошо.

Черчилль. Мы подчиняемся председателю.

Трумэн. Если это принято, отложим рассмотрение вопросов до завтра, до 4-х часов дня.

Сталин. Отложим. Только один вопрос: почему г-н Черчилль отказывает русским в получении их доли германского флота?

Черчилль. Я не против. Но раз вы задаете мне вопрос, вот мой ответ: этот флот должен быть потоплен или разделен.

Сталин. Вы за потопление или за раздел?

Черчилль. Все средства войны — ужасные вещи.

Сталин. Флот нужно разделить. Если г-н Черчилль предпочитает потопить флот, — он может потопить свою долю, я свою долю топить не намерен.

Черчилль. В настоящее время почти весь германский флот в наших руках.

Сталин. В том-то и дело, в том-то и дело. Поэтому и надо нам решить этот вопрос.

Трумэн. Завтра заседание в 4 часа.

Второе заседание

18 июля 1945 г.

Трумэн открывает заседание.

Черчилль. Есть один вопрос вне порядка дня, не особенно важный с точки зрения международных отношений, имеющий временное значение, о котором я хотел бы поговорить. Во время нашей встречи в Тегеране представителям печати было очень трудно получать какие-либо сведения о работе конференции, а во время Ялтинской конференции — совершенно невозможно. В Берлине собралось около 180 корреспондентов, которые бродят по окрестностям в состоянии неистовства и возмущения.

Сталин. Это целая рота. Кто их сюда пропустил?

Черчилль. Они находятся, конечно, не здесь, не внутри этой зоны, а в Берлине. Конечно, мы можем работать спокойно только при условии сохранения секретности, и эту секретность мы обязаны обеспечить. Если оба мои коллеги согласятся со мной, то я, как старый журналист, мог бы переговорить с ними, объяснив им необходимость сохранения секретности нашей встречи, сказал бы им, что мы относимся к ним с симпатией, но не можем рассказать то, что здесь происходит. Я считаю, что надо им погладить крылья, чтобы они успокоились.

Сталин. Чего они хотят, каковы их требования?

Трумэн. У каждой из наших делегаций имеются специальные представители по вопросам печати, и их дело защищать нас от претензий корреспондентов. Пусть они занимаются своим делом. Можно поручить им переговорить с журналистами.

Черчилль. Я, конечно, не хочу быть ягненком, которым жертвуют. Я могу переговорить с ними, если будет гарантия генералиссимуса в случае необходимости выручить меня войсками.

Трумэн. Сегодня наши министры иностранных дел подготовили повестку дня и рекомендуют ее на наше рассмотрение. По договоренности с министрами, докладчиком по повестке дня выступает Бирнс.

Бирнс. На совещании министров иностранных дел было решено предложить включить в повестку дня на сегодня следующие вопросы:

1. Вопрос о процедуре и механизме для мирных переговоров и территориальных требований.

2. Вопрос о полномочиях Контрольного Совета в Германии в политической области.

3. Польский вопрос — в частности, вопрос о ликвидации эмигрантского польского правительства в Лондоне.

Что касается первого вопроса о процедуре и механизме для мирных переговоров и территориальных требований (создание Совета министров иностранных дел), то проект, предложенный делегацией США на совещании министров иностранных дел, был в принципе одобрен. На совещании был принят в новой редакции пункт 3 проекта об учреждении Совета министров иностранных дел. Первой и важнейшей задачей Совета министров будет составление проектов мирных договоров с Италией,

Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией, а также подготовка мирного договора для Германии.

Не менее важной задачей Совета министров будет подготовка и представление правительствам Объединенных Наций детальных условий организации и проведения мирной конференции. Совет министров должен быть использован также для подготовки вопросов о мирном урегулировании территориальных споров. Для выполнения всех этих задач Совет министров составляется из тех же членов, которые являются постоянными членами Совета Безопасности.

При рассмотрении Советом министров вопросов, затрагивающих непосредственные интересы государств, не представленных в Совете, эти государства получают приглашения направить своих представителей для участия в обсуждении вопроса. В некоторых случаях Совет может предварительно обсудить вопрос в своем составе, до приглашения представителей заинтересованных государств.

Советская делегация сделала оговорку, что она оставляет за собой право внести поправку и сделать замечания к пункту 1 проекта делегации США об учреждении Совета министров иностранных дел [1].

На совещании было условлено, что периодические совещания трех министров, установленные решением Крымской конференции, не будут затрагиваться работой Совета министров.

Что касается полномочий Европейской консультативной комиссии, то на совещании министров было условлено передать эти полномочия Союзным Контрольным Советам по Германии и по Австрии. Таким образом, предложенный американской делегацией проект учреждения Совета министров иностранных дел в основном был одобрен, за исключением оговорки советской делегации по пункту 1.

Сталин. Советская делегация снимает свою оговорку по пункту 1 проекта. Что касается всего остального, то советская делегация согласна и принимает проект.

Трумэн. Следовательно, проект об учреждении Совета министров принят без возражений.

---

[1] Пункт 1 гласил: «Должен быть учрежден Совет в составе министров иностранных дел Великобритании, Союза Советских Социалистических Республик, Китая, Франции и Соединенных Штатов».

Сталин. Можно принять этот текст: три великие державы представляют интересы всех Объединенных Наций, и они могут брать на себя ответственность.

Трумэн. Переходим ко второму вопросу.

Черчилль. Наши министры иностранных дел хорошо поработали.

Сталин. Безусловно, безусловно.

Трумэн. Следующий вопрос — о политических полномочиях Контрольного Совета в Германии.

Бирнс. Министры иностранных дел обсудили вопрос о политических полномочиях Контрольного Совета в Германии и относительно экономических его полномочий. Некоторые разногласия, возникшие в процессе обсуждения этого вопроса, были переданы в созданные подкомиссии. Эти подкомиссии пока не закончили свою работу, но министры согласились, что было бы желательно, чтобы главы правительств на сегодняшнем заседании предварительно обсудили вопрос о политических полномочиях Контрольного Совета в Германии. Министры согласились также, что экономические вопросы, связанные с Германией, являются такими трудными и сложными, что они должны быть переданы в подкомиссию экспертов. Эти подкомиссии доложат министрам те вопросы, по которым они не смогли достичь согласия. Министры же иностранных дел будут решать, какие из этих вопросов передать на рассмотрение глав правительств.

Министры иностранных дел также согласились, что хотя они сегодня не будут рекомендовать обсуждение вопроса о германском флоте, военном и торговом, однако этот вопрос будет обсужден несколько позже.

Черчилль. Я хочу поставить только один вопрос. Я замечаю, что здесь употребляется слово «Германия». Что означает теперь «Германия»? Можно ли понимать ее в том же смысле, как это было до войны?

Трумэн. Как понимает этот вопрос советская делегация?

Сталин. Германия есть то, чем она стала после войны. Никакой другой Германии сейчас нет. Я так понимаю этот вопрос.

Трумэн. Можно ли говорить о Германии, как она была до войны, в 1937 году?

Сталин. Как она есть в 1945 году.

Трумэн. Она все потеряла в 1945 году, Германии сейчас не существует фактически.

Сталин. Германия представляет, как у нас говорят, географическое понятие. Будем пока понимать так. Нельзя абстрагироваться от результатов войны.

Трумэн. Да, но должно же быть дано какое-то определение понятия «Германия». Я полагаю, что Германия 1886 года или 1937 года — это не то, что Германия сейчас, в 1945 году.

Сталин. Она изменилась в результате войны, так мы ее и принимаем.

Трумэн. Я вполне согласен с этим, но все-таки должно быть дано некоторое определение понятия «Германия».

Сталин. Например, думают ли установить германскую администрацию в Судетской части Чехословакии? Это область, откуда немцы изгнали чехов.

Трумэн. Может быть, мы все же будем говорить о Германии, как она была до войны в 1937 году?

Сталин. Формально можно так понимать, по существу это не так. Если в Кёнигсберге появится немецкая администрация, мы ее прогоним, обязательно прогоним.

Трумэн. На Крымской конференции было условлено, что территориальные вопросы должны быть решены на мирной конференции. Как же мы определим понятие «Германия»?

Сталин. Давайте определим западные границы Польши, и тогда яснее станет вопрос о Германии. Я очень затрудняюсь сказать, что такое теперь Германия. Это — страна, у которой нет правительства, у которой нет определенных границ, потому что границы не оформляются нашими войсками. У Германии нет никаких войск, в том числе и пограничных, она разбита на оккупационные зоны. Вот и определите, что такое Германия. Это разбитая страна.

Трумэн. Может быть, мы примем в качестве исходного пункта границы Германии 1937 года?

Сталин. Исходить из всего можно. Из чего-то надо исходить. В этом смысле можно взять и 1937 год.

Трумэн. Это была Германия после Версальского договора.

Сталин. Да, можно взять Германию 1937 года, но только как исходный пункт. Это просто рабочая гипотеза для удобства нашей работы.

Черчилль. Только как исходный пункт. Это не значит, что мы этим ограничимся.

Трумэн. Мы согласны взять Германию 1937 года в качестве исходного пункта.

Мы не закончили со вторым вопросом, но мы об этом договоримся.

Сталин. Политическая сторона подготовлена?

Бирнс. Политическая сторона подготовлена и может быть обсуждена.

Сталин. Русская делегация в основном принимает все пункты политического раздела этого вопроса. Есть только одна поправка в пункте 5: хорошо было бы последние четыре строчки исключить, так как тут оставляется некоторая лазейка для нацистов, которую они могут использовать.

Трумэн. Согласен, что эти четыре строки надо исключить.

Сталин. Очень хорошо. Во всем остальном мы согласны. Хотел бы, чтобы редакционная комиссия еще отредактировала этот текст.

Бирнс. Для этой цели назначена специальная подкомиссия на совещании министров иностранных дел.

Сталин. Хорошо, возражений нет.

Иден. Хорошо бы завтра утром министры на своем совещании еще раз просмотрели этот документ после того, как его представит редакционная комиссия.

Сталин. Это будет лучше, конечно.

Черчилль. В этом проекте, в пункте 2, подпункте 1 «b» говорится об уничтожении вооружения и других орудий войны, а также всех специализированных средств для их производства. Однако в Германии имеется ряд экспериментальных установок большой ценности. Было бы нежелательно уничтожать эти установки.

Сталин. В проекте сказано так: захватить или уничтожить.

Черчилль. Мы можем все вместе их употребить или распределить между собой.

Сталин. Можем.

Советская делегация имеет проект по польскому вопросу на русском и английском языках. Я просил бы ознакомиться с этим проектом.

Трумэн. Я предлагаю закончить доклад Бирнса о совещании министров и после этого ознакомиться с вашим проектом.

Бирнс. Министры иностранных дел согласились рекомендовать главам правительств обсудить польский вопрос с двух сторон: о ликвидации эмигрантского польского правительства в Лондоне и о выполнении решений Крымской конференции о Польше в части проведения свободных и беспрепятственных выборов в Польше.

(Затем оглашается текст проекта советской делегации о Польше:

«Заявление глав трех правительств
по польскому вопросу

Ввиду образования на основе решений Крымской конференции Временного польского правительства национального единства, а также ввиду установления Соединенными Штатами Америки и Великобританией с Польшей дипломатических отношений, уже ранее существовавших между Польшей и Советским Союзом, мы согласились в том, что правительства Англии и Соединенных Штатов Америки порывают всякие отношения с правительством Арцишевского и окажут Временному польскому правительству национального единства необходимое содействие в немедленной передаче ему всех фондов, ценностей и всякого иного имущества, принадлежащего Польше и находящегося до сих пор в распоряжении правительства Арцишевского и его органов, в чем бы это имущество ни выражалось, где бы и в чьем бы распоряжении ни находилось в настоящее время.

Мы признали также необходимым, чтобы польские военные силы, в том числе военно-морской флот, а также торговый флот, находящиеся в подчинении правительства Арцишевского, были подчинены Временному польскому правительству национального единства, которое и определит дальнейшие мероприятия в отношении этих вооруженных сил, военных и торговых судов»).

Черчилль. Г-н президент, я хотел бы объяснить, что тяжесть в этом вопросе ложится на британское правительство, потому что, когда Гитлер напал на Польшу, мы приняли поляков у себя и дали им убежище. Лондонское польское правительство не имеет значительного имущества, но имеется 20 миллионов фунтов золотом в Лондоне, которые блокированы нами. Это золото является активом центрального польского банка. Вопрос о том, где блокировать это золото, о перемещении его в какой-

либо другой центральный банк, должен быть разрешен нормальным путем. Но это золото не принадлежит лондонскому польскому правительству.

Сталин. 20 миллионов фунтов стерлингов?

Черчилль. Приблизительно. Я должен добавить, что польское посольство в Лондоне теперь освобождено и польский посол больше не живет в нем. Поэтому это посольство открыто и может принять посла Временного польского правительства, и чем скорее оно его назначит, тем лучше.

Возникает вопрос, каким образом польское правительство в Лондоне в течение пяти с половиной лет финансировалось? Оно финансировалось британским правительством. Мы предоставили им за это время примерно 120 миллионов фунтов стерлингов для того, чтобы они могли содержать свою армию, поддерживать дипломатические отношения и выполнять другие функции, а также поддерживать значительное количество поляков, которые нашли убежище от немцев на наших берегах — единственное убежище, которое было у них в распоряжении.

Когда лондонское польское правительство было дезавуировано, было решено уплатить трехмесячный оклад всем служащим и затем их уволить. Мы считали, что было бы несправедливым уволить их, не дав им некоторой компенсации.

Г-н президент, это очень важный вопрос, и я прошу разрешить мне поговорить об этом вопросе. Наше положение исключительное. Мы теперь должны заняться ликвидацией или перемещением польских войск, которые сражались вместе с нами против немцев. Эти войска появились из Франции в 1940 году. Некоторые из них через Швейцарию попали в Италию и продолжали появляться небольшими партиями. Мы эвакуировали тех поляков, которые оказались во Франции, когда Франция капитулировала. Их было 40 или 50 тысяч человек.

Таким образом, мы создали польскую армию, состоявшую из пяти дивизий, которая имела свою базу в Англии. Приблизительно 20 тысяч поляков находятся сейчас в Германии и испытывают очень большое беспокойство. Существует польский корпус из трех дивизий в Италии, находящийся также в большом волнении.

В целом польская армия состоит из 180 — 200 тысяч человек.

Наша политика — это убедить наибольшее число поляков возвратиться в Польшу. Вот почему я очень сердился, когда прочитал о выступлении генерала Андерса, которого генералиссимус знает. Андерс заявил своим войскам в Италии, что если они вернутся в Польшу, то их отправят в Сибирь. Против этого генерала мы предприняли дисциплинарные шаги, чтобы он в дальнейшем не делал подобных заявлений.

Требуется время, чтобы преодолеть все эти затруднения. Но наша политика заключается в том, чтобы убедить возможно большее число поляков вернуться в Польшу. Это касается также и гражданских работников. Конечно, чем лучше будут обстоятельства в Польше, тем скорее поляки вернутся туда. Я хотел бы воспользоваться этим случаем, чтобы сказать, как я рад улучшившемуся положению в Польше за последние два месяца.

Я хотел бы выразить пожелание дальнейших успехов новому польскому правительству, которое сыграет свою положительную роль, и хотя оно не дает всего того, чего мы желали бы, но оно означает прогресс, благодаря терпеливой работе правительств трех держав. В улучшении положения в Польше надо отдать должное и роли Миколайчика.

Я надеюсь, что по мере улучшения положения в Польше постепенно большая часть поляков вернется к себе на родину. Я дал парламенту обещание, что те из польских солдат, которые не захотят вернуться в Польшу, будут приняты нами в британское гражданство и армию. Было бы желательно, если бы новое польское правительство национального единства могло дать заверение о том, что возвращающиеся в Польшу поляки будут иметь полную свободу и экономическую обеспеченность. Это заверение польского правительства значительно способствовало бы возвращению поляков на родину, на землю, освобожденную Красной Армией.

Сталин. Читали ли вы проект русской делегации о Польше?

Черчилль. Читал. Моя речь является ответом на проект русской делегации, в доказательство того, что в принципе я согласен, но при условии, что будет принято во внимание то, что я сказал сейчас.

Сталин. Я понимаю трудность положения британского правительства. Я знаю, что оно приютило польское

эмигрантское правительство. Я знаю, что, несмотря на это, бывшие польские правители много неприятностей причинили правительству Великобритании. Я понимаю трудность положения британского правительства. Но я прошу иметь в виду, что наш проект не преследует задачи усложнить положение британского правительства и учитывает трудность его положения. У нашего проекта только одна цель — покончить с неопределенным положением, которое все еще имеет место в этом вопросе, и поставить точки над «и».

На деле правительство Арцишевского существует, оно имеет своих министров, продолжает свою деятельность, оно имеет свою агентуру, оно имеет свою базу и свою печать. Все это создает неблагоприятное впечатление. Наш проект имеет целью с этим неопределенным положением покончить. Если г-н Черчилль укажет пункты в этом проекте, которые затрудняют положение правительства Великобритании, я готов их исключить. Наш проект не имеет целью затруднять положение британского правительства.

Черчилль. Мы совершенно с вами согласны. Мы хотим ликвидировать этот вопрос, но, когда больше не признают какого-либо правительства и ему не выдается больше пособий, у него нет никаких возможностей для существования. Но в то же время вы не можете препятствовать индивидуальным лицам в Англии, во всяком случае, продолжать жить и разговаривать. Эти люди встречаются с членами парламента и имеют в парламенте своих сторонников. Но мы как правительство с ними никаких отношений не имеем. Я лично и г-н Иден никогда с ними не встречались, и с тех пор, как г-н Миколайчик уехал, я даже не знаю, что делать с ними, никогда с ними не встречаюсь. Я не знаю, что делать, если Арцишевский гуляет по Лондону и болтает с журналистами. Но что касается нас, мы их считаем несуществующими и ликвидированными в дипломатическом отношении, и я надеюсь, что скоро они будут совершенно неэффективны. Но, конечно, мы должны быть осторожными в отношении армии.

Армия может бунтовать, и вследствие этого мы понесем потери. Мы имеем значительную польскую армию в Шотландии. Но наша цель одинакова с целями генералиссимуса и президента. Мы только просим доверия и

времени, а также вашей помощи по созданию в Польше таких условий, которые притянули бы к себе этих поляков. Мы были бы согласны представить проект советской делегации на рассмотрение трех министров иностранных дел, имея в виду дискуссию, которая состоялась сегодня, и имея в виду документ, который был представлен нашим министром иностранных дел. Но мне кажется, что цель у нас одна и та же, и чем скорее мы закончим с этим вопросом, тем будет лучше.

Трумэн. Я не вижу никаких существенных разногласий между генералиссимусом и премьер-министром. Г-н Черчилль только просит доверия и времени, чтобы устранить все затруднения, о которых он здесь говорил. Поэтому, мне кажется, не будет больших трудностей в урегулировании этого вопроса. Тем более, что г-н Сталин сказал, что готов вычеркнуть спорные пункты. В решениях Ялтинской конференции предусматривалось, что после установления нового правительства должны быть как можно скорее проведены всеобщие выборы на основе всеобщего избирательного права.

Черчилль. Может быть, министры иностранных дел рассмотрят весь вопрос, включая сюда и выборы?

Сталин. Правительство Польши не отказывается выборы провести беспрепятственно. Давайте передадим этот проект министрам иностранных дел.

Трумэн. Это все, что г-н Бирнс имел представить сегодня на обсуждение глав правительств. Должен ли я поручить министрам иностранных дел готовить повестку дня на завтра?

Сталин. Хорошо бы было.

Черчилль. Я понимаю большое значение вопроса о политических принципах, которые должны быть применены в отношении Германии. Я понимаю, что мы не можем обсуждать этого вопроса сегодня, но я надеюсь, что мы обсудим его завтра. Главный принцип, который мы должны рассмотреть, заключается в том, должны ли мы применять однородную систему контроля во всех четырех зонах оккупации Германии или будут применены различные принципы к различным зонам оккупации.

Сталин. Этот вопрос как раз предусмотрен в политической части проекта. Я так понял, что мы стоим за единую политику.

Трумэн. Совершенно правильно.

Черчилль. Я хотел подчеркнуть это, так как это имеет большое значение.

Сталин. Это правильно.

Трумэн. Завтра собираемся в 4 часа.

Третье заседание

19 июля 1945 г.

Трумэн открывает заседание.

Черчилль. Вчера генералиссимус в самом начале заседания поднял вопрос об инциденте на греко-албанской границе. Мы навели соответствующие справки, но не слыхали о том, чтобы там происходили бои. Возможно, что там были небольшие перестрелки. Народы там не особенно любят друг друга.

В этом районе нет греческой полевой дивизии. Это мы знаем потому, что там находятся наши люди. Там имеются 7 тысяч человек национальной гвардии, которые находятся на границе с Албанией и Югославией. Они вооружены и снабжены для целей внутренней охраны. По другую сторону границы имеются 30 тысяч албанских войск, 30 тысяч югославских войск и 24 тысячи болгарских.

Я упоминаю об этом потому, что считаю, что конференция великих держав должна настаивать на том, чтобы не происходили подобные нападения через границу каких-либо держав. Границы будут установлены на мирной конференции, и мы должны сказать, что тот, кто старается заранее определить свои границы, может оказаться в худшем положении.

Сталин. Тут происходит какое-то недоразумение. Мы не должны здесь, на конференции, обсуждать этот вопрос. Я его не ставил на конференции, я в частной беседе об этом сказал.

Черчилль. Я согласен с генералиссимусом, что этот вопрос не поднимался на заседании, однако если этот вопрос будет поставлен в порядок дня, мы готовы его обсудить.

Трумэн. Мы этого вопроса обсуждать не будем, а перейдем к обсуждению тех вопросов, которые нам доложат от имени министров иностранных дел.

(Далее английская делегация доложила, что ввиду того, что американская делегация внесла изменение в редакцию пункта 3 проекта об учреждении Совета министров иностранных дел, министры согласились передать этот пункт в редакционную комиссию.

Затем министры иностранных дел рассмотрели политическую часть соглашения по политическим и экономическим принципам, которыми необходимо руководствоваться при обращении с Германией в период первоначального контроля. Английская делегация напомнила, что вчера проект соглашения был рассмотрен главами правительств и министрам было поручено представить сегодня свой доклад.

Делегация сообщила, что министры иностранных дел просмотрели этот проект, сделали некоторые дополнения и представляют теперь на рассмотрение глав правительств новый проект политической части соглашения. Она указала, что министры иностранных дел считают, что, когда будет закончено обсуждение и согласование экономической части проекта, будет необходимо рассмотреть на конференции вопрос об опубликовании всего соглашения в целом.

Далее английская делегация сообщила, что министры рассмотрели вопрос о Польше; они имели очень важное и полезное обсуждение этого вопроса, который был передан затем в редакционную комиссию. Министры выразили надежду, что завтра будет можно сделать доклад по этому вопросу на конференции, если редакционная комиссия успеет закончить свою работу.

Министры договорились также представить на рассмотрение сегодняшнего пленарного заседания вопрос о германском военном и торговом флоте, об Испании, о выполнении Ялтинской декларации об освобожденной Европе, о Югославии и др.).

Трумэн. Первый вопрос — относительно германского флота. Мне кажется, что прежде, чем решать этот вопрос, необходимо решить другой вопрос, а именно — что является военными трофеями и что является репарациями. Если торговый флот является предметом репараций, то этот вопрос должен быть решен тогда, когда будут решаться вопросы репараций. Нам нужно поручить комиссии по репарациям определить круг тех ценностей, которые должны войти в репарации. Я проявляю особый

интерес к торговому флоту Германии потому, что, может быть, его удастся использовать в войне против Японии.

Сталин. Военный флот, как и всякое военное вооружение, должен быть взят как трофей. Войска, сложившие оружие, должны сдать свое вооружение тем, перед кем они капитулировали. То же самое можно сказать и относительно морского флота. Предложения военных представителей трех держав прямо говорят, что военный флот должен быть разоружен и сдан. Таковы условия капитуляции Германии. Возможно, что в отношении торгового флота можно поставить вопрос о том, является ли он трофеем или подлежит включению в репарации; что же касается военного флота, то он является трофейным имуществом и подлежит сдаче. Если вспомните случай с Италией, то вы увидите, что оба флота — военно-морской и торговый — попали в разряд военных трофеев.

Черчилль. Я не хочу подходить к этому вопросу с чисто юридической точки зрения и употреблять точные термины. Но я хочу добиться справедливости и дружественного решения этого вопроса, добиться соглашения между тремя великими державами как части общего соглашения по всем вопросам, вытекающим из этой конференции. Я хочу сейчас говорить только о немецком военном флоте. В действительности, мы имеем в наших руках все немецкие годные суда. Я полагаю, что общие дружественные решения вопросов, вытекающих из этой конференции, будут достигнуты, я в этом уверен, и поэтому в принципе мы не имеем возражений против раздела германского флота.

Я сейчас не говорю об итальянском флоте. Мне кажется, что этот вопрос нужно обсудить отдельно, в связи с нашей общей политикой в отношении Италии. Конечно, тут поднимается также вопрос о возмещении убытков. Что касается Великобритании, то она понесла очень большие убытки, она потеряла примерно 10 капитальных судов, т. е. линкоров, больших крейсеров и авианосцев, кроме того, по крайней мере, 20 крейсеров и несколько сотен миноносцев, подводных лодок и малых судов.

Мне кажется, что подводные лодки нужно поставить в иную категорию по сравнению с остальным немецким военно-морским флотом. Эти подлодки играют особую

роль; согласно конвенции, которая была подписана и Германией, их применение должно быть ограниченным. Однако Германия нарушила эту конвенцию и использовала подлодки весьма широко, т. е. Германия использовала их незаконным путем, и в течение войны мы были принуждены также отказаться от законного использования подлодок. Мое мнение таково, что эти подлодки должны быть уничтожены или потоплены.

Однако я понимаю, что новейшие немецкие подлодки, в частности наилучшие из них, представляют собой определенный научный и технический интерес и их необходимо оставить для ознакомления. Информация об этих подлодках должна быть предоставлена всем трем великим державам. Я не смотрю на это дело с чисто морской точки зрения и вполне признаю те потери, которые понесла Красная Армия в течение этой войны. Мы, по-моему, не должны принимать здесь окончательного решения, но по окончании конференции большинство этих судов должно быть уничтожено, а часть может быть распределена точно между всеми нами.

Что касается надводных судов, то они должны быть распределены одинаково между нами при условии, что мы достигнем общего соглашения по всем другим вопросам и что мы разойдемся отсюда в наилучших отношениях. Я не имею ничего против того, чтобы Россия получила третью часть германского флота, но только при тех условиях, о которых я сейчас упомянул. Я признаю, что такой великий и могущественный народ, как русский, внесший столь большой вклад в общее дело, должен быть приветливо встречен на океанах. Мы будем приветствовать появление русского флага на морях. Я понимаю, что очень трудно построить большой флот в короткое время. Поэтому эти немецкие суда могут послужить для изучения и для создания русского флота. Больше я ничего не могу добавить к этому.

Если желательно говорить о торговом флоте, то я кое-что мог бы также здесь сказать.

Трумэн. Пожалуйста.

Черчилль. Я чувствую, что пока продолжается война с Японией, немецкий торговый флот мог бы сыграть свою значительную роль в этой войне. Возможность окончить войну скорее зависит в значительной мере от торгового флота. Что касается количества людей для войск, авиа-

ции, военно-морского флота, — всего этого у нас хватает. Но у нас не хватает средств для передвижения этих людей, а также для переброски материалов.

Кроме того, торговый флот нужен для доставки продовольствия на английские острова, а также для доставки продовольствия освобожденным европейским странам, которые и без того не могут быть полностью обеспечены. Здесь каждая тонна представляет большую ценность. Мы с Америкой поставили весь наш торговый флот для общего дела. Я бы очень сожалел, если бы 1,2 миллиона тонн торгового флота Германии не вошли бы в это общее дело для того, чтобы как можно скорее закончить войну с Японией.

Я хочу также упомянуть о следующем. Финляндия имеет торговый флот, состоящий примерно из 400 тысяч тонн. Этот флот перешел в руки нашего русского союзника. В руки русского союзника перешли также некоторые румынские пароходы, в том числе два важных транспорта, которые очень нужны для перевозки войск. Если будет произведено разделение флота на три части между нашими державами, то мне кажется, что торговый флот Румынии и Финляндии также должен войти в общее число судов для распределения.

Сталин. Мы ничего не брали у Финляндии из торгового флота, ни одного судна, а у Румынии взяли одно судно.

Черчилль. Я хотел только сказать о тех основах, на которых мы могли бы произвести распределение торгового флота.

Наконец, надо помнить о том, что кроме трех наших держав имеются и другие страны. Например, Норвегия понесла очень большой урон в своем торговом флоте. Норвежский тоннаж, особенно норвежские танкеры, представлял собой большую силу. Весь свой флот они предоставили в наше распоряжение, и этот флот потерпел большой ущерб. Другие страны также потеряли большую часть своего флота. Мне кажется, что нужно было бы поставить вопрос о разделении торгового флота не на три, а на четыре части, чтобы четвертая часть пошла на удовлетворение интересов некоторых других стран, которые здесь не представлены. Я только предлагаю этот вопрос на рассмотрение и обсуждение.

Трумэн. Я со своей стороны хочу сделать замечание по этому вопросу. Я был бы очень рад разделить германский

военно-морской флот на три части, кроме его подводного флота. Но я хочу отложить разрешение этого вопроса в интересах войны против Японии. Нам были бы очень полезны все эти корабли, потому что мы используем их не только для перевозки войск, но и для снабжения Европы. Положение сейчас таково, что наличных судов нам совершенно не хватает. Поэтому я очень хочу сохранить весь этот германский надводный флот для войны против Японии.

Считаю уместным здесь добавить, что по окончании войны с Японией у нас в США будет большое количество не только кораблей военного флота, но и большое количество торговых кораблей, которые могут быть проданы заинтересованным странам. Я был бы очень рад, если бы все корабли германского торгового флота были направлены для ведения войны против Японии.

Сталин. А если русские будут воевать с Японией?

Трумэн. Разумеется, русские могут претендовать на третью часть флота, которая будет им затем передана. Об этом можно договориться.

Сталин. Нам важен принцип.

Черчилль. Г-н президент, я полагаю, что мы можем достигнуть соглашения. Мне кажется, что сейчас эти корабли можно было бы отметить для каждого участника, и когда война с Японией окончится, то эти корабли будут переданы по принадлежности.

Сталин. Какие корабли?

Черчилль. Я имею в виду торговые корабли. Но мне кажется, что здесь принцип — самое важное. Нужно помнить, что наступление Красной Армии по побережью Балтийского моря заставило немцев оставить свои порты и, таким образом, немецкий флот был изгнан из Балтийского моря. Я должен признаться, что я являюсь сторонником предложения генералиссимуса Сталина относительно желания русских получить часть военно-морского и торгового флота Германии, и считаю, что другой исход — это только потопить весь флот. Но это было бы неразумным ввиду того, что наш союзник желает получить часть этого флота.

Сталин. Нельзя изображать русских как людей, которые намерены помешать успешным действиям флота союзников против Японии. Но из этого нельзя делать вывод, что русские хотят получить подарок от союзников. Мы не

добиваемся подарка, мы бы хотели только знать, признается ли этот принцип, считается ли правильной претензия русских на получение части немецкого флота.

Черчилль. Я не говорил о подарке.

Сталин. Я не сказал, что вы это говорили.

Я бы хотел, чтобы была внесена ясность в вопрос о том, имеют ли русские право на $^1/_3$ часть военно-морского и торгового флота Германии. Мое мнение таково, что русские имеют на это право и то, что они получат, они получат по праву. Я добиваюсь только ясности в этом вопросе. Если же мои коллеги думают иначе, то я хотел бы знать их настоящее мнение. Если в принципе будет признано, что русские имеют право на получение трети военного и торгового флота Германии, то мы будем удовлетворены.

Что касается использования торгового флота Германии, и в частности той трети, которая будет признана по праву за Россией, то мы, конечно, не будем препятствовать тому, чтобы эта треть была бы максимально использована союзниками в их борьбе против Японии. Я согласен также, чтобы этот вопрос был решен в конце конференции.

Я хочу остановиться еще на одном вопросе. Нашим людям закрыли доступ к военному и торговому флоту Германии, их не допустили к осмотру кораблей. Как известно, большая часть флота находится в руках нашего союзника, но доступ нашим людям к этим кораблям был закрыт, они не имеют возможности осмотреть корабли этого флота. Пусть хотя бы дали возможность ознакомиться со списками этих судов. Нельзя ли этот запрет снять, чтобы представители русской флотской комиссии были допущены к осмотру кораблей этого флота и к выявлению количества судов.

Черчилль. У нас тоже имеются факты, когда наших людей не допускали к осмотру некоторых военных трофеев на Балтийском море.

Сталин. На Балтийском море взяты только подводные лодки, но это абсолютно негодный, разбитый подводный флот. Но если имеется желание осмотреть его, то можно предоставить эту возможность в любое время.

Черчилль. Наш принцип — это равенство и справедливость. Поэтому я считаю, что ваше предложение является приемлемым, только мы просим, нельзя ли устроить так, чтобы дать нашим людям возможность осмотреть

весьма интересное немецкое имущество, например, на Балтийском море, в частности некоторые подводные лодки?

Сталин. Пожалуйста.

Трумэн. Я хочу здесь заявить от имени США, что все наши зоны для вас доступны, и вы можете увидеть все, что вы пожелаете увидеть. Но мы хотим взаимно получить возможность осмотреть то, что нам будет интересно.

Черчилль. Я тут говорил о разнице между подлодками и надводными кораблями. Генералиссимус Сталин поймет нас, что мы очень чувствительны в этом вопросе, как люди, живущие на острове. Наш остров доставляет нам менее чем $^2/_3$ всех нужных нам продуктов питания. Во время этой войны мы очень сильно пострадали от подлодок — более, чем кто-либо. Два раза мы были на краю гибели. Поэтому подлодка не является в Англии популярным типом военного корабля. Я стою за то, чтобы большую часть подлодок потопить.

Сталин. Я тоже за это.

Черчилль. И чтобы остальная часть подлодок была одинаково разделена между нами для научных и технических целей, потому что они представляют значительный интерес. Дважды мы почти стояли на краю гибели от действий вражеских подлодок. Я соглашаюсь поэтому, чтобы мы потопили большую часть подлодок и разделили остаток между тремя державами. Я прошу у генералиссимуса и президента извинения, но мы находимся в этом отношении в особом положении. От этих подлодок весьма пострадала наша военная мощь. Соглашаясь с этим принципом, я ставлю только условием, чтобы вопрос о том, какое число подлодок должно быть потоплено и какое число должно быть разделено, был разрешен в конце конференции.

Сталин. Хорошо, я согласен.

Трумэн. Мы достаточно обсудили этот вопрос и можем перейти к следующему вопросу.

Иден. Следующий вопрос — об Испании.

Трумэн. Генералиссимус желает высказаться по этому вопросу?

Сталин. Предложения розданы. К тому, что там сказано, я добавить ничего не имею.

Черчилль. Г-н президент, британские правительства — настоящее и предыдущее — питают ненависть по отноше-

нию к Франко и его правительству. Меня неправильно поняли и говорили, что я отношусь дружелюбно к этому господину. Все, что я сказал, это было то, что в испанской политике заключается больше чем только карикатуры на Франко. Я считаю, что постоянное истребление людей, брошенных в тюрьмы за то, что они совершили 6 лет тому назад, и разные другие обстоятельства в Испании, по нашим английским понятиям, совершенно недемократичны.

Когда Франко прислал мне письмо, в котором говорилось, что он, я и некоторые другие западные страны должны объединиться против угрозы со стороны Советского Союза, я послал ему, с разрешения моего кабинета, весьма холодный ответ. Советское правительство, вероятно, помнит этот ответ, так как я послал ему копию моего письма, так же как я послал ее президенту. Поэтому между нами нет больших разногласий насчет тех чувств, которые мы питаем по отношению к нынешнему режиму в Испании.

Где я вижу затруднения в принятии проекта, предложенного генералиссимусом, так это в первом пункте, где говорится относительно разрыва всяких отношений с правительством Франко, которое является правительством Испании. Мне кажется, что такой шаг по своему характеру, имея в виду, что испанцы горды и довольно чувствительны, мог бы иметь своим последствием объединение испанцев вокруг Франко, вместо того, чтобы заставить их стойти от Франко. Поэтому разрыв дипломатических отношений с правительством Испании мне кажется неудовлетворительным способом разрешения вопроса.

Это доставит нам некоторое удовольствие, но потом у нас не будет контакта, который нам может понадобиться в тяжелые времена. Я думаю, что такой шаг может только укрепить положение Франко, а если его позиции будут укреплены, то нам придется терпеть от него обиды или употребить против него свои силы. Я стою против употребления сил в подобных случаях. Я считаю, что мы не должны вмешиваться во внутренние дела государства, с которым мы расходимся во взглядах, за исключением таких случаев, когда то или иное государство нападает на нас.

Что касается стран, которые мы победили, то там мы должны установить собственный контроль. Что же касается стран, которые были освобождены во время войны,

то мы не можем допустить установления там фашистского режима или режима Франко. Но здесь перед нами страна, которая не приняла участия в войне, и поэтому я против вмешательства в ее внутренние дела. Правительству его величества потребуется длительное обсуждение этого вопроса, прежде чем оно пойдет на разрыв отношений с Испанией.

Мне кажется, что власть Франко находится сейчас под угрозой, и я надеюсь, что дипломатическим путем удастся ускорить его падение. Разрыв отношений, по-моему, очень опасный способ разрешения вопроса. Кроме того, следует учесть, что всегда могут появиться возможности возобновления гражданской войны в Испании, а эта война стоила Испании 2 миллионов убитыми из общего числа 17 или 18 миллионов населения. И мне было бы жаль вмешиваться в это дело активно в настоящий момент, так как я считаю, что там действуют силы, чтобы изменить положение в лучшую сторону. Таков мой взгляд на этот вопрос.

Мировая организация, созданная в Сан-Франциско, отрицательно относится к вмешательству в дела других стран. Поэтому было бы неправильным, если бы мы приняли активное участие в разрешении этого вопроса. Это шло бы вразрез с принятым в Сан-Франциско уставом международной организации.

Трумэн. У меня нет сочувственного отношения к режиму Франко, но я не хочу участвовать в испанской гражданской войне. Для меня достаточно войны в Европе. Мы были бы очень рады признать другое правительство в Испании вместо правительства Франко, но я думаю, что это такой вопрос, который должна решать сама Испания.

Сталин. Значит, в Испании все останется без перемен? А я думаю, что режим Франко укрепляется и этот режим питает полуфашистские режимы в некоторых других странах Европы. Нельзя забывать, что режим Франко навязан испанскому народу извне, а не представляет собой режима, сложившегося из внутренних условий.

Вы прекрасно знаете, что режим Франко был навязан Гитлером и Муссолини и является их наследием. Уничтожая режим Франко, мы уничтожаем наследие Гитлера и Муссолини. Нельзя также упускать из виду и того, что демократическое освобождение Европы к чему-то обязывает.

Я не предлагаю военного вмешательства, я не предлагаю развязывать там гражданскую войну. Я бы только хотел, чтобы испанский народ знал, что мы, руководители демократической Европы, относимся отрицательно к режиму Франко. Если мы об этом в той или иной форме не заявим, испанский народ будет иметь право считать, что мы не против режима Франко. Он может сказать, что, поскольку мы не трогаем режима Франко, значит, мы его поддерживаем.

Какие имеются средства дипломатического порядка, которые могли бы показать испанскому народу, что мы не на стороне Франко, а на стороне демократии? Допустим, что такое средство, как разрыв дипломатических отношений, является чересчур сильным, а нельзя ли нам подумать насчет других, более эластичных средств дипломатического порядка? Это необходимо сделать для того, чтобы испанский народ знал, что мы симпатизируем ему, а не Франко.

По-моему, было бы опасным оставлять режим Франко в том виде, в каком он сейчас существует. Общественное мнение европейских стран, как это видно из печати, так же как и общественное мнение Америки, не симпатизирует режиму Франко. Если мы пройдем мимо этого вопроса, могут подумать, что мы молчаливо освящаем, санкционируем режим Франко в Испании. Это большое обвинение против нас. Я бы не хотел фигурировать в числе обвиняемых.

Черчилль. У вас нет дипломатических отношений с правительством Испании, и вас никто в этом обвинить не может.

Сталин. Но у меня есть право и возможность поставить этот вопрос и разрешить его. Откуда люди могут знать, что Советский Союз сочувствует или не сочувствует режиму Франко? Принято думать, что «большая тройка» может решать такие вопросы. Я состою членом «большой тройки» так же, как президент и премьер-министр. Имею ли я право молчать насчет того, что творится в Испании, насчет режима Франко и насчет той большой опасности, которую этот режим представляет для всей Европы? Это было бы большой ошибкой, если бы мы прошли мимо этого вопроса и ничего об этом не сказали.

Черчилль. Каждое правительство имеет полную свободу высказаться индивидуально. Этой же свободой поль-

зуется и печать, о чем упомянул здесь генералиссимус Сталин. Советская и отчасти американская печать очень свободно высказывались относительно положения дел в Испании. Что касается британского правительства, то, хотя мы и очень часто говорили об этом Франко и его послу, мы не хотели бы прекращать отношений с испанским правительством.

У нас очень долгое время существовали торговые отношения с Испанией, они нам поставляют апельсины, вино и некоторые другие продукты, мы, в свою очередь, поставляем им нашу продукцию. Если наше вмешательство не приведет к желанным результатам, то я не хотел бы, чтобы эта торговля была поставлена под угрозу. Но в то же время я вполне понимаю точку зрения генералиссимуса Сталина. Франко имел наглость послать в Россию «голубую дивизию», и поэтому я понимаю взгляды русских.

Но Испания ни в чем не помешала нам, она этого не сделала даже тогда, когда могла бы помешать в бухте Алжесираса. Никто не сомневается в том, что генералиссимус Сталин ненавидит Франко, и я думаю, что большинство англичан разделяют его взгляд. Я только хочу подчеркнуть, что мы от него ничего не потерпели.

Сталин. Дело не в какой-то обиде. Я, между прочим, считаю, что Англия тоже потерпела от режима Франко. Долгое время Испания предоставляла свои берега в распоряжение Гитлера для его подводных лодок. Поэтому можно считать, что Англия так или иначе потерпела от режима Франко.

Но я бы не хотел, чтобы этот вопрос рассматривался с точки зрения какой-то обиды. Не в «голубой дивизии» дело, а в том, что режим Франко представляет серьезную опасность для Европы. Поэтому я считаю, что надо что-то предпринять против этого режима. Если разрыв дипломатических отношений не годится, я не настаиваю на этом. Можно найти другие средства. Нам стоит только сказать, что мы не сочувствуем режиму Франко и считаем справедливым стремление испанского народа к демократии,— нам стоит только это сказать, и от режима Франко ничего не останется. Уверяю вас.

Я предлагаю: пусть министры иностранных дел поговорят о том, нельзя ли придумать другую, более мягкую и эластичную форму для того, чтобы дать понять, что великие державы не поддерживают режима Франко.

Трумэн. Это меня устраивает, я согласен передать вопрос на рассмотрение министров иностранных дел.

Черчилль. Я был бы против этого. Мне кажется, что это такой вопрос, который должен быть решен в этом зале.

Сталин. Решать будем здесь, конечно, а министры пусть рассмотрят предварительно.

Трумэн. Я также не возражаю передать этот вопрос для предварительного рассмотрения нашим министрам иностранных дел.

Черчилль. Я считаю это нежелательным потому, что здесь вопрос в принципе, а именно: вмешательство во внутренние дела других стран.

Сталин. Это не внутреннее дело, режим Франко представляет международную опасность.

Черчилль. Это всякий может сказать о режиме любой другой страны.

Сталин. Нет, такого режима, как в Испании, не существует в любой другой стране, не осталось больше такого режима ни в одной стране Европы.

Черчилль. Португалию можно было бы осудить за диктаторский режим.

Сталин. Режим Франко создан извне, в порядке вмешательства Гитлера и Муссолини. Ведет себя Франко очень вызывающе, он укрывает у себя нацистов. Я не ставлю вопроса о Португалии.

Черчилль. Я не могу советовать парламенту вмешаться во внутренние дела Испании. Это политика, которой мы следуем уже на протяжении продолжительного времени. В то же время я был бы рад перемене режима в Испании, но только естественным путем. Я был бы лично очень рад, если бы в Испании произошла революция, например, если бы там установилась конституционная монархия с амнистией для политических заключенных.

Но я считаю, что если бы я или британское правительство повлияли бы в этом смысле на Испанию, то чувства испанцев повернулись бы против нас и в пользу Франко. По-моему, в настоящее время Франко приближается к своему падению.

Если же мы предпримем здесь согласованные действия, то мы этим только укрепим его положение. В то же время британское правительство никоим образом не будет поддерживать Франко, нынешнее испанское прави-

тельство, за исключением продолжения с Испанией торговли, о чем я здесь уже говорил.

Трумэн. Я буду очень рад, если мы договоримся о том, чтобы передать этот вопрос на предварительное рассмотрение министров иностранных дел, чтобы они нашли подходящую формулу по этому поводу.

Сталин. Я понимаю затруднения, которые испытывает г-н Черчилль в связи с запросами в парламенте. Но это дело можно смягчить. А что, если так решить вопрос: отдельно вопроса о режиме Франко не ставить, условиться, что этот вопрос не стоял и не решался отдельно, как вопрос о режиме Франко.

Поручить трем министрам иностранных дел, учтя обмен мнениями по вопросу о режиме Франко, подыскать подходящую формулировку по этому вопросу, включить, в частности, формулировку г-на Черчилля, что Франко идет к своему концу и что его режим не пользуется сочувствием демократических держав, что в общественном мнении этот режим невысоко стоит. Такую формулировку можно было бы включить в одну из наших деклараций о Европе в качестве одного из пунктов. У нас ведь будут какие-то общие декларации, можно было бы включить туда такую формулировку, выработанную министрами иностранных дел.

Это ни к чему не будет обязывать правительство Британии, но в этом пункте будет содержаться краткая оценка режима Франко, и общественное мнение будет знать, что мы не на стороне режима Франко. По-моему, мы должны принять такое решение. Пусть министры иностранных дел подумают о том, в какую форму это облечь.

Черчилль. Я еще не согласился в принципе, чтобы мы сделали совместную декларацию по этому вопросу.

Сталин. Не по Испании, а общую оценку мы дадим по Европе, и туда можно включить это в качестве одного из пунктов. Что же это такое получается: во всех наших документах мы говорим обо всех странах, кроме Испании.

Черчилль. Линия, которой я придерживаюсь, заключается в следующем: Испания — это страна, которая не была вовлечена в войну и не является страной-сателлитом, она также не была освобождена союзниками, мы не можем поэтому вмешиваться в ее внутренние дела. Это вопрос принципа.

Что касается Югославии, Болгарии и других стран, то там имеется много вопросов, которые нам не нравятся и которые мы могли бы критиковать. Но эти страны были вовлечены в войну и были освобождены союзниками.

Если вы желаете, то можно было бы составить декларацию об общих принципах, на которых базируются демократические правительства. Это можно было бы обсудить. Я, например, имею в виду американскую конституцию. Франко, безусловно, очень далек от этой конституции. Каждая страна отличается от другой, и поэтому, если мы будем вмешиваться, это доставит нам массу затруднений.

Я не знаю, что думают сами испанцы, но мне кажется, что одни думают так, другие иначе, я уверен, что многие испанцы хотели бы освободиться от Франко, но без нажима извне. Я не вижу, чем могли бы заниматься министры иностранных дел по этому вопросу. Мне кажется, что это доставило бы им много очень трудной работы, а обсуждение этого вопроса оказалось бы бесполезным.

Трумэн. Я вижу очень мало возможностей достигнуть соглашения по этому вопросу на данном заседании. Может быть, лучше будет вернуться к нему позже?

Сталин. А может быть, все-таки передать это дело министрам иностранных дел, чтобы они постарались найти подходящую формулу?

Черчилль. Как раз в этом пункте мы не достигли соглашения.

Трумэн. Я думаю, что лучше мы сейчас перейдем к другому вопросу, а к вопросу об Испании вернемся позже.

Черчилль. Я не предлагаю отрицательного решения, я только предлагаю перейти сейчас к обсуждению других вопросов, а этот вопрос обсудить позже.

Трумэн. Переходим к следующему вопросу.

Иден. Декларация об освобожденной Европе.

Трумэн. Документ по этому вопросу я представил 17 июля.

Сталин. Я предлагаю этот вопрос сейчас отложить, мы можем внести другое предложение по этому вопросу.

Трумэн. Я не возражаю отложить сейчас этот вопрос.

Иден. Следующий вопрос — о Югославии. Мы уже передали небольшой проект по этому вопросу.

Сталин. Я думаю, что мы этого вопроса не можем разрешить, не заслушав представителей Югославии.

Иден. Нужно обратить внимание на то, что мы достигли соглашения в отношении Югославии на Крымской конференции без присутствия югославских представителей.

Сталин. Теперь это союзная страна, в которой установлено законное правительство. Нельзя сейчас решать вопроса без участия югославских представителей. Тогда было два правительства, и они никак не могли помириться между собой. Мы в это дело вмешались. А теперь там одно законное правительство. Пригласим представителей Югославии, заслушаем их, а потом примем решение.

Черчилль. Шубашича и Тито?

Сталин. Да.

Черчилль. Но они не соглашаются между собой, обе стороны сильно настроены друг против друга.

Сталин. Я этого не знаю. Давайте проверим это дело, пригласим их сюда, и пусть они скажут свое мнение.

Трумэн. Насколько это дело серьезное, чтобы их вызывать сюда? Я считаю это неудобным.

Черчилль. Мы поставили свою подпись под соглашением на Крымской конференции, а сейчас видим, что эта декларация в Югославии не выполняется: нет закона о выборах, ассамблея совета не расширена, юридическая процедура не восстановлена, администрация Тито контролируется созданной им партийной полицией, печать также контролируется, как в некоторых фашистских странах.

Мы видим, что положение в Югославии не оправдывает наших надежд, выраженных в декларации Крымской конференции. Мы доставили Югославии значительное количество вооружения в то время, когда мы сами были слабы, и поэтому мы разочарованы и сожалеем, что события там приняли такой оборот. Наше предложение очень скромное, оно заключается в том, чтобы осуществить то, о чем было сказано в Ялтинской декларации.

Сталин. Г-н Черчилль сразу же перешел к обсуждению вместо того, чтобы ответить на вопрос президента, считает ли он этот вопрос настолько серьезным и важным, чтобы обсуждать его на нашей конференции и приглашать представителей Югославии. Если президент разрешит, я могу пойти по стопам г-на Черчилля и тоже приступить к обсуждению этого вопроса.

Видите ли, сведения, которые здесь изложил г-н Черчилль насчет факта нарушения известных решений Крымской конференции, эти сведения нам, по нашим источникам, неизвестны. Я бы считал правильным, чтобы мы заслушали самих югославов, дали им возможность опровергнуть эти обвинения или признать их правильными.

Черчилль. Я хочу, чтобы вы заменили слово «обвинение» словом «жалоба».

Сталин. Дело не в словах, и я, конечно, могу заменить слово «обвинение» словом «жалоба». Но нельзя судить целое государство, не заслушав его представителей.

Черчилль. Мы имели теперь возможность обдумать этот вопрос, и я считаю, что было бы целесообразным, если бы обе стороны смогли здесь встретиться, а именно — Тито и Шубашич. Возможно, что тогда эти затруднения были бы устранены, и мы могли бы прийти к согласованному решению. Но считаете ли вы, что маршал Тито согласится приехать сюда?

Сталин. Не знаю, нужно запросить, смогут ли они приехать.

Трумэн. Я хочу сделать, перед тем как перейти к заключению, одно заявление. Я сюда приехал в качестве представителя США и приехал сюда для того, чтобы обсуждать с вами мировые вопросы. Но я не приехал сюда для того, чтобы судить о каждой стране Европы, рассматривать споры, которые должны решаться мировой организацией, созданной в Сан-Франциско.

Если мы будем разбирать политические жалобы на кого-либо, мы будем только попусту тратить время. Если мы будем вызывать сюда Тито, Франко или других деятелей, то это ни к чему хорошему не приведет. Мы не представляем собою судебный орган для разбирательства жалоб на отдельных государственных деятелей. Мы должны заниматься теми вопросами, по которым мы могли бы достичь соглашения.

Сталин. Это — правильное замечание.

Трумэн. Мы должны обсуждать те вопросы, которые интересны для каждого из нас.

Черчилль. Это, г-н президент, вопрос, интересующий и США, потому что здесь речь идет о выполнении тех решений, которые были приняты на Крымской конференции. Тут вопрос принципа. Конечно, совершенно ясно, что нужно принять во внимание положение в Югославии, положе-

ние маршала Тито. Не много времени прошло с тех пор, как наступило успокоение страны. Но все, что мы имели в виду в нашем проекте, это пожелание, чтобы было выполнено то, что было сказано на Крымской конференции.

Сталин. По-моему, решения Крымской конференции выполняются маршалом Тито полностью и целиком.

Трумэн. Это правильно, что не все решения Крымской конференции выполняются Югославией. У нас тоже есть жалобы. Нужно указать югославскому правительству на это. Но мы могли бы отложить этот вопрос до следующего заседания.

Черчилль. Я хотел бы поблагодарить генералиссимуса Сталина за его терпение при обсуждении этого вопроса. Если мы не можем говорить о тех разногласиях, которые иногда возникают между нами, если мы не можем обсуждать их здесь, то где же можно эти разногласия обсуждать?

Сталин. Мы здесь и обсуждаем. Но решать вопрос без обвиняемого нельзя. Вы обвиняете главу югославского правительства, я прошу заслушать его и потом принять решение. А обсуждать можно сколько угодно.

Черчилль. Я согласен с этим, но президент против вызова сюда Тито.

Сталин. Тогда придется вопрос снять.

<...> **Трумэн.** Повестка дня на сегодня исчерпана. Завтра заседание в 4 часа.

Четвертое заседание

20 июля 1945 г.

(**Трумэн** открывает заседание.

Советская делегация сообщила, что на сегодняшнем заседании трех министров иностранных дел стояли следующие вопросы:

1. Экономические принципы в отношении Германии.

Было констатировано, что комиссия, которой поручена подготовка этого вопроса, еще не закончила своей работы и поэтому этот вопрос обсуждению по существу не подвергался. Решено просить комиссию закончить свою работу к 21 июля.

2. Польский вопрос.

Было доложено, что комиссия, занимающаяся этим вопросом, еще не закончила своей работы, вследствие чего этот вопрос обсуждению по существу не подвергался. Было решено просить комиссию закончить свою работу к 21 июля.

3. О мирном урегулировании.

Ввиду того, что комиссия, которой было поручено подготовить текст проекта по вопросу о мирном урегулировании, не смогла выполнить этой задачи вследствие занятости членов этой комиссии в других комиссиях, было решено, что министры иностранных дел соберутся сегодня дополнительно в 15 ч. 45 м., чтобы подготовить этот вопрос для постановки его на заседании глав трех правительств. На своем совещании министры иностранных дел приняли поправку к 3-му пункту проекта по этому вопросу, в результате чего этот пункт будет звучать следующим образом:

«3. В качестве немедленной и важной задачи на Совет возлагается составление мирных договоров для Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии для представления их Объединенным нациям и выработка предложений по урегулированию неразрешенных территориальных вопросов, встающих в связи с окончанием войны в Европе. Совет будет использован для подготовки мирного урегулирования для Германии, с тем чтобы соответствующий документ был принят пригодным для этой цели правительством Германии, когда такое правительство будет образовано.

Для разрешения каждой из этих задач Совет будет состоять из членов, представляющих те государства, которые подписали условия капитуляции, наложенные на то вражеское государство, которого касается данная задача. При рассмотрении вопросов мирного урегулирования с Италией Франция будет рассматриваться как подписавшая условия капитуляции Италии.

Другие члены будут приглашаться участвовать, когда будут рассматриваться вопросы, прямо их касающиеся».

4. О Ялтинской декларации об освобожденной Европе.

Народный комиссар иностранных дел СССР вручил министру иностранных дел Великобритании и государственному секретарю США советский проект предложений по этому вопросу. В связи с представленным проектом

были подвергнуты обсуждению вопросы о положении в Румынии и Болгарии, с одной стороны, и в Греции — с другой. В результате обсуждения выяснилось, что министры иностранных дел по-разному оценивают положение в этих странах.

В частности, государственный секретарь США и министр иностранных дел Великобритании заявили, что в Румынии и Болгарии имеются ограничения для печати. Народный комиссар иностранных дел указал, что некоторые неизбежные ограничения для печати имели место в военных условиях. В настоящее время, ввиду окончания войны, возможности для работы представителей печати в этих странах могут быть значительно расширены.

Государственный секретарь США предложил заключить соглашение трех держав о проведении наблюдения за ходом выборов со стороны трех держав в Италии, Греции, Румынии, Болгарии и Венгрии и об обеспечении свободного допуска в эти страны представителей печати США, СССР и Великобритании и о предоставлении им возможности свободно передвигаться и свободно посылать свою информацию. Английский министр присоединился к этому предложению. Народный комиссар иностранных дел СССР заявил, что он не видит необходимости в посылке специальных наблюдателей в Румынию и Болгарию. Что же касается Греции, то точка зрения Советского правительства изложена в представленном документе. Если министры иностранных дел Великобритании и США представят письменные предложения по этому вопросу, то они могут быть обсуждены на заседании трех министров.

5. Об Италии.

Государственный секретарь США представил проект решения глав трех правительств о том, что они поддержат вступление Италии в организацию Объединенных Наций, но что они не будут поддерживать вступление Испании в организацию Объединенных Наций до тех пор, пока Испания будет оставаться под контролем режима, существующего в этой стране в настоящее время. Министр иностранных дел Великобритании заявил, что он поддерживает это предложение и что, если будет выработана какая-либо декларация по этому вопросу, он считал бы целесообразным упомянуть в ней о том, что три державы поддержат также прием в число Объединенных На-

ций и некоторых нейтральных стран, как, например, Швеции, Швейцарии и Португалии.

Народный комиссар иностранных дел СССР поставил вопрос о том, может ли это предложение быть распространено на такие страны, которые превратились из враждебных в совоюющие против Германии страны. Министр иностранных дел Великобритании заявил, что этот вопрос можно обсудить, но что лично он считает, что такие страны могут быть допущены в число Объединенных Наций после подписания с ними мирных договоров. Для разработки этого вопроса была создана подкомиссия.

В связи с этим было решено поручить комиссии, занимающейся вопросами репараций, изучить вопрос о репарациях с Италии и Австрии.

6. О западной границе Польши.

Министрам иностранных дел США и Великобритании были вручены предложения Советского правительства относительно установления западных границ Польши, при этом была вручена соответствующая карта. Решено поставить этот вопрос на заседании глав трех правительств 20 июля.

7. О подопечных территориях.

Министрам иностранных дел США и Великобритании были вручены предложения Советского правительства относительно мероприятий по установлению территориальной опеки. Решено поставить этот вопрос на заседании глав трех правительств 20 июля.

8. О повестке дня заседания глав трех правительств 20 июля.

Министры условились рекомендовать главам трех правительств следующую повестку дня:

1. О мирном урегулировании.
2. Меморандум президента США от 17 июля о политике в отношении Италии.
3. Положение в Австрии, и в частности в Вене (сообщение премьер-министра Великобритании).
4. О западной границе Польши.
5. О подопечных территориях).

Черчилль. Разрешите, г-н президент, поднять маленький вопрос относительно процедуры нашей работы для пользы дела. Наши министры встречаются каждый день и подготавливают обширную программу для наших вечерних заседаний. Сегодня, например, они закончили

свою работу только к двум часам. У нас остается очень мало времени для того, чтобы просмотреть и обсудить подготовленные ими документы. Не лучше ли было бы начинать наши вечерние заседания в пять часов.

Трумэн. Я не возражаю.

Переходим к обсуждению вопросов по повестке дня. Обсуждаем первый вопрос.

Черчилль. Я понял так, что у советской делегации есть какая-то поправка к проекту относительно учреждения Совета министров иностранных дел.

Трумэн. Поправка была оглашена. Я согласен с этой поправкой.

Черчилль. (Перечитав текст поправки). Я также согласен с этой поправкой.

Трумэн. Нужно установить время и место встречи Совета министров иностранных дел. Я готов предоставить решение этого вопроса самим министрам иностранных дел.

Черчилль. Я совершенно согласен с тем, что этот вопрос должен быть обсужден, но у меня существует мнение, что таким местом должен быть Лондон; здесь должно быть постоянное место секретариата, а заседания могут иметь место и в других пунктах, если это будет угодно. В подтверждение своего взгляда я хочу напомнить, что Лондон является той столицей, которая более других находилась под огнем неприятеля во время войны. Насколько мне известно, это самый большой город в мире и один из старейших городов мира. Кроме того, он находится на полдороге между США и Россией.

Сталин. Это самое главное. (Смех).

Черчилль. А кроме того, теперь наступил черед Лондону.

Сталин. Правильно.

Черчилль. Я хочу только добавить, что я шесть раз перелетал океан, чтобы иметь честь совещаться с президентом США, и два раза посетил Москву. Однако Лондон совершенно не используется как место наших встреч. В Англии имеются очень сильные чувства по этому поводу, и я думаю, что г-н Эттли также мог бы сказать об этом несколько слов.

Эттли. Я совершенно согласен с тем, что сказал здесь премьер-министр, и хочу добавить, что наши люди имеют право видеть у себя этих выдающихся лиц. Они были бы

очень рады этому. Они очень много пережили. Я считаю, кроме того, что географическое положение Лондона также играет важную роль. Я поддерживаю пожелание премьер-министра.

Трумэн. Я также согласен с предложением премьер-министра и согласен с тем, что географическое положение играет большую роль.

Сталин. Хорошо, я не возражаю.

Трумэн. Но я хочу оставить за собой право пригласить глав правительств посетить США.

Черчилль. Разрешите мне выразить благодарность президенту и генералиссимусу за их любезное принятие нашего предложения.

Трумэн. Я думаю, что к трем нашим министрам иностранных дел в должное время присоединятся министры иностранных дел Китая и Франции. Я думаю также, что можно поручить министрам иностранных дел решить вопрос о сроке созыва Совета.

(**Сталин** и **Черчилль** соглашаются с предложениями Трумэна).

Трумэн. Второй вопрос — о политике в отношении Италии. Наши предложения о политике в отношении Италии были переданы на первом заседании. Сущностью моего предложения является следующее:

Я считаю, что положение Италии будет значительно улучшено, если мы признаем ее заслуги как участницы войны против Германии. Я предлагаю, чтобы условия капитуляции были заменены следующими обязательствами со стороны итальянского правительства: 1) итальянское правительство воздержится от каких бы то ни было враждебных действий против любой из Объединенных Наций до заключения мирного договора; 2) итальянское правительство не будет содержать никаких военных, военно-морских или военно-воздушных сил или оборудования, за исключением того, на что оно уполномочено союзниками, и будет подчиняться всем инструкциям по вопросу о таких силах и оборудовании.

Во время действия этого соглашения контроль над Италией должен быть сохранен лишь постольку, поскольку это необходимо: a) для обеспечения союзных военных потребностей, пока союзные силы остаются в Италии или оперируют оттуда, и b) для обеспечения справедливого разрешения территориальных споров.

Сталин. Хорошо было бы, чтобы министры обсудили вопрос о политике в отношении Италии. У меня нет принципиальных возражений, но, возможно, некоторые поправки редакционного характера понадобятся. Хорошо было бы эту записку передать трем министрам для окончательного просмотра и, вместе с тем, попросить их обсудить наряду с вопросом об Италии вопрос о Румынии, Болгарии и Финляндии.

У нас нет оснований выделять вопрос об Италии из вопросов, касающихся других стран. Италия, конечно, первая капитулировала и в дальнейшем помогала в войне против Германии. Правда, силы были небольшие, всего 3 дивизии, но она все же помогала. Она думает включиться в войну с Японией. Это тоже является плюсом. Но такие же плюсы имеются у таких стран, как Румыния, Болгария, Венгрия. Они, эти страны, на другой день после капитуляции двинули свои войска против Германии. Болгария имела 8—10 дивизий против Германии, Румыния имела примерно 9 дивизий. Следовало бы и этим странам дать облегчение.

Что касается Финляндии, то она серьезной помощи в войне не оказывала, но она ведет себя хорошо, добросовестно выполняет принятые на себя обязательства. Можно было бы облегчить также и ее положение.

Поэтому хорошо было бы, давая облегчение Италии, дать вместе с тем облегчения и этим странам и все эти вопросы рассмотреть совместно. Если коллеги согласны с моим предложением, то можно было бы поручить трем министрам иностранных дел рассмотреть эти вопросы как единый вопрос.

Трумэн. Италия была первой страной, которая капитулировала, и, насколько я знаю, условия ее капитуляции были несколько более жесткими, чем условия капитуляции других стран. Но я согласен с тем, что положение других государств-сателлитов также должно быть пересмотрено. Я целиком согласен в этом вопросе с генералиссимусом Сталиным.

Черчилль. Наша позиция в вопросе об Италии не совсем совпадает с позицией, занятой двумя моими коллегами. На нас Италия напала в июне 1940 года. У нас были серьезные потери в Средиземном море, а также во время обороны Египта, которую мы вынуждены были организовать в то время, когда нам самим угрожало нашествие.

Мы потеряли много военных кораблей и кораблей торгового флота в Средиземном море. У нас были тяжелые потери на суше, на побережье Северной Африки. И число этих жертв увеличилось, когда Германия двинула свои войска в Африку. Без поддержки с чьей-либо стороны мы должны были предпринять кампанию в Абиссинии, которая закончилась тем, что император Абиссинии был восстановлен на троне. Особые эскадрильи итальянской авиации были отправлены для бомбардировки Лондона.

Нужно также упомянуть о том, что Италия предприняла совершенно необоснованное нападение на Грецию, а непосредственно перед началом войны она произвела такое же необоснованное нападение на Албанию. Все это произошло тогда, когда мы были совершенно одни.

Я говорю все это потому, что считаю, что не следует забывать о тех потерях, которые мы понесли со стороны Италии. Мы не можем оправдать итальянского народа так же, как мы не оправдываем германского народа, из-за того что он оказался под игом Гитлера. Несмотря на это, мы старались поддерживать мысль о восстановлении Италии как одной из важных держав в Европе и на Средиземном море. Когда я был там год тому назад, я сделал ряд предложений президенту Рузвельту, и большинство этих предложений было включено в декларацию, которая затем была опубликована.

Я не хочу, чтобы думали, будто у меня имеется чувство мести по отношению к Италии. Я возражал против появившихся в различных газетах сообщений, в которых утверждалось, что мы настроены против Италии. От имени правительства его величества я заявлял, что мы подходим к этому вопросу с чистым сердцем и с желанием добиться наилучших результатов. Я хочу, чтобы все эти соображения были приняты во внимание.

Я хочу присоединиться к президенту и генералиссимусу в принципе, чтобы мы сделали жест в отношении итальянского народа, который много претерпел во время войны и который приложил усилия для изгнания немцев со своей территории. Поэтому британская делегация в принципе не возражает заключить мир с Италией. Эта работа, несомненно, потребует нескольких месяцев для подготовки мирных условий.

Я отмечаю также, что нынешнее итальянское правительство не имеет демократических основ, вытекающих

из свободных и независимых выборов. Оно просто состоит из политических деятелей, которые называют себя лидерами различных политических партий. Я так понимаю, что итальянское правительство намерено провести выборы еще до зимы. Поэтому, хотя я и согласен с тем, чтобы Совет министров иностранных дел приступил к работе по подготовке мирного договора, я не считаю желательным, чтобы он закончил эту работу до того, пока итальянское правительство не будет основано на демократических началах.

Между тем, я должен сказать, что я не совсем согласен с меморандумом США относительно временных условий, согласно которому существующие ныне условия перемирия должны быть заменены некоторыми обязательствами со стороны нынешнего итальянского правительства. Я считаю, что никакое итальянское правительство не может дать гарантированных заверений, если оно не опирается на итальянский народ. Если существующие права, обусловленные капитуляцией, будут отменены и заменены обязательствами со стороны итальянского правительства, а до заключения мирного договора остается значительный промежуток времени, то мы потеряем все свои возможности, за исключением применения силы, чтобы заставить Италию выполнить наши условия. Между тем, никто из нас не желает применять силу для достижения подобных целей.

Если взять пункт 1-й американского меморандума, то здесь ничего не говорится о будущности итальянского флота, об итальянских колониях, о репарациях и других важных вопросах. Таким образом, мы теряем права, которыми обладаем согласно документу о капитуляции.

Наконец, я должен сказать, что условия капитуляции были подписаны не только Великобританией, но и другими государствами, входящими в состав Британской империи, они были подписаны доминионами — Австралией, Новой Зеландией и другими, которые понесли потери во время войны. С ними необходимо будет обсудить этот вопрос. Кроме того, Греция оказалась жертвой итальянского нашествия. Я не хочу сегодня идти далее готовности согласиться в принципе с тем, чтобы Совет министров иностранных дел начал работать над подготовкой мирных условий.

Что касается других стран, о которых здесь говорилось, то я должен сказать, что Болгария не имеет права предъявлять какие-либо претензии в отношении Великобритании. Болгария нанесла нам жестокий удар и сделала все, чтобы повредить нам на Балканах. Конечно, не мне говорить о неблагодарности Болгарии по отношению к России. Русская армия освободила в свое время Болгарию от турецкого ига, после многих лет жестокого насилия. В этой войне Болгария почти не пострадала, она была прислужницей Германии, и по ее указке она напала на Грецию и Югославию, причинив им много вреда. Однако ничего не говорится о разоружении Болгарии. Мне кажется, что она так же сильна, как и прежде, она имеет 15 дивизий. Ничего не сказано о репарациях с Болгарии. Я должен признаться, что у меня нет большой склонности к скорому заключению мира с Болгарией — во всяком случае, меньше, чем к заключению такого мира с Италией.

Я очень благодарен моим коллегам, что они с таким терпением выслушали мои соображения. В заключение я должен сказать, что по некоторым пунктам я не схожусь в мнении с президентом и генералиссимусом.

Сталин. Мне представляется, что вопрос об Италии является вопросом большой политики. Задача «большой тройки» состоит в том, чтобы оторвать от Германии, как основной силы агрессии, ее сателлитов. Для этого существуют два метода. Во-первых, метод силы. Этот метод с успехом применен нами, и войска союзников стоят в Италии, а также на территории других стран. Но одного этого метода недостаточно для того, чтобы оторвать от Германии ее сообщников. Если мы будем и впредь ограничиваться применением метода силы в отношении к ним, есть опасность, что мы создадим среду для будущей агрессии Германии. Поэтому целесообразно метод силы дополнить методом облегчения положения этих стран. Это, по-моему, единственное средство, если брать вопрос в перспективе, собрать вокруг себя эти страны и окончательно оторвать их от Германии.

Вот соображения большой политики. Все остальные соображения — насчет мести, насчет обид — отпадают.

С этой точки зрения я и рассматриваю записку президента США. Я считаю, что эта записка президента соответствует такой политике, политике окончательного отры-

ва от Германии сателлитов путем облегчения их положения. Поэтому я не имею принципиальных возражений против положений, выдвинутых в записке президента. Возможно, что тут понадобятся некоторые редакционные улучшения.

Теперь другая сторона вопроса. Я имею в виду речь г-на Черчилля. Конечно, у Италии большие грехи и в отношении России. Мы имели столкновения с итальянскими войсками не только на Украине, но и на Дону и на Волге — так далеко они забрались в глубь нашей страны. Однако я считаю, что руководствоваться воспоминаниями об обидах или чувствами возмездия и строить на этом свою политику было бы неправильным. Чувства мести или ненависти или чувство полученного возмездия за обиду — это очень плохие советники в политике. В политике, по-моему, надо руководствоваться расчетом сил.

Вопрос нужно поставить так: хотим ли мы иметь Италию на своей стороне с тем, чтобы изолировать ее от тех сил, которые когда-нибудь могут встать против нас в Германии? Я думаю, что мы этого хотим, и из этого мы должны исходить. Мы должны оторвать от Германии ее бывших сообщников.

Много трудностей, много лишений причинено нам такими странами, как Румыния, которая выставила против советских войск немало дивизий, как Венгрия, которая имела в последний период войны 20 дивизий против советских войск. Очень большой ущерб причинила нам Финляндия. Конечно, без помощи Финляндии Германия не могла бы осуществить блокаду Ленинграда. Финляндия выставила против наших войск 24 дивизии.

Меньше трудностей и обид причинила нам Болгария. Она помогла Германии напасть и вести наступательные операции против России, но сама она не вступила в войну против нас и своих войск против советских войск не посылала. В соглашении о перемирии предусмотрено, что Болгария должна предоставить свои войска для войны против Германии. Это соглашение подписано представителями трех держав — США, Великобритании и СССР. В соглашении сказано, что по окончании войны с Германией армия Болгарии должна быть демобилизована и доведена до размеров мирного времени. Это мы долж-

ны сделать, и это будет сделано. Болгария не может сопротивляться выполнению соглашения, она должна будет его выполнить.

Таковы грехи сателлитов против союзников, и против Советского Союза в особенности.

Если мы начнем им мстить на основе того, что они причинили нам большой ущерб, то это будет одна политика. Я не сторонник этой политики. После того как эти страны побеждены и контрольные комиссии трех держав находятся в них для того, чтобы они выполняли условия перемирия, пора перейти к другой политике — к политике облегчения их положения. А облегчить их положение, это значит отколоть эти страны от Германии.

Теперь конкретное предложение. Насколько я понял, президент Трумэн не предлагает немедленно выработать договор с Италией. Президент Трумэн предлагает только расчистить путь к заключению такого договора в ближайшем будущем, а пока что он предлагает создать некоторое промежуточное положение между условиями капитуляции, принятыми Италией, и будущим мирным договором.

Я думаю, что трудно возразить против такого предложения. Оно вполне практично, и оно назрело. Что касается других сателлитов, то я считаю, что можно было бы начать с восстановления дипломатических отношений с ними. Могут возразить, что там нет свободно избранных правительств. Но нет такого правительства и в Италии. Однако дипломатические отношения с Италией восстановлены. Нет таких правительств во Франции и Бельгии. Однако никто не сомневается в вопросе о дипломатических отношениях с этими странами.

Черчилль. Это были союзники.

Сталин. Я понимаю. Но демократия есть всюду демократия — у союзников или у сателлитов.

Трумэн. Насколько я понимаю, положение таково. Я сделал конкретное предложение относительно Италии. Условия перемирия подписаны всеми тремя нашими государствами.

Иден. От имени доминионов мы не подписывали.

Трумэн. В отношении других сателлитов доминионы тоже не подписывали. Но вернемся к обсуждаемому вопросу. На повестку дня был поставлен вопрос о политике в отношении Италии. Советская сторона подняла вопрос

о Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии. Насколько я понял, генералиссимус предложил передать вопрос об Италии и о других странах-сателлитах на рассмотрение наших министров иностранных дел.

Речь идет о выработке предварительных условий до заключения мирного договора. Я целиком согласен с генералиссимусом, что эти договоры должны быть основаны не на чувстве мести, ненависти и обиды, а на чувстве справедливости для создания возможности мирного существования всего человечества. И я думаю, что мы можем достигнуть этого целиком здесь.

Я должен сказать несколько слов относительно репараций с Италии. Положение в Италии сейчас таково, что перед нами стоит вопрос о том, чтобы предоставить Италии помощь в размере от 700 миллионов до 1 миллиарда долларов. Но я должен заявить, что мы не можем оказывать такую же помощь другим странам, не получая ничего взамен. Я думаю, что здесь мы должны постараться подготовить условия, при которых эти страны могут жить на собственные средства.

Я считаю, что оба эти вопроса могут быть переданы на рассмотрение министров иностранных дел, и они сумеют найти основы соглашения, чтобы мы могли прийти к общему мнению в отношении всех этих стран.

Черчилль. Я думаю, мы все согласны, что вопрос об Италии должен быть передан министрам иностранных дел. Я только возражал против отмены существующих условий капитуляции, что лишило бы нас весьма существенных прав. Я соглашаюсь с президентом, что необходимо облегчить условия и сделать соответствующий жест в отношении Италии. Я не возражаю, чтобы здесь было заявлено о том, что для Италии подготавливается мирный договор.

Я совершенно соглашаюсь со всем тем, что было сказано генералиссимусом и президентом по поводу того, что нельзя определять будущее в духе мести за причиненные обиды. Я выслушал с большим удовольствием это заявление от лидеров великих народов, которые они здесь представляют. Я питаю большие симпатии в отношении Италии, и в этом духе будет действовать правительство Великобритании. Я употребил в отношении Италии слово «репарации», но мы, конечно, не ищем для себя никаких репараций; мы имели в виду Грецию.

Трумэн. Я бы предложил, чтобы вопрос относительно Италии и других стран был передан трем министрам иностранных дел.

Черчилль. Я согласен, чтобы подготовительная работа по выработке мирного договора с Италией была передана Совету министров иностранных дел.

Сталин. Какому Совету?

Черчилль. Будущему Совету министров иностранных дел. Я только сделал оговорку относительно временных мер. Это можно обсудить на ежедневных совещаниях наших министров иностранных дел.

Сталин. Я бы предложил, чтобы министры иностранных дел обсудили также вопрос о других странах — сообщниках Германии. Прошу, г-н Черчилль, не возражать против этого. (Общий смех). Я прошу, чтобы три министра иностранных дел наряду с вопросом об Италии обсудили также вопрос и о других странах.

Черчилль. Я никогда не возражал. (Смех).

Трумэн. Я также согласен.

Переходим к следующему вопросу. Следующий вопрос — сообщение премьер-министра о положении в Австрии, и в частности в Вене.

Черчилль. Я очень сожалею, что во время сегодняшней дискуссии мне приходится несколько раз не соглашаться с мнением советской делегации. Но я считаю, что положение в Австрии и в Вене неудовлетворительное. Было условлено, что мы будем иметь различные секторы, различные зоны в Австрии. Это дело продолжается уже долгое время.

Более двух месяцев назад я просил, чтобы британских офицеров пустили в Вену для того, чтобы осмотреть помещения, которые нам будут необходимы, аэропорты, места для размещения наших войск. Все это было в принципе заранее согласовано. Наши офицеры посетили Вену, но результаты их посещения оказались неудовлетворительными, наши миссии были вынуждены оставить город и вернуться ни с чем. Нам теперь не только не разрешен въезд в Вену, но и ввод наших войск в ту зону, о которой было достигнуто соглашение.

Уже три-четыре месяца прошло с момента освобождения Австрии советскими войсками. Я не понимаю, почему в этом простом деле существуют такие трудности, и это после того, как было заключено по этому поводу

соглашение. Я получаю неудовлетворительные сообщения от фельдмаршала Александера. Мы до сих пор не имеем места, где бы мы могли расположиться. Я считаю, что ввиду подписанного соглашения нам следовало бы дать такое разрешение.

Вчера меня просили выяснить, не может ли русская делегация посетить немецкие суда, которые находятся в руках англичан. На этот вопрос я ответил: окажите нам взаимность. Если немецкие суда, находящиеся в Англии, могут быть осмотрены русскими представителями, то, мне кажется, мы должны получить право доступа во вражеские города, которые находятся под русской оккупацией. Мы вывели свои войска из русской зоны оккупации на севере Германии, американские войска также отошли из этой зоны; мы же не имеем права ввести свои войска в нашу зону в Австрии.

Сталин. Соглашение насчет зон в Австрии имеется, но не было никакого соглашения насчет зон в Вене. Понятно, что требовалось известное время, для того чтобы осуществить это соглашение. Это соглашение теперь достигнуто, оно достигнуто вчера. Надо было договориться насчет того, какие аэродромы кому передаются. Это тоже требует времени. Соглашение по этому вопросу тоже достигнуто. От французов мы получили ответ только вчера. Теперь назначен день, когда ваши войска должны вступить в Вену и когда наши войска должны отойти. Это можно начать сегодня или завтра.

Г-н Черчилль сильно возмущается, но дело обстоит не совсем так. Нельзя так выражаться — не пускают в нашу зону. (Смех). Нельзя так говорить. Нас в течение месяца не пускали в нашу зону в Германии. Мы не жаловались, мы знали, насколько сложно отвести войска и подготовить все для вступления советских войск. У Советского правительства нет никакого намерения нарушить достигнутое соглашение. Если вопрос о положении в Австрии, и в частности в Вене, заключается только в этом, то он уже разрешен. Более разумно действовали в районе Берлина, и там вопрос разрешился скорее.

Менее умело действует фельдмаршал Александер, и это тоже явилось одним из факторов, почему это дело задержалось. Он держит себя так, как будто русские войска ему подчиняются. Это только задерживало раз-

решение вопроса. Английские и американские военные руководители в зоне Германии не так поступили. В настоящее время никаких препятствий нет к тому, чтобы каждая армия вступила в свою зону, идет ли речь о Вене или о Штирии, и это потому, что теперь достигнуто соглашение.

Черчилль. Я очень рад, что это дело, наконец, улажено и мы будем допущены в нашу зону. Что касается фельдмаршала Александера, то, мне кажется, нет повода на него жаловаться.

Сталин. На Эйзенхауэра не жаловались, на Монтгомери не жаловались, а на Александера жалуются.

Черчилль. Мы очень просим представить нам эти жалобы.

Сталин. Я не хочу свидетельствовать против Александера, я выступал не с прокурорской речью. (Смех).

Черчилль. Я чувствую себя обязанным сказать, что ввиду отсутствия специфических жалоб на Александера правительство Великобритании сохранит к нему полное доверие. Мы будем поддерживать все предпринимаемые им меры.

Сталин. У меня лично никаких жалоб нет, я только передал то, что мне сообщили командующие, указывая на это как на одну из причин задержки разрешения вопроса.

Черчилль. Не только мы заинтересованы в этом деле. В нем заинтересованы и американские командиры.

Трумэн. Я считаю, что достигнуто полное согласие по этому вопросу.

Следующий вопрос — о западной границе Польши. Я так понимаю, что у советской делегации есть соображения по этому вопросу.

Сталин. Если мои коллеги не готовы к обсуждению этого вопроса, то, может быть, мы перейдем к следующему вопросу, а этот вопрос обсудим завтра?

Трумэн. Лучше обсудить его завтра. Этот вопрос будет первым вопросом повестки дня завтрашнего заседания.

Следующий вопрос — о территориальной опеке.

Сталин. Может быть, этот вопрос тоже рассмотреть завтра?

Трумэн. Я согласен. Наша повестка исчерпана. Завтра заседание в 5 часов.

Пятое заседание

21 июля 1945 г.

Трумэн. О сегодняшнем заседании министров иностранных дел будет докладывать г-н Бирнс.

Бирнс. Министры иностранных дел обсудили вопрос о дате официального учреждения Совета министров иностранных дел и согласились, что Совет должен быть учрежден не позднее 1 сентября. Они согласились также, что нужно послать телеграммы правительству Китая и Временному правительству Франции с приглашением принять участие в работе Совета до того, как будет публично объявлено об учреждении Совета. По просьбе британской делегации редакционной комиссии, которая занимается этим вопросом, было поручено внести некоторые небольшие поправки в имеющийся текст предложения.

Следующий вопрос — экономические принципы в отношении Германии. Так как доклад подкомиссии по этому вопросу был только что представлен и наши делегации не имели возможности как следует изучить его, то согласились отложить обсуждение этого вопроса до завтра.

Следующим был польский вопрос — о ликвидации лондонского правительства и выполнении Ялтинской декларации. Председатель подкомиссии, которая занималась этим вопросом, сделал от имени подкомиссии доклад. Ввиду того, что подкомиссия была не в состоянии достигнуть полного соглашения, вопросы, по которым остались разногласия, были обстоятельно обсуждены министрами иностранных дел. Министры достигли соглашения по некоторым из этих пунктов, но нижеследующие пункты передаются главам правительств для окончательного решения.

Я думаю, что эти разногласия, передаваемые на ваше разрешение, станут вам более понятными, если вы будете иметь перед собой доклад председателя подкомиссии. Вопросы, передаваемые на ваше разрешение, следующие: a) пункт, относящийся к передаче активов польскому правительству и к признанию польским правительством обязательств в отношении правительств Великобритании и США; b) пункт, который относится к проведению выборов и к свободе печати.

Относительно первого пункта разногласий, которые касаются передачи активов польскому правительству и признания последним обязательств в отношении английского и американского правительств, председатель подкомиссии доложил следующее. Британское правительство и правительство США уже приняли меры к предотвращению передачи польской собственности другим лицам, собственности, расположенной на территории Великобритании и США и находящейся под контролем их правительств, в чем бы эта собственность ни выражалась. Они готовы немедленно принять меры к передаче, в соответствии с требованиями закона, этой собственности польскому национальному правительству. С этой целью они готовы обсудить с соответствующими представителями Временного польского правительства способы и сроки передачи этой собственности.

Редакция этого предложения стала предметом разногласий. Позиция правительства США заключается в том, что вопрос об активах должен явиться предметом обсуждения между правительством Польского государства и правительством США. Одновременно между ними должен быть обсужден также вопрос об обязательствах польского правительства. Правительство США уверено, что у Временного польского правительства нет никаких сомнений в том, что мы готовы передать в его распоряжение всю собственность, которая ему принадлежит, в соответствии с существующими у нас законами.

Поэтому мы предложили сформулировать пункт, касающийся этого вопроса, следующим образом: «Британское правительство и правительство США приняли меры по защите интересов Временного польского правительства, как признанного правительства Польского государства, в отношении собственности, принадлежащей Польскому государству, находящейся на их территориях и под их контролем, независимо от того, какую форму эта собственность имеет. Они приняли далее меры, чтобы предупредить передачу такой собственности третьим сторонам. Временному польскому правительству будут предоставлены все возможности для применения обычных юридических мер по восстановлению любой собственности Польского государства, которая могла быть незаконно отчуждена».

Будем ли обсуждать эти пункты разногласий или можно доложить дальше?

Сталин. Выслушаем сначала доклад, а затем перейдем к обсуждению.

Бирнс. Никаких разногласий не вызвал следующий пункт: «Три державы озабочены тем, чтобы оказать Временному польскому правительству помощь в деле облегчения возвращения в Польшу так скоро, как это практически возможно, всех поляков, находящихся за границей, которые пожелают возвратиться, включая членов польских вооруженных сил и торгового флота. Они ожидают, что этим возвратившимся полякам будут предоставлены личные и имущественные права на равных основаниях со всеми польскими гражданами».

Имеются разногласия относительно следующего пункта: «Три державы принимают во внимание, что Временное польское правительство, в соответствии с решениями Крымской конференции, согласилось провести свободные и ничем не воспрепятственные выборы по возможности скорее, на основании всеобщего избирательного права, при тайном голосовании, в которых все демократические и антинацистские партии будут иметь право принимать участие и выставлять кандидатов. Три державы выражают серьезную надежду, что выборы будут проведены таким образом, чтобы для всего мира было ясно, что все демократические и антинацистские круги польского общественного мнения имели возможность свободно выразить свои взгляды и таким образом принять полное участие в восстановлении политической жизни страны.

Далее, три державы ожидают, что представители союзной печати будут пользоваться полной свободой сообщать миру о ходе событий в Польше до и во время выборов».

Разногласие заключается в том, что советская делегация предлагает исключить две последние фразы этого пункта. Г-н Иден согласился на это при условии сохранения фразы о свободном допуске в Польшу представителей союзной печати.

Таким образом, первым предметом разногласий является пункт относительно передачи активов без упоминания пассивов.

Трумэн. Невозможно при наших законах говорить об активах и ничего не сказать о пассивах. Я об этом гово-

рил и вчера. Соединенные Штаты не намереваются возлагать на себя бремя подобного рода. Мы не можем принимать на себя обязательство передать все активы польскому правительству без обсуждения обязательств с его стороны.

Черчилль. Мы согласны с предложением президента относительно передачи польскому правительству активов только при условии одновременного упоминания об обязательствах, взятых на себя польским правительством.

Бирнс. Наша редакция, которая была предложена в надежде найти компромисс, не говорит ни об активах, ни о пассивах. Мы говорим, что британское правительство и правительство США уже приняли меры для того, чтобы защитить интересы польского правительства в отношении собственности, принадлежащей Польскому государству, расположенной на их территориях, в чем бы эта собственность ни выражалась. В проекте также говорится, что оба эти правительства уже приняли меры к предотвращению передачи этой собственности третьим лицам. Кроме того, там сказано о том, что польскому правительству будут предоставлены все возможности для применения обычных юридических мер по восстановлению любой собственности, которая могла быть незаконно отчуждена.

Черчилль. Тут ничего не говорится ни об активах, ни об обязательствах.

Бирнс. Я уже говорил о тех моментах, которые содержатся в нашем проекте.

Черчилль. Тут ничего не сказано о переводе на польское Временное правительство обязательств в отношении Великобритании, а именно 120 миллионов фунтов стерлингов, которые мы авансировали бывшему польскому правительству в Лондоне. Другими словами, наше положение такое же, как и ваше.

Бирнс. Если бы у Советского правительства тоже было имущество, принадлежащее польскому правительству, то этот вопрос мог быть разрешен дипломатическим путем. Мне кажется, нет никакой нужды упоминать публично о том, что мы будем передавать польскому правительству принадлежащее ему имущество, которое должно быть передано в результате признания правительством США правительства Польши.

Черчилль. Я понимаю таким образом, что мы оставляем теперь в стороне мысль относительно активов и обязательств. Для нас, конечно, этот вопрос более важен, чем для США, на том основании, что мы выдали большие авансы бывшему лондонскому польскому правительству.

Трумэн. Мне не нравится, что здесь предлагается сделать публичное заявление о выполнении этих обязательств.

Черчилль. Я с вами согласен.

Сталин. Британское правительство думает полностью взыскать с Польши те авансы, которые оно дало на содержание польских войск?

Черчилль. Нет. Это мы будем обсуждать с поляками.

Сталин. Мы дали определенные средства правительству Сикорского, а также на организацию армии Временного национального правительства. Но мы считаем, что польский народ искупил своей кровью этот долг. Я считаю, что компромиссное предложение американского правительства приемлемо, за исключением одного места, где говорится, что Временному польскому правительству будут предоставлены все возможности для применения обычных юридических мер. Я предлагаю сказать вместо этого: Временному польскому правительству будут предоставлены все возможности в соответствии с требованиями закона. С этой поправкой можно принять компромиссное предложение американской делегации.

Черчилль. А какая разница?

Сталин. Разница состоит в том, что не будет обычной волокиты, которая существует при «обычных юридических мерах». Если сказать — на основании закона, это будет проще. Но, в конце концов, — это мелочь, можно принять предложение американской делегации и в ее формулировке.

Бирнс. Следующий пункт, по которому были разногласия, касается такой формулировки: «Три державы принимают во внимание, что Временное польское правительство, в соответствии с решениями Крымской конференции, согласилось провести...» и т. д. Против этой формулировки возражал г-н Иден.

Иден. Я предложил компромиссную формулировку, против которой возражала советская делегация, а именно: от слов «три державы выражают серьезную надежду»

до слов «свои взгляды», — все это место вычеркнуть, но оставить последнюю фразу относительно допуска представителей союзной печати.

Сталин. Это хорошо, что г-н Иден пошел навстречу интересам и достоинству Польши. Надо приветствовать это. И если он сделает еще один шаг в этом направлении, я думаю, что можно будет всем нам согласиться с предложением. (Смех). В предыдущей строчке сказано о том, что польское правительство должно выполнить Крымскую декларацию. К чему повторять ту же мысль еще раз?

Иностранные корреспонденты будут приезжать в Польшу, а не к польскому правительству, они будут пользоваться полной свободой, жалоб с их стороны на польское правительство не будет. Для чего надо еще лишний раз повторять об этом? Поляки будут этим обижены, они усмотрят в этом подозрение, что будто бы они не желают допускать корреспондентов. Этот пункт давайте оборвем на словах: «демократические и антинацистские партии будут иметь право принимать участие и выставлять кандидатов», а остальное исключим.

Черчилль. В этом нет компромисса. (Смех).

Сталин. Это — компромисс в отношении польского правительства. (Смех).

Черчилль. А я рассчитывал скорее усилить эту формулировку, чем ослабить ее.

Сталин. К чему это делать?

Трумэн. Мы очень интересуемся вопросом о выборах в Польше, потому что мы имеем у себя шесть миллионов граждан польского происхождения. Если выборы в Польше будут проведены совершенно свободно и наши корреспонденты совершенно свободно смогут передавать свою информацию о проведении и итогах выборов, то это будет очень важно для меня как президента. Я считаю, что если польское правительство будет знать заранее, что три державы ожидают проведения со стороны польского правительства свободных выборов и свободного доступа представителей печати союзных стран, то польское правительство, конечно, весьма тщательно выполнит требования, содержащиеся в решениях Крымской конференции.

Сталин. Я думаю — вот видите, г-н Иден, я иду на компромисс — внести такое предложение: после слов

«выставлять кандидатов» поставить запятую, а дальше сказать: «а представители союзной печати будут пользоваться полной свободой сообщать миру о ходе и итогах выборов».

Трумэн. Это меня устраивает.

Черчилль. Тут играют роль слова «принимают во внимание» в начале абзаца. Я тоже согласен.

Бирнс. Следующий вопрос — о выполнении Ялтинского соглашения об освобожденной Европе и странах-сателлитах. Делегация США представила два документа по этому вопросу, но на заседании министров иностранных дел было решено отложить обсуждение, чтобы иметь возможность изучить эти документы. Министры иностранных дел согласились передать эти документы в редакционную комиссию. Возникли, однако, разногласия относительно того, должна ли комиссия заниматься каждым из этих документов в отдельности или рассматривать их как единый документ. Советская делегация высказалась за единый документ, а американская делегация за два отдельных документа. Согласились на том, чтобы, поскольку вопрос о политике в отношении Италии и других сателлитов был передан министрам иностранных дел главами правительств, просить глав правительств решить на сегодняшнем заседании вопрос о том, какое дать указание редакционной комиссии: подготовить единый документ обо всех этих странах или два документа на основе американских проектов.

Трумэн. На первом заседании американская делегация предложила два документа: первый — о политике в отношении Италии (этот вопрос долго обсуждался вчера и позавчера) и второй документ — о политике в отношении Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии. Мы думаем, что этими двумя вопросами нужно заниматься отдельно, потому что Италия была первой страной, которая капитулировала и приняла затем участие в войне против Германии. Кроме того, между правительством США и правительством Италии существуют дипломатические отношения, которых нет у правительства США с правительствами вышеупомянутых стран. Но это не значит, что мы думаем, что вопрос об Италии должен быть разрешен скорее, чем вопрос об этих странах. Повторяю, мы считаем, что нужно рассмотреть эти два вопроса отдельно.

Сталин. Я имею поправку к предложениям американцев по вопросу о политике в отношении Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии. В принципе я не возражаю против этих предложений, но ко второму пункту я хочу внести добавление. Во втором пункте сказано: «Три правительства сделают заявление» о том-то и о том-то, после чего я предлагаю добавить слова: «А в данный момент заявляют, что они считают возможным восстановить с ними дипломатические отношения».

Трумэн. Я не могу согласиться на это.

Сталин. Тогда придется отложить обсуждение обоих проектов — и об Италии, и об этих странах.

Трумэн. Мы не готовы установить дипломатические отношения с правительствами этих стран. Кроме того, мы никогда не были в состоянии войны с Финляндией. Но, как я уже сказал, когда правительства этих стран будут преобразованы на основе свободных выборов, мы готовы будем установить с ними дипломатические отношения.

Сталин. Я не могу согласиться без предложенного мною добавления.

Черчилль. Время идет; мы уже сидим здесь неделю, и мы откладываем большое количество вопросов.

Позиция британского правительства в этом вопросе одинакова с позицией правительства США.

Бирнс. Следующий вопрос — о повестке дня сегодняшнего заседания глав правительств. Мы согласились, что министры иностранных дел будут рекомендовать главам правительств включить в повестку сегодняшнего заседания два вышеупомянутых вопроса, которые ранее были переданы министрам иностранных дел главами правительств и по которым министры иностранных дел хотят сейчас получить дальнейшие указания, а также три вопроса, перенесенные с повестки вчерашнего заседания глав правительств. Предлагаемая повестка дня сегодняшнего заседания будет поэтому следующая:

1. Польский вопрос — ликвидация лондонского правительства и выполнение Ялтинского соглашения.

2. Вопрос о том, следует ли редакционной комиссии, при разработке вопроса о политике в отношении Италии и других сателлитов, подготовить отдельную рекомендацию по Италии или подготовить единую рекомендацию по всем странам, о которых идет речь.

3. Польская западная граница. Советская делегация представила вчера документ по этому вопросу.

4. Опека. Советская делегация также представила вчера документ по этому вопросу.

5. Турция. Считается, что британская делегация желает поднять этот вопрос устно.

Трумэн. Разрешите мне сделать заявление относительно западной границы Польши. Ялтинским соглашением было установлено, что германская территория оккупируется войсками четырех держав — Великобритании, СССР, США и Франции, которые получают каждая свою зону оккупации. Вопрос относительно границ Польши затрагивался на конференции, но в решении было сказано, что окончательно этот вопрос должен быть разрешен на мирной конференции. На одном из наших первых заседаний мы решили, что исходным пунктом для обсуждения будущих границ Германии мы принимаем границы Германии, как они были в декабре 1937 года.

Мы определили наши зоны оккупации и границы этих зон. Мы отвели свои войска в свои зоны, как это было установлено. Но сейчас, по-видимому, еще одно правительство получило зону оккупации, и это было сделано без консультации с нами. Если предполагалось, что Польша должна явиться одной из держав, которой отводится своя зона оккупации, об этом следовало бы договориться раньше. Нам трудно согласиться с таким решением вопроса, поскольку никакой консультации по этому вопросу с нами не было проведено. Я дружественно отношусь к Польше и, возможно, полностью соглашусь с предложениями Советского правительства относительно ее западных границ, но я не хочу этого делать теперь, так как для этого будет другое место, а именно — мирная конференция.

Сталин. В решениях Крымской конференции было сказано, что главы трех правительств согласились, что восточная граница Польши должна пойти по линии Керзона, таким образом восточная граница Польши на конференции была установлена. Что касается западной границы, то в решениях конференции было сказано, что Польша должна получить существенные приращения своей территории на севере и на западе. Там дальше сказано: они, то есть три правительства, считают, что по вопросу о размерах этих приращений в надлежащее время

будет спрошено мнение нового польского правительства национального единства и что вслед за этим окончательное определение западной границы Польши будет отложено до мирной конференции.

Трумэн. Я тоже так понял. Но у нас не было и нет никакого права предоставлять Польше зону оккупации.

Сталин. Польское правительство национального единства выразило свое мнение относительно западной границы. Его мнение теперь всем нам известно.

Трумэн. Об этой западной границе никогда не было заявлено официально.

Сталин. Я говорю сейчас о мнении польского правительства. Оно теперь всем нам известно. Мы можем теперь условиться относительно западной границы Польши, а окончательно эта западная граница должна быть оформлена на мирной конференции.

Трумэн. Г-н Бирнс только сегодня получил заявление польского правительства. Мы с ним еще не успели как следует ознакомиться.

Сталин. Наше предложение сводится к тому, чтобы мы высказали свое мнение относительно желания польского правительства иметь такую-то западную границу. Сегодня мы выскажем свое мнение или завтра — это не имеет никакого значения.

Что касается вопроса о том, что мы предоставили оккупационную зону полякам, не имея на это согласия союзных правительств, то этот вопрос поставлен неточно. В своих нотах американское правительство и британское правительство нам предлагали несколько раз не допускать польскую администрацию в западные районы, пока не будет окончательно решен вопрос о западной границе Польши. Мы этого не могли сделать, потому что немецкое население ушло вслед за отступающими германскими войсками на запад. Польское же население шло вперед, на запад, а наша армия нуждалась в том, чтобы в ее тылу, на той территории, которую наша армия занимала, существовала местная администрация. Наша армия не может одновременно создавать администрацию в тылу, воевать и очищать территорию от врага. Она не привыкла к этому. Поэтому мы пустили поляков.

В этом духе мы и ответили тогда нашим американским и английским друзьям. Мы тем более пошли на это, что знали, что Польша получает приращение своих зе-

мель к западу от своей прежней границы. Я не знаю, какой может быть вред для нашего общего дела, если поляки устраивают свою администрацию на той территории, которая и без того должна остаться у Польши. Я кончил.

Трумэн. У меня нет никаких возражений против высказанного мнения относительно будущей границы Польши. Но мы условились, что все части Германии должны находиться в ведении четырех держав. И будет очень трудно согласиться на справедливое решение вопроса о репарациях, если важные части Германии будут находиться под оккупацией державы, не входящей в состав этих четырех держав.

Сталин. Что же вас репарации пугают? Мы можем отказаться от репараций с этих территорий, пожалуйста.

Трумэн. У нас нет намерения получить их.

Сталин. Что касается этих западных территорий, то никакого решения об этом не было, речь идет о толковании крымского решения. Насчет западной границы никаких решений не было, вопрос об этом остался открытым. Было только дано обещание о расширении границ Польши на западе и севере.

Черчилль. Я имею довольно много сказать относительно линии западной границы Польши, но, насколько я понимаю, время для этого еще не пришло.

Трумэн. Определение будущих границ принадлежит мирной конференции.

Сталин. Очень трудно восстановить немецкую администрацию в западной полосе — сбежали все.

Трумэн. Если Советское правительство хочет получить помощь для восстановления немецкой администрации на этих территориях, то этот вопрос можно обсудить.

Сталин. Наша концепция, концепция русских во время войны, при занятии территории противника состоит в следующем. Армия воюет, она идет вперед и не имеет никаких забот, кроме как выиграть сражение. Но, чтобы армия могла двигаться вперед, она должна иметь спокойный тыл. Она не может воевать с врагом на фронте и одновременно в тылу. Армия хорошо воюет, если тыл спокоен и если тыл сочувствует ей и помогает. Представьте себе положение, когда немецкое население либо бежит за своими отступающими войсками, либо стреляет в спину нашим войскам. А польское население идет вслед за

нашими войсками. При таком положении естественно стремление армии иметь в тылу администрацию, которая ей сочувствует и помогает. В этом все дело.

Трумэн. Это я понимаю и сочувствую.

Сталин. Другого выхода не было. Это не значит, конечно, что я сам определяю границы. Если вы не согласитесь с той линией, которую предлагает польское правительство, вопрос останется открытым. Вот и все.

Черчилль. Но можно ли этот вопрос оставить без решения?

Сталин. Когда-нибудь его надо решить.

Черчилль. Существует еще вопрос о поставках. Вопрос о поставках продуктов питания — весьма важный вопрос, потому что эти районы являются основными районами, доставляющими продукты питания для германского населения.

Сталин. А кто там будет работать, производить хлеб? Кроме поляков, там некому работать.

Трумэн. Мы можем достигнуть соглашения. Я думаю, что существо вопроса, который стоит перед нами и нас волнует, состоит в том, какая будет администрация в этих районах. Нас интересует также вопрос о том, будут ли эти районы являться частью Германии или частью Польши в период оккупации. Вопрос заключается в следующем. У нас есть зона оккупации, у Франции есть зона оккупации, есть зона оккупации у англичан и у Советского Союза. Я хочу знать, не входят ли районы, о которых идет речь сейчас, в советскую зону оккупации. Я думаю, что в надлежащее время мы сможем достигнуть соглашения относительно будущих границ Польши, но сейчас меня интересует вопрос об этих районах на период оккупации.

Сталин. На бумаге это пока немецкие территории, на деле — это польские территории, де-факто.

Трумэн. Что случилось с местным населением? Его там было, по-видимому, миллиона три.

Сталин. Население ушло.

Черчилль. Если это так, то получается, что они должны будут питаться в тех районах, куда они ушли, если эти районы, которые немцы оставили, не будут переданы Германии и не будут находиться в распоряжении Германии. Я так понимаю, что, согласно плану польского правительства, который поддерживается, как я понял,

Советским правительством, одна четверть всех обрабатываемых земель Германии 1937 года будет отторгнута от нее.

Что касается населения, то оказывается, что три или четыре миллиона поляков будут перемещены с востока в западные районы. Довоенное население Германии в этих районах, по русским данным, составляло восемь с четвертью миллионов. Значит, помимо серьезных трудностей, связанных с перемещением такого большого числа людей, непропорционально большое бремя будет возложено на другие части Германии, и все-таки продовольственная проблема не будет разрешена.

Трумэн. Франция захочет получить Саар и Рур, и если мы отдадим Франции Саар и Рур, то что же тогда останется Германии?

Сталин. Об этом решения нет, а в отношении западной границы Польши есть решение — решение о том, что территория Польши должна получить приращения на севере и западе.

Черчилль. Еще одно замечание — относительно заявления генералиссимуса Сталина о том, что все немцы покинули эти районы. Имеются другие данные, которые говорят о том, что там все-таки осталось 2—2,5 миллиона немцев. Конечно, эти цифры следовало бы еще проверить.

Сталин. Конечно, нужно проверить. Мы обсуждали вопрос о границе и пришли теперь к вопросу о продовольственном снабжении Германии. Если вы хотите обсуждать этот вопрос, пожалуйста, я не возражаю.

Черчилль. Это верно, что мы говорили о границе, а теперь перешли к вопросу о снабжении продовольствием Германии. Но я об этом упомянул потому, что вопрос о границе создает нам большие затруднения при разрешении некоторых других вопросов.

Сталин. Я согласен, что некоторые затруднения со снабжением Германии имеются, но главными виновниками этих затруднений являются сами немцы. Война привела к тому, что из этих 8 миллионов немцев там никого почти не осталось. Возьмите Штеттин; там было 500 тысяч населения, а когда мы вошли в Штеттин, там осталось всего 8 тысяч.

В Восточной Пруссии немцы поступили так: большая часть ушла на запад, в тыл к своим войскам, другая часть ушла в район Кёнигсберга, к русским. Когда мы пришли

в ту зону, которая предназначалась для приращения польской территории, там из немцев никого не осталось, остались одни поляки. Вот как обернулось дело.

В зоне между Одером и Вислой немцы бросили свои поля, поля обрабатываются и убираются поляками. Едва ли поляки согласятся отдать немцам то, что они обработали. Вот какое положение создалось в этих районах.

Трумэн. Я хочу еще раз повторить: по моему мнению, зоны оккупации должны быть предоставлены тем державам, о которых состоялось решение. У меня нет никаких возражений против того, чтобы обсудить вопрос о границах Польши, но я думаю, что мы не можем разрешить этого вопроса здесь.

Черчилль. Мы согласились компенсировать Польшу за счет Германии за ту территорию, которая отошла от нее к востоку от линии Керзона. Но одно должно уравновешивать другое. Сейчас Польша требует для себя гораздо больше, чем она отдает на востоке. Я не считаю, что это делается для блага Европы, не говоря уже о союзниках. Если три или четыре миллиона поляков будут перемещены с востока от линии Керзона, то три или четыре миллиона немцев могли бы быть перемещены на западе, чтобы уступить место полякам. Перемещение же сейчас 8 миллионов людей — это дело, которое я не могу поддерживать. Компенсация должна равняться потерям, иначе это не было бы хорошо и для самой Польши. Если, как говорил генералиссимус Сталин, немцы оставили земли к востоку и западу от Одера, то их следовало бы поощрить вернуться туда.

Во всяком случае, поляки не имеют права создавать катастрофического положения в продовольственном снабжении германского населения. Я еще раз хочу подчеркнуть эту точку зрения. Я хочу, чтоб генералиссимус понял наши затруднения так же, как, я надеюсь, мы поймем его затруднения.

Мы не желаем, чтобы на наших руках оставалось огромное число немецкого населения без всяких продовольственных ресурсов. Возьмем, например, огромное население в Рурском бассейне, в районе угольных копей. Это население находится в зоне английской оккупации. Если для них не будет поставлено достаточно продовольствия, то в нашей собственной зоне будет такое положение, как в немецких концентрационных лагерях.

Сталин. Все равно, Германия без импорта хлеба не обходилась и не обойдется.

Черчилль. Да, конечно, но она тем более не будет иметь возможности кормить себя, если у нее будут отняты восточные земли.

Сталин. Пусть покупают хлеб у Польши.

Черчилль. Мы не считаем, что эта территория является территорией Польши.

Сталин. Там живут поляки, они обработали поля. Мы не можем требовать от поляков, чтобы они обработали поля, а хлеб отдали немцам.

Черчилль. Кроме того, я должен указать на то, что условия в занятых поляками районах вообще являются очень странными. Например, мне сообщают, что поляки продают силезский уголь Швеции. Они это делают в то время, когда у нас в Англии ощущается недостаток угля и предстоит самая холодная и самая жестокая зима без топлива. Мы исходим из общего принципа, что снабжение продовольствием и топливом Германии в границах 1937 года должно распределяться пропорционально количеству ее населения и независимо от того, в какой зоне находятся это продовольствие и этот уголь.

Сталин. А кто будет добывать этот уголь? Немцы не добывают, добывают поляки, они работают.

Черчилль. Но они работают в Силезии.

Сталин. Оттуда все хозяева сбежали.

Черчилль. Они ушли потому, что испугались военных действий, но, так как теперь война окончилась, они могли бы вернуться обратно.

Сталин. Не хотят, и этому не очень сочувствуют поляки.

Черчилль. Я вчера был глубоко тронут словами генералиссимуса, когда он говорил о нежелательности заниматься настоящими и будущими проблемами, основываясь на чувстве мести. Я считаю поэтому, что мои сегодняшние мысли должны встретить его сочувствие, потому что было бы несправедливым, если бы такое громадное число немцев было направлено к нам, а поляки имели бы все преимущества.

Сталин. Я говорю о предпринимателях, которые сбежали из угольного бассейна. Мы сами теперь покупаем уголь у поляков, как шведы, потому что у нас в некоторых районах, например в Прибалтике, угля не хватает.

Трумэн. По-видимому, это совершившийся факт, что значительная часть Германии передана Польше для оккупации. Что же тогда остается для взимания репараций? Даже у нас в США не хватает угля. Однако, несмотря на это, мы посылаем в этом году в Европу 6,5 миллиона тонн угля. Я думаю, что эта часть Германии, а именно угольный бассейн, должна считаться остающейся за Германией как в отношении репараций, так и в отношении снабжения продовольствием. Я считаю, что поляки не имеют права взять себе эту часть Германии. Мы сейчас обсуждаем вопрос о будущих границах Польши. Но я считаю, что здесь мы не можем разрешить этого вопроса, он должен быть разрешен на мирной конференции.

Сталин. Кто же будет добывать там уголь? У нас, у русских, не хватает рабочих для своих предприятий. У немцев все рабочие ушли в армию — пропаганда Геббельса добилась своей цели. Остается либо остановить всякое производство, либо передать это дело полякам. Другого выхода нет. Что касается угля, я должен сказать, что у поляков в старых границах был свой угольный бассейн, очень богатый. К этому угольному бассейну присоединился угольный район Силезии, который находился у немцев. Работают там поляки. Мы не можем взять уголь, добытый поляками.

Черчилль. Копи в Силезии разрабатываются, насколько я понимаю, польскими рабочими. Нет возражений против того, чтобы эти копи действовали в качестве агентства Советского правительства в советской зоне оккупации, но не польского правительства в зоне, которая не предоставлена Польше для оккупации.

Сталин. Это нарушило бы все отношения между двумя дружественными государствами. Затем я прошу г-на Черчилля обратить внимание на тот факт, что немцы сами испытывают недостаток в рабочей силе. Большая часть предприятий, которую мы застали во время своего продвижения, обслуживалась иностранными рабочими — итальянскими, болгарскими, французскими, русскими, украинскими и др. Все это были рабочие, которые были насильственно угнаны немцами со своей родины. Когда русские войска пришли в эти районы, эти иностранные рабочие стали считать, что они свободны, и уехали на свою родину. Куда же девались германские рабочие? Они оказались в большей своей части мобилизованными в

германскую армию и либо перебиты во время войны, либо попали в плен.

Создалась ситуация, при которой большая германская промышленность работала при самом незначительном количестве германских рабочих и большом количестве иностранных рабочих. Когда эти иностранные рабочие были освобождены, они ушли и предприятия остались без рабочих. Сейчас положение таково, что надо либо эти предприятия закрыть, либо дать возможность работать на них местному населению, то есть полякам. Нельзя прогонять сейчас поляков. Такая обстановка сложилась стихийно. Винить тут, собственно, некого.

Эттли. Я хочу сказать несколько слов относительно настоящей ситуации с точки зрения оккупирующих Германию держав. Оставляя в стороне вопрос об окончательной границе между Польшей и Германией, мы видим, что перед нами лежит страна, в которой царит хаос и которая прежде составляла экономическую единицу. Перед нами страна, которая зависела в смысле снабжения продовольствием и отчасти углем от своих восточных районов, частично заселенных поляками. Я считаю, что ресурсы всей Германии 1937 года должны быть использованы для поддержания и снабжения всего германского населения, и если часть Германии будет отторгнута заранее, то это создаст большие затруднения для оккупирующих держав в западной и южной зонах.

Если требуется рабочая сила для восточных районов, то она должна быть найдена из числа населения остальной части Германии, среди той части германского населения, которая демобилизована или освобождена от работы в военной промышленности. И эта рабочая сила должна быть направлена туда, где она может принести наибольшую пользу для того, чтобы союзники не были поставлены в затруднительное положение в ближайшие месяцы.

Сталин. Может быть, г-н Эттли примет во внимание, что Польша тоже страдает от последствий войны и тоже является союзником?

Эттли. Да, но она оказалась в преимущественном положении.

Сталин. Перед Германией. Так оно и должно быть.

Эттли. Нет, в отношении остальных союзников.

Сталин. Это далеко не так.

Трумэн. Я хочу откровенно сказать то, что я думаю по этому вопросу. Я не могу согласиться с изъятием восточной части Германии 1937 года в смысле разрешения вопроса о репарациях и снабжения продовольствием и углем всего германского населения.

Черчилль. Мы не кончили еще с этим вопросом. Кроме того, у нас имеются, конечно, более приятные вопросы. (Смех).

Трумэн. Я предлагаю сейчас закрыть заседание; может быть, подумаем пока над этими вопросами. Это меня устраивает.

Сталин. Можно, меня это тоже устраивает.

Трумэн. Завтра заседание в пять часов.

Шестое заседание

22 июля 1945 г.

Трумэн открывает заседание.

Сталин. Я хочу сообщить, что сегодня советские войска начали отход в Австрии, им придется отойти в некоторых районах на 100 километров. Отход будет закончен 24 июля. В Вену уже вступили передовые отряды союзных войск.

Черчилль. Мы очень благодарны генералиссимусу, что он так быстро приступил к выполнению соглашения.

Трумэн. Американское правительство также выражает свою благодарность.

Сталин. Что ж тут благодарить, мы это обязаны сделать.

(Далее английская делегация доложила, что министры иностранных дел на своем утреннем заседании обсуждали следующие вопросы.

Первый вопрос — Ялтинская декларация об освобожденной Европе.

Министры рассмотрели меморандум, который был представлен делегацией США 21 июля. Этот меморандум касался трех вопросов: во-первых, наблюдение за выборами в некоторых европейских странах; во-вторых, создание благоприятных условий для представителей мировой

печати в освобожденных странах и бывших странах-сателлитах; в-третьих, процедура работы контрольных комиссий в Румынии, Болгарии и Венгрии.

Британская делегация выразила согласие с меморандумом США. Советская делегация не согласилась с предложением относительно наблюдения за проведением выборов.

Что касается второго и третьего вопросов — относительно представителей печати и процедуры для контрольных комиссий в Болгарии, Румынии и Венгрии, то было решено передать эти предложения на обсуждение подкомиссии в следующем составе: от США — Кэннон и Рассел, от СССР — Соболев, от Великобритании — Хейтер.

Советская делегация решила представить меморандум, показывающий недавние улучшения в статуте британских и американских представителей в контрольных комиссиях в Румынии, Болгарии и Венгрии. Советская делегация также согласилась подготовить меморандум относительно изменений, которые она считает необходимыми и желательными в связи с процедурой работы союзной комиссии в Италии.

Второй вопрос — экономические принципы в отношении Германии.

Был представлен доклад экономической подкомиссии. Делегация США попросила отложить обсуждение вопроса о репарациях до следующего заседания. Советская делегация предложила, чтобы были обсуждены те экономические принципы, которые были согласованы в подкомиссии. Министры иностранных дел решили поэтому обсудить только согласованные принципы и не касаться ни спорных принципов, ни вопроса о репарациях. Было решено, что вопрос о репарациях будет первым пунктом повестки дня заседания министров иностранных дел 23 июля.

Пункты 11, 12, 14, 15 и 17 были приняты при условии достижения соглашения по остальным пунктам, остающимся спорными.

Что касается остальных пунктов, то: по пункту 10 согласились исправить последнюю фразу, чтобы она звучала следующим образом:

«Производственные мощности, не нужные для промышленности, которая будет разрешена, должны быть либо

изъяты в соответствии с репарационным планом, рекомендованным межсоюзной репарационной комиссией и утвержденным заинтересованными правительствами, либо уничтожены, если не будут изъяты».

Пункты 13, 16 и 18 были отложены для дальнейшего обсуждения.

Министры решили рекомендовать следующую повестку дня для сегодняшнего заседания глав правительств:

1. Западная граница Польши — возобновление дискуссии.

2. Опека — вопрос перенесен со вчерашнего заседания глав правительств.

3. Турция — вопрос также перенесен со вчерашнего заседания.

4. Частичное изменение западной границы СССР — предложение советской делегации.

5. Иран — меморандум представлен делегацией Соединенного Королевства 21 июля.

Некоторые другие вопросы было решено передать на завтрашнее заседание министров иностранных дел. Эти вопросы следующие:

1. Сотрудничество в решении срочных европейских экономических проблем — предложение делегации США.

2. Директива глав правительств относительно контроля над Германией в соответствии с принципами, ими согласованными,— предложение делегации США.

3. Танжер — предложение советской делегации.

4. Сирия и Ливан — предложение советской делегации).

Трумэн. Согласны ли вы передать эти вопросы на обсуждение министров иностранных дел на их завтрашнем заседании?

Черчилль. Я не знаю, что это за предложения насчет Сирии и Ливана. Этот вопрос затрагивает нас больше, чем какое-либо другое государство. Моих коллег этот вопрос не затрагивает, ибо там вовлечены только британские войска. Конечно, у нас были затруднения с Францией по этому поводу. Мы готовы уйти из Сирии и Ливана, мы там ничего не ищем. Но сейчас это сделать невозможно, потому что за уходом англичан последуют убийства французов. Я хотел бы знать, что именно имеется в виду, прежде чем я смогу принять какое-либо решение. Может быть, это можно будет сделать здесь?

Сталин. Пожалуйста. Имеется в виду следующее. Было обращение к Советскому правительству правительства Сирии, чтобы мы вмешались в это дело. Известно, что мы обратились в свое время с нотой по этому вопросу к французскому, британскому и американскому правительствам. Мы бы хотели, чтобы нам дали соответствующую информацию по этому поводу, потому что это нас также интересует. Конечно, можно предварительно рассмотреть этот вопрос на заседании министров иностранных дел.

Черчилль. Я предпочел бы, чтобы первые три пункта были переданы на рассмотрение министров иностранных дел, но чтобы вопрос о Сирии и Ливане был обсужден здесь.

Сталин. Пожалуйста.

Трумэн. Мое предложение заключается в том, чтобы первые три вопроса были переданы министрам иностранных дел и чтобы вопрос о Сирии и Ливане был рассмотрен главами правительств после того, как мы обсудим вопросы, внесенные в нашу повестку дня.

Переходим к первому вопросу повестки дня — западная граница Польши.

Что касается точки зрения на этот вопрос американского правительства, то она была мною изложена вчера.

Черчилль. Я слышал, г-н президент, что вы сказали, что ваша точка зрения была изложена вчера. Я также ничего не имею добавить к тем взглядам, которые я уже выразил.

Трумэн. (К Сталину). У вас есть что-нибудь добавить?

Сталин. Вы с заявлением польского правительства ознакомились?

Трумэн. Да, я читал.

Черчилль. Это письмо Берута?

Сталин. Да, письмо Берута и Осубка-Моравского.

Черчилль. Да, я его прочитал.

Сталин. Все ли делегации остаются при своем прежнем мнении?

Трумэн. Это очевидно.

Сталин. Вопрос остается открытым.

Трумэн. Мы можем перейти к следующему вопросу?

Черчилль. Что это значит — остается открытым? Это значит, что ничего по этому поводу не будет предпринято?

Трумэн. Если вопрос остается открытым, мы можем его еще раз обсудить.

Черчилль. Можно надеяться, что этот вопрос созреет для обсуждения до нашего отъезда.

Сталин. Возможно.

Черчилль. Было бы очень жаль, если бы мы разошлись, не решив этого вопроса, который будет, безусловно, обсуждаться в парламентах всего мира.

Сталин. Тогда давайте уважим просьбу польского правительства.

Черчилль. Это предложение совершенно неприемлемо для британского правительства. Вчера я указал целый ряд причин, почему это предложение неприемлемо. Это не пойдет на благо Польши — иметь такую территорию. Это поведет к подрыву экономического положения Германии и возложит чрезвычайное бремя на оккупирующие державы в отношении снабжения западной части Германии продовольствием и топливом. У нас имеются, кроме того, некоторые сомнения морального порядка относительно желательности такого большого перемещения населения. Мы в принципе согласны на перемещение, но в той же пропорции, в которой будет перемещено население с востока от линии Керзона. Когда же речь идет о перемещении 8 или 9 миллионов людей, то мы считаем это неправильным. Сведения по этому вопросу очень разноречивы. По нашим данным, там имеется 8 или 9 миллионов людей; по советским данным, все эти люди оттуда ушли. Нам кажется, что, пока эти сведения не проверены, мы можем придерживаться своих цифр. Пока мы не имели возможности проверить, что там происходит в действительности. Я мог бы привести и другие причины, но не хочу утруждать конференцию.

Сталин. Я не берусь возражать против причин, приведенных г-ном Черчиллем, но ряд причин считаю наиболее важными.

О топливе. Говорят, что в Германии не остается топлива. Но у нее остается рейнская территория, там есть топливо. Никаких особых трудностей для Германии не будет, если от нее отойдет силезский уголь; основная топливная база Германии расположена на западе.

Второй вопрос — насчет перемещения населения. Ни 8, ни 6, ни 3, ни 2 миллионов населения в этих районах нет. Там люди либо были взяты в армию и затем погиб-

ли или взяты в плен, либо ушли из этих районов. Очень мало немцев осталось на этой территории. Но это можно проверить. Нельзя ли будет устроить так, чтобы заслушать мнение польских представителей относительно границы Польши?

Черчилль. Я не могу поддержать этого предложения в настоящее время, ввиду взгляда, выраженного президентом относительно вызова представителей Югославии.

Сталин. Пусть пригласят представителей Польши на Совет министров иностранных дел в Лондон и заслушают их там.

Трумэн. У меня нет возражений против этого.

Черчилль. Но, г-н президент, ведь Совет министров иностранных дел соберется только в сентябре.

Сталин. Ну вот тогда Совет и пригласит в Лондон представителей польского правительства.

Черчилль. Чтобы проверить информацию?

Сталин. К тому времени информацию соберут все три стороны.

Черчилль. Но это будет только означать передачу трудного вопроса с этой конференции Совету министров иностранных дел, а эта конференция может решить данный вопрос.

Сталин. Я тоже думаю, что может. Исходя из решения Крымской конференции, мы обязаны заслушать мнение польского правительства по вопросу о западной границе Польши.

Трумэн. Это правильно. Я думаю, что советское предложение насчет того, чтобы Совет министров иностранных дел пригласил представителей польского правительства в Лондон, следует принять. Но это, конечно, не исключает возможности обсуждения данного вопроса на настоящей конференции.

Сталин. Я предлагаю пригласить представителей польского правительства на Совет министров иностранных дел в Лондон в сентябре месяце и заслушать там их мнение.

Черчилль. Это другой вопрос. Я считал, что речь идет о проверке данных насчет численности немцев в этих районах.

Сталин. Речь идет о западной границе Польши.

Черчилль. Но как можно решать там вопрос о границе, когда этот вопрос должен быть решен на мирной конференции?

Трумэн. Я считаю, что будет полезно заслушать поляков на Совете министров иностранных дел в Лондоне.

Сталин. Правильно.

Черчилль. Я сожалею, что такой важный и срочный вопрос предоставляется решать органу, имеющему меньший авторитет, чем наша конференция.

Сталин. Тогда давайте пригласим поляков сюда и заслушаем их здесь.

Черчилль. Я предпочел бы это, так как вопрос является срочным. Однако нетрудно предвидеть, чего будут требовать поляки. Они, конечно, будут требовать больше того, на что мы можем согласиться.

Сталин. Но если мы пригласим поляков, они не будут обвинять нас в том, что мы решили вопрос, не заслушав их. Я хотел бы, чтобы такое обвинение против нас не могло быть выдвинуто со стороны поляков.

Черчилль. Я никаких обвинений против них и не выдвигаю.

Сталин. Не вы, а поляки скажут: решили вопрос о границе, не заслушав нас.

Черчилль. Я теперь понял.

Трумэн. Нужно ли решать этот вопрос так срочно? Повторяю, я думаю, что окончательное решение этого вопроса должно быть передано мирной конференции, сами мы не можем решить этого вопроса. Но я думаю, что обсуждение этого вопроса здесь было весьма полезно и оно не исключает и дальнейшего обсуждения. Я только не знаю, насколько этот вопрос срочен.

Сталин. Если он не срочный, тогда передадим этот вопрос Совету министров иностранных дел. Это не будет излишне.

Трумэн. Но это не исключает возможности обсуждать и далее этот вопрос здесь.

Черчилль. Г-н президент, относясь к вам с большим уважением, я хочу заметить, что этот вопрос имеет определенную срочность. Если решение вопроса будет отсрочено, то существующее положение будет закреплено. Поляки займутся эксплуатацией этой территории, они там закрепятся, и если этот процесс будет продолжаться, то потом будет очень трудно принять какое-либо другое решение. Поэтому я все еще надеюсь, что мы придем здесь к какому-то соглашению, чтобы мы знали, в каком состоянии находится польский вопрос.

Я не представляю себе, как этот вопрос может быть решен Советом Министров иностранных дел в Лондоне, если мы здесь не сумели прийти к соглашению. А если мы этот вопрос не решим, проблема продовольствия и топлива останется открытой и бремя снабжения германского населения продовольствием и топливом будет возложено на нас, прежде всего на англичан, так как их зона оккупации имеет наименьшие продовольственные ресурсы. Если же и Совет министров иностранных дел, заслушав поляков, не сможет прийти к соглашению, то вопрос будет отложен на неопределенное время. Между тем наступит зима, а соглашения еще не будет.

Я очень хотел бы пойти навстречу и найти выход из практических затруднений, о которых говорил вчера генералиссимус Сталин, из тех затруднений, которые возникли в ходе событий. Мы были бы готовы предложить на ваше рассмотрение компромиссное решение, которое действовало бы в промежуточный период — от настоящего времени до мирной конференции. Я предлагаю провести временную линию, на восток от которой территория была бы занята поляками, как часть Польши, до окончательного урегулирования вопроса на мирной конференции; а к западу от этой линии поляки, если они там окажутся, могли бы действовать в качестве представителей Советского правительства в зоне, предоставленной Советскому Союзу.

Я имел несколько бесед с генералиссимусом со времени Тегеранской конференции, и в общих чертах, мне кажется, мы согласились, что новая Польша должна передвинуть свои границы на запад до реки Одер. Но этот вопрос не такой простой. Различие во взглядах между генералиссимусом и мною заключается в том, что британское правительство, хотя оно и допускает, что Польша должна увеличить свою территорию, не хочет идти так далеко, как это делает Советское правительство. Когда я говорю о линии по реке Одер, то я имею в виду линию, о которой мы говорили два года тому назад в Тегеране, причем речь не шла о точном определении границы. Сейчас мы готовы предложить на рассмотрение конференции временную линию границы Польши. Если отложить этот вопрос до сентября и заставить Совет министров обсудить его с поляками, то это будет означать, что вопрос не будет решен раньше зимы. Я буду сожа-

леть, что мы в принципе не достигли соглашения по этому вопросу здесь. По-моему, если этот вопрос будет отложен и передан на обсуждение Совета министров иностранных дел с участием поляков, то никакой пользы от этого решения мы иметь не будем.

Наша позиция в отношении этой территории и этой линии совершенно ясна. Я хочу здесь найти практический выход из положения. Но если этот вопрос будет передан Совету министров иностранных дел, то его разрешение слишком затянется. Я не смотрю на этот вопрос как на безнадежный в смысле его разрешения здесь. Я уверен, что мы могли бы найти компромиссное решение. Мы могли бы отдать полякам все, что решим им дать, а остальную часть территории оставить под администрацией Советского правительства.

По-моему, бессмысленно оставлять этот вопрос без разрешения до сентября. Если мы не решим этот вопрос, то это будет означать неудачу нашей конференции.

Я повторяю еще раз: когда мы употребляли выражение «линия Одера», то имели в виду лишь приблизительную линию. Предлагаемую нами линию следует посмотреть на карте. В одном месте наша линия даже переходит через реку Одер.

Я обращаюсь к конференции с просьбой продолжить свои попытки добиться соглашения по этому вопросу, если не сегодня, то в другой день, потому что, если министры иностранных дел встретятся в сентябре и будет дискуссия с поляками, скажем, в течение двух недель, причем советская сторона будет придерживаться одного взгляда, а США и Великобритания — другого, этот вопрос опять может оказаться неразрешенным или мы добьемся его разрешения слишком поздно. Каково же будет положение того же Берлина? Берлин получает часть своего угля из Силезии.

Сталин. Берлин получает уголь не из Силезии, а из Торгау (Саксония), как он и раньше получал.

Черчилль. Вопрос об угле для Берлина очень важен, так как этот город находится под нашей общей оккупацией.

Сталин. Из Рура пусть берут, из Цвиккау.

Черчилль. Это так называемый бурый уголь?

Сталин. Нет, это хороший каменный уголь. Бурый уголь хорошо используется в брикетах, а у немцев есть

хорошие брикетные фабрики. Всякие возможности имеются у них.

Черчилль. Я только говорю, что часть угля для Берлина получали из Силезии.

Сталин. До того, как британские войска заняли район Цвиккау, немцы брали уголь для Берлина оттуда. После отхода союзных войск из Саксонии на запад Берлин брал уголь из Торгау.

Трумэн. Если разрешите, я еще раз хочу изложить позицию США по этому вопросу.

Сталин. Пожалуйста.

Трумэн. Я хочу привести здесь выдержки из решения Крымской конференции.

«Главы трех правительств считают, что восточная граница Польши должна идти вдоль линии Керзона с отступлениями от нее в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши. Главы трех правительств признают, что Польша должна получить существенное приращение территории на севере и на западе. Они считают, что по вопросу о размерах этих приращений в надлежащее время будет спрошено мнение нового польского правительства национального единства и что, вслед за тем, окончательное определение западной границы Польши будет отложено до мирной конференции».

Это соглашение было достигнуто президентом Рузвельтом, генералиссимусом Сталиным и премьер-министром Черчиллем. Я согласен с этим решением. И я хорошо понимаю те затруднения, о которых генералиссимус Сталин говорил вчера. Я также хорошо понимаю затруднения в отношении снабжения продовольствием и топливом, о которых говорил вчера премьер-министр Черчилль. Но я думаю, что эти затруднения нисколько не меняют сути дела.

Сталин. Если вам не надоело обсуждать этот вопрос, я готов выступить еще раз. Я тоже исхожу из того решения Крымской конференции, которое сейчас цитировал президент. Из точного смысла этого решения вытекает, что после того, как образовалось правительство национального единства в Польше, мы должны были получить мнение нового польского правительства по вопросу о западной границе Польши. Польское правительство свое мнение сообщило. Теперь у нас две возможности: либо

утвердить мнение польского правительства о западной границе Польши, либо, если мы не согласны с польскими предложениями, мы должны заслушать польских представителей и только после этого решить вопрос.

Я считаю целесообразным решить вопрос на нашей конференции и, так как нет единого мнения с польским правительством, пригласить сюда его представителей и заслушать их. Но здесь высказывалось мнение, что не стоит приглашать поляков на эту конференцию. Если это так, тогда можно передать вопрос в Совет министров иностранных дел.

Я хотел бы напомнить г-ну Черчиллю и другим, которые присутствовали на Крымской конференции, о том мнении, которое было тогда высказано президентом Рузвельтом и премьер-министром Черчиллем и с которым я не согласился. Г-н Черчилль говорил о линии западной границы Польши по Одеру, начиная от его устья, затем следуя все время по Одеру, до впадения в Одер р. Нейсе, восточнее ее. Я отстаивал линию западнее Нейсе. По схеме президента Рузвельта и г-на Черчилля, Штеттин, а также Бреслау и район западнее Нейсе оставались за Германией. (Показывает по карте.)

Здесь рассматривается вопрос о границах, а не о временной линии. Этого вопроса обходить нельзя. Если бы вы были с поляками согласны, можно было бы принять решение, не приглашая сюда представителей польского правительства. Но так как вы с мнением польского правительства не согласны и хотите внести поправки, было бы хорошо, чтобы мы пригласили сюда поляков и заслушали их мнение. Это — вопрос принципиальный.

Черчилль. Я хотел бы от имени британского правительства снять свое возражение против вызова сюда поляков, чтобы попытаться добиться принятия какого-либо практического решения, действие которого продолжалось бы до окончательного урегулирования вопроса на мирной конференции.

Трумэн. У меня нет никаких возражений против того, чтобы вызвать представителей польского правительства сюда. Они могут переговорить здесь с нашими министрами иностранных дел.

Сталин. Правильно.

Черчилль. И тогда результаты переговоров с ними могли бы быть представлены главам правительств.

Сталин. Правильно, правильно.

Черчилль. Кто пошлет им приглашение?

Сталин. По-моему, председатель.

Трумэн. Хорошо. Переходим к следующему вопросу. Я думаю, что у советской делегации есть предложения относительно опеки.

(Излагая свои предложения по вопросу об опеке, советская делегация заявила, что то, что сформулировано в ее предложениях, представленных в письменном виде, вытекает из решений конференции в Сан-Франциско. Она указала далее, что, поскольку основной вопрос относительно опеки был решен Уставом Организации Объединенных Наций, перед конференцией глав правительств стоит конкретный вопрос о территориях. Советская делегация высказала мнение, что конференция вряд ли смогла бы детально рассмотреть этот вопрос, однако она могла бы, во-первых, обсудить вопрос о колониальных владениях Италии в Африке и на Средиземном море и, во-вторых, вопрос о территориях, которые носят мандат Лиги наций. Советская делегация указала, что в ее предложениях изложены два варианта возможного разрешения вопроса о бывших итальянских колониях. Она предложила передать этот вопрос на рассмотрение совещания министров иностранных дел).

Черчилль. Конечно, возможно иметь обмен мнениями по любому вопросу, но если окажется, что стороны разошлись в своих взглядах, то результатом будет только то, что мы имели приятное обсуждение. Мне кажется, что вопрос о мандатах был решен в Сан-Франциско.

Трумэн. Разрешите зачитать статью из Устава Организации Объединенных Наций, в которой рассматривается вопрос об опеке.

«1. Система опеки распространяется на такие территории из нижеперечисленных категорий, которые могут быть включены в нее соглашениями об опеке:

a) территории, находящиеся под мандатом,

b) территории, которые могут быть отторгнуты от вражеских государств в результате второй мировой войны, и

c) территории, добровольно включенные в систему опеки государствами, ответственными за их управление.

2. Вопрос о том, какие из территорий вышеперечисленных категорий должны быть включены в систему опе-

ки и на каких условиях, будет предметом последующего соглашения».

Я думаю, что советские предложения относятся ко второму пункту этой статьи. Я согласен с предложением советской делегации, чтобы этот вопрос был передан на обсуждение министров иностранных дел.

Черчилль. Мы согласились с тем, что было принято в Сан-Франциско, но не более того. Так как вопрос об опеке находится в руках международной организации, я сомневаюсь в желательности обмена мнениями по этому вопросу здесь.

Трумэн. Я думаю, что здесь будет вполне уместно рассмотреть этот вопрос так же, как и вопрос о Польше или любой другой вопрос.

Черчилль. Вопрос о Польше не рассматривался международной организацией.

Мы выразили нашу точку зрения по вопросу об опеке в Ялте секретно и в Сан-Франциско открыто. Наша позиция ясна и не может быть изменена.

Трумэн. Позиция Великобритании полностью обеспечивается другой статьей Устава Организации Объединенных Наций, и я не вижу оснований, почему этот вопрос не может быть здесь рассмотрен.

Сталин. Из печати, например, известно, что г-н Иден, выступая в английском парламенте, заявил, что Италия потеряла навсегда свои колонии. Кто это решил? Если Италия потеряла, то кто их нашел? (Смех). Это очень интересный вопрос.

Черчилль. Я могу на это ответить. Постоянными усилиями, большими потерями и исключительными победами британская армия одна завоевала эти колонии.

Сталин. А Берлин взяла Красная Армия. (Смех).

Черчилль. Я хочу закончить свое заявление, потому что г-н президент ставит под вопрос слова «британская армия одна завоевала». Я имею в виду следующие итальянские колонии: Итальянское Сомали, Эритрея, Киренаика и Триполи, которые мы завоевали одни в очень трудных условиях.

Однако мы не ищем территориальных приобретений. Мы не хотим извлекать выгоды из этой войны, хотя мы и понесли большие потери. Конечно, что касается человеческих жертв, то они не являются такими большими, как те жертвы, которые понес Советский Союз и его храбрые

войска. Однако из этой войны мы вышли большими должниками США. Мы никогда не сможем иметь ту же силу на море, как США. Во время войны мы построили только один линкор, а потеряли десять. Однако, несмотря на все эти потери, мы не имеем никаких территориальных претензий. Поэтому мы без всяких задних мыслей подходим к вопросу о подопечных территориях.

Теперь относительно заявления, сделанного Иденом в парламенте, в котором он сказал, что Италия потеряла свои колонии. Это не означает, что Италия не имеет права претендовать на эти колонии. Это не исключает обсуждения, во время подготовки мирного договора с Италией, вопроса о том, не следует ли вернуть Италии часть ее бывших колоний. Я не поддерживаю такое предложение, но мы не возражаем против обсуждения вопроса о колониях ни на Совете министров иностранных дел, когда он будет заниматься подготовкой мирного договора с Италией, ни, конечно, на мирной конференции по окончательному урегулированию.

Я должен сказать, что, когда я посетил Триполи и Киренаику, я видел работу, проделанную итальянцами по подъему и обработке земель; она — замечательна, несмотря на тяжелые условия. Я хочу сказать, что хотя мы не стоим за то, чтобы возвратить Италии ее африканские колонии, в то же время мы не исключаем возможности обсуждения этого вопроса. В настоящее время все эти колонии находятся в наших руках. Кто хочет их иметь? Если есть за этим столом претенденты на эти колонии, было бы хорошо, чтобы они высказались.

Трумэн. Нам они не нужны. Мы имеем у себя достаточное количество бедных итальянцев, которых нужно кормить.

Черчилль. Мы рассматривали вопрос о том, не подойдут ли некоторые из этих колоний для расселения евреев. Но мы считаем, что для евреев там не было бы удобно поселиться.

Конечно, мы имеем большие интересы на Средиземном море и всякое изменение статус-кво в этом районе потребовало бы от нас долгого и тщательного изучения.

Мы не вполне понимаем, чего хотят наши русские союзники.

Сталин. Мы хотели бы знать, считаете ли вы, что Италия потеряла свои колонии навсегда. Если вы считаете,

что она потеряла эти колонии, то каким государствам мы передадим их под опеку? Мы хотели бы это знать. Если об этом говорить рано, мы можем подождать, но когда-нибудь об этом придется сказать.

Черчилль. Конечно, мы должны решить вопрос о том, следует ли отобрать у Италии ее колонии, на что мы имеем полное право.

Сталин. Этот вопрос еще нужно решить.

Черчилль. А если они будут отобраны, на что мы имеем полное право, то нужно будет решить вопрос о том, кому они будут переданы под опеку. Вопрос о том, какие колонии должны быть взяты у Италии, подлежит разрешению на мирной конференции, а вопрос о дальнейшем управлении этими территориями подлежит ведению международной организации.

Сталин. Можно ли понять г-на Черчилля так, что данная конференция не правомочна рассмотреть этот вопрос?

Черчилль. Наша конференция решить этого вопроса не может, его должна решить мирная конференция. Но, конечно, если наша «тройка» достигнет соглашения, это будет иметь важное значение.

Сталин. Я не предлагаю решить, а предлагаю рассмотреть этот вопрос. Я думаю, что наша конференция, конечно, правомочна рассмотреть этот вопрос.

Черчилль. Мы рассматриваем этот вопрос сейчас. Я не возражаю, если генералиссимус скажет, чего он хочет, и я согласен немедленно изучить этот вопрос.

Сталин. Дело не в генералиссимусе, а дело в том, что вопрос не рассмотрен и надо его рассмотреть.

Черчилль. Какой именно вопрос?

Сталин. Вопрос, который внесен советской делегацией.

Трумэн. Я согласен с предложением советской делегации передать этот вопрос на обсуждение министров иностранных дел.

Сталин. Это — другое дело.

Трумэн. У нас нет возражений против этого предложения.

Черчилль. Я тоже не возражаю, за исключением того, что мы все вопросы передаем нашим министрам.

Трумэн. Это вполне естественно.

Черчилль. Мне кажется, что есть много более срочных вопросов, которые следовало бы разрешить, пока мы

находимся здесь. Мы решили, что вопрос о мирном договоре с Италией будет рассмотрен Советом министров иностранных дел в сентябре в первую очередь, и тогда автоматически встанет вопрос о том, что делать с этими итальянскими колониями. Я против того, чтобы обременять наших министров иностранных дел еще и этим вопросом. Но можно будет внести этот вопрос в повестку дня, если у министров окажется время заняться этим вопросом.

Сталин. Передадим министрам.

Трумэн. Я поддерживаю это предложение.

Черчилль. Передадим этот вопрос министрам иностранных дел, но с условием, что это не замедлит их работу по более срочным вопросам.

Сталин. Нет уж, без таких оговорок. С такими оговорками вопроса не передают. Либо передать, либо не передавать.

Черчилль. Если вы настаиваете, то я уступаю.

Трумэн. Передаем этот вопрос на рассмотрение министров иностранных дел. <...>

(Затем советская делегация передала делегациям США и Англии предложения относительно Кёнигсбергской области).

Трумэн. Я хочу предложить передать этот вопрос на обсуждение министров иностранных дел.

У меня есть еще один вопрос. Мы уже договорились относительно приглашения сюда представителей польского правительства. Я думаю, что корреспонденты будут стремиться узнать, для чего вызываются представители польского правительства, и мне кажется, что будет целесообразно дать коммюнике по этому поводу.

Сталин. До приезда поляков?

Трумэн. Да, до приезда.

Сталин. По-моему, можно.

Черчилль. Это против принципа, которого мы до сих пор придерживались.

Сталин. Все равно, можно дать коммюнике, можно и не давать. Я согласен на то и на другое.

Черчилль. Указать ли цель приезда?

Сталин. Мне кажется, цель указывать не надо.

Черчилль. Я прошу не указывать цели приезда.

Трумэн. Принимаем без указания цели.

Сталин. Хорошо.

(Затем советская делегация сделала сообщение о лагере советских военнопленных в Италии. Она указала, что речь идет о находящемся под контролем британских властей лагере № 5 в районе города Чельзинатика, где находятся главным образом украинцы. Советская делегация сообщила, что первоначально британскими властями было заявлено о том, что в лагере содержится 150 человек, но когда советский представитель посетил этот лагерь, то там оказалось 10 тысяч украинцев, из которых английское командование составило целую дивизию. Было организовано 12 полков, в том числе полк связи и саперный батальон. Офицерский состав был назначен главным образом из бывших петлюровцев, которые раньше находились на командных постах в германской армии. Советская делегация указала в заключение, что при появлении советского офицера в этом лагере 625 человек изъявили желание немедленно возвратиться в Советский Союз).

Черчилль. Мы приветствуем всякое наблюдение с вашей стороны. Я потребую специальный доклад по телеграфу. Возможно, что там было много поляков.

Сталин. Нет, там были только украинцы, советские подданные.

Черчилль. Когда все это приблизительно случилось?

Сталин. Мы сегодня получили телеграмму, а случилось это в последние месяцы.

Черчилль. Я ничего об этом не слыхал до сих пор.

(**Трумэн** закрывает заседание и назначает следующее заседание на завтра в 5 часов).

Седьмое заседание

23 июля 1945 г.

(**Трумэн** открывает заседание.

Докладывая о заседании министров иностранных дел, советская делегация сообщила, что на повестке дня сегодняшнего заседания министров стояли следующие вопросы:

1. Репарации с Германии, Австрии и Италии.

Народный комиссар иностранных дел СССР передал государственному секретарю США и министру иностранных дел Великобритании проекты советской делегации о репарациях с Германии и об авансовых поставках из Германии в счет репараций.

Было решено поручить экономической комиссии предварительно рассмотреть оба проекта, а затем обсудить их на следующем заседании трех министров.

2. Экономические принципы в отношении Германии.

Обсуждению подверглись пункты 13, 18 и предложенный советской делегацией новый 19-й пункт. Советская делегация заявила, что она снимает поправку, предложенную ею по пункту 13-му, и предложила снять пункт 18-й с тем, чтобы затрагиваемые этим пунктом вопросы были обсуждены союзными органами в Германии и после этого разрешены Контрольным советом или, в случае недостижения соглашения в Контрольном совете, — по договоренности между правительствами. Соглашения достигнуто не было, и было решено передать вопрос о пункте 18-м на разрешение глав трех правительств.

Что касается предложенного советской делегацией нового пункта 19, то государственный секретарь США заявил о неприемлемости этого пункта для США. Советская делегация предложила альтернативный проект пункта 19-го, согласно которому утвержденный Контрольным советом экспорт из Германии для покрытия импорта должен выполняться в первую очередь по сравнению со всеми другими поставками. Во всех других случаях приоритет предоставляется репарациям. Соглашение не было достигнуто, и было решено передать этот вопрос на разрешение глав трех правительств.

3. О Совете министров иностранных дел.

Представленный редакционной комиссией проект утвержден без поправок.

4. О подопечных территориях.

Обсуждался проект советской делегации. Министр иностранных дел Великобритании заявил, что в первую очередь должен быть разрешен вопрос о том, будут ли итальянские колонии отторгнуты от Италии и какие именно. Этот вопрос должен быть решен при составлении мирного договора с Италией. Вопрос о том, кому должна быть поручена опека над всеми бывшими итальян-

скими колониями, которые будет решено отторгнуть от Италии, должен быть решен международной организацией Объединенных Наций. Государственный секретарь США предложил отложить решение этого вопроса до заключения мирного договора с Италией, когда будут решаться все территориальные вопросы, касающиеся Италии. Народный комиссар иностранных дел СССР предложил передать советский меморандум на рассмотрение первого заседания Совета министров иностранных дел в Лондоне в сентябре с. г. Английский министр заявил, что, по его мнению, нет надобности передавать советский меморандум Совету министров иностранных дел, так как при выработке мирного договора с Италией вопрос об итальянских колониях встанет автоматически. Народный комиссар иностранных дел СССР просил принять к сведению, что вопросы, затронутые в советском меморандуме, будут поставлены Советским правительством на сентябрьском заседании Совета министров иностранных дел в Лондоне.

5. О директивах союзным главнокомандующим в Германии.

Условились довести до сведения всех главнокомандующих союзными оккупационными войсками в Германии все касающиеся их решения конференции после согласования этих решений с Временным правительством Французской республики.

Решено создать для этой цели комиссию в следующем составе: от США — Мэрфи и Риддлберджер; от Великобритании — Стрэнг и Хэриссон; от СССР — Гусев и Соболев.

6. О сотрудничестве в разрешении срочных европейских экономических проблем.

Для предварительного рассмотрения меморандума, представленного делегацией США, было решено создать комиссию в составе: от США — Клейтон и Поули; от Великобритании — Брэнд и Коулсон; от СССР — Арутюнян и Геращенко.

7. О Танжере.

Обсуждался советский проект.

Решено:

1) Принять первый абзац проекта советской делегации, а именно следующее:

«Рассмотрев вопрос о зоне Танжера, мы условились,

что эта зона, включающая г. Танжер и прилегающий к нему район, ввиду ее особого стратегического значения, должна остаться международной».

2) Весь вопрос о Танжере обсудить в ближайшее время на совещании представителей четырех держав — СССР, США, Великобритании и Франции — в Париже.

8. Утверждение текста обращения к правительствам Китая и Франции.

Решено послать обращение за 48 часов до опубликования коммюнике о результатах конференции.

9. О повестке дня заседания глав трех правительств 23 июля.

Условились рекомендовать главам трех правительств следующую повестку дня:

1) О черноморских проливах и других международных внутренних водных путях.

2) О районе Кёнигсберга.

3) О Сирии и Ливане.

4) Об Иране).

<...> **Трумэн.** Разрешите мне изложить свои взгляды в отношении черноморских проливов и международных внутренних водных путей вообще.

Наша позиция в этом вопросе такова: мы считаем, что конвенция в Монтрё должна быть пересмотрена. Мы думаем, что черноморские проливы должны стать свободным водным путем, открытым для всего мира, и право свободного прохода через проливы для всех судов должно быть гарантировано всеми нами. Я много думал над этим вопросом. Откуда возникают все эти войны? За последние 200 лет все они начинались в районе между Средиземным и Балтийским морями, между восточными границами Франции и западными границами России. II последний раз мир во всем мире был нарушен в первую очередь Германией. Я думаю, что долгом нашей конференции, а также будущей мирной конференции является недопущение повторения подобных явлений.

Сталин. Правильно.

Трумэн. Я полагаю, что мы в значительной мере поможем достижению этой цели, если установим и гарантируем, что водные пути сообщения будут свободны для всех наций.

Сталин. Например, какие?

Трумэн. У меня есть предложение относительно свободы путей сообщения, и я думаю, что мы должны постараться добиться такого положения, при котором Россия, Англия и все другие государства получат свободный доступ ко всем морям мира. Вот это предложение. (*Передает проект предложения.*)

Наш проект предусматривает установление свободной и неограниченной навигации по всем международным внутренним водным путям. Правительство США считает, что такая свободная и неограниченная навигация должна быть установлена по таким внутренним водным путям, которые проходят по территории двух или более государств, и что она должна регулироваться международными органами, в которых будут представлены все заинтересованные государства.

Мы считаем, что такие органы следует создать как можно скорее. В первую очередь необходимо создать временные навигационные органы для Дуная и Рейна. Функциями этих временных органов должны быть восстановление и развитие навигационных средств на указанных реках, наблюдение за речным судоходством в интересах обеспечения равных возможностей для граждан различных национальностей и установление единых правил для использования этих средств, а также правил навигации, таможенных и санитарных формальностей и другие подобные вопросы. Членами этих органов должны быть Соединенные Штаты, Соединенное Королевство, Советский Союз, Франция и суверенные прибрежные государства, признанные правительствами этих держав.

Я думаю, что такая же процедура должна быть применена к Кильскому каналу, и в том же духе должна быть изменена конвенция в Монтрё. Таким образом, у нас будет свободный обмен в этих районах.

Я вношу эти предложения потому, что в течение ближайших 25 лет не хочу участвовать еще в одной войне, которая возникла бы из-за проливов или Дуная.

Наше желание — видеть Европу свободной и экономически здоровой, которая будет содействовать процветанию Советского Союза, Англии, Франции и всех других государств и с которой Соединенные Штаты смогут торговать на равных правах и к взаимной выгоде. Я думаю, что наше предложение может явиться шагом вперед в этом направлении.

Черчилль. Я энергично поддерживаю предложение относительно исправления конвенции в Монтрё для того, чтобы обеспечить Советской России свободный и беспрепятственный проход через проливы ее торгового и военного флота как в мирное, так и в военное время. Я полностью согласен с президентом и с его предложением относительно того, что свободный режим в этих проливах должен быть гарантирован всеми нами. Гарантия великих держав и заинтересованных государств безусловно будет эффективной.

Что касается других водных путей, упомянутых президентом, то мы в принципе согласны с общими линиями заявления президента. Мы согласны также с предложением президента относительно того, чтобы Кильский канал был свободным и открытым, гарантированным всеми великими державами. Мы также придаем большое значение свободной навигации по Дунаю и Рейну.

Трумэн. Нет никакого сомнения относительно общности наших взглядов по вопросу об исправлении конвенции в Монтрё.

Черчилль. А также относительно целей, ради которых нужно ее исправить.

Сталин. Нужно вчитаться в предложения президента, на слух тут не все поймешь. Может быть, пока перейдем к другим вопросам?

Трумэн. Следующий вопрос повестки дня — это вопрос о передаче Советскому Союзу района Кёнигсберга в Восточной Пруссии. Советский документ по этому вопросу был передан вчера.

Сталин. Президент Рузвельт и г-н Черчилль еще на Тегеранской конференции дали свое согласие на этот счет, и этот вопрос был согласован между нами. Мы бы хотели, чтобы эта договоренность была подтверждена на данной конференции.

Трумэн. В принципе я согласен. Я только прошу дать мне возможность изучить условия, но я уверен, что никаких возражений с нашей стороны не будет. Я согласен с тем, что Россия должна получить определенные районы этой территории

Сталин. Хорошо.

Черчилль. Генералиссимус совершенно правильно отметил, что вопрос этот был поднят еще в Тегеране, а потом мы обсудили его снова в октябре 1944 года.

Сталин. В Москве.

Черчилль. Да, это было в Москве, и это было в связи с разговором относительно линии Керзона.

Сталин. Правильно.

Черчилль. 15 декабря 1944 года я выступил по этому поводу в парламенте. Я разъяснил, что британское правительство симпатизирует советской точке зрения. Единственный вопрос, который возникает, — это юридическая сторона передачи этого района. Советский проект, который здесь представлен, как будто требует, чтобы мы признали, что Восточной Пруссии больше не существует и что район Кёнигсберга не находится под контролем Союзного контрольного совета в Германии.

Что касается британского правительства, то мы поддерживаем желание Советского правительства включить эту территорию в состав Советского Союза. Я это заявляю в принципе. Мы, конечно, еще не рассмотрели точную линию по карте. Но я еще раз заверяю Советское правительство о нашей постоянной поддержке русской позиции в этой части света.

Сталин. Мы большего и не предлагаем. Для нас достаточно, если американское правительство и правительство Великобритании в принципе одобряют это предложение.

Черчилль. Согласен.

Трумэн. Согласен.

Черчилль. Потребуется маленькое исправление этого документа. Если это будет частью коммюнике по окончании конференции, то я предлагаю более общую редакцию этого документа.

Сталин. Я не возражаю.

Трумэн. Таким образом, мы в принципе соглашаемся с проектом предложения советской делегации.

Следующий вопрос повестки дня — это вопрос о Сирии и Ливане.

Черчилль. В настоящее время бремя поддержания порядка и мира в Сирии и Ливане целиком упало на наши плечи. Мы не имеем ни намерения, ни желания получить какие-либо преимущества в этих странах, за исключением тех, которыми пользуются и другие страны. В то время, когда мы вступили в Сирию и Ливан, чтобы выкинуть оттуда немцев и войска Виши, мы пришли с Францией к соглашению, по которому мы должны были при-

знать самостоятельность Сирии и Ливана. Ввиду длительных исторических связей между Францией и этими странами, мы заявили, что не стали бы возражать, если бы Франция имела там преимущественное положение, при условии достижения соглашения с новыми самостоятельными правительствами этих стран.

Мы сообщили де Голлю, что, как только Франция заключит договор с Сирией и Ливаном, который будет удовлетворительным для этих стран, мы немедленно отведем наши войска. Если бы мы сейчас отвели наши войска, то последовала бы резня французских граждан и небольшого количества французских войск, которые там находятся. Мы не хотели бы, чтобы это случилось, так как это вызвало бы большое беспокойство среди арабов, а это нарушило бы, может быть, мир и спокойствие в Саудовской Аравии и Ираке. Начало таких беспорядков в этой части света повлекло бы за собой возникновение беспорядков и в Египте. Не могло быть худшего момента для таких беспорядков среди арабов, чем сейчас, потому что линия коммуникаций с Суэцким каналом была бы поставлена под угрозу, а через эту линию идут вооружения и подкрепления для войны на Дальнем Востоке. Линия коммуникаций для ведения войны против Японии имеет важное значение не только для Великобритании, но также и для США.

Генерал де Голль поступил очень неразумно в этом районе; вопреки нашим советам и нашим просьбам он послал туда на корабле 500 человек, и их появление послужило поводом для беспорядков, которые не прекратились до сих пор. Как это было глупо, ибо что могли сделать эти 500 человек. Однако их появление послужило искрой для возникновения беспорядков.

Эти беспорядки, направленные против французов, немедленно вызвали беспокойство в Ираке, правительство и народ которого хотели прийти на помощь Сирии. Весь арабский мир пришел в волнение из-за этого события. Однако теперь генерал де Голль согласился передать так называемые специальные войска правительству Сирии.

Я надеюсь, что мы достигнем если не соглашения, то урегулирования этого вопроса с французами, которое гарантировало бы независимость Сирии и Ливана и обеспечило бы Франции некоторое признание ее культурных и коммерческих интересов.

Позвольте мне еще раз повторить здесь, что Великобритания не желает оставаться там ни одного дня дольше, чем это необходимо. Мы будем очень рады освободиться от этой неблагодарной работы, которую мы взяли на себя в интересах союзников.

Ввиду того, что этот вопрос касается только Франции и нас, а также, конечно, Сирии и Ливана, мы не приветствуем предложения о созыве конференции, в которой участвовали бы, наряду с Великобританией и Францией, США и Советский Союз и приняли бы совместное решение. Все бремя лежало на нас, мы действовали одни без всякой помощи, за исключением некоторой помощи со стороны Франции, но мы действовали в интересах всех. Поэтому мы не хотели бы, чтобы этот вопрос рассматривался на специальной конференции. Конечно, если бы США захотели занять наше место, то мы бы только приветствовали это.

Трумэн. Нет, спасибо. (Смех.)

Когда возник этот спор между Францией и Сирией и Ливаном, между мною и премьер-министром была переписка по этому вопросу. Когда премьер-министр сообщил мне, что в распоряжении Великобритании там имеется достаточно войск, чтобы поддержать мир в этом районе, я просил его сделать все необходимое для поддержания этого мира потому, что мы тоже интересуемся линиями коммуникаций с Дальним Востоком через Суэцкий канал. Может быть, у нас здесь имеются небольшие разногласия с премьер-министром.

Мы считаем, что ни одному государству не должны быть предоставлены преимущества в этих районах. Эти районы должны быть одинаково доступными для всех государств. Мы считаем также, что Франция не должна иметь никаких специальных преимуществ перед другими государствами.

Сталин. Я так понял, что США не признают никаких преимуществ Франции в Сирии и Ливане.

Трумэн. Да.

Черчилль. Наша позиция такова, что мы желали бы, чтобы Франция имела там преимущества, потому что мы обещали ей это, когда наше государство было слабо и мы должны были воевать там с немцами. Но это касается только нас, и мы, конечно, не имеем возможности и права связывать других. Кроме того, мы не обязались

уж слишком стараться, чтобы Франция сохранила там свои привилегии. Если Франция сможет получить такие привилегии, мы не будем возражать, мы будем даже милостиво взирать на ее достижения.

Сталин. От кого французы могут получить эти привилегии?

Черчилль. От республик Сирии и Ливана.

Сталин. Только от них?

Черчилль. Только от них. Французы имеют там свои школы, археологические институты и т. д. Многие французы живут там давно, и у них есть даже песенка «Поедем в Сирию». Они говорят, что их претензии относятся ко временам крестовых походов. Но мы не намерены из-за этого ссориться с великими державами.

Трумэн. Мы хотим, чтобы в этих районах были равные права для всех государств.

Черчилль. И вы, г-н президент, будете препятствовать Сирии предоставить специальные права французам?

Трумэн. Конечно, не буду препятствовать, если сирийцы пожелают это сделать. Но я сомневаюсь, чтобы у них было такое желание. (Смех.)

Сталин. Русская делегация благодарит г-на Черчилля за информацию и снимает свое предложение.

Черчилль. Я благодарен генералиссимусу.

Трумэн. Я тоже благодарен.

Переходим к следующему вопросу. Это вопрос об Иране. У г-на Черчилля имеется предложение по этому вопросу.

Черчилль. Мы передали делегациям документ по этому вопросу и были бы рады узнать, какова позиция великих держав.

Трумэн. Что касается нас, мы уже давно были готовы отвести наши войска из Ирана, но у нас есть там большое количество различных материалов, которое мы хотим использовать для ведения войны на Тихом океане.

Сталин. Русская делегация считает, что Тегеран во всяком случае можно было бы освободить.

Черчилль. Мне хотелось бы перейти также и к остальным двум пунктам, чтобы с этим проектом можно было покончить. Об указании в договоре срока. В договоре указано, что не позже шести месяцев по окончании военных действий войска должны быть выведены из Ирана. К настоящему времени прошло только два с половиной меся-

ца после окончания войны. Но мы обещали иранцам, что, как только кончится война с Германией, войска будут отведены.

Я предлагаю так: отвести войска немедленно из Тегерана, а вопрос о дальнейшем отводе войск обсудить в сентябре на Совете министров иностранных дел.

Сталин. Не возражаю.

Трумэн. Мы будем продолжать отводить наши войска из Ирана, потому что там есть войска, которые нам понадобятся на Тихом океане.

Сталин. Это, конечно, ваше право. Мы со своей стороны обещаем, что никаких действий против Ирана со стороны наших войск не будет предпринято.

Трумэн. У меня нет возражений против того, чтобы передать этот вопрос на рассмотрение Совета министров иностранных дел в Лондоне.

Черчилль. У нас имеется еще вопрос о Вене. Я хотел бы сказать здесь относительно зон оккупации, которые предоставлены британским и американским войскам в Вене. Что касается британской зоны, то оказывается, что в этой зоне проживает 500 тысяч населения и, так как источники снабжения Вены продовольствием находятся к востоку от города, мы не можем принять на себя питание этих полумиллиона людей. Поэтому мы предлагаем прийти к временному соглашению, чтобы русские снабжали продовольствием это население до тех пор, пока будет выработано более постоянное соглашение. Фельдмаршал Александер сделает заявление относительно действительного положения.

Александер. Положение такое, как это было сейчас изложено премьер-министром. В нашей зоне имеется полмиллиона жителей. Я не имею продовольствия, которое могло бы быть отправлено из Италии. Имеются небольшие запасы в Клагенфурте, но этих запасов хватило бы на три недели или, самое большее, на один месяц. Поэтому если бы мы приняли на себя обязательство кормить это население, то продовольствие пришлось бы доставлять из США.

Трумэн. В нашей зоне около 375 тысяч населения. Наши корабли занимаются сейчас перевозкой грузов для военных действий против Японии, доставкой продовольствия в Европу и некоторых материалов в СССР. У нас ощущается недостаток в транспортных средствах, так

что нам было бы затруднительно снабжать даже население нашей зоны.

Сталин. А как с французской зоной?

Александер. Мне это неизвестно.

Сталин. Разрешите мне переговорить с маршалом Коневым. Я думаю, что можно было бы на месяц отсрочить передачу снабжения венского населения нашим союзникам. На какое время понадобится организовать это снабжение — до нового урожая, или как?

Черчилль. Затруднение заключается в том, что эти 500 тысяч человек в нашей зоне и 375 тысяч в американской зоне всегда получали продукты питания из восточных районов страны.

Сталин. У нас имеется с австрийским правительством соглашение о том, что до сбора нового урожая мы отпускаем немного продуктов за товары. Я думаю, что это можно будет продлить до сентября. Но я должен все-таки переговорить предварительно с маршалом Коневым. Сегодня вечером или завтра утром я сумею это сделать и тогда дам вам ответ.

Черчилль. Положение таково, что фельдмаршал Александер вошел со своими войсками в Штирию, однако он затрудняется войти в Вену до тех пор, пока не разрешен вопрос о продовольственном снабжении населения.

Сталин. Разве продовольственное положение Вены такое уж плохое сейчас?

Черчилль. Мы не знаем, мы там не были.

Сталин. Там положение для населения неплохое.

Александер. Если вы сможете нам помочь в этом деле, то мы, конечно, готовы пойти вперед и взять на себя нашу долю работы.

Сталин. Я смогу сказать это завтра.

Черчилль. Благодарим вас.

Сталин. Хорошо было бы, если бы английские и американские власти согласились распространить соглашение с правительством Реннера и на свои зоны. Это не будет означать признания правительства Реннера или восстановления дипломатических отношений, но поставит правительство Реннера в такое же положение, в каком находится правительство Финляндии. Его компетенция была бы распространена и на эти зоны, и это облегчило бы разрешение вопроса.

Трумэн. Мы готовы обсудить этот вопрос, как только наши войска войдут в Вену.

Черчилль. Мы тоже согласны.

Я хочу поднять один процедурный вопрос. Г-ну президенту, должно быть, известно, а также и генералиссимусу, что г-н Эттли и я заинтересованы посетить Лондон (смех) в четверг на этой неделе. Поэтому нам придется выехать отсюда в среду 25 июля вместе с министром иностранных дел. Но мы вернемся к вечернему заседанию 27 июля или только некоторые из нас вернутся. (Смех.) Поэтому нельзя ли в среду устроить заседание утром?

Сталин. Хорошо.

Трумэн. Можно.

Черчилль. Я предлагаю, чтобы министры иностранных дел продолжали встречаться как обычно, только в отсутствие г-на Идена его заменит г-н Кадоган.

Сталин. Хорошо.

Трумэн. Условимся заседание 25 июля провести в 11 часов утра.

Завтра заседание в 17 часов.

Восьмое заседание

24 июля 1945 г.

(**Трумэн** открывает заседание.

Докладывая о заседании министров иностранных дел трех держав, американская делегация сообщила следующее:

На заседании трех министров было установлено, что комиссия, которая занимается экономическими вопросами и вопросами репараций, пока не подготовила свой доклад. Советская делегация предложила, чтобы этой комиссии был передан также вопрос о репарациях с Италии и Австрии. Она передала два кратких документа относительно репараций с этих двух стран.

Было решено отложить до завтра рассмотрение вопроса об экономических принципах в отношении Германии и репарациях с Германии, а также вопроса о репарациях с Италии и Австрии. Министрам иностранных дел было сообщено, что комиссия по экономическим вопро-

сам соберется сегодня вечером, чтобы закончить свою работу.

20 июля делегацией США был передан документ относительно снабжения Европы нефтью. Было решено передать этот вопрос также в комиссию по экономическим вопросам; однако ввиду того, что комиссия не занималась этим вопросом, министры согласились отложить обсуждение этого вопроса.

Следующий вопрос, который обсуждали министры, был вопрос о выполнении Ялтинской декларации об освобожденной Европе и государствах-сателлитах. Было признано, что комиссия, которая занимается этим вопросом, свою работу еще не закончила, и обсуждение этого вопроса также было отложено.

Далее был обсужден вопрос о допущении в Организацию Объединенных Наций Италии и других стран. Делегация США предложила, ввиду того, что комиссия, которая занималась этим вопросом, не достигла соглашения, рассмотреть этот вопрос на заседании министров иностранных дел на основании того документа, над которым работала комиссия.

Советская делегация заявила, что она не может участвовать в этой дискуссии, так как этот документ не содержит упоминания о допущении в Организацию Объединенных Наций Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии.

Английская делегация предложила опустить последнюю фразу в первом пункте этого документа [1]. Делегация США согласилась с этим. Английская делегация предложила новую редакцию пункта 2 этого документа, которая учитывала бы интересы других союзных стран, имеющих отношение к мирному договору с Италией. Американская делегация согласилась включить английское предложение в исправленный документ по вопросу о допущении в Организацию Объединенных Наций.

Делегация США предложила включить в документ дополнительный пункт, чтобы пойти навстречу пожеланию советской делегации. Этот пункт гласит: «Три правительства также надеются, что Совет министров иностранных дел приступит, без ненужной задержки, к под-

---

[1] Эта фраза гласила: «Она [Италия] дает обещание стать твердым проводником политики мира и оказания сопротивления агрессии».

готовке мирных договоров с Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией. Их желанием является также, после заключения мирных договоров с ответственными демократическими правительствами этих стран, оказать поддержку их просьбе о приеме в члены Организации Объединенных Наций».

Советская делегация настаивала на том, чтобы Болгария, Румыния, Венгрия и Финляндия в вопросе о вступлении в Организацию Объединенных Наций не были поставлены в худшие условия, чем Италия. Американская делегация выразила надежду, что предложенный ею дополнительный пункт удовлетворит советскую делегацию.

Поскольку министры не достигли полного соглашения по этому вопросу, было решено передать его на разрешение глав правительств. Вопрос этот включен в сегодняшнюю повестку дня заседания глав трех правительств.

Согласились рекомендовать главам правительств следующие вопросы для обсуждения на сегодняшнем заседании:

1. Допущение в Организацию Объединенных Наций. Документ, представленный министрам иностранных дел сегодня утром, может служить основой для дискуссии глав трех правительств.

2. О черноморских проливах и свободной и неограниченной навигации на международных внутренних водных путях. Дискуссия на вчерашнем заседании глав правительств была отложена, чтобы дать возможность изучить предложения президента.

Министры согласились также рекомендовать главам трех правительств включить в повестку дня их завтрашнего утреннего заседания следующие вопросы:

1. О германском военно-морском и торговом флоте.

2. О репарациях с Германии.

Далее американская делегация сообщила, что в Потсдам прибыла делегация представителей Временного польского правительства во главе с президентом Берутом в ответ на приглашение президента США, которое было направлено 22 июля, в соответствии с решением глав трех правительств. На заседании министров иностранных дел польская делегация высказала свое мнение относительно западной границы Польши, которое кратко сводится к следующему.

Польская делегация считает, что западная граница

Польши должна идти от Балтийского моря через Свинемюнде, включая Штеттин в состав Польши, дальше по р. Одеру до р. Западная Нейсе и по Западной Нейсе до границы Чехословакии.

Территория Польши в ее новом виде даст ей возможность отказаться от эмиграции польского населения в другие страны, при этом можно будет полностью использовать труд тех поляков, которые раньше были вынуждены уезжать в другие страны.

С точки зрения безопасности большое значение имеет то, что предлагаемая польской делегацией граница является самой короткой возможной границей между Польшей и Германией и ее будет легче защищать.

Немцы пытались уничтожить польское население и разрушить польскую культуру. С исторической точки зрения было бы справедливо создать мощное польское государство, которое было бы в состоянии защищаться от любой германской агрессии.

Эти районы являлись одной из самых мощных баз германской военной промышленности и одной из баз германского империализма. Предложенное решение лишило бы Германию плацдарма на востоке и базы для производства вооружения.

Польша стала бы государством, в котором не было бы национальных меньшинств.

До войны в Польше был избыток сельского населения, которое невозможно было использовать для работы в промышленности, так как промышленность не была достаточно развита. Приобретение этих территорий позволит Польше использовать сельских жителей для работы в городах, и те, кто эмигрировал из Польши, смогут вернуться на родину и получить там работу.

Польские представители указали далее, что бассейн р. Одера должен быть передан целиком Польше, так как сама река Одер недостаточно полноводна и имеет источники пополнения водных ресурсов в районе р. Западная Нейсе.

Польская делегация заявила в заключение, что, по ее мнению, нужно скорее принять решение и добиться соглашения по этому вопросу, чтобы польское правительство получило возможность скорее переселить поляков из-за границы, для того чтобы они могли принять участие в восстановлении Польши).

Трумэн. Первым вопросом порядка дня является вопрос о допущении в Организацию Объединенных Наций Италии и других государств-сателлитов, включая Финляндию.

Бирнс. По этому вопросу существует согласие между британской и американской делегациями.

Иден. С вашим первоначальным документом мы полностью согласны, но что касается второй редакции, то тут у нас имеются некоторые сомнения. Новая редакция создает впечатление, что мы как будто требуем, чтобы итальянское правительство было реконструировано прежде, чем мы приступим к заключению мирного договора с Италией.

Бирнс. В надежде найти компромиссное решение по этому вопросу, а также, чтобы пойти навстречу пожеланию советской делегации о том, чтобы другие сателлиты не были поставлены в худшие условия по сравнению с Италией в вопросе о допущении в Организацию Объединенных Наций, я предложил эту новую редакцию. Но я хочу обратить внимание английской делегации на то, что новая редакция не вызывает никаких сомнений в отношении нынешнего итальянского правительства.

Эта редакция лишь предусматривает заключение мирных договоров с ответственными демократическими правительствами. Это — дело будущего. Один тот факт, что правительство США установило дипломатические отношения с нынешним итальянским правительством, достаточно ясно показывает наше отношение к этому правительству.

Иден. Мы чувствуем, что мы почти согласились с вашей точкой зрения, вопрос только в редакции.

Сталин. Если речь идет о том, чтобы государствам-сателлитам дать облегчение, то надо сказать об этом в настоящем решении. Создается облегченное положение для Италии, против чего трудно возражать. Но вместе с тем это облегченное положение для Италии не сопровождается одновременным облегчением положения для других стран — бывших сообщников Германии.

Впечатление получается такое, что здесь создается искусственное деление: с одной стороны, Италия, положение которой облегчается, а с другой стороны — Румыния, Болгария, Венгрия и Финляндия, положение которых не предполагается облегчить. Будет опасность дис-

кредитации этого нашего решения: чем, собственно, у Италии имеется больше заслуг по сравнению с другими странами? Единственная ее «заслуга» заключается в том, что Италия первая капитулировала. Во всем остальном Италия поступала хуже и нанесла больший вред, чем любое другое государство-сателлит.

Несомненно, что любое из четырех государств — Румыния, Болгария, Венгрия, Финляндия — нанесло союзникам гораздо меньше вреда, чем Италия. Что касается правительства в Италии, то разве оно более демократично, чем правительства в Румынии, Болгарии или Венгрии? Конечно, нет. Разве в Италии более ответственное правительство, чем в Румынии или Болгарии? Демократических выборов не было ни в Италии, ни в других государствах. Они в этом отношении равны. Поэтому я не понимаю, откуда появилось такое благоволение к Италии и такое отрицательное отношение ко всем другим государствам — бывшим сообщникам Германии.

Облегчение для Италии было начато с того, что с ней восстановили дипломатические отношения. Теперь предлагается второй шаг — включение Италии в Организацию Объединенных Наций. Хорошо, давайте сделаем этот второй шаг в отношении Италии, но и в отношении других упомянутых стран я предлагаю в таком случае предпринять первый шаг, который был сделан в отношении Италии несколько месяцев тому назад, то есть восстановить дипломатические отношения с ними. Это будет справедливо, и градация будет соблюдена: на первом месте Италия, на втором — все остальные.

В противном случае получается так, что в отношении Италии сделан первый шаг, предлагается сделать второй шаг, и все из-за того, что итальянское правительство капитулировало первое, хотя Италия нанесла союзникам вреда гораздо больше, чем все другие государства — сообщники Германии. В этом заключается предложение советской делегации.

Черчилль. Мы в общих чертах соглашаемся с точкой зрения США по этому вопросу.

Трумэн. Я хочу сказать, что разница наших взглядов на правительство Италии, с одной стороны, и на правительства Румынии, Болгарии и Венгрии— с другой, объясняется тем, что наши представители не имели возможности получить нужной информации в отношении этих по-

следних стран. Такого положения не было в Италии, где всем нашим правительствам — США, Великобритании и Советского Союза — была предоставлена возможность получать свободную информацию.

Этого мы не можем сказать в отношении Румынии, Болгарии и Венгрии, где мы не имели возможности получать свободную информацию. Кроме того, характер нынешних правительств в этих странах не дает нам возможности установить с ними немедленно дипломатические отношения. Но в представленном на рассмотрение документе мы попытались удовлетворить пожелание советской делегации и не поставить других сателлитов в худшее положение, чем Италию.

Сталин. Но с Италией вы имеете дипломатические отношения, а с этими странами не имеете.

Трумэн. Но и другие сателлиты могут получить наше признание, если их правительства будут удовлетворять нашим требованиям.

Сталин. Каким требованиям?

Трумэн. Относительно свободы передвижения и свободы информации.

Сталин. Ни одно из этих правительств не мешает и не может мешать свободному передвижению и свободной информации для представителей союзной печати. Тут какое-то недоразумение. По окончании войны положение здесь улучшилось. Для советских представителей также были введены ограничения в Италии.

Трумэн. Мы хотим, чтобы эти правительства были реорганизованы, и, когда они станут более ответственными и демократическими, мы предоставим им свое признание.

Сталин. Уверяю вас, что правительство Болгарии более демократично, чем правительство Италии.

Трумэн. Чтобы пойти навстречу советским пожеланиям, мы предложили в отношении Румынии, Болгарии и Венгрии такую же формулировку, как и в отношении Италии.

Сталин. Но это предложение не включает восстановления дипломатических отношений.

Трумэн. Я уже несколько раз говорил, что мы не можем восстановить дипломатических отношений с этими правительствами до тех пор, пока они не будут организованы так, как мы считаем нужным.

Бирнс. Единственное, что мы предложили для облегчения положения Италии,— это поддержать ее заявление о вступлении в члены Организации Объединенных Наций. Я хотел бы обратить ваше внимание на тот пункт нашего предложения, который в той же редакции говорит о других сателлитах. Таким образом, облегчение положения Италии будет сопровождаться облегчением положения других сателлитов. Мы здесь стремились пойти навстречу пожеланиям советской делегации.

Сталин. Я предлагаю слово «ответственное», употребляемое в отношении итальянского правительства, во всех местах, где оно приведено, вычеркнуть. Это слово умаляет положение итальянского правительства.

Трумэн. Мы не можем поддержать заявление о вступлении в члены Организации Объединенных Наций правительств, если они не являются ответственными и демократическими.

Сталин. В Аргентине правительство менее демократическое, чем в Италии, однако Аргентина является членом Организации Объединенных Наций. Если правительство, то демократическое правительство, а если добавить «ответственное», то выходит, что это какое-то другое правительство. И, кроме того, надо добавить насчет восстановления дипломатических отношений.

Я предлагаю в пункт, в котором речь идет о Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии, добавить фразу о том, что в ближайшее время каждое из наших трех правительств рассмотрит вопрос о восстановлении дипломатических отношений с этими странами. Это не значит, что они сделают это одновременно и восстановят дипломатические отношения в одно и то же время, но это значит, что каждое из трех правительств рассмотрит вопрос о восстановлении дипломатических отношений. Одно раньше, другое позже. Я приведу один пример: в настоящее время имеются дипломатические представители в Италии от США и Советского Союза, но нет дипломатических представителей ни от Великобритании, ни от Франции, послов от этих правительств там нет.

Черчилль. Мы считаем, что наш представитель в Италии полностью аккредитован. Вследствие того, что формально мы все еще находимся в состоянии войны с Италией, положение этого представителя не может быть полностью приравнено к положению посла, по британской

конституции мы при этих условиях не можем иметь нормальных дипломатических отношений. Но мы его называем послом.

Сталин. Но не таким, какие имеются от Советского Союза и США.

Черчилль. Не совсем. На 90 процентов.

Сталин. Не совсем, это верно.

Черчилль. Но причина этого — формальная и техническая.

Сталин. Вот такого же посла следовало бы направить в Румынию, такого не совсем посла. (Общий смех).

Черчилль. Мы пока не сделали этого.

Трумэн. Мы хотим приложить все усилия, чтобы достичь такого положения, когда мы сможем восстановить дипломатические отношения с этими правительствами. Я уже объяснял, в чем заключаются затруднения в разрешении этого вопроса.

Сталин. Затруднения были раньше, теперь их нет. Нам очень трудно присоединиться к этой резолюции в настоящем ее виде. Мы не хотим к ней присоединяться.

Черчилль. Мы не хотим употреблять слова, которые могли бы бросить тень на любого из нас. Я хочу лишь просить за Италию, и не только потому, что она была первой, которая вышла из войны. Много времени прошло с тех пор, как она вышла из войны, если не ошибаюсь, прошло уже два года. Но прошел весьма короткий срок с тех пор, как другие страны прекратили войну,— четыре-пять месяцев; несколько раньше прекратила войну Румыния.

Сталин. Румыния, потом Финляндия. А с Италией были восстановлены дипломатические отношения через 7—8 месяцев после ее капитуляции.

Черчилль. Положение Италии следующее. Два года тому назад она вышла из войны и с тех пор борется на нашей стороне, насколько она может. Кроме того, нужно помнить, что мы находились в Италии и знаем все относительно политических условий там. Этого нельзя сказать о Болгарии, Румынии и других странах. Кроме того, Италия не была однородной страной: северная часть Италии была под игом врага и освобождена всего два месяца тому назад. Мы боролись там вместе с Италией, которая оказывала нам большую поддержку.

Но всегда было признано, что Италия не может иметь полностью демократического правительства, пока северная ее часть не будет освобождена. А между тем мы признали итальянское правительство, мы с ним работали. Я имел договоренность с Советским правительством относительно поддержки правительства генерала Бадолио. И я тогда не согласился с нашими американскими друзьями, я хотел поддержать это правительство, пока север не будет освобожден, чтобы потом можно было образовать правительство Италии на более широкой основе. Но ход событий повлек за собой другие действия.

Мы установили дружественные отношения с Италией. Там нет политической цензуры. Итальянская печать часто нападала на меня всего несколько месяцев спустя после безоговорочной капитуляции Италии. Наблюдается значительный рост свободы в Италии. Теперь, когда север освобожден, итальянцы собираются провести демократические выборы. Поэтому я не вижу оснований, почему мы не можем уже теперь обсудить вопрос о мирном договоре с Италией.

Я должен сказать, что относительно Румынии и, тем более, относительно Болгарии мы ничего не знаем. Наша миссия в Бухаресте была поставлена в условия изоляции, напоминающей интернирование.

Сталин. Разве можно такие вещи говорить не проверив?

Черчилль. Это мы знаем от нашего собственного представителя там. Я уверен, что генералиссимус был бы удивлен, узнав о ряде фактов, которые имели место в отношении нашей миссии в Бухаресте.

Сталин. Сказки!

Черчилль. Конечно, вы можете называть наше заявление сказками, но я имею полное доверие к нашему политическому представителю и к маршалу авиации Стивенсону. Я его лично знаю в течение многих лет. Условия для работы нашей миссии были трудными. Большие задержки происходили с самолетами для нашей миссии. От наших советских друзей поступали жалобы относительно численности нашей миссии, которая не была такой уж большой. Контрольная комиссия, которая должна была состоять из трех членов, почти всегда собиралась в составе двух членов. Советский главнокомандующий, являющийся председателем Контрольной комиссии, иногда

встречался с американским представителем, иногда с английским, но редко с обоими вместе. Что же касается Италии, то там побывали многие советские представители.

Сталин. Ничего подобного, никаких прав у нас в Италии нет.

Черчилль. Но, во всяком случае, положение там такое, что вы можете совершенно свободно приезжать в Италию. Поэтому я не считаю, что можно сравнивать положение в Италии с положением в Румынии, Болгарии и других странах.

Трумэн. Мы должны сказать, что наши миссии в этих странах также встретились с большими затруднениями при выполнении своей работы. Но мы не хотели бы здесь об этом говорить.

Бирнс. В надежде достигнуть соглашения я предлагаю заменить слова «ответственное правительство» словами «признанное правительство».

Сталин. Это более приемлемо. Но, по-моему, следовало бы также принять решение о том, что три правительства согласны рассмотреть вопрос об установлении дипломатических отношений с этими четырьмя странами. Я предлагаю в конце пункта, предложенного г-ном Бирнсом насчет четырех стран, добавить следующее: «Три правительства, каждое в отдельности, согласны рассмотреть в ближайшее время вопрос об установлении дипломатических отношений с Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией».

Черчилль. А это не вступает в противоречие с тем, о чем мы сейчас говорили?

Сталин. Это не противоречит, потому что, если мы решаем подготовить вопрос о мирных договорах с Румынией, Болгарией и другими странами, а мы эти страны даже не признали, то ясно, что вопрос о признании каждое правительство ставит самостоятельно.

Трумэн. Я не имею никаких возражений.

Сталин. Тогда и мы не возражаем.

Черчилль. Противоречие, по-моему, имеется. Я понял здесь президента так, что он не хочет сейчас признавать правительства Румынии, Болгарии и других стран-сателлитов.

Трумэн. Здесь говорится о том, что мы обязуемся лишь рассмотреть этот вопрос.

Черчилль. Это вводит общественное мнение в заблуждение.

Сталин. Почему?

Черчилль. Потому что из смысла заявления следует, что мы скоро признаем эти правительства; между тем я знаю, что это не отражает позиции ни правительства Соединенных Штатов, ни правительства Соединенного Королевства.

Сталин. Я согласен с президентом и хочу возразить г-ну Черчиллю. Уже всеми нами принято, что мы даем задание Совету министров иностранных дел подготовить мирные договоры с Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией. Все мы считаем, что мирный договор может быть заключен только с признанным правительством. Стало быть, мы должны сказать как-то об этом признании, и тогда никакого противоречия не получится. Если же мы не скажем, что три правительства намерены в ближайшее время поставить вопрос о признании, то тогда надо вычеркнуть и пункт о подготовке мирных договоров с этими странами.

Черчилль. Я хотел бы спросить президента, предполагает ли он, что осенью этого года представители теперешних правительств Румынии, Болгарии и других явятся в Совет министров иностранных дел и мы будем обсуждать там с ними мирные договоры?

Трумэн. Единственным правительством, которое может послать своих представителей в Совет министров иностранных дел, будет то правительство, которое будет нами признано.

Сталин. Правильно.

Черчилль. Нынешние правительства не будут признаны, и поэтому с ними нельзя будет подготовить мирных договоров.

Сталин. Откуда вы это взяли?

Черчилль. Это логически вытекает.

Сталин. Нет, не вытекает.

Черчилль. Может быть, я неправильно мыслю, но мне кажется, что вытекает.

Сталин. Эти правительства могут быть признаны, но могут быть и не признаны. Никому не известно, будут они признаны или не будут признаны. Вот так и надо понимать эту формулировку — «рассмотрят вопрос о признании». А мирный договор с ними будет тогда, когда они будут признаны.

Черчилль. Читающий этот пункт не поймет, что правительство США не хочет признавать нынешние правительства Румынии и Болгарии. Но если будут образованы другие правительства, которые мы сможем признать, тогда мы и приступим к подготовке мирных договоров с ними. Я прошу меня извинить, что я так настаиваю на этом пункте, но нужно помнить, что если этот документ будет опубликован, то придется его объяснять, особенно мне в парламенте. Мы говорим, что мы заключим мирные договоры с правительствами, которым мы предоставим признание, однако мы не намерены признавать эти правительства. Мне представляется это почти бессмысленным.

Трумэн. Я предлагаю вернуть этот вопрос министрам иностранных дел, чтобы они еще раз его рассмотрели.

Сталин. Г-н Черчилль не прав, тут вовсе не говорится о заключении мирных договоров, тут говорится о подготовке. Почему нельзя подготовить договор, если даже правительство и не признано?

Черчилль. Конечно, мы можем сами подготовить мирный договор. Я предлагаю, в таком случае, заменить предлог «с» предлогом «для», чтобы было сказано не «мирные договоры с Румынией, Болгарией» и т. д., а «мирные договоры для Румынии, Болгарии» и т. д.

Сталин. Я не возражаю, чтобы было «для».

Черчилль. Благодарю вас.

Сталин. Не стоит благодарности. (Общий смех).

Черчилль. Было бы желательно, чтобы министры иностранных дел еще раз просмотрели этот документ.

Сталин. Пожалуйста, не возражаю.

Трумэн. Они должны принять во внимание то обсуждение, которое имело место сегодня.

Сталин. Хорошо.

Трумэн. Следующий вопрос — это вопрос о черноморских проливах и о свободной навигации на международных внутренних водных путях. Американская делегация внесла свои предложения по этому вопросу.

<...> **Сталин.** Пожалуй, есть вопросы более безотлагательные, чем вопрос о проливах, и этот вопрос можно было бы отложить.

Черчилль. Этот вопрос был поднят Великобританией как вытекающий из желания исправить конвенцию в

Монтрё. Я согласен отложить, если этого желает советская сторона.

Сталин. Лучше отложить этот вопрос. Нужно переговорить с Турцией.

Трумэн. Наше предложение о международном контроле означает, что проливы не будут находиться в чьих-либо одних руках. Мы будем стараться убедить турок в правильности нашей точки зрения по этому вопросу.

Сталин. Хорошо, давайте.

Трумэн. Я хочу сделать конференции одно предложение. Мне кажется, пора уже подумать относительно подготовки коммюнике о работах конференции. Я предлагаю поэтому назначить специальную комиссию, которой и будет поручено подготовить такое коммюнике.

Сталин. Хорошо.

Трумэн. Надо согласовать вопрос о составе комиссии.

Сталин. Хорошо.

Трумэн. Мы поручим министрам иностранных дел представить кандидатов для этой комиссии.

Сталин. Хорошо. А завтра у нас в 11 часов заседание будет?

Трумэн. Будет.

Сталин. Г-н Черчилль выражал сомнение на этот счет.

Иден. Сегодня за завтраком мы высказали предположение, что, может быть, для завтрашнего заседания окажется недостаточно вопросов. Но так как сегодняшняя повестка дня не исчерпана, то необсужденные вопросы перейдут на завтрашнее заседание.

Трумэн. Как только мы убедимся, что у нас нет больше работы, мы поедем домой. (Смех). Но пока работа у нас есть.

Черчилль. Г-н Эттли и я должны вернуться в Лондон на открытие парламента 8 августа. Во всяком случае, я не могу оставаться здесь дольше, чем до 6 августа.

Сталин. Не исчерпан еще вопрос о западной границе Польши — последний вопрос сегодняшнего заседания.

Черчилль. И, кроме того, вопрос, поднятый советской стороной относительно лагеря в Италии. Я хотел бы дать объяснения по этому вопросу сейчас.

Сталин. Есть ли у нас время и желание обсудить сейчас вопрос о западной границе Польши?

Черчилль. Мы встречаемся с поляками и будем иметь беседу с г-ном Берутом завтра утром.

Сталин. Тогда отложим.

Черчилль. В нескольких словах, положение с этим лагерем следующее. Действительно, в этом лагере находятся 10 тысяч человек. Но нужно помнить, что мы только что взяли 1 миллион военнопленных. Этими 10 тысячами человек занимается сейчас советская миссия в Риме, и эта миссия имеет свободный доступ в лагерь. Сообщено, что лица, находящиеся в лагере, являются преимущественно украинцами, но не советскими гражданами. В этом лагере имеется также некоторое количество поляков, которые, насколько мы могли установить, жили в границах Польши 1939 года. 665 человек желают немедленно вернуться в Советский Союз, и принимаются меры для их отправки. Мы готовы также передать всех других желающих вернуться.

Эти 10 тысяч человек сдались нам почти как целая воинская единица, и мы сохранили ее в таком виде, под руководством ее собственных командиров, исключительно по административным соображениям. Мы были бы рады, если бы генерал Голиков направил свои жалобы фельдмаршалу Александеру или в его ставку.

Александер. Я не много могу добавить к тому, что сказал здесь премьер-министр. Я хочу, чтобы всем присутствующим здесь было известно, что я всегда предоставлял русским представителям в Италии полную свободу передвижения, а также любую возможность видеть то, что они хотят. И я считаю, что так поступать целесообразно, потому что в тех случаях, когда в наших руках оказывается большое количество русских солдат, советы ответственных русских представителей могут оказаться нам очень полезными. Я думаю, что, если генералиссимус согласен, я буду продолжать поступать в том же духе, как я это делал до сих пор.

Сталин. Мы обязаны в этих случаях по договору оказывать друг другу помощь и не мешать гражданам возвращаться на родину, а, наоборот, помогать им возвратиться домой.

Черчилль. Если ваш представитель пришлет генерала или сам приедет в ставку по этому вопросу, будет сделано все необходимое.

Сталин. Хорошо. Я считаю вопрос исчерпанным.

Я сегодня говорил с маршалом Коневым в Вене. Он не прекращал выдачи пайков населению Вены, независи-

мо от зон, и не прекратит до того момента, пока американцы и англичане не найдут возможности предпринять что-то другое.

Трумэн и Черчилль. Мы очень вам благодарны.

Черчилль. Был вопрос относительно распространения администрации Реннера на британскую и американскую зоны.

Сталин. Хорошо было бы распространить его компетенцию на все зоны.

Черчилль. Мы считаем, что это один из первых вопросов, который нам нужно изучить, как только мы войдем в Вену. В принципе мы согласны, что желательно работать с одной австрийской администрацией.

Сталин. Лучше, конечно.

Черчилль. Мы не хотим препятствовать местной администрации.

Сталин. Так будет лучше.

Трумэн. До завтра в 11 часов.

Девятое заседание

25 июля 1945 г.

Трумэн. Вчера было сделано предложение продолжить сегодня дискуссию о западной границе Польши.

Сталин. Хорошо.

Трумэн. Я помню, что у г-на Черчилля было дополнительное предложение.

Черчилль. Мне нечего добавить. Я имел беседу с польской делегацией, а сегодня утром имел удовольствие встретиться опять с г-ном Берутом. Вчера с польской делегацией говорил г-н Иден. Поляки соглашаются, что в районе, который они заняли на западе, находится полтора миллиона немцев. Я считаю, что этот вопрос связан с вопросом о репарациях, а также с вопросом о зонах оккупации Германии четырьмя державами.

Трумэн. Я считаю правильным замечание г-на Черчилля. Г-н Бирнс также встречался с польской делегацией и намерен встретиться еще раз. Разрешите мне сделать предложение относительно процедуры. Так как эти

беседы г-на Бирнса и г-на Идена будут продолжаться, я думаю, что будет полезно отложить нашу дискуссию по этому вопросу до пятницы.

Сталин. Хорошо.

Трумэн. Следующий вопрос нашей повестки дня — это вопрос относительно германского военно-морского и торгового флота. Я думаю, что мы уже пришли к соглашению по этому вопросу.

Черчилль. Конечно, требуется рассмотреть конкретные предложения по этому вопросу. Я думаю, что мы займемся этими конкретными предложениями.

Трумэн. Государственный секретарь Бирнс сказал мне, что помощник государственного секретаря Клейтон и адмирал Лэнд занимались этим вопросом, они разрабатывали конкретные предложения. Я готов рассмотреть этот вопрос в любое время, но предпочел бы сначала выслушать г-на Бирнса и ознакомиться с документами по этому вопросу, которые я только что получил.

(Было решено отложить рассмотрение этого вопроса).

Черчилль. Есть еще один вопрос, который хотя и не стоит в повестке дня, но который следовало бы обсудить, а именно вопрос о перемещении населения. Имеется большое количество немцев, которых нужно переместить из Чехословакии в Германию.

Сталин. Чехословацкие власти эвакуировали этих немцев, и они находятся сейчас в Дрездене, в Лейпциге, в Хемнице.

Черчилль. Мы считаем, что имеются 2,5 миллиона судетских немцев, которых нужно переместить. Кроме того, чехословаки хотят быстро избавиться от 150 тысяч немецких граждан, которые были в свое время перемещены в Чехословакию из рейха. Согласно нашей информации, только 2 тысячи из этих 150 тысяч немцев покинули Чехословакию. Это большое дело — переместить 2,5 миллиона людей. Но куда их перемещать? В русскую зону?

Сталин. Большая часть их идет в русскую зону.

Черчилль. Мы не хотим их иметь в своей зоне.

Сталин. А мы и не предлагаем этого. (Смех).

Черчилль. Они принесут с собой свои рты. Мне кажется, что перемещение по-настоящему еще не началось.

Сталин. Из Чехословакии?

Черчилль. Да, из Чехословакии. Пока перемещение идет в небольших размерах.

Сталин. Я имею сведения, что чехи предупреждают немцев, а затем выселяют их. Что касается поляков, то они задержали полтора миллиона немцев, чтобы их использовать на уборке урожая. Как только уборка в Польше окончится, поляки эвакуируют немцев из Польши.

Черчилль. Я считаю, что этого не следовало бы делать, принимая во внимание вопросы снабжения продовольствием, репараций и т. д., то есть вопросы, которые еще не разрешены. Мы оказались теперь в таком положении, когда у поляков имеется продовольствие и топливо, а у нас имеется население. Снабжение этого населения ложится тяжелым бременем на нас.

Сталин. Надо войти в положение поляков. В течение пяти с половиной лет немцы причинили им много страданий и обид.

Трумэн. Вчера я очень внимательно выслушал высказывания президента Берута по этому вопросу. Я сочувствую и полякам и русским и понимаю трудности, стоящие перед ними. Я уже достаточно ясно изложил свою позицию.

Я хочу разъяснить моим коллегам, каковы мои полномочия в отношении вопросов, касающихся мирного урегулирования. Когда мы обсуждаем здесь вопросы, которые должны быть включены в мирный договор, то, я уверен, всем понятно, что по нашей конституции этот договор может быть заключен лишь с согласия сената США. Безусловно, когда я оказываю поддержку тому или иному предложению, выдвинутому на конференции, это значит, что я буду предпринимать все, что в моих силах, чтобы обеспечить санкционирование этого решения и сенатом. Нельзя, конечно, гарантировать, что это будет непременно принято.

Я должен вам сказать, что политические настроения в Америке таковы, что я не могу поддерживать здесь любые предложения без того, чтобы не получить поддержки со стороны нашего общественного мнения. Я делаю это заявление не для того, чтобы изменить основу, на которой происходит обсуждение вопросов с моими коллегами, а для того, чтобы разъяснить, каковы мои возможности в отношении конституционной власти. Я хочу сказать, что при заключении мирных договоров я должен

учитывать тот факт, что они должны получить одобрение сената США.

Сталин. Высказывание президента касается только мирных договоров или всех вопросов, которые здесь обсуждаются?

Трумэн. Это относится только к тем соглашениям и договорам, которые по конституции должны быть направлены на утверждение сената США.

Сталин. Значит, все остальные вопросы могут быть решены?

Трумэн. Мы можем здесь решить любой вопрос, если этот вопрос не требуется передавать на ратификацию сената.

Сталин. Значит, только вопрос о мирных договорах требует ратификации сената?

Трумэн. Это правильно. Я обладаю широкими полномочиями, но я не хочу ими злоупотреблять.

Черчилль. Я предлагаю вернуться к вопросу о польском движении на запад.

Сталин. Мы не готовились к этому вопросу, этот вопрос поставлен случайно. Обменяться мнениями я, конечно, согласен, но решать его сейчас чрезвычайно трудно.

Черчилль. Я не хочу обсуждать этот вопрос сегодня. Я хотел бы только сказать, что этот вопрос лежит в корне успеха всей конференции. Если конференция закончит свою работу, допустим, через 10 дней, не приняв какого-либо решения относительно Польши, и если вопрос о равном распределении продовольствия на всей территории Германии не будет урегулирован,— все это, несомненно, будет означать неудачу конференции. Нам придется тогда вернуться к предложению г-на Бирнса о том, что каждый должен будет обходиться тем, что он имеет в своей зоне. Я надеюсь, что мы достигнем соглашения по этой группе вопросов, которая лежит в корне всей нашей работы. Мы должны признать, что до сих пор мы не добились никакого прогресса.

Трумэн. Я согласен с мнением премьер-министра, что по этим вопросам у нас нет никакого прогресса.

Сталин. Я думаю, что гораздо большее значение имеет вопрос о снабжении всей Германии углем и металлом. Рур дает 90 процентов металла и 80 процентов каменного угля.

Черчилль. Если уголь из Рура будет поставляться в

русскую зону, то за эти поставки придется заплатить продовольствием из этой зоны.

Сталин. Если Рур остается в составе Германии, то он должен снабжать всю Германию.

Черчилль. А почему тогда нельзя брать продовольствие из вашей зоны?

Сталин. Потому, что эта территория отходит к Польше.

Черчилль. Но как рабочие в Руре будут производить этот уголь, если им нечего будет есть, и откуда они могут взять продовольствие?

Сталин. Давно известно, что Германия всегда ввозила продовольствие, в частности хлеб. Если не хватает Германии хлеба и продовольствия, она будет его покупать.

Черчилль. Тогда как сможет она заплатить репарации?

Сталин. Сможет заплатить, у Германии еще много кое-чего осталось.

Черчилль. Рурский уголь, правда, в нашей зоне, но я не могу взять на себя ответственность за какое-либо урегулирование, которое приведет к тому, что в британской зоне будет этой зимой голод, в то время как поляки будут иметь все продовольствие для себя.

Сталин. Неверно, они недавно просили помочь им хлебом, хлеба у них не хватает, они просили дать хлеба до нового урожая.

Черчилль. Я надеюсь, что генералиссимус признает некоторые из наших затруднений, как мы признаем его затруднения. У нас в Англии в этом году будет самая безугольная зима, потому что у нас не хватает угля.

Сталин. Почему? Англия всегда вывозила уголь.

Черчилль. Вследствие того, что углекопы еще не демобилизованы, у нас нехватка рабочей силы в угольной промышленности.

Сталин. Достаточно имеется пленных. У нас пленные работают на угле, без них было бы очень трудно. Мы восстанавливаем наши угольные районы и используем пленных для этой цели. 400 тысяч немецких солдат сидят у вас в Норвегии, они даже не разоружены, и неизвестно, чего они ждут. Вот вам рабочая сила.

Черчилль. Я не знал, что они не разоружены. Во всяком случае, наше намерение заключается в том, чтобы разоружить их. Я не знаю точно, каково там положение,

но этот вопрос был урегулирован верховной ставкой союзных экспедиционных сил. Во всяком случае, я наведу справки.

Я хочу еще раз повторить и обратить ваше внимание на то, что у нас не хватает угля из-за того, что мы экспортируем его во Францию, Бельгию и Голландию. И в то время, когда у нас не хватает угля для этой зимы, мы не понимаем, почему поляки имеют возможность продавать уголь с территории, которая еще не принадлежит им.

Сталин. Они продали уголь из Домбровского района. Это их район.

Я не привык жаловаться, но должен сказать, что наше положение еще хуже. Мы потеряли несколько миллионов убитыми, нам людей не хватает. Если бы я стал жаловаться, я боюсь, что вы тут прослезились бы, до того тяжелое положение в России. Но я не хочу причинять вам неприятности.

Черчилль. Мы контролируем Рур, и мы были бы готовы обменять рурский уголь на продовольствие.

Сталин. Этот вопрос надо обдумать.

Черчилль. Я и не ожидаю прийти к какому-либо решению сегодня, но я хотел бы, чтобы в течение этого короткого перерыва участники конференции подумали бы о том, что им предстоит решение большого вопроса.

Трумэн. Если у нас сегодня нечего больше обсуждать, то я предлагаю передать этот вопрос на рассмотрение министров иностранных дел.

Черчилль. В пятницу в 5 часов мы снова встретимся.

Иден. Мы получили уведомление от доктора Бенеша, в котором он выражает пожелание, чтобы мы обсудили здесь вопрос о перемещении из Чехословакии немцев. Могут ли министры иностранных дел заняться этим вопросом?

Сталин. Мне кажется, перемещение уже произведено.

Черчилль. Мы не думаем, чтобы большое число немцев уже уехало оттуда, и перед нами остается проблема, как разрешить этот вопрос.

Сталин. Пожалуйста.

Черчилль. Пусть министры иностранных дел займутся этим вопросом и установят факты.

Сталин. Хорошо.

Трумэн. Я согласен.

До перерыва я хочу еще раз обратить внимание на

предложение, которое я сделал относительно международных внутренних водных путей. Я думаю, что министры иностранных дел могли бы обсудить и это мое предложение.

(**Сталин** и **Черчилль** выражают согласие.

Затем советская делегация передает президенту США и премьер-министру Англии меморандум относительно помех, которые чинятся в Австрии и Германии в отношении возвращения советских граждан на родину, а также меморандум относительно имеющихся в Норвегии неразоруженных германских войск, о чем уже упоминалось на заседании глав правительств).

Черчилль. Но я могу дать заверение, что нашим намерением является разоружить эти войска.

Сталин. Я не сомневаюсь. (Смех).

Черчилль. Мы не держим их в резерве, чтобы потом вдруг выпустить их из рукава. Я тотчас же потребую доклада по этому поводу.

(**Трумэн** закрывает заседание и объявляет, что следующее заседание состоится в пятницу, 27 июля, в 5 часов вечера).

Десятое заседание

28 июля 1945 г.

(**Трумэн** открывает заседание.

Докладывая о заседании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании 25 июля 1945 г., советская делегация сообщила следующее:

1. Американская делегация предложила обсудить на заседании министров вопрос о водных путях сообщения. Она высказала пожелание, чтобы этот вопрос был предварительно обсужден в комиссии. Английская и советская делегации согласились с этим предложением, в результате чего была создана комиссия в следующем составе:

от США	— Рассел, Риддлберджер
от Великобритании	— Уорд
от СССР	— Геращенко, Лаврищев.

2. Далее американская делегация затронула вопрос

о перемещении германского населения из Чехословакии.

Английская делегация заявила, что речь идет не только о перемещении немцев из Чехословакии, но также из Западной Польши и Венгрии. Она высказала мнение, что вопрос о перемещении этого населения будет находиться под контролем Союзного контрольного совета, действующего в сотрудничестве с правительствами Польши, Чехословакии и Венгрии.

Советская делегация предложила передать этот вопрос на предварительное рассмотрение комиссии с тем, чтобы подготовленный ею проект рассмотреть затем на совещании трех министров.

Делегации США и Англии согласились с этим предложением. Была создана комиссия в следующем составе:

от США — Кэннон
от Великобритании — Хэррисон
от СССР — Соболев, Семенов.

3. Английская делегация внесла предложение о создании комиссии для составления проекта коммюнике о работе конференции и комиссии по подготовке проекта общего протокола решений конференции.

Делегации СССР и США согласились с этим предложением. Было решено образовать следующие комиссии:

а) по подготовке проекта коммюнике о работе конференции:

от США — Уолтер Браун, Уайлдер Фут
от СССР — Соболев, Голунский;

б) по подготовке проекта общего протокола решений конференции:

от США — Данн, Мэтьюз, Коэн
от СССР — Громыко, Козырев, Грибанов
от Великобритании (в обе комиссии) —
Бриджес, Брук, Хейтер и Дин.

Докладывая далее о заседании министров иностранных дел, состоявшемся 27 июля 1945 г., советская делегация сообщила, что на повестке дня заседания трех министров стояли следующие вопросы:

I. О незаконченных рассмотрением вопросах.

Было констатировано, что до настоящего времени остаются незаконченными рассмотрением следующие вопросы:

1. Об экономических принципах в отношении Германии.

2. О репарациях с Германии.
3. О репарациях с Италии и Австрии.
4. О снабжении Европы нефтью.
5. О принятии в члены Организации Объединенных Наций Италии и других стран — бывших сателлитов.
6. О выполнении Ялтинской декларации об освобожденной Европе.
7. О смягчении условий перемирия для Италии и других стран.
8. О западной границе Польши.
9. О сотрудничестве в разрешении срочных европейских экономических проблем.
10. О военных преступниках.
11. О переселении немцев из Польши, Чехословакии и Венгрии.
12. О дополнении политических принципов обращения с Германией двумя пунктами из пункта 13 проекта об экономических принципах.
13. О германском флоте.
14. О международных внутренних водных путях.

II. О допуске Италии и других стран, заключивших перемирие и ставших совоюющими на стороне союзников, в Организацию Объединенных Наций.

Делегация США заявила, что, если советская и английская делегации не могут достичь соглашения в отношении редакции документа по этому вопросу, она, с согласия президента США, предлагает совсем снять этот вопрос с повестки дня конференции. Американская делегация добавила, что, по ее мнению, необходимо в первую очередь рассмотреть жизненно важные вопросы, а именно вопросы о репарациях, о германском флоте и о западной границе Польши.

Английская делегация предложила заменить внесенную советской делегацией формулировку последней фразы третьего абзаца следующей фразой:

«Заключение мирных договоров с ответственными демократическими правительствами в этих государствах позволит трем правительствам возобновить нормальные дипломатические отношения с ними и поддержать предложение с их стороны стать членами Организации Объединенных Наций».

Советская делегация заявила о неприемлемости этой поправки.

Поскольку на совещании трех министров не было достигнуто соглашения по этому вопросу, было решено передать его на разрешение глав трех правительств.

III. О репарациях с Германии.

Советская делегация заявила, что она считает работу комиссии по репарациям неудовлетворительной, и предлагает рассмотреть вопрос о репарациях с Германии непосредственно на совещании трех министров. Это предложение возражений не вызвало. Вслед за тем советская делегация зачитала пункт 4 Крымского протокола о репарациях и, сославшись на заявление американского представителя в комиссии по репарациям о том, что он берет обратно согласие правительства США с изложенным в этом пункте решением, спросила американскую делегацию, продолжает ли правительство США придерживаться крымских решений по этому вопросу или меняет свою позицию.

Американская делегация ответила, что это — недоразумение. Правительство США согласилось в Крыму принять цифру в 20 миллиардов долларов в качестве базы для обсуждения, но с тех пор советские и союзные армии произвели в Германии большие разрушения, некоторые области отошли от Германии, и теперь уже практически нельзя исходить из той общей цифры, которая в Ялте была принята американской делегацией как возможная база для обсуждения.

Английская делегация заявила, что она воздерживается от внесения каких-либо предложений.

По предложению американской делегации было признано целесообразным отложить рассмотрение этого вопроса до следующего совещания трех министров, после чего доложить об этом вопросе главам трех правительств.

IV. О репарациях с Австрии и Италии.

Советская делегация предложила взять за основу дальнейшего обсуждения этого вопроса представленные ею предложения о репарациях с Австрии и репарациях с Италии.

Американская делегация заявила, что она не считает возможным взимать с Австрии и Италии репарации в виде поставок из текущей продукции. По мнению американской делегации, возможно лишь единовременное изъятие оборудования военной промышленности, которое не может быть использовано для целей мирного времени. Анг-

лийская делегация заявила, что она присоединяется к мнению делегации США.

Ввиду недостижения соглашения решено доложить о выявившихся разногласиях главам трех правительств.

V. Об экономических принципах в отношении Германии.

По предложению делегации США обсуждение вопроса было отложено.

VI. О снабжении Европы нефтью.

Обсуждение вопроса было отложено ввиду того, что комиссия не закончила работу.

VII. Об экономическом сотрудничестве в Европе.

Было решено одобрить доклад комиссии по этому вопросу и сообщить об этом главам трех правительств).

Трумэн. Какой вопрос будем обсуждать сейчас — о западной границе Польши или какой-либо другой вопрос?

Сталин. Можно этот вопрос, можно об Италии и других странах. Каким временем вы располагаете сегодня? Час мы можем поработать?

Трумэн. Это меня устраивает. Будем работать до 12 часов.

Сталин. Я хотел сообщить, что мы, русская делегация, получили новое предложение от Японии. Хотя нас не информируют как следует, когда какой-нибудь документ составляется о Японии, однако мы считаем, что следует информировать друг друга о новых предложениях. (Оглашается на английском языке нота Японии о посредничестве). В этом документе ничего нового нет. Есть только одно предложение: Япония предлагает нам сотрудничество. Мы думаем ответить им в том же духе, как это было прошлый раз.

Трумэн. Мы не возражаем.

Эттли. Мы согласны.

Сталин. Моя информация окончена.

Трумэн. Имеются два вопроса, на которые советская делегация хотела бы обратить наше внимание в первую очередь. Первый вопрос — об Италии и других странах-сателлитах и второй вопрос — о репарациях с Австрии и Италии.

Сталин. Кроме того, было бы желательно поставить вопрос о германском флоте и вопрос о западной границе Польши.

Трумэн. Я думаю, что мы можем обсудить здесь любой вопрос, и я готов выслушать любые предложения, чтобы затем высказать свое мнение по этим вопросам.

Эттли. Я хочу сказать, что я согласен обсудить все эти вопросы. В то же время я хочу выразить сожаление, что события, которые имели место в Англии, помешали работе конференции, однако мы готовы быть здесь сколько угодно и заниматься любыми вопросами.

Сталин. Вопрос о допуске в Организацию Объединенных Наций Италии и других стран обсуждался на предыдущем заседании «большой тройки». Однако, как было здесь сообщено, у министров иностранных дел сложилось различное впечатление от результатов этого обсуждения. Советской делегации казалось, что этот вопрос в основном был согласован между главами трех правительств после тех поправок, которые были сделаны премьер-министром в отношении Болгарии, Румынии, Венгрии и Финляндии. Там, где речь идет о мирных договорах, было решено слова «с Болгарией, Румынией» и т. д. заменить словами «для Болгарии, Румынии» и т. д. После этого вопрос был передан на окончательную редакцию трех министров иностранных дел. Но на совещании министров английская делегация внесла новую поправку к этому проекту, которая не была принята.

На совещании глав правительств речь шла о том, как назвать правительства указанных стран — ответственные или признанные. Русская делегация считает, что, если сказать «ответственные»,— это будет обидно для правительств, потому что они будут думать, что сейчас их считают безответственными. Если сказать «признанные», как мы приняли здесь на совещании глав трех правительств, то обиды не будет. Каждое из наших правительств может признать правительства этих государств, когда сочтет их демократическими. Обиды для правительств не будет, а смысл, содержание — те же самые. Мы здесь приняли решение, а потом министры собрались и отменили наше решение. Неправильно это. В принципе это было принято.

Трумэн. Я попрошу г-на Бирнса выступить по этому поводу.

Бирнс. На совещании трех министров иностранных дел советская делегация заявила, что, насколько она помнит, делегация США приняла ее предложение. От имени американской делегации я сказал, что президент в прин-

ципе принял предложение советской делегации и сказал при этом, что нужно передать это предложение на редактирование министров иностранных дел: президент имел в виду заменить только одно слово, а именно слово «рассмотрят» словом «изучат» (по-английски это имеет значение). Поэтому никаких разногласий между американской и советской делегациями по этому вопросу не было.

Но я заявил тогда министрам иностранных дел, что, насколько я помню, г-н Черчилль возражал против предложения советской делегации относительно изучения вопроса о признании правительств стран-сателлитов. По окончании совещания глав трех правительств г-н Черчилль сообщил мне, что он с этим предложением не согласен. Я также сказал министрам иностранных дел, что первоначально американская делегация внесла свое предложение относительно Италии с целью предоставить ей некоторые облегчения. В предложении было лишь сказано, что три державы выпустят декларацию о том, что они окажут поддержку вступлению Италии в Организацию Объединенных Наций.

Английская делегация предложила, чтобы мы включили в число стран, вступление которых в Организацию Объединенных Наций мы будем поддерживать, некоторые нейтральные страны. Мы с этим согласились. Советская делегация предложила включить в этот документ пункт относительно режима Франко, и, чтобы пойти навстречу советской делегации, мы добавили пункт относительно отрицательного отношения трех держав к вступлению Испании при режиме Франко в члены Объединенных Наций.

Советская делегация предложила затем включить пункт относительно правительств Болгарии, Румынии, Венгрии и Финляндии. Мы с известными поправками согласились на этот пункт. После этого было предложено внести редакционное исправление в пункт об этих странах. Мы с этим тоже согласились.

К сожалению, создается такое положение, что, когда мы соглашаемся с нашими советскими друзьями, английская делегация не дает своего согласия, а когда мы соглашаемся с нашими английскими друзьями, мы не получаем согласия советской делегации. (Смех). И сейчас, если советская и английская делегации могли бы достигнуть соглашения относительно советского предложения,

мы были бы готовы принять документ, но, если они не могут достигнуть соглашения, мы готовы снять наши скромные предложения относительно Италии.

Эттли. Г-н президент, я прошу разрешить г-ну Кадогану изложить нашу позицию в этом вопросе.

Кадоган. Документ, который мы рассматриваем, касается вопроса о принятии в Организацию Объединенных Наций Италии и других стран-сателлитов, а также, возможно, некоторых нейтральных стран. Насколько мне известно, текст документа может быть одобрен, за исключением двух пунктов. Генералиссимус Сталин уже говорил об одном из этих пунктов, а именно о замене слов «ответственные правительства» словами «признанные правительства». Мне кажется, что дня два тому назад, когда мы обсуждали этот вопрос, мы согласились с этой заменой.

Другой вопрос, более сложный, относится к пункту третьему, где сказано, что три правительства согласны рассмотреть в ближайшем будущем вопрос относительно возобновления дипломатических отношений с Финляндией, Болгарией, Румынией и Венгрией. Г-н Черчилль разъяснил, что, хотя он и согласен рассмотреть вопрос о возобновлении дипломатических отношений с этими странами, однако включение этого пункта в декларацию может ввести в заблуждение, потому что по конституции англичане не могут установить полные дипломатические отношения со странами, с которыми они технически еще находятся в состоянии войны. Было предложено компромиссное решение в том смысле, что по подписании мирных договоров мы могли бы возобновить полные дипломатические отношения с этими странами. Но мне кажется, что это наше предложение встретило возражения со стороны советской делегации.

Сталин. Я понял г-на Кадогана так, что он согласен сказать «признанные правительства» вместо «ответственные правительства».

Кадоган. Да.

Бирнс. Это для нас приемлемо: «признанные» вместо «ответственные».

Сталин. Здесь разницы в положении между Италией и союзниками, с одной стороны, и между другими странами и союзниками, с другой стороны, нет. Ни в Италии, ни в Румынии, ни в Венгрии, ни в Болгарии нет свободно

избранного правительства. Такое правительство имеется только в Финляндии. Во всех этих странах так же, как и в Италии, правительства образованы путем соглашений между основными партиями.

Если Италия признана США и Советским Союзом, а английским правительством признана на 90 процентов, то почему нельзя поставить вопрос о рассмотрении проблемы установления дипломатических отношений, скажем, с Румынией, Болгарией и Венгрией? С точки зрения демократии там такое же положение, как и в Италии. Между тем Италия признана тремя державами. Здесь не сказано — установить полные дипломатические отношения. Я, собственно, не понимаю смысла той поправки, о которой говорил г-н Кадоган. Почему делается такая разница между Италией, у которой нет свободно избранного правительства, и другими странами, у которых, кроме Финляндии, тоже нет свободно избранных правительств?

Бевин. Не заключается ли разница в том, что в отношении Италии мы знаем, каково там положение, а относительно положения в других странах нам ничего неизвестно?

Сталин. Вам не предлагается принять обязательство признать эти правительства. Пока вы будете обсуждать вопрос о признании, у вас будет возможность ознакомиться с положением в этих странах.

Бевин. Но почему следует взять это обязательство прежде, чем мы узнаем о положении в этих странах?

Сталин. Мы так же мало знали об Италии, когда устанавливали с ней дипломатические отношения,— может быть, даже меньше, чем вы знаете сейчас об этих странах. Речь идет о том, чтобы этим странам, начиная с Италии и кончая Болгарией, открыть какие-то пути для облегчения их положения. Для Италии здесь намечается перспектива вступления в Организацию Объединенных Наций. Это уже второй шаг по пути облегчения ее положения, а первый шаг состоял в том, что через шесть или восемь месяцев после ее капитуляции с ней были восстановлены дипломатические отношения. Второй шаг по пути облегчения положения Италии состоит в том, что мы спустя два года после ее капитуляции даем ей возможность вступить в Организацию Объединенных Наций.

Теперь задача состоит в том, чтобы в отношении других стран сделать первый шаг: обеспечить, чтобы был об-

сужден вопрос о признании их со стороны трех держав. Это предлагается сделать спустя десять месяцев после их капитуляции. Если мы согласились облегчить положение Италии, то надо кое-что сделать в этом смысле и для других стран. Вот в чем дело.

Эттли. Мне кажется, здесь было объяснено, что для нас невозможно возобновить полные дипломатические отношения с этими странами до подписания мирных договоров. Трудность заключается в том, что принятие советского предложения создает впечатление, что мы собираемся в отношении этих стран сделать то, что является для нас невозможным. Предложенная английской делегацией поправка, заключающаяся в том, что полные дипломатические отношения с этими странами будут возобновлены после заключения с ними мирных договоров, констатирует то, что является возможным.

Сталин. А если сказать так: три государства рассмотрят, каждое в отдельности, вопрос об установлении полных или неполных дипломатических отношений. С Финляндией в любом случае придется возобновить дипломатические отношения, уже неудобно затягивать разрешение этого вопроса, поскольку там образовано свободно избранное правительство. Речь идет об остальных странах.

Эттли. Мне кажется, что это предложение не соответствует действительности.

Сталин. Хорошо, примем тогда формулировку американцев: вместо «рассмотрят» сказать «изучат».

Эттли. Мне кажется, изменение слова не меняет сути дела. Один вопрос, заданный в парламенте, раскроет все дело.

Сталин. А мы ничего не скрываем. Что тут раскрывать? Одно дело — рассмотреть, другое дело — изучить. Все равно будете изучать этот вопрос. Было бы странно, если бы мы не изучали вопроса о признании этих правительств. Что тут страшного или нового? Я думаю, что англичане могли бы пойти на американскую формулировку. Вы ничего не потеряете, а только выиграете в общественном мнении этих стран.

Бевин. Когда мы вернемся, в парламенте нас спросят, что означает то, что мы сделали. Я хочу совершенно честно ответить народу. Если я признаю правительство, то я действительно признаю это правительство. И я не хочу

прикрывать словами вещи, которые можно понять иначе. Я предпочел бы принять самое последнее предложение американцев и отложить разрешение этого вопроса.

Сталин. Давайте отложим.

Трумэн. Какой мы будем обсуждать вопрос сейчас — о западной границе Польши или о репарациях с Италии и Австрии?

(Было решено обсудить вопрос о репарациях).

Трумэн. В таком случае я хочу сделать заявление относительно репараций с Италии. Как я уже сказал в первый день обсуждения вопроса об Италии, вернее, вопроса об облегчении условий перемирия с Италией, нам пришлось вместе с британским правительством предоставить Италии приблизительно 500 миллионов долларов для восстановления ее экономического положения. Мы рассчитываем дать Италии еще полмиллиарда долларов для той же цели. Правительство США готово предоставить эти средства для определенной цели, о которой я уже говорил, но не для того, чтобы Италия платила репарации союзным и другим странам. Если в Италии имеются военные заводы с тяжелым оборудованием, в котором нуждается Советский Союз, мы согласны, чтобы Советский Союз взял это оборудование. Однако те средства, которые мы хотим предоставить Италии, должны в первую очередь покрываться экспортом из Италии.

Сталин. Можно было бы согласиться насчет того, чтобы с Австрии репараций не брать, поскольку Австрия не представляла собой самостоятельного государства. Но нашему советскому народу очень трудно понять отсутствие всяких репараций с Италии, которая представляла самостоятельное государство и войска которой дошли до Волги и принимали участие в разорении нашей страны. У Австрии не было своих вооруженных сил, можно не брать с нее репараций, у Италии были свои вооруженные силы, и она должна платить репарации.

Трумэн. Если в Италии имеются предметы для репараций, я совершенно согласен передать их Советскому Союзу. Но мы не готовы и не согласны предоставить Италии деньги для того, чтобы она из этих денег платила репарации союзным и другим странам.

Сталин. Я понимаю точку зрения президента, но я хочу, чтобы президент понял мою точку зрения. Что дает моральное право советскому народу говорить о репара-

циях? Это то, что значительная часть территории Советского Союза была оккупирована вражескими войсками. Три с половиной года советские люди находились под пятой оккупантов. Если бы не было оккупации, может быть, у русских не было бы морального права говорить о репарациях. Может быть.

Трумэн. Я вполне вам сочувствую.

Сталин. Президент говорит, что, может быть, в Италии есть оборудование, которое понадобится русским, и, может быть, это оборудование пойдет для погашения репараций. Хорошо, я не хочу требовать многого, но я хотел бы установить примерную сумму этих репараций. Италия — большая страна. Какую сумму можно взять с Италии, какое будет ценностное выражение репараций? Если президент не готов ответить на этот вопрос, я готов подождать, но какую-то сумму репараций нужно установить.

Трумэн. Я не могу сейчас ответить на этот вопрос.

Бевин. При установлении суммы репараций я предлагаю не учитывать того, что дают Италии Америка и Великобритания, а принимать в расчет только то, что у Италии имеется в настоящее время.

Сталин. Конечно, интересами Америки и Англии я пренебрегать не собираюсь.

Эттли. Я хочу сказать, что я вполне согласен с тем, что сказал г-н президент. В то же время я питаю полное сочувствие к русскому народу в связи с тем, что он перенес. Но мы также много перенесли из-за нападения со стороны Италии. У нас также имеются разоренные земли, и можно представить себе чувства английского народа, если Италия должна будет платить репарации из средств, которые фактически предоставлены ей Америкой и Великобританией. Конечно, если в Италии имеется оборудование, которое можно изъять, то это другое дело, но на оплату репараций из средств, которые были даны нами и Америкой, наш народ никогда не согласится.

Сталин. Мы согласны взять оборудование.

Эттли. Военное оборудование?

Сталин. Военное оборудование.

Эттли. Это будут единовременные изъятия военного оборудования, а не репарационные изъятия из текущей продукции?

Сталин. Единовременные изъятия.

Бевин. Я хочу спросить: речь идет о военном оборудовании для производства военной продукции?

Сталин. Нет, почему? Речь идет об оборудовании военных заводов, которое будет использовано для производства мирной продукции; такое же оборудование мы изымаем из Германии.

Эттли. То, что я имел в виду, это — оборудование, которое не может быть использовано для мирного производства.

Сталин. Всякое оборудование может быть использовано для мирного производства. Наши военные заводы мы переводим теперь на мирное производство. Нет такого военного оборудования, которое нельзя было бы пустить на производство мирной продукции. Например, наши танковые заводы стали производить автомобили.

Бевин. Очень трудно определить то, что вы возьмете.

Сталин. Конечно, мы сейчас не можем назвать этого оборудования. Мы только хотим, чтобы здесь в принципе было принято решение, а потом мы сформулируем наши требования.

Трумэн. Насколько я понял, вы хотите, чтобы здесь было согласовано в принципе, что Италия должна заплатить репарации?

Сталин. Совершенно верно. Нужно определить сумму репараций, причем я согласен получить небольшую сумму.

Трумэн. Я думаю, что у нас нет больших разногласий в принципе по этому вопросу. Я только хочу, чтобы наши авансы, данные Италии, не были при этом затронуты.

Сталин. Я не имею в виду этих авансов.

Бевин. Возникает вопрос: что в первую очередь должно быть взято? Первые претензии в отношении Италии — это претензии Великобритании и США, которые предоставили ей заем, вторые претензии — это репарации.

Сталин. Мы не можем поощрять Италию и прочих агрессоров тем, что они безнаказанными выйдут из войны, не заплатив хотя бы частично за то, что они разорили. Отказаться от этого — значит заплатить им премию за войну.

Трумэн. Я совершенно согласен с вами.

Бевин. Я плохо слышу, в этом самолет виноват. (Бевину повторяют высказывания Сталина).

Трумэн. Я согласен с заявлением генералиссимуса, что

агрессор не должен получать премию, а должен понести наказание.

Сталин. Англичанам особенно много досталось от Италии.

Эттли. Мы этого не забываем.

Трумэн. Назначим час для нашего завтрашнего заседания. Как обычно, в пять?

Сталин. Пожалуйста.

Трумэн. Может быть, будем начинать нашу работу в четыре часа? С общего согласия, завтра заседание открываем в четыре часа.

Одиннадцатое заседание

31 июля 1945 г.

Трумэн. О вчерашнем заседании министров иностранных дел будет докладывать г-н Бевин.

Бевин. Я предлагаю специального доклада не делать, так как почти все вопросы вчерашней повестки дня заседания министров иностранных дел включены в сегодняшнюю повестку дня заседания «большой тройки».

(Предложение Бевина принимается).

Трумэн. Первый пункт нашей повестки дня — предложения США относительно германских репараций, относительно западной границы Польши и относительно допуска в Организацию Объединенных Наций. Г-н Бирнс доложит сейчас об этих предложениях.

Бирнс. Наши предложения по вопросу о репарациях были внесены как часть общих предложений, касающихся трех спорных вопросов. Этими вопросами являются: вопрос о репарациях, вопрос о западной границе Польши и вопрос о допущении в Организацию Объединенных Наций. Все эти три вопроса связаны между собой. Делегация США заявила на заседании министров иностранных дел, что она идет на уступки в отношении западной границы Польши и допуска в Организацию Объединенных Наций при условии достижения соглашения по всем трем вопросам.

Сталин. Они не связаны друг с другом, это разные вопросы.

Бирнс. Это верно, вопросы разные, но они стояли перед нами в течение двух недель, и мы не могли достичь никакого соглашения по ним. Делегация США внесла свои предложения по всем этим трем вопросам в надежде достичь соглашения. Однако мы заявляем здесь еще раз, что не согласимся пойти на уступку в отношении польской границы, если не будет достигнуто соглашения по двум другим вопросам.

В наших предложениях о репарациях, которые были обсуждены на вчерашнем заседании министров, предусматривалось, что 25 процентов капитального оборудования Рурской области, которое является ненужным для поддержания мирной экономики, будут переданы Советскому Союзу в обмен на продовольствие, уголь, цинк, калий, нефтяные продукты, лес и т. д. из советской зоны. Кроме того, мы предлагали 15 процентов такого капитального оборудования, которое считается ненужным для поддержания мирной экономики, передать из Рурской области Советскому Союзу без всякой оплаты или обмена.

Во время вчерашней дискуссии британская делегация заявила, что она не может согласиться на то, чтобы все это было передано только из Рурской области, но она может согласиться на передачу оборудования Советскому Союзу из всех западных зон. Мы согласились, что единственная разница между английскими и американскими предложениями заключается в размере процентов, и если проценты отнести ко всем трем западным зонам оккупации, то размер их должен быть снижен наполовину по сравнению с тем, который был установлен в отношении Рурской области, а именно — вместо 25 процентов будет 12,5 процента и вместо 15 процентов будет 7,5 процента.

Советская делегация не согласилась с этим предложением, однако американская и британская делегации считали, что это будет гораздо проще в административном отношении. Мы считали также, что изъятие из трех западных зон было бы гораздо выгоднее и для Советского Союза.

Сталин. Мы это тоже считаем правильным — производить изъятия не только из Рура, но и из всех западных зон.

Бирнс. Это предоставит вам большой выбор в отношении оборудования, поскольку это оборудование может идти из американской, английской и французской зон.

На заседании министров иностранных дел было предложено, что должен быть решен вопрос о том, кто будет определять то оборудование, которое не нужно для поддержания мирной экономики и которое будет доступно для репараций. Советская делегация считала, что следует точно указать, кем будет определяться количество и характер промышленного оборудования, не нужного для мирной экономики и доступного для репараций. Я предложил, чтобы это определение выносилось Контрольным советом по директивам Межсоюзной комиссии по репарациям и подлежало окончательному одобрению главнокомандующего зоной, из которой изымалось это оборудование. Я предложил, чтобы это определение выносилось Контрольным советом, потому что в Контрольном совете представлены все четыре державы и потому что Контрольный совет является административным органом, наделенным исполнительными функциями, в то время как Репарационная комиссия является органом, который занимается разработкой общей политики в отношении репараций.

Я повторю здесь предложение, которое я сделал вчера, а именно, что изъятие капитального оборудования должно быть завершено в течение двух лет, а поставки Советскому Союзу в обмен на поставки из его зоны оккупации должны производиться в течение пяти лет. Я предложил также, чтобы репарационные претензии других стран удовлетворялись из западных зон оккупации.

Два других вопроса, о которых я говорил и которые в наших предложениях связаны воедино, это вопрос о западной границе Польши и вопрос о допущении в Организацию Объединенных Наций. Мы согласны на решение этих вопросов при условии достижения соглашения по главному вопросу — вопросу о репарациях.

Согласно нашему предложению о польской западной границе, польскому правительству предоставляется право образовать управление на всей территории, которую поляки требовали.

Что касается вопроса о допуске в Организацию Объединенных Наций, то три дня тому назад мы сняли свои предложения. Однако сейчас мы вновь вносим по этому вопросу предложение, редакция которого, как мы надеемся, должна удовлетворить Советский Союз.

Редакция предложения, которое мы обсуждали четы-

ре дня тому назад, гласила: «Три правительства, каждое в отдельности, согласны изучить в ближайшее время вопрос об установлении дипломатических отношений с Финляндией, Румынией, Болгарией и Венгрией». Английская делегация заявила, что для нее это неприемлемо, так как английское правительство не может согласиться на установление полных дипломатических отношений со странами, с которыми оно находится в состоянии войны. Тогда глава Советского правительства спросил, готово ли английское правительство признать правительства этих стран полностью или частично. Поэтому я вношу сейчас предложение в следующей редакции:

«Три правительства, каждое в отдельности, согласны изучить в ближайшее время в свете условий, которые будут тогда существовать, вопрос об установлении в возможной степени дипломатических отношений с Финляндией, Румынией, Болгарией и Венгрией до заключения мирных договоров с этими странами».

Я надеюсь, что наши советские и английские друзья будут готовы принять наше предложение в этой редакции.

Сталин. Я не возражаю в принципе против этой редакции.

Бирнс. Мы предложили также добавить новый пункт — о том, что три правительства выражают желание, чтобы ввиду изменившихся условий в результате окончания войны в Европе представители союзной печати пользовались полной свободой сообщать миру о событиях в Болгарии, Румынии, Венгрии и Финляндии. Это почти та же редакция, с которой мы согласились раньше, когда речь шла о Польше.

Сталин. Это можно принять, но надо было бы изменить редакцию и сказать вместо «три правительства выражают желание» — «три правительства не сомневаются в том, что...» и т. д.

Бирнс. Что касается США, то это для нас приемлемо. Я думаю, что мы должны принять теперь этот документ, как он есть.

Таким образом, мы внесли три предложения, и я очень надеюсь, что все эти три предложения будут здесь приняты.

Сталин. У нас имеются предложения о репарациях.

(Затем оглашаются следующие предложения советской делегации по вопросу о репарациях с Германии:

«1. Репарации взимаются каждым правительством в своей зоне оккупации. Они имеют две формы: единовременные изъятия из национального имущества Германии (оборудование, материалы), которые производятся в течение двух лет после капитуляции, и ежегодные товарные поставки из текущей продукции, которые производятся в течение 10 лет после капитуляции.

2. Репарации имеют целью содействовать скорейшему восстановлению хозяйства пострадавших от германской оккупации стран с учетом необходимости всемерного сокращения военного потенциала Германии.

3. Сверх репараций, взимаемых в собственной зоне, СССР получает дополнительно из западных зон:

а) 15 процентов того основного промышленного оборудования, годного и комплектного,— в первую очередь в области металлургии, химии и машиностроения,— которое по определению Контрольного совета в Германии по докладу Репарационной комиссии подлежит в западных зонах изъятию в счет репараций; это оборудование передается Советскому Союзу в обмен на эквивалентное по ценности количество продовольствия, угля, калия, леса, керамических изделий и нефтепродуктов в течение 5 лет.

б) 10 процентов основного промышленного оборудования, изымаемого в западных зонах в счет репараций, без оплаты или обмена какого-либо рода.

Установление размеров оборудования и материалов, подлежащих изъятию в западных зонах в счет репараций, должно быть произведено не позже чем в трехмесячный срок.

4. Кроме того, СССР получает в счет репараций:

а) На 500 миллионов долларов акции промышленных и транспортных предприятий в западных зонах;

б) 30 процентов заграничных инвестиций Германии;

в) 30 процентов германского золота, поступившего в распоряжение союзников.

5. СССР берет на себя урегулирование репарационных требований Польши за счет своей доли репараций. США и Великобритания делают то же самое в отношении Франции, Югославии, Чехословакии, Бельгии, Голландии и Норвегии»).

Сталин. Г-н Бирнс здесь предлагал, чтобы все эти три вопроса были связаны в одно целое. Я понимаю его точку

зрения: он предлагает такую тактику, которую он считает целесообразной. Вносить такие предложения — это право каждой делегации, но советская делегация, независимо от этого, будет голосовать по каждому из этих вопросов отдельно.

Русская делегация выдвинула свои предложения. Главный вопрос, который вызывает споры и разногласия, это вопрос о репарациях с Германии. Здесь были изложены наши соображения. Вы, вероятно, заметили, что русская делегация встала на точку зрения американской делегации, ибо она отказалась от выставления определенной цифры и количества и перешла на проценты.

Несколько отклоняясь от главной темы, я хочу сказать о тех изъятиях, которые англичане произвели в русской зоне оккупации до занятия ее советскими войсками. Речь идет о вывозе товаров и оборудования. Кроме того, имеется записка от советского военного командования о том, что американские власти угнали 11 тысяч вагонов с той же территории. Как быть с этим имуществом, я не знаю. Вернут ли это имущество русским или компенсируют его каким-либо другим образом? Во всяком случае, американцы и англичане не только из своих зон вывозят оборудование, но вывезли его и из русской зоны, а мы из ваших зон не угнали ни одного вагона и не взяли никакого оборудования с заводов. Американцы обещали не вывозить, но вывезли.

Теперь по существу вопроса. Я думаю, что мы имеем возможность договориться по вопросу о репарациях с Германии. Какие основные положения американского плана? Первое — каждый производит изъятия из своей зоны оккупации. Мы согласны с этим. Второе — оборудование изымается не только из Рура, но и из всех западных зон. Это второе положение принято нами. Третье положение — часть изымаемых из западных зон репараций покрывается соответствующим эквивалентом из русской зоны в течение 5 лет. Затем четвертое положение — о том, что Контрольный совет определяет размеры изъятий из западных зон. Это тоже приемлемо.

В чем же теперь разногласия? Нас интересует вопрос о сроках, вопрос об окончании подсчета размеров репараций. Этого в американском проекте не содержится. Мы бы хотели установить трехмесячный срок.

Бирнс. Относительно срока вопрос надо согласовать.

Сталин. Речь идет о сроке определения размеров репараций. Какой-то срок надо предложить. Мы предлагаем три месяца. Этого достаточно?

Трумэн. По-моему, достаточно.

Эттли. Это короткий срок. Я должен немного подумать.

Сталин. Подумать, конечно, не лишне. Три, четыре, пять месяцев, но чтобы был установлен срок.

Эттли. Я предлагаю шесть месяцев.

Сталин. Хорошо, согласен.

Затем остается процент изъятия. Тут можно тоже добиться соглашения. Процентом больше или процентом меньше, это не решает вопроса. Я надеюсь, что в деле установления процента изъятия англичане и американцы пойдут нам навстречу. Мы потеряли очень много оборудования в этой войне, страшно много. Надо хоть одну двадцатую часть возместить. И я рассчитываю, что г-н Эттли поддержит наше предложение.

Эттли. Нет, я не могу.

Сталин. А вы подумайте и поддержите нас.

Эттли. Я целый день вчера думал об этом. (Смех).

Сталин. Что же остается? Я думаю, что нужно добиться общего соглашения по этому вопросу.

Бевин. В советском документе нет слов, которые я употребил вчера, а именно: «оборудование, которое не нужно для мирной экономики».

(Советская делегация оглашает еще раз соответствующую часть своих предложений по вопросу о репарациях).

Бевин. Я предлагаю, чтобы вы приняли эту мою фразу, которая совершенно точно излагает мою мысль.

Сталин. В чем она заключается?

Бевин. Контрольный совет должен сначала определить, какое количество оборудования оставляется для поддержания мирной экономики Германии.

Сталин. Это одно и то же.

Бевин. Так, может быть, вы примете мою фразу?

Сталин. А какая разница?

Бевин. Большая разница. Я не хочу, чтобы потом были недоразумения. Ваш текст можно понять и по-иному, а именно как 15 процентов всего оборудования.

Сталин. Нет, мы имеем в виду 15 процентов от подлежащего изъятию оборудования, то есть того оборудова-

ния, которое не требуется для поддержания мирного хозяйства Германии.

Бевин. Я бы предложил вставить это в документ, чтобы было совершенно ясно.

Сталин. А что тут неясного? Контрольный совет определяет, какое оборудование необходимо для мирной экономики Германии. А то, что остается, это и составит общий объем для репараций.

Бирнс. В нашей редакции эта фраза выражает общий взгляд английской и американской делегаций.

Сталин. Что вы предлагаете?

Бирнс. Количество промышленного оборудования, которое признается ненужным для мирной экономики и поэтому доступно для репараций, определяется Контрольным советом по директивам Межсоюзной комиссии по репарациям и подлежит окончательному одобрению командующего той зоной, из которой будет изъято это оборудование.

Сталин. Я не возражаю.

Бирнс. Таким образом, единственный вопрос, который остается открытым, это вопрос о процентах. Вы хотите 15 процентов и 10 процентов вместо 12,5 и 7,5 процента?

Сталин. Да.

Бирнс. Но, кроме того, вы хотите получить в счет репараций на 500 миллионов долларов акций промышленных предприятий, расположенных в западных зонах, 30 процентов заграничных инвестиций Германии и 30 процентов германского золота, поступившего в распоряжение союзников. Относительно золота, насколько я знаю мнение нашего штаба, я могу сказать, что имеется часть золота, принадлежавшего раньше другим странам. Было бы несправедливо отказать этим странам в их претензиях.

Сталин. Это относится к германскому золоту.

Бирнс. По нашим сведениям, германского золота не существует, так как все это золото награблено немцами во время войны. Мы должны вернуть это золото странам, которым оно раньше принадлежало. Если советская делегация настаивает на том, что Советский Союз должен получить дополнительно к этим процентам 500 миллионов долларов акций промышленных предприятий, как это изложено в советских предложениях, 30 процентов заграничных инвестиций Германии и 30 процентов золота, то этот вопрос надо здесь обсудить.

Сталин. Мы бы хотели это получить, если это возможно.

Бирнс. Что вы имеете в виду, когда говорите о заграничных инвестициях Германии?

Сталин. Инвестиции, которые немцы имели в других странах, в том числе в Америке.

Бирнс. Что касается инвестиций в Америке, то мы их блокировали, и требуется законодательство, чтобы предъявить претензии на эти фонды. Как будто конгресс уже сделал это. Я не сомневаюсь, что будут всякие претензии по этим фондам и со стороны беженцев, которые имеются в Америке. Вопрос этот требует юридического разрешения.

Кроме того, я уверен, что если, например, имеется определенное количество германских инвестиций в странах Латинской Америки, то правительства этих стран будут иметь претензии на эти средства.

Сталин. Это возможно.

Бевин. Вчера мы договорились, чтобы Франция была включена в Репарационную комиссию для того, чтобы принять участие в определении оборудования, подлежащего изъятию в счет репараций. Я хотел бы, чтобы Франция была включена в эту комиссию.

Сталин. Я не возражаю.

Бевин. Относительно процентов. Мне казалось, что вчера на совещании министров иностранных дел мы пошли вам навстречу, согласившись на 12,5 процента.

Кроме того, я хотел бы знать: не будет ли вопрос о репарациях препятствовать обычному обмену товаров по Германии в целом, принимая во внимание, что мы согласились относительно экономических принципов и нормального обмена товаров в Германии?

Сталин. Мы и обсудим этот вопрос, когда будем говорить об экономических принципах.

Бевин. Разрешение вопроса о золоте представляет большие затруднения. Что касается германских заграничных активов, то не согласились ли бы вы ограничиться активами нейтральных территорий?

Сталин. На это можно было бы согласиться.

Бирнс. Мы не можем согласиться ни с каким добавлением к нашему основному предложению. Я имею в виду пункт 4 советских предложений.

Сталин. Тогда процент надо повысить. По третьему

пункту давайте повысим процент, тем более что вы вывезли из нашей зоны много оборудования. (Смех). У нас было уничтожено страшно много оборудования, надо покрыть хотя бы небольшую часть этого оборудования.

Трумэн. Я хочу сделать следующее замечание относительно изъятий из вашей зоны. Мы об этом узнали три дня тому назад, когда нам был передан список этого оборудования. Я написал генералу Эйзенхауэру, чтобы он расследовал это дело и представил доклад. Если такое изъятие было произведено, то я заверяю вас, что оно было произведено не по приказанию правительства США. Могу вас заверить, что мы найдем возможности для компенсации.

Сталин. Предлагаю вернуться к обсуждению вопроса относительно процентов.

Трумэн. Если вы готовы снять четвертый пункт, то я готов принять 15 процентов и 10 процентов.

Сталин. Хорошо, я снимаю.

Бевин. Нам будет трудно удовлетворить Францию, Бельгию, Голландию из того количества оборудования, которое останется. Я бы предложил 12,5 процента и 10 процентов. Кроме того, мы просим изъять четвертый пункт.

Сталин. Мы с этим уже согласились. США входят в наше положение, как же вы не хотите войти в наше положение?

Бевин. Мы ответственны за зону, из которой будет изъято самое большое количество оборудования, а кроме того, будут предъявлены большие претензии со стороны Франции, Бельгии и Голландии.

Бирнс. Последняя фраза в наших предложениях гласит, что претензии по репарациям со стороны других стран, которые имеют право на репарации, должны быть покрыты из западных зон оккупации. Я прошу обсудить нашу редакцию относительно претензий других стран.

Сталин. Хорошо, я согласен не называть стран, а сказать в общей форме.

Бирнс. Я думаю, что это было бы более целесообразно, так как уже говорилось об отсутствии в этом списке Греции. Мы также считаем целесообразным сказать об этом в общей форме.

Сталин. Хорошо.

Бевин. У меня возникла мысль, что если вы получите требуемые вами проценты, то вместе с тем, что вы получите из своей зоны, вы будете иметь больше 50 процентов всех германских репараций.

Сталин. Гораздо меньше. Кроме того, мы ведь по 15 процентов даем эквивалент, это, собственно, обмен репарациями, а не новые репарации. Из западных зон мы получаем всего 10 процентов репараций. Это и есть, собственно, репарации; что же касается 15 процентов, то они даются за определенный эквивалент. Наши требования минимальны. Мы получаем от вас 10 процентов, а по остальному мы меняем, уплачиваем эквивалент. У вас же остается 90 процентов. Если мы получим по репарациям 7,5 процента вместо 10 процентов, это будет несправедливо. Я согласен на то, чтобы было 15 процентов и 10 процентов. Это более справедливо. Американцы согласны. Что же вы, г-н Бевин?

Бевин. Хорошо, я согласен.

Трумэн. Мы также согласны.

Бирнс. Таким образом, принимается проект наших предложений с новыми процентами плюс установление срока для определения суммы репараций.

Сталин. Кажется, мы исчерпали все наши разногласия по вопросу о репарациях. Нельзя ли передать этот проект на окончательную редакцию?

(Предложение принимается, создается комиссия для редактирования принятого решения).

Трумэн. Следующий вопрос — о западной границе Польши.

Бирнс. Мы передали наши предложения вчера, и вчера же они были обсуждены. Я думаю, что не следует их еще раз зачитывать. Если есть замечания или поправки, я готов их выслушать, но я надеюсь, что наши советские и английские друзья согласятся с нашими предложениями.

Бевин. Что касается позиции британского правительства, то у меня имеются инструкции придерживаться границы по Восточной Нейсе. Поэтому я хотел бы уточнить, в чем заключается это новое предложение. Переходит ли вся эта зона в руки польского правительства и будут ли советские войска выведены оттуда полностью, как это имело место в других зонах, где войска одной стороны отходили, а другая сторона принимала зону?

Я встречался с поляками и спрашивал их, каковы их намерения в отношении выполнения декларации, упомянутой в документе США. Я спрашивал их, какие у них намерения относительно проведения свободных и беспрепятственных выборов на основе тайного голосования. Они меня заверили, что хотят провести эти выборы как можно скорее и рассчитывают провести их в начале 1946 года. Но это, конечно, будет зависеть от некоторых условий, которые позволят им провести эти выборы.

Они также согласились относительно свободы печати в Польше и относительно того, что иностранные корреспонденты будут допущены в Польшу и могут посылать свою информацию без цензуры. Они мне дали заверение относительно свободы религии во всей стране.

Но есть еще один очень важный вопрос, а именно вопрос о возвращении на родину не только гражданских лиц, но и войск, которые находятся под союзным командованием в различных странах. Я просил поляков сделать по этому поводу заявление для того, чтобы мы могли быть уверенными, что эти люди по своем возвращении на родину будут поставлены в такие же условия, как и все остальные граждане.

Следующий вопрос, который особенно касается Советского правительства и британского правительства и который польское правительство не может сейчас урегулировать, это вопрос о военно-воздушной линии между Варшавой, Берлином и Лондоном для того, чтобы британское правительство могло поддерживать постоянную связь со своим послом в Варшаве. По этому вопросу я хотел бы немедленно прийти к соглашению. В документе, представленном США, сказано, что эта зона будет находиться под управлением польского правительства и не будет составлять части советской зоны. Как выразился г-н Бирнс, эта зона будет находиться под ответственностью поляков. Однако я понимаю это так, что, хотя мы и поставили эту зону под управление польской администрации, она остается под военным контролем союзников.

Бирнс. Мы оказались в положении, при котором Польша, с согласия Советского Союза, фактически управляет этой территорией. Ввиду этого три державы согласились, чтобы управление этой территорией осталось в руках Польши, чтобы не было больше споров насчет статуса

этой территории. При этом нет нужды в том, чтобы Польша имела представителя в Контрольном совете.

Бевин. Я не настаиваю. Если мы все понимаем, в чем дело, я не возражаю. Мне будут поставлены разные вопросы по возвращении, и поэтому я хотел бы знать, что произойдет в этой зоне. Возьмут ли всю эту зону поляки, а советские войска отойдут?

Сталин. Советские войска отошли бы, если бы эта территория не представляла коммуникаций Красной Армии, по которым происходит снабжение частей Красной Армии. Там есть две дороги: одна проходит на Берлин с севера, другая проходит южнее Кракова. Эти две линии представляют коммуникации для снабжения Советской Армии. Это то же самое, что имеется в Бельгии, Франции и Голландии.

Бевин. Число войск ограничено этими целями?

Сталин. Да, да. Мы оттуда уже вывели четыре пятых всех войск, которые находились там во время войны с Германией. Думаем и эту оставшуюся еще часть сократить. Что касается зоны, которая отходит к Польше согласно внесенному предложению, то этой зоной Польша фактически уже управляет и имеет там свою администрацию; русской администрации там нет.

Бевин. Не можете ли вы теперь помочь нам с этой военно-воздушной линией? Мы старались договориться по этому поводу с польским правительством, но оно сейчас не может согласиться.

Сталин. Почему не может согласиться?

Бевин. Я понял так, что этот вопрос касается советского военного командования, потому что мы должны лететь частично через русскую зону.

Сталин. Так вы и теперь летаете через русскую зону до Берлина.

Бевин. Можете ли вы согласиться, чтобы мы летали до Варшавы?

Сталин. Мы согласимся на это, если нам устроят полеты через Францию в Лондон. (Смех). А кроме того, надо договориться с поляками. Я представляю себе дело так: от Берлина до Варшавы будет установлена воздушная связь и будут летать английские или польские самолеты, согласно договору между Англией и Польшей. Что касается воздушной связи с Москвой по этой трассе, то с того места, с которого начинается граница с Россией,

будут летать русские летчики. Что касается удовлетворения нужд русских для полетов в Париж и Лондон, там, очевидно, будут летать английские или французские самолеты. Тогда будет трасса Лондон — Париж — Москва. Я так представляю себе это дело.

Бевин. Конечно, весь этот вопрос о воздушной связи — слишком большой вопрос, чтобы его можно было решить здесь сейчас, но мы всегда будем готовы обсудить этот вопрос относительно воздушной линии Лондон — Москва. А сейчас я прошу вас помочь нам с установлением линии Лондон — Варшава, она необходима нам для нашего удобства.

Сталин. Я понимаю. Я сделаю все, что возможно.

Бевин. Благодарю вас.

Трумэн. Мы кончили с польским вопросом?

Сталин. Английская делегация согласна?

Бевин. Согласна.

Сталин. Дело остается за поляками, я так понимаю. Хорошо, кончили с этим делом.

Бевин. Мы должны сообщить французам относительно изменения границы Польши.

Сталин. Пожалуйста.

Бирнс. Следующее наше предложение относится к вступлению Италии и других сателлитов в Организацию Объединенных Наций. Мы уже передали наш документ по этому вопросу.

Бевин. Британская делегация согласна.

Сталин. Наша поправка была уже высказана. Она касается нового пункта 4, точнее, той фразы, которая начинается словами: «Три правительства выражают желание, чтобы» и т. д. Мы предлагаем сказать: «Три правительства не сомневаются в том, что» и т. д.

(**Трумэн** и **Эттли** соглашаются с этой редакционной поправкой).

Трумэн. Решение относительно экономических принципов в отношении Германии было отложено до решения вопроса о репарациях. Я думаю, что сейчас не будет затруднений в разрешении этого вопроса.

Бирнс. Относительно документа об экономических принципах у меня есть два предложения, которые я хочу огласить. Первое относится к пункту 13, где говорится об общей политике в отношении денежной и банковской системы, централизованных налогов и пошлин. (Оглашает

редакционное изменение, которое принимается). Кроме того, предлагаю добавить в этот пункт новый подпункт «g» относительно транспорта и коммуникаций. Это должно быть также централизовано.

Сталин. Тут понадобится какой-то центральный административный аппарат Германии. Общую политику в отношении Германии трудно проводить, не имея какого-то центрального германского аппарата.

Бирнс. Это правильно.

Второе предложение относится к подпункту «d» пункта 14. Я предлагаю изменить последнюю фразу с тем, чтобы она звучала следующим образом: «Кроме тех случаев, когда заинтересованная оккупирующая держава считает, что это требуется для необходимого импорта, никакое предоставление субсидий или кредитов Германии или немцам со стороны каких бы то ни было иностранных лиц или правительств не может быть разрешено».

Бевин. Может быть, эту фразу лучше совсем исключить?

Бирнс. Согласен. У меня есть еще одно замечание. В результате нашего соглашения о репарациях мы считаем, что 18-й пункт отпадает.

(**Сталин** и **Бевин** выражают свое согласие на исключение пункта).

Бевин. Есть еще вопрос относительно первоочередности оплаты импорта, о чем мы говорили на вчерашнем заседании министров иностранных дел. Британская делегация предложила вчера включить в экономические принципы следующую фразу: «Оплата одобренного импорта в Германию должна производиться в первую очередь за счет выручки от экспорта продуктов текущего производства и товарных запасов».

Советская делегация предложила добавить следующую фразу: «Что касается остального, то приоритет должен быть отдан репарациям по сравнению с удовлетворением других экономических нужд». Британская и американская делегации не смогли принять это советское предложение. Британская делегация просит принять ее предложение.

Сталин. Нам кажется, что этот вопрос отпал вовсе.

Трумэн. Я понял именно так.

Бевин. Мне кажется, что это противоречит обращению с Германией как с единым целым в отношении экспорта,

импорта и т. д. Это разделит Германию на три зоны, и мы не будем в состоянии обращаться с Германией как с единым целым в вопросе, например, взимания налогов и т. д.

Сталин. Для этого нужен централизованный немецкий административный аппарат, чтобы через него можно было воздействовать на немецкое население. Этот вопрос будет обсужден в разделе «Политические принципы в отношении Германии».

Бевин. В принципе мы согласились на образование такого центрального аппарата, мы внесли только некоторые поправки. Может быть, оставить этот вопрос и перейти к политическим принципам, тогда мы увидим, что можно будет предпринять и по этому вопросу.

(**Сталин** и **Трумэн** выражают свое согласие.

Советская делегация напоминает, что в связи с обсуждением вопроса об экономических принципах она внесла предложение по вопросу о Рурской области, которое предусматривает, что Рурская промышленная область должна рассматриваться как часть Германии и что в отношении Рурской области должен быть установлен контроль четырех держав, для чего должен быть создан соответствующий Контрольный совет из представителей США, Великобритании, Франции и Советского Союза).

Бевин. Как я сказал вчера, я не могу обсуждать этого вопроса в отсутствие французов. Это — большой принципиальный вопрос, и французы очень близко в нем заинтересованы.

Сталин. Может быть, вопрос о контроле над Рурской областью сейчас отложить, а вот мысль, что Рурская область остается частью Германии, эту мысль следует отразить в нашем документе.

Трумэн. Безусловно, это часть Германии.

Сталин. Может быть, сказать об этом в одном из наших документов?

Бевин. Почему ставится этот вопрос?

Сталин. Этот вопрос поднимается потому, что на одной из конференций, на Тегеранской конференции, ставился вопрос о том, чтобы Рур был выделен из состава Германии в отдельную область под контролем Совета. Спустя несколько месяцев после Тегеранской конференции, когда г-н Черчилль приезжал в Москву, этот вопрос

тоже обсуждался при обмене мнениями между русскими и англичанами и опять была высказана мысль, что хорошо было бы Рурскую область выделить в отдельную область. Мысль о выделении Рурской области из состава Германии вытекала из тезиса о расчленении Германии. После этого произошло изменение взглядов на этот вопрос. Германия остается единым государством. Советская делегация ставит вопрос: согласны ли вы, чтобы Рурская область была оставлена в составе Германии? Вот почему этот вопрос встал здесь.

Трумэн. Мое мнение таково, что Рурская область является частью Германии и остается частью Германии.

Сталин. Было бы хорошо сказать об этом в одном из наших документов. Английская делегация согласна с тем, что Рур остается в составе Германии?

Бевин. Я не могу согласиться, потому что сейчас не имею перед собой картины предыдущего обсуждения этого вопроса. Я знаю, что была высказана мысль об интернационализации Рура для того, чтобы уменьшить военный потенциал Германии. Эта мысль была обсуждена. Я согласен, чтобы до решения этого вопроса Рур оставался под управлением Контрольного совета. Но я хотел бы иметь возможность переговорить по этому вопросу с моим правительством и предложил бы передать этот вопрос в Совет министров иностранных дел, чтобы иметь время по-настоящему изучить его.

(**Сталин** и **Трумэн** соглашаются с предложением Бевина).

Трумэн. Следующий вопрос — о политических принципах.

Бевин. Советская делегация представила проект по вопросу об организации центральной германской администрации, которая должна помогать Контрольному совету. Мы предлагаем принять по этому вопросу наш проект, который является более коротким. Мы предлагаем на известное время никакого центрального немецкого правительства не создавать.

Я предлагаю принять наш короткий проект вместо проекта советской делегации.

Сталин. Можно принять.

Трумэн. У меня нет возражений.

Бевин. Что касается пункта 19 экономических прин-

ципов, то я предложил бы передать этот пункт на рассмотрение экономической комиссии. Пусть она обсудит этот вопрос сейчас, пока мы находимся здесь.

Сталин. Пусть обсудит.

Трумэн. Следующий вопрос — о перемещении немецкого населения из Польши и Чехословакии.

Бирнс. Доклад комиссии, которая занималась этим вопросом, был принят целиком, кроме последней фразы, которая гласит: «В то же время чехословацкое правительство, польское правительство и Союзная контрольная комиссия в Венгрии будут поставлены в известность относительно вышеизложенного и к ним будет обращена просьба прекратить переселение до тех пор, пока заинтересованные правительства не изучат этого вопроса». Я думаю, что этот последний пункт очень нужен, тогда решение будет эффективным.

Сталин. А я боюсь того, что такое решение не даст серьезных результатов. Дело не в том, что немцев прямо берут и выгоняют из этих стран. Не так просто обстоит дело. Но их ставят в такое положение, при котором им лучше уйти из этих районов. Формально чехи и поляки могут сказать, что нет запрещения немцам жить там, но на деле немцы ставятся в такое положение, при котором жить им там становится невозможно. Я боюсь, что, если мы примем такое решение, оно не даст сколько-нибудь серьезных результатов.

Бирнс. В этом пункте говорится, что к этим правительствам будет обращена просьба временно прекратить выселение немецкого населения до тех пор, пока этот вопрос не будет обсужден в Контрольном совете. Если эти правительства не выселяют немцев и не заставляют их уезжать из Польши или Чехословакии, тогда этот документ не даст, конечно, результатов. Но если они это делают, то мы можем попросить их временно прекратить эти действия. По нашим сведениям, они заставляют немцев выезжать из Польши и Чехословакии. Переселение немцев в другие страны увеличивает наше бремя. Мы хотим, чтобы эти правительства в данном случае сотрудничали с нами.

Сталин. Поляки и чехи скажут вам, что у них нет приказа о выселении немцев. Но если вы настаиваете, я могу согласиться с этим предложением, боюсь только, что большого результата не будет.

Трумэн. Если вы согласитесь, мы будем благодарны. Возможно, что это предложение не изменит существующего положения, но даст нам возможность обратиться к этим правительствам.

Сталин. Хорошо, я не возражаю.

Бевин. Мы хотели бы известить об этом французов.

(**Сталин** и **Трумэн** соглашаются).

Сталин. Мы хотели бы закончить вопрос о германском флоте.

Трумэн. Этот вопрос сегодня еще не готов.

Сталин. Давайте условимся подготовить его к завтрашнему дню.

Трумэн. Хорошо, я согласен. Я собирался завтра уехать, но я могу остаться.

Сталин. В принципе было принято решение относительно германского флота, но это решение не было оформлено. Главами трех правительств этот вопрос решен, надо это решение оформить.

Трумэн. Комиссия может доложить завтра утром.

Сталин. Хорошо. Может быть, передать это дело министрам, так как в принципе вопрос этот решен?

Бевин. Может быть, соглашение будет достигнуто?

Бирнс. По имеющимся у меня сведениям, эта комиссия надеется достичь соглашения сегодня. Встреча назначена сегодня вечером.

Сталин. В принципе было решено, что Советскому Союзу передается $^1/_3$ часть военного флота, за исключением подводных лодок, большая часть которых будет потоплена, и $^1/_3$ часть торгового флота. Я прошу не откладывать этого вопроса и завтра решить его.

(**Трумэн** и **Эттли** выражают согласие).

Трумэн. Делегация Соединенных Штатов внесла документы относительно пересмотра процедуры Союзных контрольных комиссий в Болгарии, Румынии и Венгрии.

Бирнс. Наши предложения относительно выполнения Ялтинской декларации об освобожденной Европе были представлены и рассмотрены. По некоторым частям этого предложения мы не могли достигнуть соглашения. Однако было достигнуто соглашение относительно двух пунктов, касающихся пересмотра процедуры Союзных контрольных комиссий в трех странах. Первый пункт гласит:

«Три правительства принимают во внимание, что советские представители в Союзных контрольных комиссиях в Болгарии, Румынии и Венгрии сообщили их коллегам Соединенного Королевства и Соединенных Штатов предложения по улучшению работы Контрольных комиссий теперь, когда военные действия в Европе прекращены. Эти предложения предусматривают пожелания о регулярных и частых встречах трех представителей, об улучшении возможностей работы для британских и американских представителей и о предварительном совместном рассмотрении директив».

Второй пункт гласит:

«Три правительства соглашаются, что теперь будет предпринят пересмотр процедуры Союзных контрольных комиссий в этих странах, принимая в качестве базы дискуссии вышеизложенные предложения и принимая во внимание интересы и ответственность трех правительств, которые совместно предъявили условия перемирия соответственным странам».

Мы просим рассмотреть эти пункты и передаем вам документ, озаглавленный «О пересмотре процедуры Союзных контрольных комиссий в Румынии, Болгарии и Венгрии», датированный 31 июля 1945 года.

Сталин. Этот вопрос не стоял в порядке дня. Возможно, что мы не будем возражать, когда разберемся в этом вопросе.

Бирнс. Можно рассмотреть его завтра.

Сталин. Хорошо, рассмотрим завтра.

Трумэн. Следующий вопрос — о Югославии. Имеются английские предложения.

Сталин. Мы только что роздали проект, касающийся греческого вопроса. Что касается Югославии, то мы вчера передали проект относительно Триеста и Истрии.

Бевин. Мне кажется, что мы представили весьма разумное предложение относительно Югославии. Советская делегация представила два других предложения. Я предлагаю отказаться от рассмотрения всех трех предложений.

Сталин. Хорошо.

Трумэн. Последний вопрос — о военных преступниках.

(Советская делегация заявила, что она готова принять за основу проект британской делегации по этому вопро-

су с одной небольшой поправкой. Она предложила, чтобы в последней фразе этого проекта, где говорится о том, что три правительства считают делом огромной важности, чтобы суд над главными преступниками начался как можно скорее, после слов «главные преступники» были добавлены слова: «такие, как Геринг, Гесс, Риббентроп, Розенберг, Кейтель и др.»).

Эттли. Наше затруднение в отношении выбора военных преступников заключается в том, что мы представили проект соглашения прокурору и, возможно, он включит туда целый ряд других лиц. Поэтому мы считаем, что лучше ограничиться нашим прежним предложением, не называя фамилий главных преступников.

Сталин. В своей поправке мы не предлагаем обязательно только этих людей судить, но мы предлагаем судить людей вроде Риббентропа и других. Нельзя больше избегать имен некоторых лиц, известных в качестве главных преступников войны. Много говорилось о военных преступниках, и народы ждут, что мы назовем какие-то имена. Наше молчание насчет этих лиц бросает тень на наш авторитет. Уверяю вас. Поэтому мы выиграем в политическом отношении, и общественное мнение Европы будет довольно, если мы назовем некоторых лиц. Если мы этих лиц назовем как пример, то, я думаю, прокурор не будет обижен. Прокурор может сказать, что некоторые лица неправильно названы. Но оснований для того, чтобы прокурор обиделся, нет. Политически мы только выиграем, если назовем некоторых из этих лиц.

Бирнс. Когда мы обсуждали этот вопрос вчера, я считал нецелесообразным называть определенных лиц или пытаться определить здесь их виновность. Каждая страна имеет среди нацистских преступников своих «любимцев», и если мы не включим этих преступников в список, то нам трудно будет объяснить, почему они не включены.

Сталин. Но в предложении так и сказано: «такие, как... и др.». Это не ограничивает количество, но создает ясность.

Бирнс. Это дает преимущество тем, кого вы называете. (Смех).

Эттли. Я не думаю, что перечисление имен усилит наш документ. Например, я считаю, что Гитлер жив, а его нет в нашем списке.

Сталин. Но его нет в наших руках.

Эттли. Но вы даете фамилии главных преступников в качестве примера.

Сталин. Я согласен добавить Гитлера (общий смех), хотя он и не находится в наших руках. Я иду на эту уступку. (Общий смех).

Эттли. Я считаю, что миру известно, кто является главными преступниками.

Сталин. Но, видите ли, наше молчание в этом вопросе расценивается так, что мы собираемся спасать главных преступников, что мы отыграемся на мелких преступниках, а крупным дали возможность спастись.

Бирнс. Сегодня я говорил по телефону с судьей Джексоном — председателем нашего Верховного суда. Он является нашим представителем в комиссии по военным преступникам, заседающей в Лондоне. Он выразил надежду, что, может быть, сегодня или завтра утром будет достигнуто соглашение относительно Международного трибунала. Судья Джексон собирается позвонить мне завтра утром, чтобы информировать меня по вопросу о трибунале. Сообщение о создании Международного трибунала явится хорошей новостью для народов, которые ждут скорого суда над военными преступниками.

Сталин. Но это другой вопрос.

Бирнс. Но мы можем включить в наше заявление сообщение о соглашении в Лондоне. Это сделает наше заявление весьма эффективным.

Сталин. Без названия некоторых лиц, особо одиозных, из числа немецких военных преступников наше заявление не будет политически эффективным. Я совещался с русскими юристами, они думают, что лучше было бы назвать некоторых лиц для ориентировки.

Трумэн. Я хочу сделать предложение. Мы ожидаем сведений от нашего представителя в Лондоне завтра утром. Не можем ли мы отложить этот вопрос до завтра?

Сталин. Хорошо.

Трумэн. Я очень интересуюсь вопросом относительно внутренних водных путей сообщения. Хорошо было бы обсудить этот вопрос и прийти к некоторым принципиальным решениям. Мы обсуждали этот вопрос 23 июля, и он был передан в комиссию, которая, насколько мне известно, ни разу не собиралась. Я очень хочу, чтобы было раз-

работано какое-то определенное решение насчет использования этих путей сообщения, потому что свобода движения по этим путям имеет большое значение. Я думаю, что общая политика по использованию этих внутренних водных путей сообщения может сыграть важную роль. Очень возможно, что мы не сумеем достичь соглашения относительно деталей этого вопроса, но я думаю, что этот вопрос такой важный, что его стоит обсудить.

Эттли. Я в общем согласен с американскими предложениями по этому вопросу.

Сталин. Этот вопрос возник в связи с вопросом о черноморских проливах, который здесь стоял. Вопрос о черноморских проливах был внесен в повестку англичанами и затем был отложен. Вопрос о внутренних водных путях был поставлен здесь дополнительно. Это — серьезный вопрос, и он требует изучения. Вопрос этот был поставлен для нас неожиданно, у нас нет под рукой соответствующих материалов. Вопрос этот новый, требуются люди, которые знают эти дела. Может быть, до конца конференции удастся что-нибудь сделать, но на это очень трудно надеяться.

Трумэн. Я вношу предложение, чтобы этот вопрос был передан Совету министров иностранных дел в Лондоне, а до этого времени можно собрать все необходимые материалы и изучить вопрос.

(**Сталин** и **Эттли** соглашаются).

Трумэн. Я могу сообщить представителям польского правительства, которые здесь находятся, о наших решениях в отношении западной границы Польши?

Сталин. Хорошо.

Трумэн. Кому можно поручить сделать это сообщение?

Сталин. Можно поручить министрам или послать письменное сообщение. Можно также попросить президента сделать это, так как он возглавляет нашу конференцию.

Трумэн. Хорошо. Я хочу сообщить, что комиссия по подготовке коммюнике работает хорошо. Когда мы соберемся завтра? В 4 часа?

Сталин. Я думаю, нам придется встретиться два раза: первое заседание назначим на 3 часа и второе на 8 часов вечера. Это будет заключительное заседание.

(**Трумэн** и **Эттли** соглашаются).

Двенадцатое заседание

1 августа 1945 г.

Трумэн. О заседании министров иностранных дел сегодня будет докладывать г-н Бирнс.

Бирнс. Комиссия, занимающаяся вопросами репараций с Германии, доложила, что она не сумела достичь соглашения по всем вопросам проекта соглашения о репарациях. Представители США и Великобритании считали, что в обмен на согласованные проценты капитального оборудования, предоставляемого Советскому Союзу согласно пункту 4 проекта соглашения, представители Советского Союза согласились отказаться от претензий в отношении германских заграничных активов, золота, захваченного у немцев, и акций германских предприятий в западных зонах оккупации. Поэтому представители США и Англии считали, что заграничные активы Германии должны быть включены в пункт 3 в качестве источника репараций для других стран, кроме Советского Союза. Они заявили, что если это не будет сделано, то согласованные проценты промышленного оборудования в пункте 4 будут неприемлемы для представителей США и Англии.

Советский представитель считал, что еще не было принято согласованного решения относительно отказа Советского Союза от претензий на заграничные активы Германии, золото и акции. Поэтому советский представитель не согласился на включение германских заграничных активов в пункт 3 и рекомендовал передать этот вопрос на разрешение глав правительств.

Представители США и Англии заявили, что проект соглашения по репарациям был бы для них приемлем при условии, что советский представитель согласится на вышеуказанные предложения относительно заграничных активов Германии, золота и акций. Советский представитель заявил, что он не может согласиться с тем, каким образом ставят этот вопрос представители США и Англии.

Вопрос заключается в том, можно ли считать, что вчера «большая тройка» достигла соглашения по вопросу о репарациях, когда советский представитель заявил, что

он не будет настаивать на предоставлении Советскому Союзу 30 процентов германского золота, заграничных активов и акций.

Сталин. Как понимать в ваших предложениях, что Советский Союз не предъявляет претензий на промышленные акции? Это касается только западной зоны?

Трумэн. Я думаю, что, когда министры иностранных дел говорили о западной зоне, они имели в виду зоны США, Великобритании и Франции.

Сталин. Нельзя ли так договориться: от золота советская делегация отказывается; что касается акций германских предприятий в западной зоне, то мы от них тоже отказываемся и будем считать, что весь район Западной Германии будет находиться у вас, а то, что касается Восточной Германии, — это находится у нас.

Трумэн. Это предложение надо обсудить.

Сталин. Что касается германских инвестиций, то я поставил бы вопрос таким образом: что касается германских инвестиций в Восточной Европе, то они сохраняются за нами, а все остальное — остается за вами.

Трумэн. Речь идет только о германских инвестициях в Европе или и в других странах?

Сталин. Я скажу еще конкретнее: германские инвестиции, которые имеются в Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии, сохраняются за нами, а все остальные сохраняются за вами.

Бевин. Германские инвестиции в других странах сохраняются за нами?

Сталин. Во всех других странах, в Южной Америке, в Канаде и т. д. — это все ваше.

Бевин. Следовательно, все германские активы в других странах, расположенных к западу от зон оккупации Германии, будут принадлежать США, Великобритании и другим странам? Это также относится и к Греции?

Сталин. Да.

Бирнс. Как это относится к вопросу об акциях германских предприятий?

Сталин. В нашей зоне — они будут у нас, в вашей зоне — у вас. Есть западная и восточная зоны.

Бирнс. Ваше вчерашнее предложение мы поняли так, что вы не будете иметь претензий на акции в западной зоне.

Сталин. Не будем.

Бирнс. А второе ваше предложение — об инвестициях за границей — вы тоже снимаете?

Сталин. Здесь дело обстоит несколько по-другому.

Бевин. Вчера, когда мы решали вопрос о репарациях, я понял так, что советская делегация отказалась от своих претензий на заграничные инвестиции Германии.

Сталин. Я считал, что инвестиции в восточной зоне остаются за нами. Мы имели в виду западную зону, когда говорили об отказе от инвестиций. Мы отказываемся от инвестиций в Западной Европе и во всех других странах. Известно, что в Западной Европе и в Америке германских инвестиций было гораздо больше, чем на востоке. Мы надеялись получить 30 процентов этих инвестиций, но потом от этого отказались. Но вы тоже должны отказаться от претензий в Восточной Европе.

Бевин. Я должен сказать, что, когда я согласился на предложение генералиссимуса, я понимал это предложение как отказ советской делегации от германских инвестиций за границей вообще.

Сталин. Но не в Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии.

Бирнс. Это понятно. Я хочу уточнить относительно акций промышленных или транспортных предприятий в Германии. Если, например, правление такого предприятия находится в Берлине, а само предприятие и все его имущество находятся в западной зоне или в США, то будете ли вы предъявлять претензии в отношении этих предприятий?

Сталин. Если предприятие находится на западе, никаких претензий мы предъявлять не будем. Правление может находиться в Берлине, дело не в этом, а в том, где находится само предприятие.

Бирнс. Если предприятие находится не в Восточной Европе, а в Западной Европе или в других частях света, то это предприятие остается за нами?

Сталин. В США, в Норвегии, в Швейцарии, в Швеции, в Аргентине (*общий смех*) и т. д. — это все ваше.

Бевин. Я хотел бы спросить генералиссимуса: готов ли он отказаться от всех претензий по германским заграничным активам, которые находятся вне зоны русских оккупационных войск?

Сталин. Готов отказаться.

Бирнс. А в отношении золота?

Сталин. Мы уже сняли наши претензии на золото.

Бирнс. Есть активы Германии, которые находятся в других странах. Как понимать в этом смысле советское предложение?

Сталин. Мы оставляем за собой только те, которые находятся в восточной зоне.

Бирнс. Я думаю, что очень важно, чтобы мы понимали друг друга. Вопрос г-на Бевина заключается в том, ограничиваются ли русские претензии на активы зоной, оккупированной русской армией. Я хотел бы, чтобы вы согласились с точкой зрения г-на Бевина.

Сталин. Мы согласны.

Бирнс. Несколько минут тому назад вы говорили относительно активов, которые находятся в Болгарии, Румынии, Венгрии и Финляндии. Я хочу внести сейчас полную ясность, чтобы не было никаких недоразумений в будущем. Значит ли ваше предложение, что вы не имеете никаких претензий в отношении активов, находящихся вне вашей зоны оккупации? Вы имеете претензии только на те активы, которые находятся в советской зоне?

Сталин. Да. Чехословакия сюда не войдет, Югославия не войдет. Восточная половина Австрии войдет.

Бевин. Ясно, что активы, принадлежащие Великобритании и США в этой зоне, не будут затронуты.

Сталин. Конечно. Мы с Великобританией и США не воюем. (Общий смех).

Бевин. Но эти активы во время войны могли быть захвачены немцами.

Сталин. Это придется разбирать в каждом конкретном случае.

Трумэн. Я думаю, что мы вчера согласились удовлетворить претензии Чехословакии и Югославии. Но как это получится, если они не будут предъявлять претензии на германские активы, которые находятся на их территории?

Сталин. Мы не будем предъявлять претензии на активы Германии в Чехословакии, Югославии и Западной Австрии.

Может быть, это наше решение изложить в протоколе?

Бирнс. Я думаю, что будет лучше сделать это, чтобы не было никаких недоразумений.

Сталин. Хорошо.

Бирнс. Может быть, опубликовать его?

Сталин. Все равно, как хотите.

Бирнс. Я хочу обратить ваше внимание на фразу в третьем пункте доклада комиссии по вопросам репараций, где сказано, что репарационные претензии США, Соединенного Королевства и других стран, которые имеют право на репарации, будут удовлетворены из западной зоны и из германских заграничных активов. Ввиду соглашения, которого мы достигли сейчас, я думаю, что никаких разногласий в отношении этой редакции у нас не будет.

Сталин. Я предлагаю сказать «и из соответствующих германских заграничных активов». А в протоколе эту формулировку можно будет уточнить.

Бирнс. Мы поручим редакционной комиссии отредактировать это предложение.

Сталин. Не возражаю.

Эттли. Я имею два вопроса, которые хотел бы здесь поднять: первый — чтобы французское правительство было приглашено правительствами Великобритании, СССР и США в члены Репарационной комиссии с сегодняшнего дня.

Сталин. Давайте пригласим еще Польшу, она сильно пострадала.

Эттли. Я понял так, что мы согласились на приглашение Франции.

Сталин. А почему Польшу нельзя пригласить?

Трумэн. Вчера вы согласились, что Советский Союз возьмет на себя удовлетворение претензий Польши по репарациям, а мы, со своей стороны, возьмем на себя обязательство удовлетворить репарационные претензии Франции и других стран. Включение Франции в эту комиссию вызвало бы, по-моему, некоторую путаницу.

Сталин. Г-н Эттли настаивает?

Эттли. Я бы хотел.

Сталин. Хорошо, я не возражаю.

Эттли. Мой второй вопрос заключается в следующем: я представил меморандум относительно того, что английский и американский командующие должны поставлять 40 тысяч тонн продовольствия ежемесячно и 2400 тонн угля ежедневно в британскую и американскую зоны в Берлине в течение 30 дней начиная с 15 июля. Контрольному совету должно быть поручено немедленно составить программу снабжения продовольствием, углем и другими видами топлива района Большого Берлина в течение следующих 6 месяцев. Эти количества будут поставляться в

район Большого Берлина Советским правительством в порядке авансовых поставок согласно пункту 4 «а» соглашения о репарациях. Это — практические меры, которые обеспечат текущие потребности.

Сталин. Вопрос не подготовлен, мы не знакомы с этим вопросом, мнение Контрольного совета по этому вопросу нам не известно. Поэтому решать этот вопрос сейчас мы просто затрудняемся. Я считаю, что надо предварительно узнать мнение Контрольного совета о том, как он думает удовлетворять нужды населения, какие у него планы насчет снабжения.

Эттли. Я так понял, что поставки капитального оборудования из Рурского бассейна должны начаться теперь, и мне кажется, что поставки необходимого продовольствия и топлива для района Большого Берлина также должны начаться теперь. Конечно, количество может быть установлено Контрольным советом.

Сталин. Соглашение, конечно, должно быть, но нужно назвать количество, чего мы сейчас не можем сделать без доклада Контрольного совета о его планах в этом отношении. Я должен сказать, что Контрольный совет лучше разрешит этот вопрос, чем мы тут могли бы его решить, он практически подходит к разрешению этого вопроса.

Эттли. Это как раз то, о чем я прошу. Я прошу о том, чтобы Контрольный совет составил программу, но в принципе мы должны договориться об этом здесь.

Сталин. Мне не известно, как обстоит это дело. Я не могу ничего решать, не имея настоящих материалов. Я не могу брать цифры с потолка. Цифры должны быть обоснованы.

Эттли. Я не прошу о цифрах, в своем меморандуме я прошу, чтобы Контрольный совет составил эту программу.

Сталин. 40 тысяч тонн продовольствия в месяц, 2400 тонн угля ежедневно — откуда взялись эти цифры, как они обоснованы?

Эттли. Эти цифры были согласованы и фактически эти количества уже поставляются.

Сталин. Я этого не знаю.

Бевин. Вопрос заключается в том, что существует временное соглашение о ежемесячных поставках для Берлина.

Сталин. Кто согласился с этим?

Бевин. В Контрольном совете было заключено временное соглашение о поставках, согласно которому британские и американские власти приняли на себя обязательство поставлять эти количества для Берлина в течение месяца, что сейчас и делается. Мы предлагаем, чтобы Контрольный совет составил в принципе необходимую программу и чтобы советские власти начали поставлять эти указанные количества по истечении месячного срока. Когда истечет этот срок, то возникнет вопрос: кто дальше будет поставлять продовольствие и топливо?

Сталин. Надо заслушать Контрольный совет и его соображения, тогда можно что-то решить.

Эттли. Я понял так, что вы хотите, чтобы поставки капитального оборудования из Рурского бассейна были начаты уже теперь. Мы просим того же в отношении ваших поставок продовольствия и топлива.

Сталин. Я это понимаю, однако я хотел бы знать, какие соображения имеются у Контрольного совета, чтобы можно было обсудить их и принять решение. Я считаю, что вопрос надо отложить.

Бевин. Мы хотим работать совместно друг с другом.

Сталин. А если мы не готовы к этому вопросу, как тут быть?

Бевин. Тогда придется отложить.

Сталин. Об этом мы и просим.

Бевин. Мы только хотели прийти к взаимному соглашению, чтобы помочь друг другу.

Сталин. Мы к этому вопросу не подготовлены, я не имел возможности посоветоваться с Контрольным советом, узнать его соображения.

Трумэн. Кажется, мы исчерпали все разногласия по репарационному вопросу?

Эттли. Я понял генералиссимуса так, что с Австрии мы не будем требовать репараций. Может быть, это следует внести в протокол?

Сталин. Можно внести в протокол.

Бирнс. Следующий вопрос — это вопрос об экономических принципах в отношении Германии. Представители США и Англии предлагают включить в документ об экономических принципах пункт относительно германских заграничных активов. Это будет пункт 18, который гласит следующее: «Контрольный совет должен предпри-

нять надлежащие шаги для осуществления контроля и распоряжения теми германскими активами за границей, которые еще не поступили под контроль Объединенных Наций, принимавших участие в войне против Германии».

Сталин. Что это — поправка или новое предложение?

Бирнс. Это — рекомендация комиссии по экономическим вопросам. Она предлагает включить этот пункт в документ об экономических принципах в отношении Германии.

Сталин. Не понадобится ли поправка в этот пункт после принятия решения по репарациям? Мы узнали об этом пункте после того, как мы уже договорились по этому вопросу.

Бирнс. Советские представители в комиссии по экономическим вопросам заявили, что они мало интересуются этим вопросом, и зарезервировали свою позицию до изучения этого вопроса. Данный вопрос относится к контролю.

Сталин. Я не возражаю.

Трумэн. Благодарю.

Бирнс. Комиссия не успела достигнуть соглашения относительно пункта 19 проекта об экономических принципах, который касается вопроса об оплате импорта в Германию. Кроме того, советский представитель заявил, что он пока не готов обсуждать дальше вопрос о поставках нефти в Западную Европу.

Сталин. Мы не возражаем против британской формулировки пункта 19.

Бирнс. Я понял так, что английские представители согласились с американскими представителями относительно того, что если пункт 19 будет принят, то следует добавить предложенные американскими представителями слова о том, что указанное в этом пункте условие не будет применяться к оборудованию и продуктам, упомянутым в пунктах 4 «a» и 4 «b» соглашения о германских репарациях. Мы считаем, что это добавление вытекает из соглашения о репарациях, которого мы достигли вчера.

Сталин. Хорошо.

Эттли. Согласен.

Бирнс. Таким образом, мы покончили со всеми разногласиями по проекту об экономических принципах.

Следующий вопрос — о военных преступниках.

Бевин. Я прошу меня извинить, но я считаю, что об

этих экономических принципах следует информировать французов.

Сталин. Пожалуйста.

Бирнс. Следующий вопрос — о военных преступниках. Единственный вопрос, который остается открытым, заключается в том, следует ли упоминать фамилии некоторых крупнейших немецких военных преступников. Представители США и Англии на сегодняшнем заседании министров иностранных дел сочли правильным не упоминать этих фамилий, а предоставить это право прокурору. Они согласились также, что должен быть принят английский текст. Советские представители заявили, что они согласны с английским проектом, но при условии добавления некоторых имен.

Сталин. Имена, по-моему, нужны. Это нужно сделать для общественного мнения. Надо, чтобы люди это знали. Будем ли мы привлекать к суду каких-либо немецких промышленников? Я думаю, что будем. Мы называем Круппа. Если Крупп не годится, давайте назовем других.

Трумэн. Все они мне не нравятся. (Смех). Я думаю, что если мы упомянем некоторые имена и оставим в стороне других, то будут думать, что этих других мы не собираемся привлекать.

Сталин. Но здесь эти имена приводятся как пример. Например, поражает, почему Гесс до сих пор сидит в Англии на всем готовом и не привлекается к ответственности? Надо эти имена назвать, это будет важно для общественного мнения, для народов.

Бевин. О Гессе вам не следует беспокоиться.

Сталин. Дело не в моем мнении, а в общественном мнении, во мнении народов всех стран, которые были оккупированы немцами.

Бевин. Если у вас имеются какие-либо сомнения относительно Гесса, то я могу дать обязательство, что он будет предан суду.

Сталин. Никаких обязательств я от г-на Бевина не прошу, достаточно одного его заявления, чтобы я не сомневался, что это будет сделано. Но дело не во мне, а дело в народах, в общественном мнении.

Трумэн. Как вы знаете, мы назначили в качестве нашего представителя в лондонской комиссии судью Джексона. Он является выдающимся судьей и очень опытным

юристом. Он хорошо знаком с юридической процедурой. Джексон выступает против упоминания имен военных преступников, заявляя, что это помешает их работе. Он заверяет, что в течение 30 дней судебный процесс будет подготовлен и не следует сомневаться относительно наших взглядов на этих людей.

Сталин. Может быть, назвать меньшее количество лиц, скажем трех?

Бевин. Наши юристы придерживаются такого же взгляда, как и американские.

Сталин. А наши — противоположного. А может быть, мы условимся о том, чтобы не позднее, чем через месяц, был опубликован первый список привлекаемых к суду немецких военных преступников?

(**Трумэн** и **Эттли** соглашаются с предложением Сталина).

Бирнс. Следующий вопрос — относительно использования союзного имущества в качестве репараций сателлитов или военных трофеев. Я передал вчера это предложение. На сегодняшнем заседании советская делегация просила дать ей возможность более тщательно познакомиться с этим предложением.

(Советская делегация заявила, что ввиду того, что сегодня фактически не было перерыва между двумя заседаниями, она не имела времени изучить редакцию этого предложения. Она указала, что по существу это предложение кажется ей правильным и приемлемым, но надо изучить его формулировку).

Бирнс. Я готов отложить до вечера.

Эттли. Я предлагаю, чтобы на повестке дня сегодняшнего вечернего заседания стояло как можно меньше вопросов.

Бирнс. Следующий вопрос — относительно снабжения нефтью Западной Европы. Вопрос сейчас рассматривается экономической комиссией.

Следующий вопрос — относительно враждебной Советскому Союзу деятельности русских белоэмигрантов и других враждебных СССР лиц и организаций в американской и британской зонах оккупации в Германии и Австрии. Англо-американские представители заявили, что они расследуют положение и факты, изложенные в советском документе по этому поводу, и немедленно сообщат Советскому Союзу о результатах этого расследо-

вания, после чего они будут готовы обсудить меры для прекращения этой деятельности.

Советская делегация обратила внимание на памятную записку относительно репатриации советских граждан, переданную ею британской и американской делегациям. Британские представители заявили, что они выяснят положение, о котором говорится в советском документе, и займутся этим вопросом немедленно по возвращении в Лондон.

Советские представители передали новый документ по этому вопросу и подчеркнули то важное значение, которое они придают этому делу. Американский и британский представители заявили, что они займутся этим вопросом как можно скорее.

Министры иностранных дел обсудили доклад комиссии по составлению протокола конференции. Эта комиссия не смогла достигнуть соглашения по четырем вопросам, однако министрам иностранных дел удалось добиться соглашения по этим вопросам. Они согласились также, что только важные решения конференции будут включены в протокол. Они указали комиссии по протоколу, что в протокол должны быть также включены новые решения конференции.

Следующий вопрос — относительно пересмотра процедуры Союзных контрольных комиссий в Болгарии, Румынии и Венгрии. Был принят проект США по этому вопросу, из которого была исключена вторая фраза. Было решено, что эту фразу заменят третий, четвертый и пятый пункты письма советского представителя, переданного представителям Соединенных Штатов и Великобритании в Союзной контрольной комиссии в Венгрии. Этот вопрос был передан в редакционную комиссию, которая после обсуждения рекомендует нам следующий текст: «Три правительства отметили, что советские представители в Союзных контрольных комиссиях в Румынии, Болгарии и Венгрии сообщили их коллегам Соединенного Королевства и Соединенных Штатов предложения по улучшению работы Контрольных комиссий теперь, когда военные действия в Европе прекратились.

Три правительства согласились, что теперь будет предпринят пересмотр процедуры Союзных контрольных комиссий в этих странах, принимая во внимание интересы и ответственность трех правительств, которые сов-

местно предъявили условия перемирия соответственным странам, и принимая в качестве базы в отношении всех трех стран предложения Советского правительства для Союзной контрольной комиссии в Венгрии».

Можем ли мы принять предложение редакционной комиссии в этом виде?

Сталин. Я не возражаю.

Трумэн. Сегодня я принял президента Польши и четырех членов Временного польского правительства. Я сообщил им решения относительно Польши и передал копию этих решений. Они будут воздерживаться от выступлений по поводу этих решений до опубликования их в печати. Они попросили меня от имени польского правительства передать благодарность всем трем правительствам, представленным на конференции.

Бевин. Я хотел бы упомянуть здесь, что затруднения относительно военно-воздушной линии Лондон — Варшава, о которых я говорил вчера, теперь устранены. Мы договорились с Польшей по этому вопросу.

Бирнс. На заседании министров иностранных дел я предложил, чтобы в документы о Польше и о допуске в Организацию Объединенных Наций, там, где речь идет о возможностях, которые должны быть предоставлены представителям союзной печати, были добавлены слова «и представителям радио».

Сталин. Не стоит этого делать.

Эттли. Я тоже считаю это нецелесообразным.

Трумэн. У нас в Америке иное положение с радио, чем в других странах, например в Англии. Английское радио находится под контролем правительства, а в Америке радио находится в том же положении, что и газеты. Мы хотели бы, чтобы представители радио получили такие же права, как и корреспонденты газет.

Сталин. Не стоит.

Трумэн. Представители американского радио будут действовать как корреспонденты газет, только будут передавать свою информацию для американского радио.

Сталин. Я бы не советовал этого делать. Кроме того, надо договориться с Польшей.

Бевин. Но вы не будете возражать против соглашения с соответствующими правительствами?

Сталин. Нет, отчего же?

Трумэн. Это для нас приемлемо.

Сталин. Пожалуйста. Но здесь решим не писать об этом.

Трумэн. Хорошо. Я согласен.

Бирнс. Следующий вопрос — относительно германского военного и торгового флота.

Трумэн. Насколько я понимаю, доклад комиссии по этому вопросу принимается и мы утверждаем подготовленное решение.

Сталин. Да, правильно.

Бирнс. Также согласились, что текст этого решения будет опубликован позже.

Бевин. Г-н президент, я составил текст пункта относительно доли Польши и других стран, с которым, мне кажется, мы можем согласиться. Он гласит: «Соединенное Королевство и Соединенные Штаты выделят из своих долей сдавшихся немецких торговых судов соответствующие количества для других союзных государств, торговое судоходство которых понесло тяжелые потери в борьбе за общее дело против Германии, исключая Польшу, суда для которой выделит Советский Союз из своей доли».

Сталин. У меня нет возражений.

Трумэн. Я согласен.

Эттли. До перерыва я хотел бы спросить, не считают ли главы правительств подходящим послать г-ну Черчиллю и г-ну Идену телеграмму с выражением благодарности за их участие в первой части нашей конференции и за их участие в других конференциях?

Сталин. Это было бы уместно.

Трумэн. Я согласен.

(После перерыва)

Бирнс. Не успели ли вы изучить наш документ относительно использования союзной собственности для уплаты репараций сателлитами или в качестве военных трофеев?

Сталин. Я не вижу трудностей в разрешении этого вопроса по существу, но в отношении формулировки я должен посоветоваться.

Эттли. Я думаю, что этот документ требует некоторого изучения, так как не все его положения представляются вполне приемлемыми.

Бирнс. В каком отношении этот проект является неприемлемым?

Эттли. Если принадлежавшее союзным странам имущество изъято ими у стран-сателлитов в качестве военного трофея, то это естественно, так как страны-сателлиты должны компенсировать союзные страны, которым это имущество принадлежало. Но если это имущество захватила третья сторона, то возникает вопрос: должна ли она заплатить за это имущество союзным странам или мы должны заставить заплатить за это имущество страны-сателлиты. Кроме того, я считаю, что пункт 3 относительно валюты также нуждается в обсуждении. Мне кажется, что все это еще нужно изучить.

Трумэн. Хорошо.

Может быть, мы сейчас ознакомимся с коммюнике?

Сталин. Комиссия еще не закончила полностью его составление.

Эттли. Я предлагаю, чтобы комиссия по составлению протокола и комиссия по составлению коммюнике занялись этим вопросом сейчас же, а мы бы разошлись и встретились снова, как только эти комиссии закончат свою работу. О времени встречи можно договориться по телефону. Главы правительств занялись бы вопросом о коммюнике, а министры иностранных дел — вопросом о протоколе.

Сталин. Хорошо было бы установить срок для начала заседания — 8.30 или 9 часов. Срок ставится для того, чтобы подстегнуть комиссии, тогда они будут стараться.

Трумэн. Три часа перерыва меня устраивают.

Бирнс. Было еще предложение президента относительно внутренних водных путей сообщения. Комиссия по протоколу и комиссия по коммюнике пока не пришли к соглашению относительно решения, которое было принято по поводу предложения президента.

Трумэн. Этот вопрос передан на рассмотрение Совета министров иностранных дел в Лондоне, но я заинтересован в том, чтобы об этом было сообщено в коммюнике. Я бы просил включить в коммюнике упоминание об этом вопросе.

Сталин. Не обсуждали мы его.

Трумэн. Я три раза высказывался по этому вопросу, и комиссия рассматривала его в течение нескольких дней.

Сталин. В списке вопросов он не стоял, мы к этому вопросу не готовились и не имели никаких материалов,

наши эксперты по этому вопросу сидят в Москве. Почему такая спешка, почему так нужно торопиться?

Трумэн. Этот вопрос не окончательно решен, а передан на рассмотрение Совета министров иностранных дел в Лондоне.

Сталин. О черноморских проливах тоже не будет упомянуто в коммюнике, хотя этот вопрос стоял на повестке дня. Вопрос о водных путях возник в качестве бесплатного приложения к вопросу о проливах. И почему отдается такое предпочтение вопросу о внутренних водных путях перед вопросом о проливах — я не понимаю.

Трумэн. Вопрос о черноморских проливах будет фигурировать и в коммюнике, и в протоколе.

Сталин. По-моему, нет нужды помещать в коммюнике, достаточно поместить только в протоколе.

Я предлагаю в коммюнике не упоминать ни о проливах, ни о внутренних водных путях, а включить оба эти вопроса только в протокол.

Трумэн. Хорошо, возражений нет.

Бевин. Я предлагаю, чтобы мы попросили Францию присоединиться к нашему решению относительно военных преступников. Франция является членом Совета министров иностранных дел в Лондоне.

Сталин. Хорошо.

Трумэн. Я не возражаю.

Я все же не могу понять, почему бы нам принятое здесь и включенное в протокол решение не включить и в коммюнике.

Сталин. Нет в этом нужды, коммюнике и так получается слишком обширным.

Трумэн. Я хотел бы задать один вопрос: имеются ли секретные соглашения на этой конференции?

Сталин. Нет. Несекретные.

Бирнс. Я хочу подчеркнуть, что мы решили передать вопрос о внутренних водных путях на рассмотрение Совета министров иностранных дел. Таким образом, мы имеем по данному вопросу соглашение. Имеем ли мы право огласить решение по этому вопросу? Если это не будет включено в коммюнике, а только в протокол, то можем ли мы официально поставить этот вопрос перед тем же Советом министров иностранных дел?

Сталин. Надо взять материалы Крымской конференции или Тегеранской конференции. На Тегеранской кон-

ференции ряд вопросов был включен в протокол, однако был другой ряд решений, представлявших интерес для всех, определявших нашу политику в отношении основных вопросов. Эти решения были включены в коммюнике.

Перехожу к работе Крымской конференции. Там тоже было зафиксировано два ряда решений. Первый ряд решений — гораздо больший — попал в протокол, и никто не требовал перенести его в коммюнике. Другой ряд решений — гораздо меньший — попал в коммюнике. Это были решения, определяющие нашу политику. Я предлагаю придерживаться этого хорошего правила, потому что иначе получится не коммюнике, а целый фолиант.

Часть решений не имеет серьезного значения, некоторые из вопросов, вроде вопроса о внутренних водных путях, не были даже обсуждены, они попадут в протокол, и никто не может упрекнуть нас, что мы скрываем эти вопросы. Другое дело — вопросы о Германии, об Италии, о репарациях и т. д., имеющие большое значение, они попадут в коммюнике. Я думаю, что не следует нам нарушать этой хорошей традиции и незачем включать в коммюнике все вопросы. Коммюнике есть коммюнике, а протокол есть протокол.

Трумэн. Я не возражаю против этой процедуры, если она будет принята для всех наших решений. Но если мне придется сделать заявление перед сенатом относительно того, что этот вопрос был передан на рассмотрение Совета министров иностранных дел, я буду иметь на это право?

Сталин. Никто не может покушаться на ваши права.

Трумэн закрывает заседание.

Тринадцатое (заключительное) заседание

1 августа 1945 г.

Трумэн открывает заседание.

Бирнс. Комиссия по экономическим вопросам подготовила доклад о репарациях. Удалось выработать предложения, приемлемые для всех делегаций. В пункте 1 говорится, что репарационные претензии Советского Со-

юза покрываются из зоны Германии, оккупированной Советским Союзом, и из соответствующих германских вложений за границей.

Я обращаю внимание на пункты 8 и 9 этого документа. Мне очень не хочется предлагать сейчас же поправку, но я думаю, что это будет в общих интересах. Пункт 8 гласит: «Советское правительство отказывается от всех претензий на акции германских предприятий и т. д.». Я предлагаю после слов: «от всех претензий» добавить слова «в отношении репараций». Цель этой поправки заключается в том, чтобы не создавать впечатления, что у Советского Союза имеются еще какие-либо претензии к германским предприятиям, кроме репараций. Такая же поправка должна быть внесена и в пункт 9, где речь идет о претензиях Соединенных Штатов и Соединенного Королевства.

Сталин. Правильно.

Бирнс. Это моя единственная поправка. Можно ли считать, что документ о репарациях одобрен?

Бевин. А как рассматривать, например, тот случай, когда немцы переняли заводы, принадлежавшие британским подданным, для военных целей до 1939 года. В таком случае из-за этой поправки англичане лишатся своей собственности.

Бирнс. В случае, приведенном г-ном Бевином, поправка не затрагивает положения.

Бевин. Я не возражаю.

Бирнс. Сейчас мы можем обсудить вопрос относительно использования союзной собственности для уплаты репараций или в качестве военных трофеев, если советская делегация успела изучить это предложение.

Сталин. Мы не успели обсудить редакцию этого проекта. Я предлагаю записать такое решение: «Конференция решила принять американское предложение в принципе. Редакцию этого предложения согласовать в дипломатическом порядке».

Мы не успели продумать редакцию, но по существу мы согласны с этим предложением.

Трумэн. Я согласен с предложением советской делегации.

Эттли. Я тоже согласен.

Бирнс. Мне сообщили, что комиссия, занимавшаяся составлением протокола, достигла соглашения. Я считаю

ненужным читать весь протокол, а только те пункты, по которым имелись отдельные разногласия. Конечно, сюда мы должны добавить предложение советской делегации относительно военных трофеев, которое мы только что приняли. Других поправок я не имею.

Сталин. У меня есть поправка. По вопросу о западной границе Польши во втором абзаце говорится, что линия границы должна проходить от Балтийского моря через Свинемюнде, как будто линия проходит через самый город. Я предлагаю поэтому сказать, что линия границы проходит от Балтийского моря чуть западнее или немного западнее Свинемюнде. На карте это показано.

(**Трумэн** и **Эттли** соглашаются на формулировку «чуть западнее Свинемюнде»).

Сталин. Вторая поправка насчет границы Кёнигсбергской области. Во втором абзаце записано, что граница подлежит уточнению экспертов. Предлагается сказать: «При этом точная граница на местности должна быть установлена экспертами из представителей СССР и Польши».

Бевин. Мы не можем предоставить это только Советскому Союзу и Польше.

Сталин. Но там речь идет о границе между Польшей и Россией.

Бевин. Однако это должно быть признано Объединенными Нациями. Мы согласились, что на мирной конференции мы поддержим советское пожелание относительно этой границы, а теперь вы говорите, что эта граница будет определена Советским Союзом и Польшей и что мы тут ни при чем.

Сталин. Это недоразумение. Общая граница определяется мирной конференцией, но есть другое понятие — граница на местности. Дается общая линия границы, но граница на местности может иметь отклонение от воображаемой линии в ту или иную сторону на полкилометра и меньше. Например, граница проходит через поселок. Зачем резать этот поселок пограничной линией? В определении границы на местности заинтересованы только Польша и Россия. Если вы считаете, что это не совсем гарантировано, то кого вы хотите ввести в комиссию? Кого-нибудь от Англии, от США? Кого угодно, мы не возражаем.

Эттли. Мне кажется, что вопрос заключается в следующем. Мы согласились принять предложение относительно границы в принципе. Что же касается окончательного разграничения территории, точного определения границы, то это дело мирной конференции. Если мы теперь передадим это дело экспертам Польши и России, то мы тем самым нарушим техническую работу мирной конференции.

Сталин. Как смотрит г-н Бевин?

Бевин. Мы хотим иметь комиссию экспертов, назначенную мирной конференцией.

Сталин. Не понимаю, в чем тут дело.

Бирнс. Я думаю, что можно было бы предложить такую редакцию: если во время мирной конференции будет согласие между Польшей и Советским Союзом в отношении границы, то это будет конец всему делу и не потребуется никаких экспертов. Но если во время мирной конференции между Польшей и Россией будут разногласия, то придется назначить комиссию экспертов, состав которой будет определен Советом министров иностранных дел или самой мирной конференцией. Но это только в случае разногласий между Польшей и Советским Союзом.

Сталин. Пусть остается прежняя формулировка. Но там не сказано, из каких экспертов должна состоять комиссия.

(**Трумэн** и **Эттли** соглашаются оставить прежнюю формулировку.

Затем советская делегация внесла поправку в раздел о заключении мирных договоров и о допущении в Организацию Объединенных Наций. Советская делегация указала, что между первым и третьим абзацами этого документа имеется противоречие. В первом абзаце говорится, что три правительства считают желательным, чтобы теперешнее аномальное положение Италии, Болгарии, Румынии, Венгрии и Финляндии было прекращено после заключения мирных договоров, в то время как в третьем абзаце предусматривается возможность установления дипломатических отношений с Финляндией, Румынией, Болгарией и Венгрией до заключения мирных договоров с этими странами. Советская делегация предложила исключить из первого абзаца слова «после заключения мирных договоров»).

Эттли. Мне кажется, что это неправильно, потому что, когда мы составляли третий абзац, мы имели в виду установление дипломатических отношений «в возможной степени». Если из первого абзаца исключить слова «после заключения мирных договоров», то это будет означать, что мы пойдем дальше, чем намеревались это сделать. Эти слова следует оставить.

Сталин. Но в первом абзаце сказано, что дипломатические отношения можно восстановить лишь после заключения мирных договоров, а в третьем абзаце сказано по-другому. Получается противоречие.

Эттли. Именно поэтому англичане хотят включить эти слова. В первом абзаце предусматривается обязательное действие, а именно — установление дипломатических отношений после заключения мирных договоров, в третьем же абзаце предлагается попытаться сделать это, насколько это возможно, до заключения мирных договоров.

Сталин. Мы с этим не можем согласиться, так как попытка, которая допускается в третьем абзаце в отношении установления дипломатических отношений, в первом абзаце прямо отрицается. Это меняет смысл всего решения. Как на это можно согласиться?

Эттли. Мне кажется, противоречия здесь нет: в первом случае говорится об установлении нормальных отношений, то есть полных дипломатических отношений, а во втором случае — о попытке подойти по возможности ближе к установлению таких отношений.

Сталин. Никак не могу согласиться с таким толкованием. Я беру конкретный пример — Финляндию. Нет никаких оснований возражать дальше против восстановления дипломатических отношений с Финляндией, а в первом абзаце слова «после заключения мирных договоров» прямо запрещают установление дипломатических отношений. Это совершенно неправильно.

Эттли. Мы еще находимся в состоянии войны с Финляндией.

Сталин. С Италией состояние войны тоже не окончено, а между тем Америка имеет дипломатические отношения с Италией, мы тоже имеем с ней дипломатические отношения.

Эттли. Мне кажется, что сейчас мы возвращаемся к тому, что уже обсуждали несколько дней тому назад. Мы полностью объяснили нашу точку зрения, и мы пошли

навстречу Советскому Союзу, насколько это возможно было сделать согласно нашей конституции. Мы находим, что мы сделали большие уступки, дальше которых мы пойти не можем.

Сталин. Ничего не выйдет из этого. Финляндия имеет гораздо больше прав, чем Италия, на установление дипломатических отношений. В Финляндии имеется свободно избранное правительство, она давно прекратила войну с союзниками и объявила войну Германии. В Италии нет свободно избранного правительства, а ее участие в войне против Германии после капитуляции было минимальным. На каком основании мы должны затягивать установление дипломатических отношений с Финляндией? Где тут логика?

Бевин. Я хочу прийти к соглашению и поэтому вношу следующее предложение. Я предлагаю, чтобы редакция первого абзаца была следующей: «Три правительства считают желательным, чтобы теперешнее аномальное положение Италии, Болгарии, Финляндии, Венгрии и Румынии было прекращено заключением мирных договоров. Они уверены, что другие заинтересованные союзные правительства разделяют их точку зрения».

Сталин. Хорошо. У советской делегации больше нет поправок.

Бевин. Ура! (Общий смех).

Бирнс. Следующий вопрос — о коммюнике. Мы получили от английской делегации новую редакцию вступительной части. У нас никаких возражений против этого нет.

Сталин. Разница большая? В чем эта разница?

Бирнс. На второй странице вносится изменение чисто редакционного характера, смысл не меняется.

Сталин. Может быть, сделаем так: после перевода на русский язык мы рассмотрим это изменение, а сейчас перейдем к следующему разделу.

(**Трумэн** и **Эттли** соглашаются).

Бирнс. Раздел II — об учреждении Совета министров иностранных дел. Разногласий здесь нет.

(Раздел II принимается).

Бирнс. Раздел III — о Германии. В первом абзаце вызывают возражение слова «громко аплодировал».

Сталин. Можно сказать: «открыто выражал одобрение».

Бевин. Слепо повиновался, то есть повиновался глупым образом.

Сталин. Я предлагаю сказать так: «которым во время их успехов он открыто выражал свое одобрение и слепо повиновался».

(Предложение принимается).

Бирнс. Других поправок нет?

Сталин. Нет.

Бевин. В пункте 12 экономических принципов есть повторение того, что уже было сказано в пункте 9(IV) политических принципов.

Сталин. Предлагаю исключить это выражение из экономических принципов и оставить его в политических принципах. (Все согласны). У нас больше поправок нет.

Бирнс. Раздел IV — о репарациях с Германии. Поправок нет.

Раздел V — о военном и торговом флоте Германии.

Сталин. Есть согласованное решение, поправок у нас нет.

Бирнс. Раздел VI — о Кёнигсберге и прилегающем к нему районе.

Сталин. Согласен.

Бирнс. Раздел VII — военные преступники.

Сталин. Я думаю, что первый вводный абзац нужно было бы исключить и оставить только второй абзац, начиная со слов: «Три правительства отметили» и т. д.

Бевин. Мы уже исключили.

Сталин. Хорошо.

Бирнс. Раздел VIII — об Австрии.

(Советская делегация предлагает исключить из раздела об Австрии последнюю фразу — относительно репараций, оставив ее только в протоколе).

Трумэн. Принимаем предложение советской делегации — исключить из коммюнике последнюю фразу.

Бирнс. Раздел IX — о Польше.

Сталин. Нет поправок.

Бевин. Хочу предложить маленькую поправку редакционного характера. Во втором абзаце вместо слов «их позиция была определена в следующем заявлении» сказать «они определили свою позицию в следующем заявлении».

Сталин. Можно.

Бевин. На второй странице тоже относительно Польши я бы заменил вступительные слова «соглашение было достигнуто относительно западной границы Польши» словами: «Относительно западной границы Польши они установили следующую точку зрения».

Трумэн. Я уже сообщил представителям польского правительства, что мы согласились на прежнюю формулировку.

Сталин. Тогда лучше оставить прежнюю формулировку.

Бевин. Предложение генералиссимуса сказать «чуть западнее Свинемюнде», по-моему, очень удачное.

Сталин. Да, так лучше будет сказать. Давайте десятый раздел.

Бевин. Тут я хочу сделать маленькую поправку главным образом психологического характера. Я изложил бы вступительную часть раздела X следующим образом: «Конференция согласилась сделать следующее заявление об общей политике для установления возможно скорее условий длительного мира после победоносного окончания войны в Европе». Это лучше звучит.

Сталин. По существу формулировка одна и та же, она ничего нового не дает.

Трумэн. И то и другое приемлемо.

Бевин. По-английски это лучше читается. Может быть, по-американски хуже? (Смех).

Трумэн. И то и другое приемлемо.

Сталин. В прежней формулировке — та же мысль, что и у г-на Бевина, но изложена она более коротко. Можно, конечно, принять и то и другое.

Бевин. На этот раз предпочтите нашу редакцию. (Смех).

Сталин. Если г-н Бевин настаивает, можно, пожалуй, принять его формулировку.

Трумэн. Я согласен. Раздел XII — относительно пересмотра процедуры Союзных контрольных комиссий в Румынии, Болгарии и Венгрии.

Сталин. Это согласовано.

Трумэн. Раздел XIII — перемещение германского населения.

Сталин. Здесь уже лучше сказано — «упорядоченное перемещение».

Трумэн. Вопрос о военных переговорах.

Сталин. Представляет всеобщий интерес. Не возражаем против того, чтобы этот вопрос вошел в коммюнике.

Бевин. У английской делегации есть один вопрос по разделу XII — о пересмотре процедуры Союзных контрольных комиссий в Румынии, Болгарии и Венгрии. В последних трех строках сказано: «и принимая в качестве базы в отношении трех стран предложения Советского правительства для Союзной контрольной комиссии в Венгрии». Но мы не говорим, в чем заключаются эти предложения. Поэтому можно было бы сказать: «и принимая в качестве базы согласованные предложения».

Сталин. Можно согласиться. Какие подписи будут под коммюнике?

Трумэн. Подпишутся все.

Сталин. Хорошо.

Трумэн. Возвращаемся к вступительной части коммюнике.

Сталин. Мы не возражаем.

Бевин. Мы хотели бы опубликовать коммюнике в печати в пятницу утром.

Сталин. А когда по радио можно передать?

Бевин. В четверг, в 9.30 вечера по Гринвичу.

Сталин. Хорошо.

Бирнс. Относительно Рурской области. В русском тексте протокола сказано, что конференция рассмотрела советские предложения относительно Рурской промышленной области. Было решено передать этот вопрос на обсуждение Совета министров иностранных дел в Лондоне. В английском тексте протокола нет упоминания о Рурской области. Я понял так, что такого решения не было, но президент говорит, что это было принято по его предложению. Я предлагаю поэтому уточнить редакцию. Здесь ничего не сказано, в чем заключается предложение советской делегации, которое передается на рассмотрение Совета министров иностранных дел в Лондоне.

Сталин. Этот вопрос надо снять, по-моему.

Трумэн. Хорошо.

Сталин. (После ознакомления с текстом приветствия Черчиллю и Идену). У меня нет возражений против предложенного текста приветствия.

Эттли. Я предлагаю, чтобы телеграмма на английском языке была подписана президентом и генералиссимусом.

Сталин. Нельзя ли, чтобы президент первый подписал как председатель конференции?

Эттли. Здесь будут стоять все три подписи.

(Приветственная телеграмма подписывается главами трех правительств).

Бирнс. Я думаю, что следует назначить представителей, которые проверили бы текст протокола.

(Назначаются представители в комиссию по редактированию протокола).

Трумэн. Объявляю Берлинскую конференцию закрытой. До следующей встречи, которая, я надеюсь, будет скоро.

Сталин. Дай бог.

Эттли. Г-н президент, перед тем как мы разойдемся, я хотел бы выразить нашу благодарность генералиссимусу за те отличные меры, которые были приняты как для нашего размещения здесь, так и для создания удобств для работы, и вам, г-н президент, за то, что вы столь умело председательствовали на этой конференции.

Я хотел бы выразить надежду, что эта конференция окажется важной вехой на пути, по которому три наших народа идут вместе к прочному миру, и что дружба между нами тремя, которые встретились здесь, будет прочной и продолжительной.

Сталин. Это и наше желание.

Трумэн. От имени американской делегации я хочу выразить благодарность генералиссимусу за все то, что он сделал для нас, и я хочу присоединиться к тому, что высказал здесь г-н Эттли.

Сталин. Русская делегация присоединяется к благодарности президенту, выраженной г-ном Эттли, за его умелое и точное председательствование.

Трумэн. Я благодарю вас за доброе сотрудничество в разрешении всех важных вопросов.

Сталин. От себя лично я хочу выразить благодарность г-ну Бирнсу, который очень помог в нашей работе и содействовал достижению наших решений.

Бирнс. Я глубоко тронут любезными словами генералиссимуса и я надеюсь, что вместе с моими коллегами я оказался полезным в работе этой конференции.

Сталин. Конференцию можно, пожалуй, назвать удачной.

Трумэн. Я хочу поблагодарить других министров ино-

странных дел и всех тех, которые так много помогли нам в работе.

Эттли. Я присоединяюсь к выражению чувств в отношении наших министров иностранных дел.

Трумэн. Объявляю Берлинскую конференцию закрытой.

(Конференция закончилась 2 августа 1945 года в 00 час. 30 мин.).

СООБЩЕНИЕ О БЕРЛИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ТРЕХ ДЕРЖАВ

I

17 июля 1945 года Президент Соединенных Штатов Америки Гарри С. Трумэн, Председатель Совета Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик Генералиссимус И. В. Сталин и Премьер-Министр Великобритании Уинстон С. Черчилль вместе с г-ном Климентом Р. Эттли встретились на трехсторонней Берлинской Конференции. Их сопровождали Министры Иностранных дел трех Правительств В. М. Молотов, г-н Д. Ф. Бирнс и г-н А. Иден, начальники штабов и другие советники.

В период с 17 по 25 июля состоялось 9 заседаний. После этого Конференция была прервана на 2 дня, на то время, когда объявлялись результаты общих выборов в Англии.

28 июля г-н Эттли вернулся на Конференцию в качестве Премьер-Министра в сопровождении нового Министра Иностранных Дел г-на Э. Бевина. Состоялось еще 4 заседания. За время Конференции имели место регулярные встречи Глав трех Правительств, сопровождаемых Министрами Иностранных Дел, и регулярные совещания Министров Иностранных Дел.

Комиссии, назначенные совещанием Министров Иностранных Дел для предварительной подготовки вопросов, также заседали ежедневно. Заседания Конференции происходили в Сесилиан-Хоф, близ Потсдама.

Конференция закончилась 2 августа 1945 года.

Были приняты важные решения и соглашения. Имел место обмен мнениями по ряду других вопросов. Обсуж-

дение этих проблем будет продолжаться в Совете Министров Иностранных Дел, созданном этой Конференцией.

Президент Трумэн, Генералиссимус Сталин и Премьер-Министр Эттли покидают эту Конференцию, которая укрепила связи между тремя Правительствами и расширила рамки их сотрудничества и понимания, с новой уверенностью, что их Правительства и народы, вместе с другими Объединенными Нациями, обеспечат создание справедливого и прочного мира.

II

УЧРЕЖДЕНИЕ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

A. Конференция достигла соглашения об учреждении Совета Министров Иностранных Дел, представляющих пять главных держав, для продолжения необходимой подготовительной работы по мирному урегулированию и для обсуждения других вопросов, которые по соглашению между участвующими в Совете правительствами могут время от времени передаваться Совету.

Текст соглашения об учреждении Совета Министров Иностранных Дел гласит:

1. Должен быть учрежден Совет в составе Министров Иностранных Дел Соединенного Королевства, Союза Советских Социалистических Республик, Китая, Франции и Соединенных Штатов Америки.

2. a) Нормально Совет будет заседать в Лондоне, который будет являться постоянным местом пребывания Объединенного Секретариата, подлежащего созданию Советом. Каждого Министра Иностранных Дел будет сопровождать Заместитель высокого ранга, должным образом уполномоченный вести работу в отсутствие его Министра Иностранных Дел, и небольшой штат технических сотрудников.

b) Первое заседание Совета состоится в Лондоне не позднее 1 сентября 1945 г. Заседания могут созываться по общему соглашению в других столицах, о чем можно будет время от времени договариваться.

3. a) В качестве немедленной и важной задачи Совета на него возлагается составление мирных договоров для Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии

для представления их Объединенным Нациям и выработка предложений по урегулированию неразрешенных территориальных вопросов, встающих в связи с окончанием войны в Европе. Совет будет использован для подготовки мирного урегулирования для Германии с тем, чтобы соответствующий документ был принят пригодным для этой цели правительством Германии, когда такое правительство будет образовано.

b) Для разрешения каждой из этих задач Совет будет состоять из членов, представляющих те государства, которые подписали условия Капитуляции, продиктованные тому вражескому государству, которого касается данная задача. При рассмотрении вопросов мирного урегулирования с Италией Франция будет рассматриваться как подписавшая условия капитуляции Италии. Другие члены будут приглашаться участвовать в Совете, когда будут рассматриваться вопросы, прямо их касающиеся.

c) Другие дела будут время от времени передаваться Совету по соглашению между Правительствами, являющимися его членами.

4. a) Когда Совет будет рассматривать вопрос, в котором непосредственно заинтересовано государство, не представленное в нем, это государство должно быть приглашено прислать своих представителей для участия в обсуждении и изучении этого вопроса.

b) Совет может приспособить процедуру своей работы к характеру данной, рассматриваемой им проблемы. В некоторых случаях он может предварительно обсудить вопрос в своем составе до участия других заинтересованных государств. В другом случае Совет может созвать официальную конференцию государств, наиболее заинтересованных в решении какой-либо данной проблемы.

B. В соответствии с решением Конференции каждое из трех Правительств послало идентичные приглашения Правительствам Китая и Франции принять этот текст и присоединиться к учреждению Совета.

C. Учреждение Совета Министров Иностранных Дел для специальных целей, названных в этом тексте, не будет противоречить соглашению, достигнутому на Крымской Конференции, о том, что должны иметь место периодические консультации Министров Иностранных Дел Соединенных Штатов Америки, Союза Советских

Социалистических Республик и Соединенного Королевства.

D. Конференция рассмотрела также положение Европейской Консультативной Комиссии в свете соглашения об учреждении Совета Министров Иностранных Дел. С удовлетворением было отмечено, что Комиссия успешно справилась с ее основными задачами, представив рекомендации относительно безоговорочной капитуляции Германии, зон оккупации Германии и Австрии и межсоюзного контрольного механизма в этих странах. Было установлено, что дальнейшая работа детального характера по координации политики Союзников в отношении контроля над Германией и Австрией должна в будущем входить в компетенцию Контрольного Совета в Берлине и Союзнической Комиссии в Вене. В соответствии с этим рекомендуется распустить Европейскую Консультативную Комиссию.

III

О ГЕРМАНИИ

Союзные армии осуществляют оккупацию всей Германии, и германский народ начал искупать ужасные преступления, совершенные под руководством тех, которым во время их успехов он открыто выражал свое одобрение и слепо повиновался.

На Конференции было достигнуто Соглашение о политических и экономических принципах координированной политики Союзников в отношении побежденной Германии в период союзного контроля.

Целью этого Соглашения является выполнение Крымской Декларации о Германии. Германский милитаризм и нацизм будут искоренены, и Союзники, в согласии друг с другом, сейчас и в будущем, примут и другие меры, необходимые для того, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире.

Союзники не намерены уничтожить или ввергнуть в рабство немецкий народ. Союзники намереваются дать немецкому народу возможность подготовиться к тому, чтобы в дальнейшем осуществить реконструкцию своей жизни на демократической и мирной основе. Если собственные усилия германского народа будут беспрестан-

но направлены к достижению этой цели, то для него будет возможно с течением времени занять место среди свободных и мирных народов мира.

Текст этого соглашения гласит:

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ, КОТОРЫМИ НЕОБХОДИМО РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ ПРИ ОБРАЩЕНИИ С ГЕРМАНИЕЙ В НАЧАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬНЫЙ ПЕРИОД

А. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ

1. В соответствии с Соглашением о контрольном механизме в Германии, верховная власть в Германии будет осуществляться Главнокомандующими вооруженных сил Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства и Французской Республики, каждым в своей зоне оккупации, по инструкциям своих соответствующих Правительств, а также совместно по вопросам, затрагивающим Германию в целом, действующими в качестве членов Контрольного Совета.

2. Поскольку это практически осуществимо, должно быть одинаковое обращение с немецким населением по всей Германии.

3. Целями оккупации Германии, которыми должен руководствоваться Контрольный Совет, являются:

I) Полное разоружение и демилитаризация Германии и ликвидация всей германской промышленности, которая может быть использована для военного производства, или контроль над ней. С этими целями:

а) все сухопутные, морские и воздушные вооруженные силы Германии, СС, СА, СД и Гестапо со всеми их организациями, штабами и учреждениями, включая Генеральный штаб, офицерский корпус, корпус резервистов, военные училища, организации ветеранов войны и все другие военные и полувоенные организации, вместе с их клубами и ассоциациями, служащими интересам поддержания военных традиций в Германии, будут полностью и окончательно упразднены, дабы навсегда предупредить возрождение или реорганизацию германского милитаризма и нацизма;

b) все вооружение, амуниция и орудия войны и все специализированные средства для их производства должны находиться в распоряжении Союзников или должны быть уничтожены. Поддержание и производство всех самолетов и всякого вооружения, амуниции и орудий войны будет предотвращено.

II) Убедить немецкий народ, что он понес тотальное военное поражение и что он не может избежать ответственности за то, что он навлек на себя, поскольку его собственное безжалостное ведение войны и фанатическое сопротивление нацистов разрушили германскую экономику и сделали хаос и страдания неизбежными.

III) Уничтожить национал-социалистскую партию и ее филиалы и подконтрольные организации, распустить все нацистские учреждения, обеспечить, чтобы они не возродились ни в какой форме, и предотвратить всякую нацистскую и милитаристскую деятельность или пропаганду.

IV) Подготовиться к окончательной реконструкции германской политической жизни на демократической основе и к эвентуальному мирному сотрудничеству Германии в международной жизни.

4. Все нацистские законы, которые создали базис для гитлеровского режима или которые установили дискриминацию на основе расы, религии или политических убеждений, должны быть отменены. Никакая такая дискриминация правовая, административная или иная не будет терпима.

5. Военные преступники и те, кто участвовал в планировании или осуществлении нацистских мероприятий, влекущих за собой или имеющих своим результатом зверства или военные преступления, должны быть арестованы и преданы суду. Нацистские лидеры, влиятельные сторонники нацистов и руководящий состав нацистских учреждений и организаций и любые другие лица, опасные для оккупации и ее целей, должны быть арестованы и интернированы.

6. Все члены нацистской партии, которые были больше, чем номинальными участниками ее деятельности, и все другие лица, враждебные союзным целям, должны быть удалены с общественных или полуобщественных должностей и с ответственных постов в важных частных предприятиях. Такие лица должны быть заменены

лицами, которые по своим политическим и моральным качествам считаются способными помочь в развитии подлинно демократических учреждений в Германии.

7. Образование в Германии должно так контролироваться, чтобы полностью устранить нацистские и милитаристские доктрины и сделать возможным успешное развитие демократических идей.

8. Судебная система будет реорганизована в соответствии с принципами демократии, правосудия на основе законности и равноправия всех граждан, без различия расы, национальности и религии.

9. Управление в Германии должно проводиться в направлении децентрализации политической структуры и развития на местах чувства ответственности. С этой целью:

I) Местное самоуправление будет восстанавливаться по всей Германии на демократических началах и, в частности, через выборные советы, настолько быстро, насколько это совместимо с сохранением военной безопасности и целями военной оккупации.

II) Во всей Германии должны разрешаться и поощряться все демократические политические партии с предоставлением им права созыва собраний и публичного обсуждения.

III) Принципы представительства и выборности должны вводиться в районные, провинциальные управления и управления земель настолько быстро, насколько это может быть оправдано успешным применением этих принципов в местном самоуправлении.

IV) Пока что не будет учреждено никакого центрального германского правительства. Однако, несмотря на это, будут учреждены некоторые существенно важные центральные германские административные департаменты, возглавляемые государственными секретарями, в частности, в областях финансов, транспорта, коммуникаций, внешней торговли и промышленности. Эти департаменты будут действовать под руководством Контрольного Совета.

10. С учетом необходимости поддержания военной безопасности будет разрешаться свобода слова, печати и религии, и религиозные учреждения будут уважаться. Будет разрешено создание свободных профсоюзов, также с учетом необходимости поддержания военной безопасности.

В. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ

11. В целях уничтожения германского военного потенциала, производство вооружения, военного снаряжения и орудий войны, а также производство всех типов самолетов и морских судов должно быть запрещено и предотвращено. Производство металлов, химических продуктов, машиностроение и производство других предметов, необходимых непосредственно для военной экономики, должно быть строго контролируемо и ограничено в соответствии с одобренным уровнем послевоенных мирных потребностей Германии, достаточным для осуществления целей, изложенных в пункте 15. Производственные мощности, ненужные для промышленности, которая будет разрешена, должны быть либо изъяты в соответствии с репарационным планом, рекомендованным Межсоюзной Репарационной Комиссией и утвержденным заинтересованными Правительствами, либо уничтожены, если не будут изъяты.

12. В практически кратчайший срок германская экономика должна быть децентрализована с целью уничтожения существующей чрезмерной концентрации экономической силы, представленной особенно в форме картелей, синдикатов, трестов и других монополистических соглашений.

13. При организации экономики Германии главное внимание должно быть обращено на развитие сельского хозяйства и мирной промышленности для внутреннего потребления.

14. В период оккупации Германия должна рассматриваться как единое экономическое целое. С этой целью должна быть установлена общая политика относительно:

a) производства и распределения продукции горной и обрабатывающей промышленности;

b) сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства;

c) зарплаты, цен и рационирования;

d) программы импорта и экспорта для Германии в целом;

e) денежной и банковской системы, централизованных налогов и пошлин;

f) репараций и устранения военно-промышленного потенциала;

g) транспорта и коммуникаций.

При проведении этой политики по мере надобности должны приниматься во внимание различные местные условия.

15. Должен быть установлен союзный контроль над германской экономикой, но только в пределах необходимых:

a) для выполнения программы индустриального разоружения и демилитаризации, репараций и разрешенного экспорта и импорта;

b) для обеспечения производства товаров и обеспечения услуг, необходимых для удовлетворения нужд оккупационных сил и перемещенных лиц в Германии и важных для поддержания в Германии среднего жизненного уровня, не превышающего средний жизненный уровень европейских стран (европейские страны означают все европейские страны, за исключением Соединенного Королевства и Советского Союза);

c) для обеспечения в порядке, который установит Контрольный Совет, равномерного распределения основных предметов между различными зонами с тем, чтобы создать сбалансированную экономику во всей Германии и сократить необходимость в импорте;

d) для контроля над германской промышленностью и всеми экономическими и финансовыми международными сделками, включая экспорт и импорт, с целью предотвращения развития военного потенциала Германии и достижения других названных здесь задач;

e) для контроля над всеми германскими общественными или частными научными, исследовательскими и экспериментальными учреждениями, лабораториями и т. д., связанными с экономической деятельностью.

16. Для введения и поддержания экономического контроля, установленного Контрольным Советом, должен быть создан германский административный аппарат и германским властям должно быть предложено в полном, практически возможном объеме заявить и принять на себя управление этим аппаратом. Таким образом германскому народу должно быть внушено, что ответственность за это управление и любой срыв его будут лежать на нем. Любое германское управление, которое будет противоречить целям оккупации, будет запрещено.

17. Должны быть приняты немедленные меры в отношении:

a) проведения необходимого ремонта транспорта;
b) увеличения добычи угля;
c) максимального увеличения сельскохозяйственной продукции и
d) проведения срочного ремонта жилищ и основных коммунальных предприятий.

18. Контрольный Совет должен предпринять надлежащие шаги для осуществления контроля и распоряжения теми германскими активами за границей, которые еще не поступили под контроль Объединенных Наций, принимавших участие в войне против Германии.

19. После оплаты репараций германскому народу должно быть оставлено достаточно ресурсов для того, чтобы он мог существовать без помощи извне. При составлении хозяйственного плана Германии должны быть выделены необходимые средства для импорта, одобренного Контрольным Советом в Германии. Выручка от экспорта продуктов текущего производства и товарных запасов идет в первую очередь для оплаты такого импорта.

Указанное здесь условие не будет применяться к оборудованию и продуктам, упомянутым в пунктах 4 «a» и 4 «b» Соглашения о германских репарациях.

IV

РЕПАРАЦИИ С ГЕРМАНИИ

В соответствии с решением Крымской Конференции о том, что Германию нужно заставить компенсировать в возможно большей степени ущерб и страдания, которые она причинила Объединенным Нациям и за которые германский народ не может избежать ответственности, было достигнуто следующее Соглашение о репарациях:

1. Репарационные претензии СССР будут удовлетворены путем изъятий из зоны Германии, оккупированной СССР, и из соответствующих германских вложений за границей.

2. СССР удовлетворит репарационные претензии Польши из своей доли репараций.

3. Репарационные претензии Соединенных Штатов, Соединенного Королевства и других стран, имеющих право на репарации, будут удовлетворены из западных зон и из соответствующих германских вложений за границей.

4. В дополнение к репарациям, получаемым Советским Союзом из своей зоны оккупации, СССР получит дополнительно из западных зон: a) 15% такого пригодного к использованию и комплектного промышленного капитального оборудования, в первую очередь, металлургической, химической и машиностроительной отраслей промышленности, которое не является необходимым для германского мирного хозяйства и должно быть изъято из западных зон Германии, в обмен на эквивалентную стоимость в продовольствии, угле, поташе, цинке, лесных материалах, глиняных изделиях, нефтяных продуктах и других видах материалов, о которых будет обусловлено договоренностью.

b) 10% такого промышленного капитального оборудования, которое не является необходимым для германской мирной экономики и которое должно быть изъято из западных зон для передачи Советскому Правительству в счет репараций без оплаты или возмещения любым образом.

Изъятия оборудования, обусловленного в вышеизложенных параграфах «a» и «b», будут производиться одновременно.

5. Количество оборудования, подлежащего изъятию из западных зон в счет репараций, должно быть определено самое позднее в течение шести месяцев, начинающихся с настоящего времени.

6. Изъятия промышленного капитального оборудования начнутся так скоро, как это возможно, и будут закончены в течение двух лет после решения, указанного в параграфе 5-м. Поставки продуктов, обусловленных параграфом 4 (a), начнутся так скоро, как это возможно, и будут произведены Советским Союзом партиями, обусловленными по договоренности, в течение 5 лет от упомянутой даты. Решения о количестве и характере промышленного капитального оборудования, не являющегося необходимым для германской мирной экономики и поэтому подлежащего репарациям, будут приняты Контрольным Советом, согласно политике, принятой Союзной Комиссией по репарациям, с участием Франции, причем окончательные решения будут выноситься командующим зоной, из которой будет изъято оборудование.

7. До определения общего количества оборудования, подлежащего изъятию, будут произведены авансовые по-

ставки такого оборудования, которое будет определено как подлежащее поставкам в соответствии с порядком, указанным в последней фразе пункта 6-го.

8. Советское Правительство отказывается от всех претензий в отношении репараций на акции германских предприятий, находящихся в западных зонах оккупации Германии, а также на германские заграничные активы во всех странах, за исключением тех, которые указаны в п. 9.

9. Правительства США и Соединенного Королевства отказываются от всех претензий в отношении репараций на акции германских предприятий, находящихся в восточной зоне оккупации Германии, а также на германские заграничные активы в Болгарии, Финляндии, Венгрии, Румынии и восточной Австрии.

10. Советское Правительство не имеет претензий на золото, захваченное союзными войсками в Германии.

V

ГЕРМАНСКИЙ ФЛОТ И ТОРГОВЫЕ СУДА

Конференция согласилась в принципе относительно мероприятий по использованию и распоряжению сдавшимся германским флотом и торговыми судами. Было решено, что три Правительства назначат экспертов, которые совместно выработают детальные планы осуществления согласованных принципов. Следующее совместное заявление будет опубликовано одновременно тремя Правительствами в надлежащее время.

VI

ГОРОД КЁНИГСБЕРГ И ПРИЛЕГАЮЩИЙ К НЕМУ РАЙОН

Конференция рассмотрела предложение Советского Правительства о том, чтобы впредь до окончательного решения территориальных вопросов при мирном урегулировании прилегающая к Балтийскому морю часть западной границы СССР проходила от пункта на восточном берегу Данцигской бухты к востоку — севернее Браунс-

берга — Гольдапа к стыку границ Литвы, Польской Республики и Восточной Пруссии.

Конференция согласилась в принципе с предложением Советского Правительства о передаче Советскому Союзу города Кёнигсберга и прилегающего к нему района, как описано выше. Однако точная граница подлежит исследованию экспертов.

Президент США и Премьер-Министр Великобритании заявили, что они поддержат это предложение Конференции при предстоящем мирном урегулировании.

VII

О ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКАХ

Три Правительства отметили обсуждение, которое происходило за последние недели в Лондоне между британскими, американскими, советскими и французскими представителями, с целью достижения соглашения о методах суда над теми главными военными преступниками, чьи преступления по Московской Декларации от октября 1943 года не относятся к определенному географическому месту. Три Правительства подтверждают свои намерения предать этих преступников скорому и справедливому суду. Они надеются, что переговоры в Лондоне будут иметь своим результатом скорое соглашение, достигнутое с этой целью, и они считают делом огромной важности, чтобы суд над этими главными преступниками начался как можно скорее. Первый список обвиняемых будет опубликован до 1 сентября сего года.

VIII

ОБ АВСТРИИ

Конференция изучила предложение Советского Правительства о распространении компетенции Временного Австрийского Правительства на всю Австрию.

Три Правительства согласились, что они готовы изучить этот вопрос после вступления британских и американских войск в г. Вену.

IX

О ПОЛЬШЕ

Конференция рассмотрела вопросы, касающиеся Польского Временного Правительства Национального Единства и западной границы Польши.

В отношении Польского Временного Правительства Национального Единства они определили свою позицию в следующем заявлении:

А. Мы приняли во внимание с чувством удовлетворения соглашение, достигнутое представителями поляков из Польши и из-за границы, которое сделало возможным формирование, согласно с решениями, достигнутыми на Крымской Конференции, Польского Временного Правительства Национального Единства, признанного тремя Державами. Установление Британским Правительством и Правительством Соединенных Штатов дипломатических отношений с Польским Временным Правительством привело к прекращению признания ими бывшего Польского Правительства в Лондоне, которое больше не существует.

Правительства Соединенных Штатов и Великобритании приняли меры по защите интересов Польского Временного Правительства Национального Единства как признанного Правительства Польского Государства в отношении собственности, принадлежащей Польскому Государству, находящейся на их территориях и под их контролем, независимо от того, какую форму эта собственность имеет.

Они приняли далее меры, чтобы предупредить передачу такой собственности третьим сторонам. Временному Польскому Правительству Национального Единства будут предоставлены все возможности для применения обычных юридических мер по восстановлению любой собственности Польского Государства, которая могла быть незаконно отчуждена.

Три Правительства озабочены тем, чтобы оказать Польскому Временному Правительству Национального Единства помощь в деле облегчения возвращения в Польшу так скоро, как это практически возможно, всех поляков, находящихся за границей, которые пожелают возвратиться в Польшу, включая членов польских воору-

женных сил и торгового флота. Они ожидают, что возвращающимся на родину полякам будут предоставлены личные имущественные права на равных основаниях со всеми польскими гражданами.

Три Державы принимают во внимание, что Польское Временное Правительство Национального Единства, в соответствии с решениями Крымской Конференции, заявило о согласии провести свободные и ничем не воспрепятственные выборы по возможности скорее, на основании всеобщего избирательного права, при тайном голосовании, в которых все демократические и антинацистские партии будут иметь право принимать участие и выставлять кандидатов, и предоставить представителям союзной печати пользоваться полной свободой сообщать миру о ходе событий в Польше до и во время выборов.

В. Следующее Соглашение было достигнуто относительно западной границы Польши:

В соответствии с соглашением о Польше, достигнутым на Крымской Конференции, Главы трех Правительств рассмотрели мнение Временного Польского Правительства Национального Единства относительно территории на севере и западе, которую Польша должна получить. Председатель Краевой Рады Народовой и члены Временного Польского Правительства Национального Единства были приняты на Конференции и полностью изложили свою точку зрения. Главы трех Правительств подтвердили свое мнение, что окончательное определение западной границы Польши должно быть отложено до мирной конференции.

Главы трех Правительств согласились, что до окончательного определения западной границы Польши бывшие германские территории к востоку от линии, проходящей от Балтийского моря чуть западнее Свинемюнде и оттуда по реке Одер до впадения реки Западная Нейсе и по Западной Нейсе до чехословацкой границы, включая ту часть Восточной Пруссии, которая в соответствии с решением Берлинской Конференции не поставлена под управление Союза Советских Социалистических Республик, и включая территорию бывшего свободного города Данциг, — должны находиться под управлением Польского государства и в этом отношении они не должны рассматриваться как часть советской зоны оккупации в Германии.

X

О ЗАКЛЮЧЕНИИ МИРНЫХ ДОГОВОРОВ И О ДОПУЩЕНИИ В ОРГАНИЗАЦИЮ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Конференция решила сделать следующее заявление об общей политике для установления возможно скорее условий длительного мира после победоносного окончания войны в Европе.

Три Правительства считают желательным, чтобы теперешнее аномальное положение Италии, Болгарии, Финляндии, Венгрии и Румынии было прекращено заключением мирных договоров. Они уверены, что другие заинтересованные союзные Правительства разделяют их точку зрения.

Со своей стороны три Правительства включили подготовку мирного договора для Италии, как первоочередную задачу, в число срочных и важных задач, которые должны быть рассмотрены Советом Министров Иностранных Дел. Италия первая из держав оси порвала с Германией, в поражение которой она внесла материальный вклад, и сейчас объединилась с союзниками в борьбе против Японии. Италия сама освободилась от фашистского режима и сделала большой прогресс в направлении восстановления демократического управления и учреждений. Заключение такого мирного договора с признанным демократическим Итальянским Правительством делает возможным для трех Правительств исполнить их желание поддержать просьбу Италии о принятии в члены Организации Объединенных Наций.

Три Правительства возлагают также на Совет Министров Иностранных Дел задачу подготовки мирных договоров для Болгарии, Финляндии, Венгрии и Румынии. Заключение мирных договоров с признанными демократическими правительствами в этих государствах позволит также трем Правительствам поддержать их просьбу о принятии в члены Организации Объединенных Наций. Три Правительства, каждое в отдельности, согласны изучить в ближайшее время в свете условий, которые будут тогда существовать, вопрос об установлении в возможной степени дипломатических отношений с Финляндией, Ру-

мынией, Болгарией и Венгрией до заключения мирных договоров с этими странами.

Три Правительства не сомневаются в том, что, ввиду изменившихся в результате окончания войны в Европе условий, представители союзной прессы будут пользоваться полной свободой сообщать миру о событиях в Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии.

Что касается допуска других государств в Организацию Объединенных Наций, статья IV Устава Объединенных Наций гласит:

«1. Прием в члены Организации Объединенных Наций открыт для всех других миролюбивых государств, которые примут на себя содержащиеся в настоящем Уставе обязательства и которые, по мнению Организации, могут и желают эти обязательства выполнять.

2. Прием любого такого государства в члены Организации Объединенных Наций производится постановлением Генеральной Ассамблеи по рекомендации Совета Безопасности».

Три Правительства, поскольку это их касается, поддержат просьбу о принятии в члены тех государств, которые оставались нейтральными во время войны и которые будут выполнять положения, изложенные выше.

Три Правительства считают себя, однако, обязанными разъяснить, что они со своей стороны не будут поддерживать просьбу о принятии в члены, заявленную теперешним испанским правительством, которое, будучи создано при поддержке держав оси, не обладает, ввиду своего происхождения, своего характера, своей деятельности и своей тесной связи с государствами-агрессорами, качествами, необходимыми для такого членства.

XI

О ПОДОПЕЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Конференция рассмотрела предложение Советского Правительства по вопросу о подопечных территориях, как они определены в решении Крымской Конференции и в Уставе Организации Объединенных Наций.

После обмена мнениями было решено, что вопрос о бывших итальянских колониальных территориях является таким вопросом, который должен быть решен в связи

с подготовкой мирного договора для Италии, и что вопрос об итальянских колониальных территориях будет рассмотрен Советом Министров Иностранных Дел в сентябре.

XII

О ПЕРЕСМОТРЕ ПРОЦЕДУРЫ СОЮЗНЫХ КОНТРОЛЬНЫХ КОМИССИЙ В РУМЫНИИ, БОЛГАРИИ И ВЕНГРИИ

Три Правительства отметили, что советские представители в Союзных Контрольных Комиссиях в Румынии, Болгарии и Венгрии сообщили их коллегам Соединенного Королевства и Соединенных Штатов предложения по улучшению работы Контрольных Комиссий теперь, когда военные действия в Европе прекратились.

Три Правительства согласились, что теперь будет предпринят пересмотр процедуры Союзных Контрольных Комиссий в этих странах, принимая во внимание интересы и ответственность трех Правительств, которые совместно предъявили условия перемирия соответственным странам, и принимая в качестве базы согласованные предложения.

XIII

УПОРЯДОЧЕННОЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ГЕРМАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Конференция достигла следующего соглашения о выселении немцев из Польши, Чехословакии и Венгрии.

Три Правительства, рассмотрев вопрос во всех аспектах, признают, что должно быть предпринято перемещение в Германию немецкого населения или части его, оставшегося в Польше, Чехословакии и Венгрии. Они согласны в том, что любое перемещение, которое будет иметь место, должно производиться организованным и гуманным способом. Так как прибытие большого количества немцев в Германию увеличивает бремя, уже лежащее на оккупирующих властях, они считают, что Контрольный Совет в Германии должен в первую очередь изучить эту проблему, особенно обратив внимание на вопрос

справедливого распределения этих немцев по всем зонам оккупации. Они дадут инструкции своим представителям в Контрольном Совете доложить своим правительствам так скоро, как это возможно, о количестве, в каком указанное население уже прибыло в Германию из Польши, Чехословакии и Венгрии, и дать предложения о времени и скорости, с какой дальнейшее перемещение населения могло бы производиться, принимая во внимание существующую ситуацию в Германии.

В то же самое время чехословацкое правительство, польское Временное Правительство и Союзная Контрольная Комиссия в Венгрии будут информированы о вышеуказанном и им будет предложено воздержаться от дальнейшего выдворения немецкого населения впредь до рассмотрения соответствующими правительствами доклада их представителей в Контрольном Совете.

XIV

ПЕРЕГОВОРЫ ПО ВОЕННЫМ ВОПРОСАМ

Во время Конференции происходили встречи Начальников Штабов трех Правительств по военным вопросам, представляющим общие интересы.

XV

(Приводятся списки делегаций Советского Союза, США и Англии на конференции).

И. СТАЛИН
ГАРРИ ТРУМЭН
К. Р. ЭТТЛИ

ПРОТОКОЛ БЕРЛИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ТРЕХ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ

Происходившая с 17 июля по 2 августа 1945 года в Берлине Конференция Глав Правительств Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки и Великобритании пришла к следующим заключениям.

I

ОБ УЧРЕЖДЕНИИ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

А. Конференция достигла следующего соглашения относительно создания Совета Министров Иностранных Дел для проведения необходимой подготовительной работы по мирному урегулированию:

УЧРЕЖДЕНИЕ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

1. Должен быть учрежден Совет в составе Министров Иностранных Дел Соединенного Королевства, Союза Советских Социалистических Республик, Китая, Франции и Соединенных Штатов Америки.

2. a) Нормально Совет будет заседать в Лондоне, который будет являться постоянно местом пребывания Объединенного Секретариата, который будет создан Советом. Каждого Министра Иностранных Дел будут сопровождать Заместитель высокого ранга, должным образом уполномоченный вести работы в Совете в отсутствие его Министра Иностранных Дел, и небольшой штат технических советников.

b) Первое заседание Совета состоится в Лондоне не позднее 1 сентября 1945 года. Заседания могут созываться по общему соглашению в других столицах, о чем можно будет время от времени договариваться.

3. a) В качестве немедленной и важной задачи Совета на него возлагается составление мирных договоров для Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии для представления их Объединенным Нациям и выработка предложений по урегулированию территориальных вопросов, встающих в связи с окончанием войны в Европе. Совет будет использован для подготовки мирного урегулирования для Германии с тем, чтобы соответствующий документ был принят пригодным для этой цели правительством Германии, когда такое правительство будет образовано.

b) Для разрешения каждой из этих задач Совет будет состоять из членов, представляющих те государства, которые подписали условия капитуляции, продиктованные тому вражескому государству, которого касается данная за-

дача. При рассмотрении вопроса мирного урегулирования с Италией Франция будет рассматриваться как подписавшая условия капитуляции Италии. Другие члены будут приглашаться участвовать в Совете, когда будут рассматриваться вопросы, прямо их касающиеся.

c) Другие дела будут время от времени передаваться Совету по соглашению между Правительствами, являющимися его членами.

4. a) Когда Совет будет рассматривать вопрос, в котором непосредственно заинтересовано государство, не представленное в нем, это государство должно быть приглашено прислать своих представителей для участия в обсуждении и изучении этого вопроса.

b) Совет может приспособить процедуру своей работы к характеру данной, рассматриваемой им проблемы. В некоторых случаях он может предварительно обсудить вопрос в своем составе до участия других заинтересованных государств. В другом случае Совет может созвать официальную конференцию государств, наиболее заинтересованных в решении какой-либо данной проблемы.

B. Решено также, что все три Правительства пошлют идентичные приглашения Правительствам Китая и Франции принять этот текст и присоединиться к учреждению Совета. Текст одобренных приглашений гласит следующее:

СОВЕТ МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

ПРОЕКТ ИДЕНТИЧНОГО ПРИГЛАШЕНИЯ, КОТОРОЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ПОСЛАНО ОТДЕЛЬНО КАЖДЫМ ИЗ ТРЕХ ПРАВИТЕЛЬСТВ ПРАВИТЕЛЬСТВАМ КИТАЯ И ФРАНЦИИ

«Правительства Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки и Союза Советских Социалистических Республик считают необходимым начать без промедления проводить важнейшую подготовительную работу по мирному урегулированию в Европе. С этой целью они согласились относительно создания Совета Министров Иностранных Дел пяти великих Держав для подготовки мирных договоров с бывшими вражескими европейскими государствами для представления этих договоров

Объединенным Нациям. Совет будет также уполномочен делать предложения относительно урегулирования неразрешенных территориальных вопросов в Европе и рассматривать также другие вопросы, которые правительства — члены Совета, по соглашению между ними, могут поручить ему. (Текст, принятый тремя Правительствами, приведен выше).

По соглашению с правительствами . . . . . Правительство . . . . приглашает Правительство $\frac{\text{Китая}}{\text{Франции}}$ принять приведенный выше текст и присоединиться к мероприятиям по учреждению Совета

Правительство . . . . . придает большое значение участию $\frac{\text{Китайского Правительства}}{\text{Французского Правительства}}$ в предлагаемых мероприятиях, и оно надеется получить быстрый и благоприятный ответ на это приглашение».

С. Учреждение Совета Министров Иностранных Дел для специальных целей, названных в этом тексте, не будет противоречить соглашению, достигнутому на Крымской конференции, о том, что должны иметь место периодические консультации Министров Иностранных Дел Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик и Соединенного Королевства.

D. Конференция рассмотрела также положение Европейской Консультативной Комиссии в свете соглашения об учреждении Совета Министров Иностранных Дел. С удовлетворением было отмечено, что Комиссия успешно справилась с ее основными задачами, представив рекомендации относительно безоговорочной капитуляции Германии, зон оккупации Германии и Австрии и межсоюзного контрольного механизма в этих странах. Было установлено, что дальнейшая работа детального характера по координации политики Союзников в отношении контроля над Германией и Австрией должна в будущем входить в компетенцию Контрольного Совета в Берлине и Союзнической Комиссии в Вене. В соответствии с этим рекомендуется распустить Европейскую Консультативную Комиссию.

(Последующий текст опускается, поскольку он повторяется в тексте Сообщения о Берлинской конференции.— Прим. ред.)

IV

ПЕРЕДАЧА ГЕРМАНСКОГО ВОЕННО-МОРСКОГО И ТОРГОВОГО ФЛОТА

А

Были приняты следующие принципы распределения германского военно-морского флота:

1) Весь германский надводный военно-морской флот, исключая потопленные корабли и те, которые были взяты у союзных государств, но включая корабли, находящиеся в постройке и в ремонте, будет разделен поровну между СССР, Соединенным Королевством и Соединенными Штатами.

2) Корабли, находящиеся в постройке или ремонте, означают такие корабли, строительство или ремонт которых может быть закончен в период от 3 до 6 месяцев, в зависимости от типа корабля. Вопрос о том, должны ли такие, находящиеся в постройке или ремонте корабли быть достроены или отремонтированы, будет решаться упоминаемой ниже Технической Комиссией, назначенной тремя Державами, принимая во внимание принцип, что их достройка или ремонт должны быть завершены в течение указанного выше срока, без какого-либо увеличения количества квалифицированной рабочей силы на германских судостроительных верфях и без допущения возобновления деятельности какого-либо германского судостроения или связанной с ним промышленности. Дата окончания означает дату, когда корабль в состоянии сделать первый выход, или в соответствии со стандартами мирного времени обычную дату передачи корабля судостроительной верфью правительству.

3) Большая часть германского подводного флота должна быть потоплена. Не более 30 подводных лодок должны быть сохранены и разделены поровну между СССР, Соединенным Королевством и Соединенными Штатами для экспериментальных и технических целей.

4) Все запасы вооружения, боеприпасов и снабжения германского военно-морского флота, относящиеся к кораблям, передаваемым в соответствии с параграфами 1 и 3 настоящего документа, должны быть переданы соответствующим державам, получающим эти корабли.

5) Три Правительства согласились создать Тройственную военно-морскую комиссию, состоящую из двух представителей от каждого Правительства, которым будет придан необходимый штат, для представления трем Правительствам согласованных рекомендаций о распределении конкретных германских военных кораблей и для рассмотрения других конкретных вопросов, возникающих из соглашений между тремя Правительствами о германском флоте. Первое заседание Комиссии должно состояться не позднее 15 августа 1945 года в Берлине, который будет являться местом ее пребывания. Каждая делегация в Комиссии будет иметь право на основе взаимности осматривать германские военные корабли, где бы они ни находились.

6) Три Правительства согласились, что передача кораблей, включая те, которые находятся в постройке и ремонте, должна быть закончена как можно скорее, но не позднее чем 15 февраля 1946 года. Комиссия каждые две недели будет представлять доклады, включающие предложения, по мере принятия их Комиссией, относительно постепенного распределения судов.

B

Были приняты следующие принципы распределения германского торгового флота:

1) Германский торговый флот, сдавшийся трем Державам, независимо от его местонахождения, будет поровну разделен между СССР, Соединенным Королевством и Соединенными Штатами. Реальная передача судов соответствующим странам будет иметь место, как только это практически станет возможным после окончания войны против Японии. Соединенное Королевство и Соединенные Штаты выделят из своих долей сдавшихся немецких торговых судов соответствующие количества для других союзных государств, торговое судоходство которых понесло тяжелые потери в борьбе за общее дело против Германии, исключая Польшу, суда для которой выделит Советский Союз из своей доли.

2) Распределение, обеспечение команды и использование этих судов в период японской войны будет находиться в компетенции и власти Объединенного совета по коорди-

нации судоходства и объединенного Управления торгового флота.

3) Пока реальная передача судов будет отложена до окончания войны против Японии, Тройственная комиссия по торговому флоту произведет инвентаризацию и оценку всех имеющихся в наличии судов и даст рекомендации относительно конкретного распределения в соответствии с параграфом 1.

4) Немецкие суда берегового плавания и суда, плавающие внутри страны, которые будут определены Союзным Контрольным Советом в Германии, как необходимые для поддержания основ мирной экономики Германии, не будут включены в общую массу судов, разделяемых таким образом между тремя Державами.

5) Три Правительства согласны создать Тройственную комиссию по торговому флоту, состоящую из двух представителей от каждого правительства, которым будет придан необходимый штат, для представления согласованных рекомендаций трем Правительствам относительно распределения конкретных немецких торговых судов и для рассмотрения других конкретных вопросов, возникающих из соглашения между тремя Правительствами относительно немецких торговых судов. Первое заседание комиссии состоится не позднее 1 сентября 1945 года в Берлине, который будет являться местом ее пребывания. Каждая делегация в комиссии будет иметь право на основе взаимности инспектировать германские торговые суда, независимо от их возможного местонахождения.

(Последующий текст опускается, поскольку он повторяется в тексте Сообщения о Берлинской конференции.— Прим. ред.)

XIV

ИРАН

Согласились, что союзные войска будут немедленно выведены из Тегерана и что дальнейшие периоды вывода войск из Ирана должны быть рассмотрены на заседании Совета Министров Иностранных Дел, которое состоится в Лондоне в сентябре 1945 года.

XV

О МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗОНЕ ТАНЖЕРА

Было рассмотрено предложение Советского Правительства и принято следующее решение:

Рассмотрев вопрос о зоне Танжера, три Правительства условились, что эта зона, включающая город Танжер и прилегающий к нему район, ввиду ее особого стратегического значения, должна остаться международной.

Вопрос о Танжере обсудить в ближайшее время на совещании представителей четырех Правительств: СССР, США, Великобритании и Франции в Париже.

XVI

ЧЕРНОМОРСКИЕ ПРОЛИВЫ

Три Правительства признали, что Конвенция о Проливах, заключенная в Монтре, должна быть пересмотрена как не отвечающая условиям настоящего времени.

Согласились, что в качестве следующего шага данный вопрос будет темой непосредственных переговоров между каждым из трех Правительств и Турецким Правительством.

XVII

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ВНУТРЕННИЕ ВОДНЫЕ ПУТИ

Конференция рассмотрела предложение Американской делегации по этому вопросу и согласилась передать его на рассмотрение предстоящего заседания Совета Министров Иностранных Дел в Лондоне.

XVIII

О КОНФЕРЕНЦИИ ПО ВНУТРИЕВРОПЕЙСКОМУ ТРАНСПОРТУ

Британская и Американская делегации на Конференции информировали Советскую делегацию о желании Британского и Американского Правительств возобновить

внутриевропейскую транспортную конференцию и заявили, что они приветствовали бы заверение в том, что Советское Правительство будет участвовать в работе этой конференции. Советское Правительство согласилось участвовать в этой конференции.

XIX

ДИРЕКТИВА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМ, ЧЛЕНАМ СОЮЗНОГО КОНТРОЛЬНОГО СОВЕТА В ГЕРМАНИИ

Три Правительства согласились, что каждое из них направит директиву своему представителю в Контрольном Совете относительно вопросов, входящих в сферу его компетенции.

XX

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЮЗНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ДЛЯ УПЛАТЫ РЕПАРАЦИЙ СТРАНАМИ-САТЕЛЛИТАМИ ИЛИ В КАЧЕСТВЕ ВОЕННЫХ ТРОФЕЕВ

Конференция решила принять в принципе предложение Американской делегации. [...] Редакцию этого предложения согласовать в дипломатическом порядке.

(Последующий текст опускается, поскольку он повторяется в тексте Сообщения о Берлинской конференции.— Прим. ред.)

И. СТАЛИН
ГАРРИ ТРУМЭН
К. Р. ЭТТЛИ

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

Тегеранская конференция (28 ноября — 1 декабря 1943 г.) . . 5
Первое заседание конференции глав правительств . . . 5
Совещание военных представителей 15
Второе заседание конференции глав правительств . . . 25
Третье заседание конференции глав правительств . . . 39
Четвертое заседание конференции глав правительств . . 42
Сообщение о конференции руководителей трех союзных держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании в Тегеране 54
Декларация трех держав об Иране 56

Крымская конференция (4—11 февраля 1945 г.) 57

Первое заседание 57
Второе заседание 69
Третье заседание 85
Четвертое заседание 103
Пятое заседание 110
Шестое заседание 120
Седьмое заседание 132
Восьмое заседание 136
Коммюнике о конференции руководителей трех союзных держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании в Крыму 141
Протокол работы Крымской конференции 149

Потсдамская конференция (17 июля — 2 августа 1945 г.) . . 156

Первое заседание 156
Второе заседание 168
Третье заседание 179
Четвертое заседание 196
Пятое заседание 212
Шестое заседание 229
Седьмое заседание 245

Восьмое заседание 257
Девятое заседание 272
Десятое заседание 278
Одиннадцатое заседание 291
Двенадцатое заседание 314
Тринадцатое (заключительное) заседание 329
Сообщение о Берлинской конференции трех держав . . 340
Протокол Берлинской конференции трех великих держав 358

Тегеран—Ялта—Потсдам
Сборник документов

Оформление художника Н. Н. Румянцева. Художественный редактор Г. Ф. Скачков. Технический редактор Е. А. Ерхова. Корректор Л. Ф Крылова

А03325. Сдано в набор 20/IX 1966 г. Подписано в печать 13/III 1967 г. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 19,32. Уч.-изд. л. 19,26. Тираж 45 000 экз.

Издательство «Международные отношения»
Москва, И-90, Мещанская, 7.
Зак. № 931.

Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Ярославль, ул. Свободы, 97.

Цена 92 к.

Л15.727
435(0)62.

92 коп.

Л1 Т29
Я